

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 — 4

Критическое обозрение: О чем сегодня спорят исследователи Достоевского? «Пушкинская речь» Достоевского: Что сочинили свидетели? **Биография как кадр:** Зачем врут кинематографисты? **Загадки биографии:** Кто владел сельцом Даровым и деревней Даровой до 1852 года? Найден новый автограф Достоевского на снимке, сделанном свыше ста лет назад. Был ли у Достоевского роман с авантюристкой Марфой Браун? **Задачи текстологии:** Кто придумал латинский афоризм «Strepitu belli procelluntur artes»? Каких римских цезарей вспоминал Достоевский в набросках к роману «Идиот»? Как анализ почерка помогает исправить ошибки публикаторов?

The Unknown DOSTOEVSKY

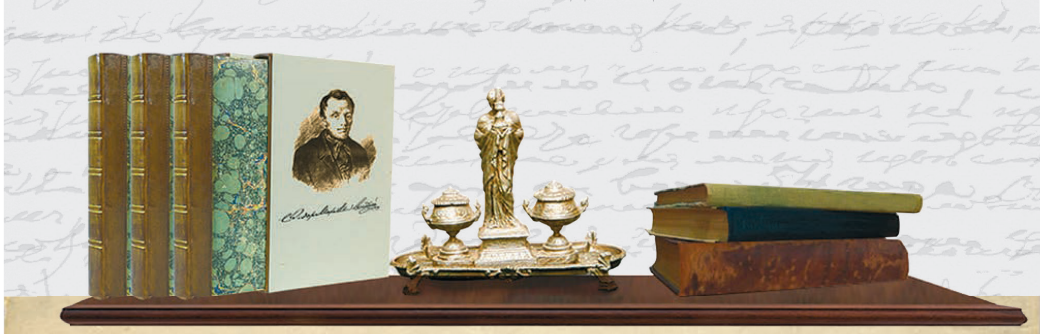
INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2020 — 4

Critical review: What are Dostoevsky researchers debating today? **Dostoevsky's Pushkin speech:** What did the witnesses make up? **Biography as a film frame:** Why do filmmakers lie? **Riddles of biography:** Who owned the village of Darovoye and the manor house of Darovaya before 1852? A new autograph of Dostoevsky was discovered in a photo taken over a century ago. Did Dostoevsky have an affair with the adventurer Marfa Brown? **The tasks of textual criticism:** Who invented the Latin aphorism “Strepitu belli propelluntur artes”? Which Roman Caesars did Dostoevsky recall in his sketches for the novel *The Idiot*? How does handwriting analysis help to correct the publishers' mistakes?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2020 № 4

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science (ESCI), Erih Plus, EBSCOhost и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2020

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров — доктор филологических наук, профессор (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация)

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин — доктор филологических наук, профессор (Москва, Российская Федерация)

Геригк Хорст-Юрген — PhD, профессор (Гейдельберг, Германия)

Ирэн Зохраб — PhD, профессор (Веллингтон, Новая Зеландия)

Вильям Милс Тодд III — PhD, профессор (Кембридж, США)

Дебора Мартинсен — PhD, профессор (Нью-Йорк, США)

Борис Николаевич Тихомиров — доктор филологических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Виктор Федорович Молчанов — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ — PhD, доцент (Верона, Италия)

Кэрол Аполлоньо — PhD, профессор (Дарем, США)

Владимир Александрович Викторovich — доктор филологических наук, профессор (Коломна, Российская Федерация)

Каталин Кроо — PhD, профессор (Будапешт, Венгрия)

Луи Аллен — PhD, профессор (Лилль, Франция)

Павел Евгеньевич Фокин — кандидат филологических наук (Москва, Российская Федерация)

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov — Doctor of Philology, Professor (Moscow, Petrozavodsk, Russian Federation)

Editorial staff

Igor L. Volgin — Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation)

Horst-Jürgen Gerigk — PhD, Professor (Heidelberg, Germany)

Irene Zohrab — PhD, Professor (Wellington, New Zealand)

William Mills Todd III — PhD, Professor (Cambridge, USA)

Deborah Martinsen — PhD, Professor (New York, USA)

Boris N. Tikhomirov — Doctor of Philology (St. Petersburg, Russian Federation)

Victor F. Molchanov — Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial board

Stefano Aloe — PhD, Associate Professor (Verona, Italy)

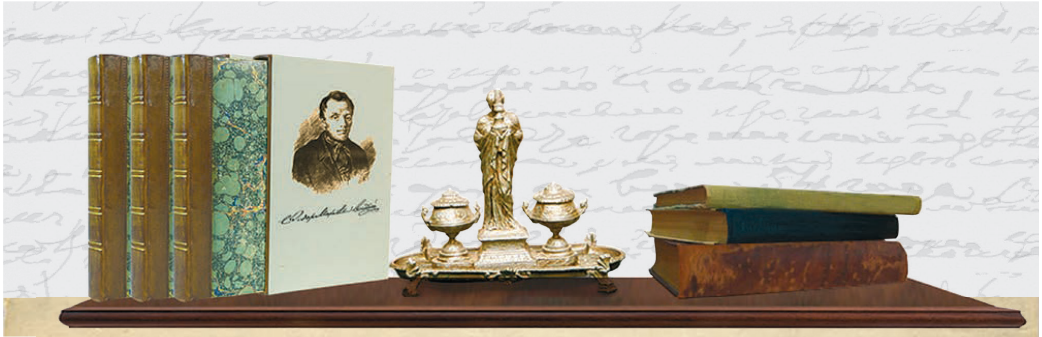
Carol Apollonio — PhD, Professor (Durham, USA)

Vladimir A. Viktorovich — Doctor of Philology, Professor (Kolomna, Russian Federation)

Katalin Kroó — PhD, Professor (Budapest, Hungary)

Louis Allain — PhD, Professor (Lille, France)

Pavel E. Fokin — PhD (Moscow, Russian Federation)

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL
2020 № 4

The journal aims at opening new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky, publishes original biographical and textual researches and the unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Erih Plus, EBSCOhost and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University

E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Борисова, С. С. Шаулов Достоевский на рубеже XX—XXI веков: антиномии интерпретаций	5
В. А. Викторович «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников	48
Л. И. Сараскина Были и небылицы в сериале о «нехрестоматийном Достоевском»	70
Т. Н. Дементьева, Л. А. Воронкина Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам)	106
Б. Н. Тихомиров Обыск брачный № 17: текст и судьба (Документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.)	132
С. О. Захарченко Эпистолярный роман Ф. М. Достоевского с авантюристкой Марфой Браун	158
Е. Л. Смирнова Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот»	177
А. А. Скоропадская «Strepitu belli propelluntur artes»: латинский афоризм Достоевского	208
Н. А. Тарасова, Т. В. Панюкова Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу	222

CONTENTS

V. V. Borisova, S. S. Shaulov

- Dostoevsky at the Turn of the 21st Century:
Antinomies of Interpretation 5

V. A. Viktorovich

- Dostoevsky's Pushkin Speech
in the Testimonies of Contemporaries 48

L. I. Saraskina

- Truths and Lies in a TV Series About
"Dostoevsky Beyond the Textbook" 70

T. N. Dementyeva, L. A. Voronkina

- Darovoe Estate and Its Owner
(According to New Archival Documents) 106

B. N. Tikhomirov

- The Marriage Allegation No. 17: Text and Fate
(Dostoevsky's Wedding in Kuznetsk on February 6, 1857) 132

S. O. Zakharchenko

- Epistolary Affair of F. M. Dostoevsky and Adventurer Marfa Brown 158

E. L. Smirnova

- Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to *The Idiot* 177

S. A. Skoropadskaya

- «*Strepitu belli propelluntur artes*»:
Dostoevsky's Latin Aphorism 208

Tarasova N. A., Panyukova T. V.

- Semantics and Ideography of Dostoevsky's Handwritten Text:
from Handwriting to Meaning 222

DOI: 10.15393/j10.art.2021.5021

УДК 821.161.1

В. В. Борисова

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*

borisova@ufacom.ru

С. С. Шаулов

*Государственный музей истории
русской литературы имени В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)*

sschaulov@gmail.com

Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретаций*

Аннотация. Задача предлагаемой статьи — обозначить ключевые тенденции и противоречия в изучении и интерпретации творчества Ф. М. Достоевского на рубеже XX и XXI веков. Достоевсковедение — одна из наиболее развитых и активных отраслей российской науки о литературе, что подтверждается большим количеством регулярных научных конференций, а также значительным числом фундаментальных монографических исследований. Как главный методологический прорыв современного достоевсковедения (и вместе с тем — вызов ему же) рассматривается поиск новой интерпретационной основы в христианской традиции, выявивший ряд аксиологических и методологических противоречий, в том числе неизбежность выбора между литературоведческим и религиозно-философским дискурсами. Вопрос о христианском фундаменте творчества Достоевского раскрывается в трех аспектах: наряду с «догматическим начетничеством» (по определению И. А. Есаулова) актуальным остается прочтение произведений писателя в контексте наследия религиозной философии Серебряного века, а также анализ и интерпретация текстов Достоевского в духе исторической поэтики при принятии постулата о христианской природе «предания» в русской литературе. Методологические искания достоевсковедов, показательные для рубежа XX–XXI вв., нашли свое выражение во множестве «исследовательских сюжетов»: это полемика вокруг определений «реализм в высшем смысле» / «христианский реализм» и спор вокруг романа «Идиот» и образа князя Мышкина, обусловленный рецептивным конфликтом интерпретаторов. В отдельный сюжет выделена проблема использования наследия М. М. Бахтина: ключевые понятия его концепции в литературоведении «работают» либо в скорректированном виде, либо в форме научных метафор, либо в форме «апелляции к авторитету». Предпочтительнее включение бахтинского наследия в проблематику достоевсковедения в качестве важнейшего факта истории восприятия Достоевского, а не методологической основы изучения художественного текста. Очевидны и масштабные текстологические достижения современной науки о Достоевском. Вместе с тем не преодолены противоречия интерпретаций, порожденные выходом за пределы «спектра адекватности» при толковании классического текста. Творчество Достоевского по-прежнему вызывает методологические споры. Это означает, что история его восприятия остается творимой, живой историей. Автор «великого пятикнижия», по-прежнему, не объект, а субъект современной культуры.

Ключевые слова: Достоевский, критика, анализ, интерпретация, христианская традиция, текстология, историческая поэтика

Об авторах: *Борисова Валентина Васильевна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3/а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); *Шаулов Сергей Сергеевич* — кандидат филологических наук, зав. отделом «Дом-музей М. Ю. Лермонтова», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 03.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Борисова В. В., Шаулов С. С. Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретации // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 5–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5021

Задача предлагаемой статьи — выявление ключевых методологических и тематических тенденций современного достоевсковедения. При этом мы ясно осознаем, что наше описание его развития может показаться субъективным, однако полагаем, что комментарий противоречивых содержательных связей, выявляемых в массиве литературоведческих трудов последнего времени, может оказаться полезным.

В отечественном достоевсковедении опыты подобной рефлексии уже были. Тем не менее стоит отметить, что жанр «рефлексивного» высказывания в нашей науке часто тяготеет либо к декларации задач и подведению итогов [Фридлендер, 1985], либо — к полемическому высказыванию по широкому кругу проблем достоевсковедения [Жожикашвили]; [Свительский, 2000]; [Ребель]; [Кибальник, 2020a]. Если же говорить не о прагматике научного высказывания, а о его «жанровых» особенностях, то многие из обзорных работ последних лет посвящены ретроспективе отдельных научных форумов, сопутствующих им периодических изданий и обсуждению конкретных научных проблем: например, истории Старорусских чтений [Борисова, 2006, 2016b], проблеме «Достоевский и Серебряный век» [Богданова, 2013] и шире «Достоевский и русская философия» [Гачева], исследованиям родословия Достоевского [Тихомиров, 2009], исследованиям «Дневника писателя» [Борисова, 2016a].

Отчасти это обусловлено тем, что достоевсковедение — одна из самых многочисленных и институционально развитых литературоведческих отраслей. Две ежегодные конференции — «Достоевский и мировая культура» в Петербургском музее писателя и «Достоевский и современность» в Старорусском музее — дополняются научными встречами в Петрозаводске на конференции «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр» (проводится с 1993 г.), симпозиумах, проводимых «Фондом Достоевского» и Международным обществом Достоевского (см.: [Сафронова]; [Андрианова, 2019a]; [Борисова, 2019]; [Кибальник, 2020b]). Количество научной периодики, посвященной Достоевскому, продолжает увеличиваться: к академическому сборнику «Достоевский: материалы и исследования» (издается с 1974 г.) добавился в 1989 г. сборник тезисов (впоследствии материалов) конференций в Старой Руссе,

а в 1991 г. — московско-петербургский альманах «Достоевский и мировая культура». Кроме того, можно выделить уральский «кластер» отечественного достоевсковедения. Результат его работы — сборники «Достоевский: искусство синтеза» (первый вышел в 1991 г.; см.: [Свительский, 1993]). В число «провинциальных» (в географическом смысле слова) площадок, на которых обильно представлен Достоевский, следует отнести и иркутско-московский журнал «Три века русской литературы» (см.: [Борисова, 2010]).

В 2014 г. был создан журнал «Неизвестный Достоевский», специализирующийся на документально-историческом аспекте изучения наследия и биографии писателя. Наконец, в 2018 г. возник еще один кварталный филологический журнал — «Достоевский и мировая культура», функционирующий сегодня независимо от одноименного альманаха, издание которого также продолжается. Кроме того, наследию автора «великого пятикнижия» уделяется много внимания в исследованиях, публикуемых в периодических сборниках «Христианство и русская литература», в журнале «Проблемы исторической поэтики» и др. Отметим, что большая их часть появилась именно на рубеже XX—XXI вв., что, конечно, не случайно. Этот исторический период обладает не только хронологическим, но и концептуальным значением — применительно к целостности русской культуры, и — отдельно — к динамике методологических и содержательных изменений осмысления наследия Достоевского. Имеется в виду не только интеллектуальная и психологическая тенденция к превращению любого *fin de siècle*¹ в семантически наполненную границу между «старым» и «новым».

В рамках нашей темы выделяются два параметра, существенно изменившие культурную и научную среду в целом и условия работы достоевсковедов в частности: отмена цензуры во второй половине 1980-х гг. и окончание публикации Полного собрания сочинений Достоевского в 1990 г. В тот исторический момент это издание не только адекватно отражало уровень отечественной науки о Достоевском, но и приобрело огромное институционализирующее значение (достаточно отметить, что с начала 1990-х гг. до современных публикаций ссылки на тексты Достоевского по большей части даются с указанием тома и страницы в этом собрании сочинений).

Показательно, что окончание данного издания совпало с началом целого ряда других обобщающих проектов, связанных уже не только с Пушкинским Домом, но и с другими группами внутри сообщества достоевсковедов. Это, во-первых, трехтомная «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского», издание которой завершилось в 1995 г. [Летопись]. Затем в Пушкинском Доме возник замысел «Энциклопедии Достоевского» (см. об этом: [Фридендер, 1996: 3]), реализованный уже в других изданиях: в 1997 г. под редакцией Г. К. Щенникова вышел словарь «Достоевский: эстетика и поэтика»

¹ «конец века» (фр.) — обозначение характерных явлений рубежа XIX и XX вв. в истории европейской культуры.

[Достоевский., 1997], затем словарь «Достоевский: Сочинения, письма, документы» [Достоевский., 2008]. В его составлении активное участие принял Петербургский музей писателя, а авторами статей выступили исследователи из самых разных регионов страны (см. об этом: [Власкин]; [Акелькина: 235]). Лингвистический аспект такого энциклопедического подхода представлен в «Словаре языка Достоевского». В контексте нашей темы представляет интерес декларируемая его создателями методологическая возможность перехода от описания идиолекта к анализу картины мира писателя [Караулов, Ружицкий].

Обобщающее значение имеют и коллективные труды, призванные дать «срез» состояния изучения произведений Достоевского: это сборники, посвященные романам писателя [Ермилова]; [Викторович, 2003]; [Касаткина, 2001, 2007b].

В 1994 г. В. Н. Захаров выдвинул идею издания нового собрания сочинений Достоевского, построенного на принципе максимально полного исторического соответствия авторскому замыслу (включая и орфографический аспект) [Захаров, 1994а, 1995]. В 1995 г. этот замысел начал осуществляться в форме нового собрания сочинений (см. об этом: [Достоевский, 1995]). В статье В. Н. Захарова — «Текстология как технология», опубликованной в 2009 г. в первом выпуске коллективной монографии «Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского» [Захаров, 2009], — дано, по сути, руководство для практической текстологической работы над произведениями писателя. Конкретные текстологические проблемы и их решения в этом издании описаны в двух выпусках «Проблем текстологии Ф. М. Достоевского» [Проблемы текстологии, 2009, 2012]. Новые текстологические принципы, заявленные группой петрозаводских исследователей, продолжают обсуждаться в отечественной науке. Дополнительный импульс это обсуждение (см., напр., статью К. А. Баршта [Баршт, 2020]) получило с началом выхода обновленного академического собрания сочинений Достоевского в Пушкинском Доме [Достоевский, 2013 —]. Сам факт полемики вокруг двух текстологических подходов свидетельствует, что в середине 1990-х гг. начался новый виток методологического и технологического развития отечественной текстологии.

На этом витке стали возможны, во-первых, новые эмпирические исследования, на фоне которых выделяется, например, составление «алфавита» почерка писателя, базы данных начертаний букв — труд, призванный облегчить дальнейшую работу с трудночитаемыми местами рукописей писателя [Тарасова, Заваркина, Панюкова]. Во-вторых, новый текстологический ракурс открыл продуктивные возможности для описания творческого процесса Достоевского, исследования языка писателя и интерпретации его произведений. Можно указать на обусловленность герменевтического маршрута решением текстологической проблемы, связанной с композицией романа «Бесы» в его авторском замысле [Захаров, 2010]; на исследование

текстологии «Дневника писателя», открывающее путь для его реинтерпретации [Тарасова, 2011].

Таким образом, можно констатировать, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. совпали процессы институционализации отечественного достоевсковедения и интерпретационно-методологические сдвиги в его развитии. Главным методологическим вызовом стал поиск новой интерпретационной основы, дающей возможность выстроить целостную картину развития и преемственности в русской литературе. Наиболее очевидной альтернативой в постсоветское время явилось закономерное обращение к христианству как первооснове русской культуры, что изначально проявилось в резком расширении контекста изучения произведений Достоевского. В перечень источников и типологических параллелей к ним массово вошли жития святых, богословские сочинения, христианская мистика и экзегетика¹.

Однако уже в начале 1990-х гг. возникло понимание того, что христианский контекст имеет для русских писателей гораздо большее значение. Христианство было осознано как плодотворный фундамент всей русской классической культуры [Захаров, 1994с: 5], а его непосредственное присутствие в русской литературе XIX в. — как сквозной «евангельский текст» [Захаров, 1994с: 7]. Практически сразу внутри отмеченной тенденции обозначились аксиологические и методологические противоречия. Во-первых, в значительной степени методологический поиск (особенно в начале исследуемого периода) осознавался самими авторами как конфликт и «развенчание» подхода, господствовавшего в советское время². Бесспорно, «вульгарный социологизм» (и в узком историческом смысле этого словосочетания, и в применении к более широкому и зачастую интуитивно очерченному «советскому литературоведению») на материале русской классики XIX в. далеко не всегда демонстрировал достаточную объяснительно-комментирующую силу и почти всегда приводил к интерпретационным искажениям.

Однако отказ от всего, что было сделано в условном промежутке между 1917 и 1985 гг. вряд ли мог привести к реальному результату. В этом смысле показателен ряд статей Г. М. Фридлендера, попытавшегося приспособить советскую методологическую парадигму к меняющимся запросам отечественной мысли. Так, в статье «Достоевский и Гоголь» [Фридлендер, 1987] вопрос о динамике творческого развития Достоевского в целом трактуется в духе, корректирующем традиционный социологический «приоритет» Гоголя в этом плане.

Закономерным выглядит и стремление к «синтетизму» восприятия и изучения Достоевского, к постижению его целостности. Одна из первых подобных деклараций — статья Г. М. Фридлендера «Путь Достоевского к роману-эпопее» [Фридлендер, 1988], в которой формула «романа-универса» («Братьев Карамазовых») сконструирована таким образом, что может быть признана в рамках практически любой мировоззренческой позиции.

Показательно и название сборника, вышедшего под редакцией Г. К. Щенникова, — «Достоевский: искусство синтеза» [Щенников, 1991]. Вопрос о том, насколько такой синтетический подход удачен и насколько он вообще возможен, остается открытым. Не случайно в рецензии В. А. Свительского на первый выпуск данного сборника на этот счет высказаны справедливые сомнения [Свительский, 1993].

Очертания возможного методологического синтеза — отдельная научная проблема, также имеющая множество измерений и решений. По всей видимости, искомый (и по сей день не полностью осознанный, а значит — и не обретенный) результат в любом случае должен опираться на христианское мировоззрение писателя. Показательно, что и Г. К. Щенников, в своей монографии «Целостность Достоевского» пришел к сходным мыслям (см. следующие разделы в его итоговой книге: «К проблеме метафизического поля в мире Ф. М. Достоевского» и «Метафизика романа “Идиот”» [Щенников, 2001]).

Однако здесь есть опасность, на которую справедливо указал в свое время И. А. Есаулов в статье «О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы»: последовательно секулярное, «академическое» литературоведение и возникшее в начале 1990-х гг. «православное достоевсковедение» одинаково узко понимают и православную традицию — как догматизированный идеологический материал, и литературу — как средство выражения этого материала [Есаулов, 2008: 607–660].

Это парадоксальное схождение, на наш взгляд, иллюстрирует содержательно-методологическую разницу подходов: если христианский фундамент русской культуры понимать только как «источник материала» или, что то же самое, как «идеологию» (показательно предупреждение И. Л. Волгина об опасности восприятия русской классики как «музейной ценности»), тогда и появляется возможность оценивать художественный текст на основании его «близости» к догматизированному образцу³. Если же христианский характер русской культуры понимать как живой, изменяющийся и при этом, как минимум, один из самых существенных ее элементов⁴, тогда появляется возможность подойти к предмету изучения именно с исторических позиций⁵, возникает понятийный аппарат⁶, непротиворечиво отражающий способы использования и трансформации христианской традиции в национальной художественной культуре. Последнее соображение закономерно приводит к размышлениям о национальном своеобразии исторического развития культуры [Захаров, 2020].

Однако «Сцилла прогрессизма» и «Харибда начетничества» — не единственные опасности на пути методологического поиска. Именно в достоевсковедении он вызвал, если можно так выразиться, дискурсивное отторжение. Так, С. Жожикашвили, во многом справедливо критикуя «обилие публицистики», «отмежевание от науки» «отказ от анализа», субъективизм в отношении к предмету исследования («желание войти в тесный контакт

не только с читателем, но и с самим писателем») [Жожикашвили], забывает о причине этого «отмежевания» — кризисе методологии советского литературоведения.

Безусловно, методологические эксперименты начала 1990-х зачастую грешили эссеизмом, однако однозначное отождествление этих тенденций с «размышлениями о христианской направленности творчества писателя, на которые, к сожалению, тоже распространяется принцип не анализировать, а постулировать», с современных позиций вызывает сомнение [Жожикашвили]. В таком подходе слишком различимо раздражение самим появлением в научном дискурсе понятий и проблем, связанных с православием, — отсюда и упреки в ангажированности⁷ новых (в ту пору) подходов к изучению Достоевского.

С другой стороны, погружение в мировоззрение Достоевского как такое может входить в противоречие с задачей изучения самого предмета литературоведения — художественности слова. Об этом писал в 2005 г. В. Н. Захаров: «Достоевский был одним из тех, кто в своем творчестве органически соединил религиозное и художественное. <...> Выявление “догматики” художественного текста, если не подгонять решение к известному ответу, почти всегда чревато ересью. <...> Искать догматику в художественных произведениях — ошибочная затея с любых точек зрения: это значит просто не понимать природу художественного творчества [Захаров, 2005: 15]⁸.

Здесь указана еще одна точка интерпретационных противоречий: либо исследователь признает за литературой самостоятельную ценность одного из важных видов культурного творчества, либо литература — только инструмент для осуществления целей, лежащих в рамках совершенно других практик человечества⁹. Это старая проблема, и второе ее решение имеет свою, богатую и разветвленную, историю. Можно рассматривать искусство (в том числе и искусство слова) в одной парадигме с философией, усматривая разницу между ними «не в содержании, а только в способе обрабатывать данное содержание» [Белинский: 311]; можно — как «надстройку» над «реальным» социально-экономическим бытием. В наше время — и именно в связи с Достоевским — это выбор между литературоведческим и религиозно-философским дискурсом.

Например, вполне справедлив тезис о том, что философские и богословские аспекты наследия Достоевского в значительной степени повлияли на искания русских мыслителей конца XIX — начала XX в. Этот факт, бесспорно, интересен в плане истории восприятия. Его можно использовать и в исследованиях поэтики, поставив вопрос о том, как Достоевский балансирует на «границе» художественного и философского отражения реальности (никогда, однако, не переходя этой грани) [Назирова, 1991].

Но возможно ли на основании существования философских интерпретаций его творчества называть его — не метафорически, а автологически — философом и богословом, как это делает Т. А. Касаткина в своей

последней книге [Касаткина, 2019]? Показательно, что художественность в этой интерпретации — «способ высказывания» (строго по Белинскому)¹⁰. Между тем формула принципиально иного подхода, ориентированного на экспликацию философских смыслов наследия Достоевского *в неразрывной связи* с проблематикой художественности этого наследия, была дана еще в 2006 г. Б. Н. Тихомировым: «...его религиозно-философская мысль не просто воплощена в художественной форме, но, видимо, только в этой форме и может достигать своих подлинных высот» [Тихомиров, 2006: 3].

Интересно, однако, что в работах Т. А. Касаткиной «крен» в сторону философской интерпретации Достоевского совмещается с декларированным стремлением к целостному пониманию творчества писателя и к обретению или созданию новых герменевтических инструментов. Так, в статье «Краткая полная история человечества (“Сон смешного человека” Ф. М. Достоевского)» [Касаткина, 1993: 54–56] интерпретация этого рассказа как трагедии отъединенного, «независимого» сознания, отражающей и трагедию мировой истории, имеет методологическое измерение, в дальнейшем открыто эксплицированное в ряде других работ исследовательницы [Касаткина, 2004, 2015, 2017].

Трудно не признать привлекательность подобного порыва к целостному — над-интеллектуальному — *пониманию* текста не как текста, а как предстоящей читателю реальности иного сознания, к «познанию в библейском смысле, то есть — познанию как соитию, познанию по причастности, когда основой его становится слияние двух в одно — и выход познающего за собственные пределы (и за пределы двоих) в экстатическом состоянии» [Касаткина, 2017]. Проблема, однако, в том, что опыт экзистенциальной мысли XX в. — от русской религиозной философии до феноменологической агностики Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и Э. Левинаса и атеизма Ж.-П. Сартра — свидетельствует: подобное понимание Другого возможно только во вне- и до-словесном переживании (именно «экстатическом»). Проговаривание этого переживания неизбежно приводит к индивидуализации высказывания, систематизации мысли и — новой отъединенности сознания (на этот раз уже исследовательского)¹¹. Ограниченность человеческой мысли и осознание этой ограниченности — неизбежность гуманитарной науки, коль скоро она эксплицируется в формах публичного высказывания, «овнешняется». Литературоведческая наука — не исключение. Концепция Т. А. Касаткиной, развиваемая на протяжении более чем четверти века, вызывает уважение (как и любой порыв за пределы «слишком человеческого»), но все же выходит за пределы собственно научного дискурса.

С нашей точки зрения, необходим не поиск иных «надрациональных» форм познания, а новая систематизация литературоведческого знания о Достоевском, разработка понятийно-категориального аппарата, более отвечающего предмету исследования. Можно, разумеется, спорить, о том, какой аппарат более приемлем для объекта изучения (см.: [Кибальник, 2020а],

однако сам по себе такой поиск уже дал ценные, собственно литературоведческие результаты¹² — с одной стороны, органично продолжающие традицию исследований в русле исторической поэтики, а с другой — учитывающие христианский характер русской культуры классического периода как аксиому.

Отметим, в частности, статью В. Н. Захарова «Пасхальный рассказ как жанр русской литературы» [Захаров, 1994b: 249–260], в которой постулируется существование формально-содержательного, жанрового единства пасхального рассказа, дается его историческое описание. К этой работе тематически примыкает исследование И. А. Есаулова «Пасхальный архетип в поэтике Достоевского» [Есаулов, 1998: 350–362], в котором тезис о пасхальности как стержневой категории русской культуры органично перерастает в интерпретацию «Преступления и наказания», дающую возможность гораздо большего приближения к пониманию романа, по сравнению с предшествующими толкованиями центральной сцены классического текста — чтения евангельского текста о воскрешении Лазаря.

Таким образом, вопрос о христианском основании творчества Достоевского (и шире — всей русской словесности) подразумевает, как минимум, три возможных пространства для ответа (если не считать в целом изжившего себя дискурсивного отторжения от самого вопроса). Первое — то, что в цитированной выше статье И. А. Есаулова определено как «догматическое начетничество», второе — субъективная интерпретация религиозно-философского содержания творчества Достоевского. Продуктивным представляется третий путь — исследование художественного текста в духе исторической поэтики при принятии постулата о христианской природе предания, фундирующего национальную культурную традицию.

Одна из причин отмеченных методологических противоречий, несомненно, в том, что на рубеже 1980–1990-х гг. стало возможным рассуждать о тех аспектах мировоззрения и поэтики Достоевского, которые были закрыты (по крайней мере, частично) ранее, произошло массовое «открытие» дореволюционной и эмигрантской русской мысли. При этом средний уровень богословской компетенции отечественной гуманитарной мысли был таков, что произошло смешение (в некоторых случаях — до полного неразличения) собственно христианского стержня русской культуры и наследия русской философии Серебряного века (порой от этого стержня весьма далекой). В данном случае речь не о концептуальной или методологической ценности, скажем, работ Н. А. Бердяева, а о том, что «возвращенная» в Россию дореволюционная и эмигрантская культура по своему разнообразию и противоречивости не уступала, а превосходила нашу современность. В силу этого никакой *единой* основы для последующих интерпретаций она, взятая «в целом», дать не могла. Характерно, что одним из первых на эту тему четко высказался Г. С. Померанц: «...я вступаю в спор не только с Вячеславом Ивановым, но и с Н. А. Бердяевым. <...> В особенности Бердяев —

мыслитель экзистенциальный, то есть строящий мир из своего личного опыта. Его опыт свободы был глубок и прекрасен, а опыт любви — очень неполон, и эту неполноту он накладывает на Достоевского» [Померанц].

Методологические споры достоевсковедов относительно принципов научного чтения находили (и находят) свое выражение во множестве «частных» научных сюжетов. Один из самых ярких примеров — полемика вокруг определений «реализм в высшем смысле» и «христианский реализм». Спор этот не только терминологический. Недостаточность традиционного теоретического описания реализма (и даже понятия «творческий метод») для нужд истории русской литературы осознана давно (см., напр., справедливую критику этого термина Р. О. Якобсоном [Якобсон]). Критика теории реализма как «истории недоразумений» дана в статье [Захаров, 2001: 5—11]. В применении к Достоевскому также существует тенденция к отказу «поддерживать “теорию отражения”» [Баршт, 2017]. Тем более что литературоведение располагает результатами творческой авторефлексии Достоевского (самые репрезентативные — это, разумеется, формулы «при полном реализме найти в человеке человека» и «реализм в высшем смысле»¹³).

Свою расшифровку последней формулы дал, например, К. А. Степанян: «...художественное воссоздание мира, которое дает читателю *увидеть* метафизическую и эмпирическую *реальности* в их подлинном бытии и *взаимопроникновении*» [Степанян, 2005: 13]. С этим утверждением сложно спорить, однако определение, опирающееся на высказывания писателя, обычно вызывает сложности при попытке осмыслить проблему исторически (характерно, что в более поздних работах К. А. Степаняна проблема рассматривается уже на фоне «большого времени» [Степанян, 2013]). Уникален ли творческий метод Достоевского? Если да, то в какой степени? Показательно, что В. Н. Захаров определяет его как метод русской литературы: «Христианский реализм — это реализм, в котором *жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова*» [Захаров, 2001: 17], при этом «реализм в высшем смысле» принимается как авторская вариация общей тенденции литературного процесса [Захаров, 1998, 2011].

Еще один пример литературоведческого «сюжета», уходящего корнями в противоречия методологии и даже гносеологии нашей науки — проблема изучения и использования рецептивной традиции для современного анализа текста. Представления об истории восприятия и интерпретации наследия Достоевского до сих пор не обрели концептуальной целостности, несмотря на то, что существует целый ряд соответствующих исследований (см.: [Богданова, 2008]; [Сараскина, 2006, 2010a]; [Семькина, 2008]) и обобщающих научных изданий (см., напр.: [Касаткина, 2007a]¹⁴), посвященных этой проблеме. Между тем история и инерция восприятия творчества писателя важны не только фактически, но и методологически.

Поясним последнюю мысль на конкретном примере. Рассуждая об известном афоризме о «Шинели» Гоголя, Г. М. Фридлендер пишет: «Несмотря

на споры, возникшие в наше время о том, принадлежат ли, могут ли быть приписаны эти слова Достоевскому, и указания на то, что Вогюэ в разное время приписывал их то Достоевскому, то Тургеневу, думается, что последующие историки литературы *не случайно* приписали эти слова именно Достоевскому, а не Тургеневу» [Фридлендер, 1987: 5]. Ход исследовательской мысли очевиден: приписывание Достоевскому известного афоризма вскрывает более тесную связь автора «Бедных людей», нежели автора «Рудина», с Гоголем; история рецепции используется как инструмент для анализа историко-литературных связей.

Еще один пример подобного влияния истории рецепции на установление таких связей — статья В. А. Туниманова «Ап. Григорьев в письмах и “Дневнике писателя” Ф. М. Достоевского», где сложность отношений последнего к Григорьеву (а также к Белинскому и Страхову) объясняется «затаенной горечью писателя, так и не дождавшегося своего “критика”, который “опирался” бы на его произведения, чувствовал бы к нему бесконечную, непосредственную симпатию» [Туниманов: 35]. Строго говоря, мы не имеем бесспорных, фактических оснований предполагать, что Достоевский испытывал такую «горечь». Построения В. А. Туниманова вполне убедительны, однако само направление его мысли задано типологическим сопоставлением: у Достоевского действительно не было «своего» критика, подобного Страхову при Толстом или Григорьеву при Островском. Однако такое сопоставление возможно только в далекой хронологической перспективе — в совокупном восприятии уже совершившегося литературного процесса, в «большом времени».

Методологические споры 1990-х гг. привели к осознанию необходимости коррекции и «фактической» истории русской литературы. Попытки (разной степени осознанности) подняться над частностями литературного быта в пространство больших историко-литературных обобщений в любом случае обозначают включение истории восприятия в состав изучаемого предмета.

Показательно, что такое включение может быть неосознанным и при этом — чрезвычайно активно действующим обстоятельством литературоведческого исследования. Примечательный пример — спор вокруг романа «Идиот», чрезвычайно актуальный и «громкий» на рубеже столетий и наиболее ярко описанный в полемической статье В. А. Свительского [Свительский, 2000]. Показательна в этом споре позиция А. Е. Кунильского, последовательно призывающего учитывать в интерпретациях христианский контекст романа [Кунильский, 1998] и указывающего на то, что критика Мышкина неотделима от недоверия к автору романа [Кунильский, 2006: 126].

Образ князя Мышкина и споры вокруг него — только самый яркий за последние годы пример. Однако у Достоевского почти любой этический конфликт, составляющий идеологическое ядро романного образа, потенциально способен стать ядром конфликта интерпретаций. Так, антитетическому (по отношению к устоявшейся интерпретации) переосмыслению

подвергается иногда образ Раскольников [Сараскина, 2010b]. Свой интерпретационный конфликт давно существует вокруг Ивана Карамазова: ср. мнения В. Е. Ветловской («Фигуры антихриста и дьявола возникают <...> в сознании читателя рядом с фигурой Ивана» [Ветловская, 2007: 284]) и Р. Г. Назирова, подчеркивавшего «трагический гуманизм» героев-идеологов Достоевского (главы «Жизнь идей в романе» и «Трагическое и болезненное» в книге «Творческие принципы Ф. М. Достоевского» [Назирова, 1982: 91–115]). Антитеза различных оценок главной героини определяет и современную интерпретацию рассказа «Кроткая» [Юрьева, 2005; Юрьева, 2006; Есаулов, 2018]. Все это означает, что исследователь, приступающий к тексту Достоевского, оказывается в ситуации сильнейшего давления со стороны текста, провоцирующей субъективизацию отношения к нему — вплоть до размывания представления о самой научности высказывания.

Эти особенности «объекта изучения» отражаются и в содержательном развитии современного отечественного достоевствоведения, что особенно заметно в отношении к наследию М. М. Бахтина. В последние десятилетия появился целый ряд работ (именно достоевствоведческих, а не общетеоретических), на материале конкретных художественных текстов корректирующих, а порой критикующих и корректирующих его концепцию романа, понятия диалогизма, полифонии etc. [Бочаров, 2007; Есаулов, 2018; Захаров, 2008; Касаткина, 2008; Степанян, 2009].

М. М. Бахтин в достоевствоведении рубежа веков присутствует в нескольких вариантах. Во-первых, его наследием порой пользуются как не требующим рефлексии методологическим и содержательным фундаментом, в упрощенном варианте — как источником «обязательных ссылок». Этот подход имеет и позитивную, более ответственную вариацию — использование бахтинского понятийного аппарата оговаривается и ограничивается, значения терминов постоянно уточняются [Захаров, 2008]. Иными словами, в применении к анализу конкретного текста исследователь вынужден корректировать индивидуальное значение бахтинского термина. Это происходит, например, в статье Н. А. Портновой, в которой идет речь о том, что рассказ «Бобок» «воссоздал необходимый для самоощущения писателя подлинный диалог точек зрения, но отличный от романного — поддерживающий авторскую публицистическую одномерность и опровергающий ее» [Портнова: 100]. Опуская парадоксальность выведенной формулы, отметим, что проблема диалогичности публицистической мысли Достоевского действительно сложно решается в рамках бахтинской концепции диалогизма. Далеко не всегда (точнее, почти никогда) в его публицистике присутствует «хор» равноценных голосов, уравненных в правах с авторским — пусть даже иллюзионно. Вряд ли происходит это и в «Бобке».

Причина неизбежной постоянной корректировки концепции Бахтина¹⁵ не только в том, что отказ от советского литературоведческого опыта (причем, отказ коллективный, артикулированный как голос сообщества)

поставил некоторых исследователей в ситуацию методологического поиска, далеко не для всех субъективно комфортную. Продолжение этой тенденции в последующие годы (полностью не изжитой и сейчас) означает, что методологические новации 1990-х гг. не вполне удовлетворяют современных литературоведов. Иными словами, переход от марксистского ригоризма к православному вызвал естественную (по крайней мере, для части достоевсковедческого сообщества) реакцию. Бахтин и его наследие с этой точки зрения могут быть поняты (или, точнее, неосознанно приняты) как допустимая в современном литературоведении часть отвергнутой традиции.

Второй вариант представляет собой вполне осознанную тенденцию понять Бахтина в контексте европейской гуманитарной мысли (в применении к литературоведению, например, — в контексте нарратологии [Баршт, 2008]¹⁶. Однако проблема в том, что в этом случае Бахтин переосмысливается как представитель сугубо европейской философской традиции середины XX в. Вполне возможно, что для подкрепления существующих в рамках европейского сознания интерпретаций Достоевского нужен авторитет именно русского философа, но при включении писателя (и Бахтина) в естественный для него этнокультурный контекст эта интерпретация рассыпается, выходит за пределы «диалога согласия» [Есаулов, 1995: 85–87].

Наконец, третья тенденция, о которой уже упоминалось выше, — тенденция осмысления Бахтина в контексте русской религиозной философии [Есаулов, 2019a]. Бахтин в этом случае уже не может оставаться краеугольным камнем литературоведческой методологии. Как минимум его наследие может быть дополнено мифопоэтикой и теорией трагедии Вяч. Иванова и неоплатонизмом А. Ф. Лосева¹⁷.

Последний, кстати, оказывал влияние на отечественное достоевсковедение еще задолго до разрушения советской методологической парадигмы. Например, в статье О. Н. Осмоловского «Из наблюдений над символической типизацией в романе “Преступление и наказание”» читаем: «Достоевскому не свойствен метафизический дуализм явления и сущности, он стремится запечатлеть многоплановость жизненных явлений, то реальное символическое содержание, которое они в себе таят. <...> Поэтому символ у Достоевского — не маска, а объективный образ внутреннего смысла отражаемых явлений, пластически воплощенная их идея» (курсив наш. — В. Б., С. Ш.) [Осмоловский: 82]¹⁸. Постулат онтологически (а не социально или психологически) фундированного смысла «отражаемых явлений», безусловно, лежит в платоновской парадигме, на русской почве XX в. неотделимой от наследия А. Ф. Лосева¹⁹.

Подобные методологические подтексты, расширяющие инструментарий литературоведа за счет «идеалистической» философии (и не только русской) в советском литературоведении, судя по всему, далеко не редкость. Нам, к примеру, приходилось уже обращать внимание на своеобразное «кантианство» научного мировоззрения Р. Г. Назирова [Шаулов, 2015: 119–120],

а в аспекте научной стилистики на его связь с кантианской традицией указал Б. В. Орехов [Орехов, 2020: 227–228].

История освоения наследия Бахтина отечественным достоевковедением — это история поправок и полемики на общем фоне «автоматического» цитирования. Сам факт его вторичного вхождения в отечественное литературоведение шестидесятых — семидесятых годов XX столетия и последующих реинтерпретаций оказывается более значим, чем его непосредственное влияние на практику исследования художественного текста²⁰. Отсюда неизбежен вопрос: нужен ли нам Бахтин именно как методолог?²¹ Или в этом аспекте достоевковедению следует искать некий синтетический многосоставный фундамент, части которого скреплялись бы пониманием аксиологической и культурно-исторической целостности предмета изучения?

С другой стороны, по своему особому внутреннему драматизму, может быть, даже внутренней конфликтности мысль Бахтина, по всей видимости, превосходит предшествующие и сопутствующие ему в «большом времени» концепции. «Мифопоэтика»²² его собственных текстов с необходимостью включает в себя общий для послереволюционной гуманитарной мысли прометеический миф, однако в индивидуальной, гораздо более глубокой, чем массовая, обработке [Шаулов, 2011, 2012а]. С нашей точки зрения, все это означает, что концепция Бахтина должна быть встроена не в методологический инструментарий современного достоевковедения, а — как одно из ключевых событий — в историю восприятия Достоевского в XX веке. Это проблема, описание которой, несмотря на внушительную библиографию, еще далеко от полноты.

Методологическая «разреженность» атмосферы современного достоевковедения ощущается и в том, как возросло на протяжении последнего времени значение конкретных текстологических и историко-биографических штудий. Отчасти эта тенденция, бесспорно, была стимулирована выходом академического собрания сочинений, решившего целый ряд текстологических проблем и поставивших новые.

Так, уже в 1987 г. была опубликована статья Б. Н. Тихомирова «Спорный вопрос хронологии рукописных материалов к роману Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”» [Тихомиров, 1987]. Последовавший за этим ряд работ исследователя об этом произведении [Тихомиров, 1988, 1992, 1994, 1996а, 1996б], поставивших заново и разрешивших сложные вопросы текстологии, творческой истории и интерпретации первого романа «великого пятикнижия», закономерно завершился обширным комментарием к нему [Тихомиров, 2005, 2016]. Этот эпизод новейшей истории отечественного достоевковедения — пример продуктивного перехода текстологических и архивных штудий в пространство интерпретации и комментария, адресованного в том числе и массовому читателю. Во всяком случае, книга Б. Н. Тихомирова действительно отвечает запросу отечественной культуры на новое прочтение «Преступления и наказания».

Аналогичным образом задача начавшегося в 1995 г. издания собрания сочинений Достоевского «на языкѣ Достоевскаго» выходит далеко за рамки собственно текстологической проблематики. На наш взгляд, здесь нащупывается самый плодотворный путь дальнейшей исследовательской работы над наследием писателя — в сочетании строго документального исторического подхода с пониманием специфики творчества романиста, полностью раскрываемого только в «большом времени» русской культуры и эволюции ее истинных оснований.

«Архивное», «документальное» направление в современном достоевковедении представляется одним из самых устойчивых и плодотворных. В рамках этого направления раскрыто, например, многое в истории семьи и рода Достоевских [Богданов, 2008, 2009; Волгин, 2004; Хроника, 2012]; получили новое осмысление и (возможно) решение некоторые проблемы атрибуции [Достоевский (канонич.), т. 4, 2000]; [Достоевский (канонич.), т. 5, 2004]; [Захаров, 2000]; [Захаров, 2004]; [Алексеева]; [Викторович, 2015]; [Отливанчик, 2016а, b]; [Бучнева]; в новом свете раскрыты эпистолярные связи Достоевского (отметим, например, исследования и публикации переписки писателя с В. Ф. Пуцыковичем [Зинкова, Солопова], В. П. Мещерским [Панюкова, Викторovich]).

На наш взгляд, интерес к частным (вплоть до мельчайших) задачам архивного поиска на «переходе» к применению открытых фактов в анализе и интерпретации текстов неизбежно будет испытывать давление рецептивной и — шире — литературной традиции. Так, одним из самых ранних проявлений этой тенденции в описываемый период является книга И. Л. Волгина «Последний год Достоевского» [Волгин, 1986], в которой сочетается тщательная архивно-документальная работа и интерпретационная активность автора²³, выстраивающего на материале «последнего года» жизни писателя свое восприятие его биографии в целом. Привлекательность результата доказывается многочисленными переизданиями книги, однако сама популярность (массовость — для литературоведческого труда) в свою очередь демонстрирует востребованность профанным читателем именно беллетризованного (если не сказать, мифологизированного) взгляда на биографический образ писателя.

Важной в этом смысле (как пример более или менее осознанной литературизации историко-биографического материала) представляется и последняя полная биография писателя, написанная Л. И. Сараскиной и вышедшая в серии «ЖЗЛ» [Сараскина, 2011]. Так, акцентируя внимание на реакции писателя на смерть отца, автор заявляет: «При всем ужасе отцовской кончины, при всем позоре, которым была омрачена память о родителе, первое, что сделал осиротевший сын, — выбрал судьбу как свободу. <...> Свобода не будет пустой и бесплодной — она даст цель, определит будущность и освятит действительность высоким смыслом» [Сараскина, 2011: 110]. Далее идут подтверждающие эту интерпретацию биографии Достоевского цитаты из его юношеских писем брату.

Правомерно ли с позиций «строгой» исторической науки опираться на эти письма (они переполнены литературными цитатами, причем прямо примеренными на самого себя — Гамлет, Хлестаков и пр.)? [Шаулов, 2012b]. Можем ли мы считать самооценку Достоевского истинной? В ретроспективном взгляде, включающем в себя весь последующий путь Достоевского, ответ, вероятно, должен быть утвердительным. Иными словами, мы здесь снова имеем дело с проблемой разграничения истории рецепции: какая ее часть включается в исследуемый предмет, а какая — в методологическую «оптику» исследователя? В целом эта биография Достоевского испытывает явное влияние литературной традиции — сюжета самоопределения и самопреодоления художника, характерного для романтического «романа о художнике»²⁴.

Свой внутренний сюжет есть в еще одной выстроенной на архивном материале биографической книге о Достоевском — «Достоевский на Кузнецком» Б. Н. Тихомирова — с ее ориентацией на «Достоевского как мужа и отца в кругу своей семьи, его родственное и дружеское общение в эти годы» и пр. [Тихомиров, 2012: 7].

«Литературно-мифологические» потенции есть и у исследовательских сюжетов, связанных со вторым браком Достоевского. Обширная исследовательская и эдиционная работа И. С. Андриановой обогатила наше понимание сотрудничества Федора Михайловича и Анны Григорьевны Достоевских, которое теперь представляется без преувеличения творческим [Андрианова, 2014, 2015, 2016, 2019b, c; Достоевская]. Однако и здесь, учитывая интерес современной «профанной» публики к семейной жизни «великих», можно прогнозировать появление новых литературизованных штампов массового восприятия.

По всей видимости, устойчивость мифологических стереотипов массового восприятия и имплицитное (подчас невольное) литературизование научных интерпретаций — одна из неизбежных и неустранимых трудностей нашей науки. Однако в достоевковедении последних десятилетий на эти «родовые» проблемы науки накладываются исторически обусловленные искажения и конфликты восприятия.

Противоречия интерпретаций, порожденные выходом за пределы «спектра адекватности» при чтении классического текста, до сих пор не преодолены. Большинство «негативных» прочтений Достоевского, возникшие еще в XIX веке (как правило, в «демократической» критике), были актуализированы и заняли доминирующее положение в советское время. Показательный пример — восприятие семейной истории Достоевского. Его собственное описание родительского очага («Я происходил из семейства русского и благочестивого») «выпало» из массового восприятия задолго до выхода в печати воспоминаний Л. Ф. Достоевской (1920) и научной деятельности Л. П. Гроссмана, без тени сомнения писавшего об убийстве М. А. Достоевского «крестьянами между Чермошной и Даровым» [Гроссман: 9].

Несмотря на целый ряд работ последних лет [Федоров; Прохоров, 2015, 2017], опровергающих сам факт убийства М. А. Достоевского крестьянами, представление об «автобиографизме» центрального события романа «Братья Карамазовы» до сих пор существует и оказывает влияние на «профанное» прочтение Достоевского.

Противостояние «профанному» пониманию Достоевского, видимо, следует признать одним из главных «нервов» достоевсковедения рубежа веков. По сей день влиятельны традиции непонимания и «отрицания» писателя, восходящие к прижизненным сплетням и литературно-бытовым конфликтам [Захаров, 2013: 17–31]. При этом следует отметить, что такое непонимание и «отрицание» в большинстве случаев опираются на действительно существующие в наследии автора «великого пятикнижия», им самим осознаваемые, а зачастую и акцентируемые «болевы точки» собственной мысли и художественного творчества. Так, до сих пор противоречивой остается интерпретация «национального вопроса» у Достоевского. Нельзя не согласиться с Л. И. Сараскиной в том, что «мало кто из знаменосцев противостоящих идеологических лагерей в состоянии принять как “свое” (или отвергнуть как “чужое”) всего Достоевского. При ближайшем рассмотрении комплекс идей писателя на деликатную национальную тему оказывается политически невыгодным ни так называемым “патриотам”, ни так называемым “космополитам»» [Сараскина, 1993: 182] Однако сам Достоевский прекрасно понимал особенность своей позиции и писал сразу после триумфа Пушкинской речи: «Не беспокойтесь, скоро услышу: “смех толпы холодной”. Мне это не простят *в разных* литературных закоулках и направлениях...» (курсив наш. — В. Б., С. Ш.) [Достоевский, 1988: 188].

На наш взгляд, «целостного» образа Достоевского в современной отечественной культуре и науке нет. Продолжающаяся методологическая полемика в сообществе его исследователей — проявление внутренних конфликтов «коллективного бессознательного». Писатель-классик по-прежнему вызывает споры, отражается (если не сказать «участвует») в современных политических конфликтах, вызывает сомнения в адекватности любых применимых к нему концепций. История его восприятия до сих пор — творимая, живая история. Это означает, что Достоевскому не грозит стать «музейным артефактом». Он требует выбора пути — не только научного, но и, если угодно, экзистенциального. Значит, следует выбирать.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-112-50194 Экспансия («Достоевский на рубеже XX–XXI веков: антиномии интерпретации»).
- 1 Нельзя сказать, что эта тема была вовсе «закрыта» до 1987 г. Существовал целый ряд работ, так или иначе анализировавших связь Достоевского с христианским фундаментом русской культуры (обычно «под маской» исследования древнерусского культурного влияния). Первопроходцами в советском литературоведении выступили В. В. Кусков [Кусков] и В. Е. Ветловская [Ветловская, 1971, 1974]. В конце 1980-х гг. подобные работы появляются все чаще, примерами исследований из этой «волны» могут служить статьи Н. Ф. Будановой [Буданова], Б. Н. Любимова [Любимов]. В дальнейшем работы о возможном влиянии различных текстов церковной и — шире — древнерусской, допетровской словесности стали исчисляться десятками, если не сотнями, и требуют самостоятельного обзора.
 - 2 Спектр этих деклараций весьма широк: от откровенно идеологических у М. М. Дунаева [Дунаев] до полемических методологических высказываний А. М. Любомудрова [Любомудров] и взвешенного ответа В. С. Непомнящего [Непомнящий] на критику «религиозного литературоведения» со стороны С. Г. Бочарова [Бочаров, 1999].
 - 3 См. подобные оценки русской литературы как недостаточно «церковной» в работах В. М. Лурье и А. М. Любомудрова [Лурье; Любомудров].
 - 4 Ср. формулировку И. А. Есаулова: «...христианская традиция претерпевала трансформации, метаморфозы и псевдоморфозы», что невозможно игнорировать при построении новой истории русской литературы [Есаулов, 2011: 14].
 - 5 См. очерк истории христианской традиции в европейской культуре — вплоть до разрыва с ней в XX в. — в статье И. А. Есаулова «Христианская традиция и художественное творчество» [Есаулов, 2005: 18–28]. В рамках нашей темы подчеркнем, что такой подход не исключает, а включает в себя иные, даже антагонистические методологические схемы, предлагая их ключевым противоречиям исторические объяснения.
 - 6 См. переосмысление в качестве генерализованных форм культурной эволюции понятий «парафраз» и «переложение» у И. А. Есаулова [Есаулов, 2019b].
 - 7 «Раньше хорошо было бороться за права угнетенных, вот Достоевский и был певцом униженных и оскорбленных. <...> Теперь хорошо быть “христианином православным” — и вот Достоевский уже христианин...» [Жожикашвили]. Интересно, что центральная антитеза этой фразы (вообще-то абсурдная: как христианство противостоит состраданию и помощи униженным!?) возможна только в рамках вполне определенного мировоззрения, весьма далекого от академического, зато близкого ряду политических концепций XIX–XX вв.
 - 8 Попутно заметим, что позиция В. Н. Захарова совершенно очевидным образом находится в русле дореволюционной «церковной критики», в целом (разумеется, с учетом внутренних противоречий) осознававшей различие между собственно церковной и художественной литературой (см. об этом: [Дмитриев]).
 - 9 В этом смысле и противоречия между различными «школами» исследователей темы «христианство и русская литература» имеют ту же самую природу. Дело вовсе не в «отсутствии единых научных и методологических подходов к проблеме» [Золотухина: 186], а в принципиальном ценностном конфликте между существующими подходами, конфликте вокруг понимания основного предмета нашей науки.

- ¹⁰ Подобный подход, нивелирующий собственно природу художественного творчества в пользу экспликации философских и богословских аспектов мировоззрения Достоевского, не редкость в достоевковедении (см.: [Башкиров: 398–414]; [Серопян: 15–13]).
- ¹¹ Показательно, что критика подобного подхода возможна и с противоположных методологических (даже гносеологических) позиций. Ср., например, критику субъективно-интерпретационного подхода к комментированию художественного текста как «пожирающего основной текст симулякра», «апроприирующего» комментируемый текст [Комментарий: 110].
- ¹² См. также, наряду с рассматриваемыми далее в нашей статье работами, и другие исследования, в которых предметом изучения служат именно различные аспекты художественного характера и художественной структуры произведений Достоевского, а не их близость/отдаленность от догматического образца [Федорова: 201–215]; [Осокина: 196–202]; [Тарасова, 2015: 253–270]; [Якубова: 173–187]; [Габдуллина: 234–252]; [Шараков: 202–218].
- ¹³ Отдельная проблема — внутренняя конфликтность этих формул, на которую обращает внимание, в частности, Б. Н. Тихомиров, нашедший переключку между представлением о «полном реализме» и «символом веры» Достоевского: «горнило сомнений» и есть этот «полный реализм». В таком понимании творческого метода Достоевского очевиден характерный драматизм мысли и личного этического выбора. Показательно, с другой стороны, что постулат полного отказа от термина «реализм» с необходимостью приводит к попытке дезавуировать эти формулы: «Словесные формулировки своего творческого метода Достоевский создавал исключительно в виде ответа на вызовы со стороны окружающих его коллег по литературе, ведь на него в течение всей жизни сыпались обвинения, что он “не реалист”, а это обвинение тяжкое, равносильное приговору об отлучении от литературы» [Баршт, 2017: 31].
- ¹⁴ См. также в целом полемическую рецензию Г. М. Ребель на это издание [Ребель].
- ¹⁵ Строго говоря, процесс таких уточнений начался гораздо раньше рубежа XX—XXI вв. См., напр., статью Р. Г. Назирова «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа)» [Назирова, 1985].
- ¹⁶ При этом автору указанной статьи приходится решать проблему специфичности бахтинского дискурса (далеко не литературоведческого, тем более в современных представлениях). Отсюда указания на близость Бахтина к «философской антропологии», «философскому персонализму», указание на его *большую* сложность, отсылки к философскому контексту и — последовательная экспликация уже не литературоведческой, а именно эстетической концепции автора «Проблем поэтики Достоевского». В результате же К. А. Баршт, по сути, создает еще одну интерпретацию Бахтина: «Представим себе боксерский поединок, где на ринге несколько противодействующих друг другу боксеров, причем каждый из них владеет функциями судьи по отношению ко всем остальным. Такова сложная схема эстетического взаимодействия по Бахтину, того, что он называл, как многие думают, не слишком удачным словом “полифония”» [Баршт, 2008: 94]. Используемая автором метафора представляется нам как минимум не вполне удачной, поскольку она не описывает результат полифонического слияния «голосов» в романе Достоевского — художественное единство текста. Отсюда и трактовка нарратора/рассказчика/автора как «претендента на роль выразителя интересов Вселенной, это поступок, который, по мнению Бахтина, оправдывается его “положительно-приемлющей позицией”» [Баршт, 2008: 95]. Подобная трактовка возможна только в том случае, если признать отсутствие в ценностной системе Бахтина (и его онтологии, если возможно,

выделить этот аспект в его концепции) единого *надчеловеческого* этического центра, в поле зрения которого и находится этот «боксерский поединок». В этом смысле органичной выглядит позиция К. А. Баршта вокруг спора о «религиозном литературоведении» [Баршт, 2011]. См. также статью И. А. Есаулова «Фрейдистские комплексы постсоветского литературоведения в изучении евангельского текста русской словесности» [Есаулов, 2012], полемически направленную против этой работы К. А. Баршта. Что касается центральных (хотя и недостаточно артикулируемых) категорий философии Бахтина, мы предпочитаем верить ему самому: «...жаловался, что написал свою книгу не так, как мог бы, потому что не мог там говорить “о главных вопросах” <...>. О каких, М. М., главных вопросах — я его тогда спросил. — Философских, чем мучился Достоевский всю жизнь — существованием Божиим» [Бочаров, 2007: 518].

- 17 Последнее утверждение, разумеется, представляет собой субъективный выбор методологических ориентиров.
- 18 Ср. также пассаж в статье О. В. Евдокимовой «Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и “Дневник писателя” Ф. М. Достоевского»: «Достоевский стремится выявить художественность, имманентную факту, образность, отличающуюся от “привычного” художественного образа» [Евдокимова: 179].
- 19 Ср., например, с формулировкой П. Е. Фокина, определившего «реализм в высшем смысле» как «органическое единство социально-психологического и религиозно-мистического (символического) подходов к изображению лиц и обстоятельств, характеров и событий» [Фокин: 21]
- 20 Ср. финал статьи В. Н. Захарова «Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме»: «Бахтина нужно читать и изучать, чтобы глубже понимать Достоевского, но Достоевский дает для понимания Бахтина больше, чем Бахтин — для Достоевского. Чтобы понимать Бахтина, нужно читать Достоевского» [Захаров, 2008: 50].
- 21 См., напр., мнение С. А. Кибальника в обзорно-полемической статье «Основные тенденции современного изучения Ф. М. Достоевского»: «...бахтинский инструментарий все более обнаруживает свою непригодность при попытках применения его к художественному мышлению Достоевского» [Кибальник, 2020b]. Примечательно, что этот вывод сделан исследователем при обращении к другим, нежели в нашей работе, достоевсковедческим текстам.
- 22 В применении к нехудожественному тексту термин, разумеется, условен. Имеется в виду предзаданная, дорациональная структурность любой мысли вообще, в том числе и научной. Подобное понимание термина «миф» имеет, конечно, свою апологетическую и полемическую традицию. Мы следуем в данном случае за Р. Г. Назировым [Назиров, 2014].
- 23 См. рецензии Л. О. Розенблюм [Розенблюм] и В. Турбина [Турбин].
- 24 См., напр., такой пассаж: «...автор не только не освободится от порочных страстей героя, использовав свой прежний личный опыт, но выпустит на волю гибельную стихию, готовую поглотить его самого» [Сараскина, 2011: 437].

Список литературы

1. Акелькина Е. А. Ф. М. Достоевский: основные тенденции и актуальные аспекты изучения наследия в 2000-х годах // Вестник Омского университета. — 2012. — № 1. — С. 232–236.
2. Алексеева Л. В. Проблемы атрибуции в исследованиях о Ф. М. Достоевском (обзор предложенных решений) // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 3–10 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453708925.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2501
3. Андрианова И. С. Письма Достоевского к жене: проблема цензурных исправлений // Неизвестный Достоевский. — 2014. — № 1/2. — С. 66–72 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438162137.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.5
4. Андрианова И. С. Эпистолярный роман Ф. М. и А. Г. Достоевских // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 1. — С. 3–11 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2.
5. Андрианова И. С. «Я пришла работать, а не для знакомства»: Федор Достоевский и Анна Сниткина // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 3. — С. 128–143 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1478084439.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2802
6. Андрианова И. С. Достоевский в Бостоне: XVII Симпозиум International Dostoevsky Society // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 4. — С. 173–189 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758619.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4221 (a)
7. Андрианова И. С. «И что за несчастная судьба нашего дневника!»: из истории публикации дневника А. Г. Достоевской // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Нестор-История, 2019. — Вып. 22. — С. 151–161. (b)
8. Андрианова И. С. Профессиональный путь «стенографки» Достоевского // Достоевский и современность: материалы XXXII Международных Старорусских чтений 2018 года. — Великий Новгород, 2019. — С. 3–10. (c)
9. Баршт К. А. Художественный текст как свидетельство: теория повествования М. М. Бахтина // Проблемы нарратологии и опыт формализма / структурализма: сб. ст. — СПб., 2008. — С. 70–100.
10. Баршт К. А. Религиозная мысль и научное познание в художественной системе Ф. М. Достоевского // Вопросы философии. — 2011. — № 4. — С. 128–135.
11. Баршт К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. — 2017. — Vol. XXIV. — С. 29–46.
12. Баршт К. А. Край и середина аутентичности. Заметки о текстологии Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. — 2020. — № 4. — С. 154–169.
13. Башкиров Д. Л. Евангельский текст в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. — Вып. 8. — С. 398–414 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431425044.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.284
14. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848. — 474 с.
15. Богданов Н. Н., Роговой А. И. Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. — М.: Акрополь, 2008. — 160 с.

16. Богданов Н. Н. Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского» // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. — 2009. — № 3. — С. 66–80.
17. Богданова О. А. Под созвездием Достоевского. Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы. — М.: INTRADA, 2008. — 312 с.
18. Богданова О. А. Ф. М. Достоевский и литература Серебряного века: история изучения вопроса, обзор литературы (по 2008 год включительно) // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 2013. — № 30. — Ч. 1. — С. 365–405.
19. Борисова В. В. Двадцать лет спустя: ретроспективный взгляд на Достоевские чтения в Старой Руссе // Достоевский и современность: материалы XX Международных Старорусских чтений. — Великий Новгород — Старая Русса, 2006. — С. 44–53.
20. Борисова В. В. Движение достоевсковедения // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. тр. — М.; Иркутск, 2010. — Вып. 22. — С. 130–134.
21. Борисова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. — 2016. — № 2 (28). — С. 128–137. (a)
22. Борисова В. В. Тридцать лет спустя: хроника Достоевских чтений // Достоевский и современность: материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 года. — Великий Новгород, 2016. — С. 3–15. (b)
23. Борисова В. В. О XVII Международном Симпозиуме Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. — 2019. — № 4 (8). — С. 216–223.
24. Бочаров С. Г. О религиозной филологии // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. — М.: Языки славянской культуры, 1999. — С. 585–600.
25. Бочаров С. Г. Достоевский у Бахтина (Бахтин — филолог) // Достоевский и XX век. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 514–527.
26. Буданова Н. Ф. О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1988. — Т. 8. — С. 93–106.
27. Бучнева Д. Д. Кто автор редакционной статьи «Желание» в первом номере «Гражданина» за 1873 год? // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 142–161 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258740.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721
28. Ветловская В. Е. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем) // Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. — М.: Сов. писатель, 1971. — С. 325–354.
29. Ветловская В. Е. Достоевский и поэтический мир древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // Труды отдела древнерусской литературы. — Л.: Наука, 1974. — Т. 28. — С. 296–307.
30. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». — СПб.: Пушкинский Дом, 2007. — 640 с.
31. Викторovich В. А. (ред.) Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. — Коломна: КГПИ, 2003. — 262 с.
32. Викторovich В. А. Достоевский. Коллективное. «Гражданин» как творчество редактора // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 11–20 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502
33. Власкин А. П. Проект «Энциклопедия Достоевского» в контексте развития лексикографии // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 2 (24). — С. 780–785.

34. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. Исторические записки. — М.: Советский писатель, 1986. — 576 с.
35. Волгин И. Л. Заметки на полях статьи Н. Н. Богданова и А. И. Рогового «Кто вы — Андрей Достоевский?» // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2004. — № 20. — С. 295–299.
36. Габдуллина В. И. Вариации мотива «блудной дочери» в нарративе романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Проблемы исторической поэтики. — 2015. — Вып. 13. — С. 234–252 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449825433.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2981
37. Гачева А. Г. Роман «Братья Карамазовы» в кругу идей и проблем русской религиозно-философской мысли XIX века // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 2007. — № 22. — С. 27–84.
38. Гроссман Л. П. Новое о Достоевском // Красная нива. — М., 1925. — № 9. — С. 209–210.
39. Дмитриев А. «Муж креста Христова» или «плоть от плоти общества»? (Духовные писатели и религиозные мыслители 1880-х — начала 1890-х гг. о Достоевском // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 2009. — № 25. — С. 445–470.
40. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. — М.: ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
41. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1988. — Т. 30. — Кн. 1: Письма, 1878–1881. — 455 с.
42. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995 — (продолжающееся издание).
43. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 2013 — (продолжающееся издание).
44. Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — 272 с.
45. Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — 470 с.
46. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. — М.: Престиж, 2003. — 1056 с.
47. Евдокимова О. В. Проблема достоверности в русской литературе последней трети XIX в. и «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1988. — Т. 8. — С. 177–191.
48. [Ермилова Г. Г.] Роман Достоевского «Идиот»: раздумья. Проблемы: межвуз. сб. науч. тр. — Иваново: ИВГУ, 1999. — 256 с.
49. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). — М.: РГГУ, 1995. — 102 с.
50. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 350–362 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
51. Есаулов И. А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7. — С. 18–28 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2565
52. Есаулов И. А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. — Вып. 8. — С. 607–660 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471

53. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9. — С. 5–23 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300
54. Есаулов И. А. Фрейдистские комплексы советско-постсоветского литературоведения в изучении евангельского текста русской словесности // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 360–371 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458031612.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.366
55. Есаулов И. А. Художественный мир Достоевского в свете оппозиции «юродство / шутовство» и позиция Бахтина. На материале фантастического рассказа «Кроткая» // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2018. — № 36. — С. 75–86.
56. Есаулов И. А. Мифологии А. Ф. Лосева в большом и малом времени русской культуры // Философ и его время: к 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. — М.: МАКС Пресс, 2019. — С. 737–740. (a)
57. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 30–66 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (15.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (b)
58. Жожикашвили С. Заметки о современном достоевсковедении // Вопросы литературы. — 1997. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/4/gog.html> (06.06.2020).
59. Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр. / ПетрГУ; отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — С. 355–359. (a)
60. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 248–260 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (b)
61. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. — Вып. 3. — С. 4–10 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2370 (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370. (c)
62. Захаров В. Н. Подлинный Достоевский // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — Т. 1. — С. 5–13.
63. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 6–30 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2472 (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
64. Захаров В. Н. Гениальный фельетонист // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. — Т. 4. — С. 801–822.
65. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. — Вып. 6. — С. 5–28 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2511 (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511

66. Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2004. — Т. 5. — С. 695—712.
67. Захаров В. Н. Ответ по существу // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Вып. 7. — С. 5–16 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564
68. Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2008. — № 24. — С. 43–52.
69. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». — С. 3–26.
70. Захаров В. Н. «Бесы»: опыт реконструкции журнальной редакции романа // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. — Т. 9: Приложение. — С. 673–706.
71. Захаров В. Н. «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах русской словесности // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9. — С. 24–37 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301
72. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
73. Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 7–19 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382
74. Зинкова В. С., Солопова А. И. «Надежда на вась однихъ!..» (Переписка Ф. М. Достоевского с В. Ф. Пудыковичем: полный комментированный корпус писем) // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 4. — С. 108–118 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881
75. Золотухина О. Ю. Основные научные полемики по проблеме «христианство и русская литература» // Язык и социальная динамика. — 2014. — № 1. — С. 178–187.
76. Караулов Ю. Н., Ружицкий И. В. От словаря языка писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф. М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 4. — С. 16–22.
77. Касаткина Т. А. Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 1993. — № 1. — Ч. 1. — С. 48–68.
78. [Касаткина Т. А.] Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения: сб. работ отечеств. и зарубеж. ученых / под ред. Т. А. Касаткиной. — М.: Наследие, 2001. — 560 с.
79. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.
80. [Касаткина Т. А.] Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 2. — 576 с. (а)

81. [Касаткина Т. А.] Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2007. — 835 с. (b)
82. Касаткина Т. А. К вопросу о полифонии Бахтина и полифонии Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2008. — № 24. — С. 43–51.
83. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 521 с.
84. Касаткина Т. А. О субъект-субъектном методе чтения // Новый мир. — 2017. — № 1. — С. 126–144.
85. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. — М.: Водолей, 2019. — 336 с.
86. Кибальник С. А. Основные тенденции современного изучения Ф. М. Достоевского // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2020. — Т. 79. — № 4. — С. 67–83. (a)
87. Кибальник С. А. XVII Симпозиум Международного общества Достоевского в США // Русская литература. — 2020. — № 1. — С. 225–228. (b)
88. Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (2004). (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 г.) // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 2 (66). — С. 103–120.
89. Кунильский А. Е. О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. — Вып. 5. — С. 391–408 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2532> (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532
90. Кунильский А. Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. — 302 с.
91. Кусков В. В. Мотивы древнерусской литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1971. — № 5. — С. 22–28.
92. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
93. Лурье В. М. Догматика «религии любви»: догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 1996. — Сб. 2. — С. 299–309.
94. Любимов Б. Н. Еще раз об одном источнике «Братьев Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 207–210.
95. Любомудров А. М. Церковность как критерий культуры // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 2002. — Сб. 4. — С. 87–109.
96. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — 160 с.
97. Назиров Р. Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Проблемы научного наследия М. М. Бахтина. — Саранск, 1985. — С. 24–41.
98. Назиров Р. Г. Проблема художественности Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза. — Екатеринбург, 1991. — С. 125–156.
99. Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2014. — 292 с.

100. Непомнящий В. С. О горизонтах познания и глубинах сочувствия. Поэзия, филология, религия. По поводу выступления Сергея Бочарова // Новый мир. — 2000. — № 10. — С. 174–194.
101. Орехов Б. В. Назиров, Фрейденберг и Голосовкер о мифе. Опыт позиционирующего сопоставления // Назировский архив. — 2020. — № 1. — С. 220–230.
102. Осмоловский О. Н. Из наблюдений над символической типизацией в романе «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 81–90.
103. Осокина Е. А. Гимнографический «канон» в «форме плана» «Братьев Карамазовых» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 196–202 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958841.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.351
104. Отливанчик А. В. Гонорарная роспись «Гражданина» (1873. №№ 23–39) как источник атрибуции анонимных и псевдонимных публикаций // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 3. — С. 14–27 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1479813399.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2803 (a)
105. Отливанчик А. В. Достоевский — соавтор А. У. Порецкого и В. Ф. Пуцьковича в «Гражданине»: опыт атрибуции // Неизвестный Достоевский. — 2016. — № 2. — С. 3–30 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449575.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2721 (b)
106. Панюкова Т. В., Викторovich В. А. Примечания к переписке Ф. М. Достоевского и В. П. Мещерского. В. А. Викторovich, Т. В. Панюкова // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 1. — С. 59–119 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492779062.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3101
107. Померанц Г. С. Уникальный жанр // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 1993. — № 1. — Ч. 1. — С. 14–24.
108. Портнова Н. А. К проблеме парадоксальности стиля Достоевского («Бобок») // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 91–101.
109. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. — Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». — 200 с.
110. Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 2: Роман «Подросток». — 96 с.
111. Прохоров Г. С. Смерть Михаила Андреевича Достоевского в судебно-медицинских документах // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 1. — С. 26–37 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.4
112. Прохоров Г. С. «Дело о смерти Михаила Андреевича Достоевского», или Над чем корпели судьи полтора года // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 2. — С. 3–23 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499857476.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3161
113. Ребель Г. М. Проблемы изучения Достоевского // Вопросы литературы, 2010. — Вып. 3. — С. 427–458.
114. Розенблюм Л. М. Научное исследование и биографическая повесть // Вопросы литературы. — 1987. — № 7. — С. 222–228.
115. Сараскина Л. И. Ф. М. Достоевский — чей он? // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 1993. — № 1. — Ч. 1. — С. 181–198.

116. Сараскина Л. И. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). — М.: Русский путь, 2006. — 608 с.
117. Сараскина Л. И. Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 600 с. (а)
118. Сараскина Л. И. «Наметив подходящую жертву...» Стандарты интерпретаций // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2010. — № 27. — С. 231–248. (b)
119. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 825 с.
120. Сафронова Е. Ю. XVI Симпозиум международного общества Достоевского Наследие Ф. М. Достоевского: к 150-летию со времени публикации романа «Преступление и наказание» Университет Гранады, Испания, 7 — 10 июня 2016 // Культура и текст. — 2016. — № 3. — С. 107–113.
121. Свительский В. А. Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза // Вестник Челябинского государственного университета. — 1993. — Т. 2. — № 1. — С. 121–125.
122. Свительский В. А. «Сбились мы. Что делать нам!..» (К сегодняшним прочтениям романа «Идиот») // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 2000. — № 15. — С. 205–228.
123. Семькина Р. С.-И. В матрице подполья: Ф. Достоевский — Вен. Ерофеев — В. Маканин. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 176 с.
124. Серопян А. С. Литургическое слово в русской литературе. Постановка проблемы // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 5–13 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946375.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.334
125. Степанян К. А. «Сознать и сказать»: «реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. — М.: Раритет, 2005. — 512 с.
126. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 2009. — № 25. — С. 114–126.
127. Степанян К. А. Реализм Достоевского в большом времени (Шекспир, Сервантес, Бальзак, Маканин) // Достоевский и мировая культура: альманах. — М., 2013. — № 30. — Ч. 1. — С. 13–64.
128. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1876–1877 годы. Критика текста. — М.: Квадрига, 2011. — 392 с.
129. Тарасова Н. А. Специфика функционирования библейского текста в романном сюжете: к проблеме интерпретации библейских цитат и аллюзий в романе Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. — Вып. 13. — С. 253–270 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449826486.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3341
130. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 17–68 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (06.06.2020). DOI 10.15393/j10.art.2018.3788
131. Тихомиров Б. Н. Спорный вопрос о хронологии рукописных материалов к роману Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 53–64.
132. Тихомиров Б. Н. К вопросу о «прототипах образа идеи» Родиона Раскольникова (П. Ж. Прудон) // Достоевский и современность: тезисы выступлений на «Старорусских чтениях». — Новгород, 1988. — С. 109–111.

133. Тихомиров Б. Н. К вопросу о «прототипах образа идеи» в романах Достоевского (Луи Наполеон, Карлейль) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1992. — Т. 10. — С. 42–55.
134. Тихомиров Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 1994. — № 2. — С. 25–41.
135. Тихомиров Б. Н. Достоевский цитирует Евангелие // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 189–194. (а).
136. Тихомиров Б. Н. Из наблюдений над романом «Преступление и наказание» // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 232–246. (б)
137. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон...» Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: кн.-коммент. — СПб.: Серебряный век, 2005. — 472 с.
138. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского: проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2006. — 567 с.
139. Тихомиров Б. Н. Родословие Достоевских: счастливые находки утерянных звеньев // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 2009. — № 26. — С. 234–250.
140. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. — СПб.: Кузнечный переулок, 2012. — 224 с.
141. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: кн.-коммент. — 2-е изд, испр. и доп. — СПб.: Серебряный век», 2016. — 560 с.
142. Туниманов В. А. Ап. Григорьев в письмах и «Дневнике писателя» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 22–47.
143. Турбин В. Бывают странные сближения // Литературное обозрение. — 1988. — № 1. — С. 58–60.
144. Федоров Г. А. «Помещик. Отца убили...» // Новый мир. — 1988. — № 10. — С. 219–238.
145. Федорова (Гаричева) Е. А. Преображение личности в романе Ф. М. Достоевского «Подорожник» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск; СПб.: Алетейя, 2011. — Вып. 9. — С. 201–215 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312600.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.317
146. Фокин П. Е. Достоевский: перепрочтение. — СПб.: Амфора, 2013. — 287 с.
147. Фридлиндер Г. М. Достоевский: об итогах и перспективах изучения // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1985. — Т. 6. — С. 32–45.
148. Фридлиндер Г. М. Достоевский и Гоголь // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 3–21.
149. Фридлиндер Г. М. Путь Достоевского к роману-эпопее // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1988. — Т. 8. — С. 159–176.
150. Фридлиндер Г. М. От редактора // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 12. — С. 3–4.
151. Хроника рода Достоевских. Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.
152. Шараков С. Л. Христианский символизм в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — Вып. 11. — С. 202–218 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516455.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.380

153. Шаулов С. С. Заметки о поэтике «Проблем поэтики...» // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. — 2011. — № 1–2. — С. 79–87.
154. Шаулов С. С. Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 216–223 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.353 (a)
155. Шаулов С. С. Эволюция «эпистолярного героя» Ф. М. Достоевского: к проблеме творческой рефлексии писателя // Достоевский: философское мышление, взгляд писателя. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. — С. 52–69. (b)
156. Шаулов С. С. Возвращение к христианскому пониманию истории // Назировский архив. — 2015. — № 3. — С. 114–125.
157. [Щенников Г. К.] Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза / [Г. К. Щенников, В. В. Борисова, В. А. Михнюкевич и др.]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 285 с.
158. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. — Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2001. — 439 с.
159. Юрьева О. Ю. Мотив поединка в рассказе Ф. М. Достоевского «Кроткая» // Достоевский и современность: материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 г. — Великий Новгород, 2005. — С. 296–312.
160. Юрьева О. Ю. Бунт против тирании и тирания бунта в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 2006. — № 21. — С. 91–101.
161. Якобсон Р. О. О художественном реализме // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — М.: Прогресс, 1987. — С. 387–394.
162. Якубова Р. Х. Диалогическая конвергенция библейских и литературных фабул в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 173–187 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958310.pdf (06.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.349

Valentina V. Borisova

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
(Ufa, Russian Federation)
borisova@ufacom.ru*

Sergey S. Schaulov

*Vladimir Dahl Russian State Literary Museum
(Moscow, Russian Federation)
sschaulov@gmail.com*

Dostoevsky at the Turn of the 21st Century: Antinomies of Interpretation

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project number 19-112-50194. Expansion.

Abstract. The aim of the proposed article is to identify the key trends and contradictions in the study and interpretation of Dostoevsky's work at the turn of the 21st century. Dostoevsky studies are one of the most advanced and active branches of Russian literary studies, which is confirmed by a large number of regular scientific conferences, as well as by a significant number of fundamental monographs. The search for a new interpretive basis in the Christian tradition, which has revealed a number of axiological and methodological contradictions, including the inevitable choice between literary and philosophical/theological discourses, is seen as the main methodological breakthrough in contemporary Russian literary studies (and simultaneously a challenge). Three aspects of the question of the Christian basis of Dostoevsky's work are examined: along with "dogmatic ranting" (as defined by I. A. Esaulov), reading the writer's works in the context of the legacy of religious philosophy of the Silver Age remains relevant. We recognize the analysis and interpretation of Dostoevsky's texts in the spirit of historical poetics as the most productive, provided that the postulate about the Christian nature of the Russian classical tradition is accepted. The methodological search of Dostoevsky's researchers, typical for the turn of the 21st century, has found its expression in a multitude of "research subjects": this polemic centers on the definitions of "realism in the highest sense"/"Christian realism" and a dispute around The Idiot and the image of Prince Myshkin, caused by the receptive conflict of interpreters. In addition, the article underscores the problem of the use of Bakhtin's legacy in Dostoevsky studies: in our opinion, the key notions of his concept in literary studies "function" either in an adjusted form, or as scientific metaphors, or as an "appeal to authority". Therefore, it seems more productive to include Bakhtin's heritage in Dostoevsky studies as an essential fact in the history of perception of his work, rather than as a methodological basis for studying the text. It is in this aspect that the success of Russian literature in recent years is most obvious, however, the gap between scientific excellence and mass perception of Dostoevsky is also apparent. The final conclusion states that the contradictions of interpretations generated by transcending the "spectrum of adequacy" when reading a classical text have not been overcome. Dostoevsky's work still causes controversy and methodological arguments. This means that the history of his perception remains an ongoing, living narrative. Dostoevsky still remains a subject of contemporary culture, rather than its object.

Keywords: Dostoevsky, textual criticism, analysis and interpretation, Christian tradition, historical poetics

About the author: *Valentina V. Borisova* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolutsii 3/a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation); *Sergey S. Shaulov* — PhD in Philology, Head of the House-Museum of M. Yu. Lermontov, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: September 3, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Borisova V., Shaulov S. Dostoevsky at the Turn of the 21st Century: Antinomies of Interpretation. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 5–47. DOI: 10.15393/j10.art.2021.5021 (In Russ.)

References

1. Akel'kina E. A. F. M. Dostoevsky: Key Trends and Topical Aspects of the Study of Heritage in the 2000. In: *Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]*, 2012, no. 1, pp. 232–236. (In Russ.)
2. Alekseeva L. V. The Problems of Attribution in Researches on Fedor Dostoevsky (Suggested Solutions Overview). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 3–10. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453708925.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2501 (In Russ.)
3. Andrianova I. S. Dostoevsky's Letters to His Wife: The Problem of Censorial Corrections. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2014, no. 1/2, pp. 66–72. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438162137.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2014.5 (In Russ.)
4. Andrianova I. S. The Epistolary Novel of Fedor and Anna Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 1, pp. 3–11. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438251005.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2 (In Russ.)
5. Andrianova I. S. "I Am Here to Work, Not to Make the Acquaintance": Fedor Dostoevsky and Anna Snitkina. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 3, pp. 128–143. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1478084439.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2802 (In Russ.)
6. Andrianova I. S. Dostoevsky in Boston: 17th Symposium of the International Dostoevsky Society. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 4, pp. 173–189. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758619.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4221 (In Russ.) (a)
7. Andrianova I. S. "What Unfortunate Fate of Our Diary!": from the History of the Publication of the Diary of A. G. Dostoevskaya. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, issue 22, pp. 151–161. (In Russ.) (b)
8. Andrianova I. S. Professional Path of the Stenographer of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XXXII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2018 goda [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 32d International Readings in Old Russian Culture, 2018]*. Novgorod the Great, 2019, pp. 3–10. (In Russ.) (c)
9. Barsht K. A. Literary Text as Evidence: M. M. Bakhtin's Narrative Theory. In: *Problemy narratologii i opyt formalizma / strukturalizma [Problems of Narratology and the Legacy of Formalism / Structuralism]*. St. Petersburg, 2008, pp. 70–100. (In Russ.)

10. Barsht K. A. Religious Thought and Scientific Knowledge in the Artistic System of Dostoevsky. In: *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 128–135. (In Russ.)
11. Barsht K. A. About “Realism in the Highest Sense” and the Symbol of Faith of F. M. Dostoevsky. In: *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*, 2017, vol. 24, pp. 29–46. (In Russ.)
12. Barsht K. A. The Edge and the Middle Ground of Authenticity. Notes on Textual Criticism of F. Dostoevsky’s Works. In: *Voprosy literatury*, 2020, no. 4, pp. 154–169. (In Russ.)
13. Bashkirov D. L. Evangelical Text in Fedor Dostoevsky’s Literary Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 398–414. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431425044.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.284 (In Russ.)
14. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh [The Complete Works: in 13 Vols]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10: Articles and Reviews. 1846–1848. 474 p. (In Russ.)
15. Bogdanov N. N., Rogovoy A. I. *Rodoslovie Dostoevskikh: v poiskakh uteryannykh zven’ev [The Dostoevskys’ Genealogy: in Search of the Lost Links]*. Moscow, Akropol’ Publ., 2008. 160 p. (In Russ.)
16. Bogdanov N. N. Mikhail Volotzkoy and His “Chronicle of the Dostoevsky Family”. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya [Moscow State University Bulletin. Ser. 23. Anthropology]*, 2009, no. 3, pp. 66–80. (In Russ.)
17. Bogdanova O. A. *Pod sozvezdiem Dostoevskogo. Khudozhestvennaya proza rubezha XIX–XX vekov v aspekte zhanrovoy poetiki russkoy klassicheskoy literatury [Under the Constellation of Dostoevsky. Fiction at the Turn of the 19th–20th Centuries in the Aspect of Genre Poetics of Russian Classical Literature]*. Moscow, INTRADA Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)
18. Bogdanova O. A. F. M. Dostoevsky and Literature of the Silver Age: History of the Issue, Literature Review (up to 2008 Inclusive). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura: al’manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. Moscow, 2013, no. 30, part 1, pp. 365–405. (In Russ.)
19. Borisova V. V. Twenty Years Later: A Retrospective Look at Dostoevsky Readings in Staraya Russa. In: *Dostoevskiy i sovremennost’: materialy XX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 20th International Readings in Old Russian Culture]*. Novgorod the Great, Staraya Russa, 2006, pp. 44–53. (In Russ.)
20. Borisova V. V. Dostoevsky Studies Movement. In: *Tri veka russkoy literatury: aktual’nye aspekty izucheniya [Three Centuries of Russian Literature: Essential Aspects of Studying]*. Moscow, Irkutsk, 2010, issue 22, pp. 130–134. (In Russ.)
21. Borisova V. V. “The Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky in the Focus of Modern Interpretations. In: *Idei i idealy [Ideas and Ideals]*, 2016, no. 2 (28), pp. 128–137. (In Russ.) (a)
22. Borisova V. V. Thirty Years Later: A Chronicle of Dostoevsky Readings. In: *Dostoevskiy i sovremennost’: materialy XXX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2015 goda [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 30th International Readings in Old Russian Culture, 2015]*. Novgorod the Great, 2016, pp. 3–15. (In Russ.) (b)
23. Borisova V. V. About the 17th International Dostoevsky Symposium. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2019, no. 4 (8), pp. 216–223. (In Russ.)
24. Bocharov S. G. On Religious Philology. In: *Bocharov S. G. Syuzhety russkoy literatury [Bocharov S. G. Plots of Russian Literature]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 1999, pp. 585–600. (In Russ.)

25. Bocharov S. G. Dostoevsky's Creativity in the Concept of Bakhtin (Bakhtin is a Philologist). In: *Dostoevskiy i XX vek: v 2 tomakh* [Dostoevsky and the 20th Century: in 2 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, vol. 1, pp. 514–527. (In Russ.)
26. Budanova N. F. On Some Sources of the Moral and Philosophical Problems of the Novel “Demons”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 93–106. (In Russ.)
27. Buchneva D. D. Who is the Author of the Editorial “Zhelanie” (“Desire”) in the First Issue of “Grazhdanin” (“Citizen”) for 1873? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 2, pp. 142–161. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258740.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721 (In Russ.)
28. Vetlovskaya V. E. Literary and Folklore Sources of “The Brothers Karamazov” (Life of Alexis the Man of God and a Spiritual Verse About Him). In: *Dostoevskiy i russkie pisateli. Traditsii, novatorstvo, masterstvo* [Dostoevsky and Russian Writers. Traditions. Innovation. Skills]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971, pp. 325–354. (In Russ.)
29. Vetlovskaya V. E. Dostoevsky and the Poetic World of Ancient Russia (Literary and Folklore Sources of “The Brothers Karamazov”). In: *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 28, pp. 296–307. (In Russ.)
30. Vetlovskaya V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»* [The Novel “The Brothers Karamazov” of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p. (In Russ.)
31. Viktorovich V. A. *Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochteniya* [The Novel of F. M. Dostoevsky “A Raw Youth”: Opportunities for Reading]. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2003. 262 p. (In Russ.)
32. Viktorovich V. A. Dostoevsky. The Collective. “Grazhdanin” as a Creative Work of the Editor. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 4, pp. 11–20. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453710211.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2502 (In Russ.)
33. Vlaskin A. P. “F. M. Dostoevsky Encyclopedia” Project Within the Context of Lexicography Development. In: *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], 2009, no. 2 (24), pp. 780–785. (In Russ.)
34. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo. Istoricheskie zapiski* [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986. 576 p. (In Russ.)
35. Volgin I. L. Notes on the Margins of the Article by N. N. Bogdanov and A. I. Rogovoy “Who Are You — Andrei Dostoevsky?”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2004, no. 20, pp. 295–299. (In Russ.)
36. Gabdullina V. I. Variants of the Prodigal Daughter's Motif in the Narrative of the Novel “Humiliated and Insulted” by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2015, no. 13, pp. 234–252. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449825433.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2981 (In Russ.)
37. Gacheva A. G. The Novel “The Brothers Karamazov” in the Circle of Ideas and Problems of the Russian Religious and Philosophical Thought of the 19th Century. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, 2007, no. 22, pp. 27–84. (In Russ.)
38. Grossman L. P. New About Dostoevsky. In: *Krasnaya niva*. Moscow, 1925, no. 9, pp. 209–210. (In Russ.)

39. Dmitriev A. “Man of the Cross of Christ” or “Flesh of the Flesh of Society”? (Spiritual Writers and Religious Thinkers of the 1880s — Early 1890s About Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. Moscow, 2009, no. 25, pp. 445—470. (In Russ.)
40. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
41. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 30, book 1: Letters, 1878–1881. 455 p. (In Russ.)
42. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995 (Edition Continues) (In Russ.)
43. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh [The Complete Works in 35 Vols]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013 — (Edition Continues). (In Russ.)
44. *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997. 272 p. (In Russ.)
45. *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]*. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008. 470 p. (In Russ.)
46. Dunaev M. M. *Vera v gornile somneniy [Faith in the Crucible of Doubts]*. Moscow, Prestizh Publ., 2003. 1056 p. (In Russ.)
47. Evdokimova O. V. The Problem of Reliability in Russian Literature of the Last Third of the 19th Century and “The Diary of a Writer” by F. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 177–191. (In Russ.)
48. Ermilova G. G. *Roman Dostoevskogo «Idiot»: razdum'ya. Problemy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [Dostoevsky's Novel “The Idiot”: Reflections. Problems: Interuniversity Collection of Scientific Papers]*. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 1999. 256 p. (In Russ.)
49. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N. V. Gogolya) [The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work (N. V. Gogol's “Myrgorod”)]*. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 102 p. (In Russ.)
50. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fedor Dostoevsky's Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 350–362. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526 (In Russ.)
51. Esaulov I. A. Christian Tradition and Literary Art. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 18–28. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2565> (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2565 (In Russ.)
52. Esaulov I. A. The Scylla of Liberal Progressivism and the Charybdis of Dogmatism in the Study of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 607–660. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471 (In Russ.)

53. Esaulov I. A. Gospel Text in Russian Culture and Modern Science. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 5–23. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962763.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.300 (In Russ.)
54. Esaulov I. A. Freudian Complexes of Soviet and Post-Soviet Philology in Studying the Gospel Text in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 360–371. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1458031612.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.366 (In Russ.)
55. Esaulov I. A. The Artistic World of Dostoevsky in the Light of the Opposition “Foolishness / Buffoonery” and the Position of Bakhtin. Based on the Fantastic Story “A Gentle Creature”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2018, no. 36, pp. 75–86. (In Russ.)
56. Esaulov I. A. A. F. Losev's Mythology in the Big and Small Time of Russian Culture. In: *Filosof i ego vremya: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya A. F. Loseva. XVI Losevskie chteniya [Philosopher and His Time: on the Occasion of the 125th Anniversary of the Birth of A. F. Losev. The 16th Losev Readings]*. Moscow, MAKSS Press Publ., 2019, pp. 737–740. (In Russ.) (a)
57. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (to the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on February 15, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (In Russ.) (b)
58. Zhzhikhshvili S. Notes on Contemporary Dostoevsky Studies. In: *Voprosy literatury*, 1997, no. 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/1997/4/gog.html> (accessed on June 6, 2020). (In Russ.)
59. Zakharov V. N. The Canonical Dostoevsky's Text. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo [New Aspects in Studying of Dostoevsky]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 355–359. (In Russ.) (a)
60. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 248–260. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2403 (In Russ.) (b)
61. Zakharov V. N. Russian Literature and Christianity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 4–10. Available at: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2370 (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1994.2370 (In Russ.) (c)
62. Zakharov V. N. Genuine Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 5–13. (In Russ.)
63. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 6–30. Available at: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2472 (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
64. Zakharov V. N. The Brilliant Feuilletonist. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2000, vol. 4, pp. 801–822. (In Russ.)

65. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, issue 6, pp. 5–28. Available at: https://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2511 (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
66. Zakharov V. N. The Ideas of “Vremya”, the Deeds of “Epokha”. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5, pp. 695–712. (In Russ.)
67. Zakharov V. N. Debating Substantial Issues. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 5–16. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564 (In Russ.)
68. Zakharov V. N. Dostoevsky and Bakhtin in the Modern Scientific Paradigm. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2008, no. 24, pp. 43–52. (In Russ.)
69. Zakharov V. N. Textual Criticism as a Technology. In: *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo [The Problems of Fedor Dostoyevsky's Textual Criticism]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1: Problems of Textual Criticism of the Novels “Crime and Punishment”, “The Idiot”, “The Demons”, pp. 3–26. (In Russ.)
70. Zakharov V. N. “The Demons”: Experience of the Reconstruction of the Journal Edition. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2010, vol. 9: Application, pp. 673–706. (In Russ.)
71. Zakharov V. N. “The Eternal Gospel” in the Artistic Chronotopes of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 24–37. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429962964.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.301 (In Russ.)
72. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
73. Zakharov V. N. The Idea of Ethnopoetics in Contemporary Research. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 3, pp. 7–19. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1593805089.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.8382 (In Russ.)
74. Zinkova V. S., Solopova A. I. “I Rely on You!..” (Correspondence of F. M. Dostoevsky with V. F. Putsykovich: Complete Corpus of Letters with Commentaries). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 4, pp. 108–118. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1481752950.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2881 (In Russ.)
75. Zolotukhina O. Yu. The Main Scientific Polemics on the Problem “Christianity and Russian Literature”. In: *Yazyk i sotsial'naya dinamika [Language and Social Dynamics]*, 2014, no. 1, pp. 178–187. (In Russ.)
76. Karaulov Yu. N., Ruzhitskiy I. V. From the Writer's Language Dictionary to the Cognition of the Writers's World: on Some Basic Concepts in Dostoevsky's Creative Works. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 2015, no. 4, pp. 16–22. (In Russ.)
77. Kasatkina T. A. A Short Complete History of Humanity (“The Dream of a Ridiculous Man” by F. M. Dostoevsky). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, 1993, no. 1, part 1, pp. 48–68. (In Russ.)

78. Kasatkina T. A. *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya: sbornik rabot otechestvennykh i zarubezhnykh uchenykh* [Dostoevsky's Novel "The Idiot": The Current State of Study: A Collection of Works by Home and Foreign Scientists]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. 560 p. (In Russ.)
79. Kasatkina T. A. *O tvoryashchey prirode slova. Ontologichnost' slova v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kak osnova «realizma v vysshem smysle»* [About the Creative Nature of the Word. Word Ontology in the Creative Work of Fedor Dostoevsky as the Basis of "Realism in the Best Sense of the Term"]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
80. Kasatkina T. A. *Dostoevskiy i XX vek: v 2 tomakh* [Dostoevsky and the 20th Century: in 2 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, vol. 2. 576 p. (In Russ.) (a)
81. Kasatkina T. A. *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": The Current State of Study]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 835 p. (In Russ.) (b)
82. Kasatkina T. A. To the Question of Bakhtin's and Dostoevsky's Polyphony. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2008, no. 24, pp. 43–51. (In Russ.)
83. Kasatkina T. A. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-part Image in Dostoevsky's Works]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 521 p. (In Russ.)
84. Kasatkina T. A. On Subject-Subjective Method of Reading. In: *Novyy mir*, 2017, no. 1, pp. 126–144. (In Russ.)
85. Kasatkina T. A. *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: An Artistic Method of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)
86. Kibal'nik S. A. The Main Trends in the Modern Study of the Work of F. M. Dostoevsky. In: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2020, vol. 79, no. 4, pp. 67–83. (In Russ.) (a)
87. Kibal'nik S. A. The 17th Symposium of the International Dostoevsky Society in the USA. In: *Russkaya literatura*, 2020, no. 1, pp. 225–228. (In Russ.) (b)
88. The Commentary: The Brilliance and Poverty of the Genre in the Modern Age (2004). (Transcript of the "Round Table" Within the Confines of the 11th Lotman Readings. Moscow, Russian State University for the Humanities, December 20, 2003). In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2004, no. 2 (66), pp. 103–120. (In Russ.)
89. Kuniĭ'skiy A. E. The Study of Christian Context in Fedor Dostoevsky's Novel "The Idiot". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 391–408. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2532> (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532 (In Russ.)
90. Kuniĭ'skiy A. E. «*Lik zemnoy i vechnaya istina*». O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo ["The Face of the Earth and the Eternal Truth". On the Perception of the World and the Representation of Hero in the Works by Fedor Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2006. 302 p. (In Russ.)

91. Kuskov V. V. The Motifs of Old Russian Literature in the Novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”. In: *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya* [Moscow University Philology Bulletin], 1971, no. 5, pp. 22–28. (In Russ.)
92. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
93. Lur'e V. M. Dogmatics of the “Religion of Love”: Dogmatic Views of the Late Dostoevsky. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, collection 2, pp. 299–309. (In Russ.)
94. Lyubimov B. N. Once Again About One Source of “The Brothers Karamazov”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 207–210. (In Russ.)
95. Lyubomudrov A. M. Churchness as a Cultural Criterion. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, C6. 4, pp. 87–109. (In Russ.)
96. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative Principles of F. M. Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
97. Nazirov R. G. Equality of the Author and the Hero in the Works of Dostoevsky (to the Concept of a Polyphonic Novel). In: *Problemy nauchnogo naslediya M. M. Bakhtina* [Problems of the Scientific Heritage of M. M. Bakhtin]. Saransk, 1985, pp. 24–41. (In Russ.)
98. Nazirov R. G. The Problem of Artistry of F. M. Dostoevsky. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [The Works of F. M. Dostoevsky: The Art of Synthesis]. Ekaterinburg, 1991, pp. 125–156. (In Russ.)
99. Nazirov R. G. *Stanovlenie mifov i ikh istoricheskaya zhizn'* [Formation of Myths and Their Historical Life]. Ufa, Ufimskiy poligrafkombinat Publ., 2014. 292 p. (In Russ.)
100. Nepomnyashchii V. S. On the Horizons of Knowledge and the Depths of Sympathy. Poetry, Philology, Religion. Concerning the Speech of Sergei Bocharov. In: *Novyy mir*, 2000, no. 10, pp. 174–194. (In Russ.)
101. Orekhov B. V. Nazirov, Freidenberg and Golosovker About the Myth. Experience of Matching Positioning. In: *Nazirovskiy arkhiv* [Archive of Nazirov], 2020, no. 1, pp. 220–230. (In Russ.)
102. Osmolovskiy O. N. From Observations on Symbolic Typification in the Novel “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 81–90. (In Russ.)
103. Osokina E. A. Hymnographic “Canon” as a “Form of the Plan” in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 196–202. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958841.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.351 (In Russ.)
104. Otlivanchik A. V. The Fee List of “Grazhdanin” (1873. №№ 23–39) as a Source of Attribution of Anonymous and Pseudo-Anonymous Publications. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 3, pp. 14–27. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1479813399.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2803 (In Russ.) (a)
105. Otlivanchik A. V. Dostoevsky As A Co-Author of Alexander Poretsky and Victor Putsykovich in “Grazhdanin”: Experience of Attribution. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, no. 2, pp. 3–30. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1476449575.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2721 (In Russ.) (b)

106. Panyukova T. V., Viktorovich V. A. Notes on the Correspondence Between Fedor Dostoevsky and Vladimir Meshchersky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 1, pp. 59–119. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1492779062.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3101 (In Russ.)
107. Pomerants G. S. Unique Genre. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. Moscow, 1993, no. 1, part 1, pp. 14–24. (In Russ.)
108. Portnova N. A. To the Problem of Paradoxicality of Dostoevsky's Style ("Bobok"). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 91–101. (In Russ.)
109. *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [*The Problems of Fedor Dostoevsky's Textual Criticism*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, issue 1: The Problems of Textual Criticism of the Novels "Crime and Punishment", "The Idiot", "The Demons". 200 p. (In Russ.)
110. *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [*The Problems of Fedor Dostoevsky's Textual Criticism*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 2: The Novel "The Raw Youth". 96 p. (In Russ.)
111. Prokhorov G. S. Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death According to Forensic Medical Documents. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 1, pp. 26–37. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1438333869.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.4 (In Russ.)
112. Prokhorov G. S. The Case of Mikhail Andreevich Dostoevsky's Death, or What Did Judges Sweat Away During a Year and a Half. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2017, no. 2, pp. 3–23. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1499857476.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3161 (In Russ.)
113. Rebel' G. M. Problems of Dostoevsky's Studying. In: *Voprosy literatury*, 2010, issue 3, pp. 427–458. (In Russ.)
114. Rozenblyum L. M. Scientific Research and Biographical Story. In: *Voprosy literatury*, 1987, no. 7, pp. 222–228. (In Russ.)
115. Saraskina L. I. F. M. Dostoevsky — Whose Is He? In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. Moscow, 1993, no. 1, part 1, pp. 181–198. (In Russ.)
116. Saraskina L. I. *Dostoevskiy v sozvuchiyakh i prityazheniyakh (ot Pushkina do Solzhenitsyna)* [*Dostoevsky in the Concords and Attractions (from Pushkin to Solzhenitsyn)*]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2006. 608 p. (In Russ.)
117. Saraskina L. I. *Ispytanie budushchim. F. M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul'tury* [*Challenge by the Future. F. M. Dostoevsky as a Member of Contemporary Culture*]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010. 600 p. (In Russ.) (a)
118. Saraskina L. I. "Outlining the Right Sacrifice..." Standards of Interpretations. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2010, no. 27, pp. 231–248. (In Russ.) (b)
119. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (In Russ.)
120. Safronova E. Yu. The 16th Symposium of the International Dostoevsky Society. The Legacy of F. M. Dostoevsky: to the 150th Anniversary of the Publication of the Novel "Crime and Punishment". University of Granada, Spain, June 7-10, 2016. In: *Kul'tura i tekst* [*Culture and Text*], 2016, no. 3, pp. 107–113. (In Russ.)

121. Svitel'skiy V. A. The Works of F. M. Dostoevsky: The Art of Synthesis. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 1993, vol. 2, no. 1, pp. 121–125. (In Russ.)
122. Svitel'skiy V. A. “We Got Lost. What Should We Do!..” (To Today’s Readings of the Novel “The Idiot”). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, 2000, no. 15, pp. 205–228. (In Russ.)
123. Semykina R. S.-I. *V matritse podpol'ya: F. Dostoevskiy — Ven. Erofeev — V. Makanin* [In an Underground Matrix: F. Dostoevsky — Ven. Erofeev — V. Makanin]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008. 176 p. (In Russ.)
124. Seropyan A. S. Liturgical Text in Russian Literature. Problem Statement. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 5–13. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946375.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.334 (In Russ.)
125. Stepanyan K. A. «Soznat' i skazat'»: «realizm v vysshem smysle» kak tvorcheskiiy metod F. M. Dostoevskogo [To Realize and to Say. “Realism in the Best Sense of the Term” as an Artistic Method of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Raritet Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)
126. Stepanyan K. A. Phenomenon and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, 2009, no. 25, pp. 114–126. (In Russ.)
127. Stepanyan K. A. Realism of Dostoevsky in the Big Time (Shakespeare, Cervantes, Balzac, Makanin). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, 2013, no. 30, part 1, pp. 13–64. (In Russ.)
128. Tarasova N. A. «Dnevnik pisatelya» F. M. Dostoevskogo za 1876–1877 gody. *Kritika teksta* [“The Diary of a Writer” by F. M. Dostoevsky (1876–1877): A Critique of the Text]. Moscow, Kvadriga Publ., 2011. 392 p. (In Russ.)
129. Tarasova N. A. Peculiarities of Functioning of the Biblical Text in a Novel’s Plot: on the Problem of Interpretation of Biblical Quotations and Allusions in Dostoevsky’s “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 253–270. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449826486.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3341 (In Russ.)
130. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky’s Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 17–68. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
131. Tikhomirov B. N. The Controversial Issue of the Chronology of Handwritten Materials for Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 53–64. (In Russ.)
132. Tikhomirov B. N. To the Question of the “Prototypes of the Image of an Idea” by Rodion Raskolnikov (P. Zh. Proudhon). In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»* [Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa]. Novgorod, 1988, pp. 109–111. (In Russ.)
133. Tikhomirov B. N. To the Question of “Prototypes of the Image of an Idea” in Dostoevsky’s Novels (Louis Napoleon, Carlyle). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 42–55. (In Russ.)

134. Tikhomirov B. N. To Comprehending the Deep Perspective of the Novel by F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, 1994, no. 2, pp. 25–41. (In Russ.)
135. Tikhomirov B. N. Dostoevsky Quotes the Gospel. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 189–194. (In Russ.) (a)
136. Tikhomirov B. N. From Observations of the Novel “Crime and Punishment”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 232–246. (In Russ.) (b)
137. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «*Prestuplenie i nakazanie*» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy [“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
138. Tikhomirov B. N. *Religioznye aspekty tvorchestva F. M. Dostoevskogo: problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii: dis. ... d-ra filol. nauk [Religious Aspects of the Work of F. M. Dostoevsky. Problems of Interpretation, Commenting, Textual Criticism. PhD. philol. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2006. 567 p. (In Russ.)
139. Tikhomirov B. N. Genealogy of the Dostoevsky: Happy Finds of the Lost Links. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, 2009, no. 26, pp. 234–250. (In Russ.)
140. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi [Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People]*. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2012. 224 p. (In Russ.)
141. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «*Prestuplenie i nakazanie*» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy [“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
142. Tunimanov V. A. A. Grigoriev in Letters and Dostoevsky’s “A Writer’s Diary”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 22–47. (In Russ.)
143. Turbin V. There Are Strange Encounters. In: *Literaturnoe obozrenie [Literary Review]*, 1988, no. 1, pp. 58–60. (In Russ.)
144. Fedorov G. A. «Landlord. Father Was Killed...». In: *Novyy mir*, 1988; no. 10, pp. 219–238. (In Russ.)
145. Fedorova (Garicheva) E. A. Transfiguration of Personality in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Adolescent”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2011, issue 9, pp. 201–215. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1430312600.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2011.317 (In Russ.)
146. Fokin P. E. *Dostoevskiy: pereprochtenie [Dostoevsky: Rereading]*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2013. 287 p. (In Russ.)
147. Fridlender G. M. Dostoevsky: on the Results and Prospects of Study. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 6, pp. 32–45. (In Russ.)
148. Fridlender G. M. Dostoevsky and Gogol. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 3–21. (In Russ.)

149. Fridlender G. M. Dostoevsky's Path to the Epic Novel. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 159–176. (In Russ.)
150. Fridlender G. M. From the Editor. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 12, pp. 3–4. (In Russ.)
151. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)
152. Sharakov S. L. Christian Symbolism in Fedor Dostoevsky's Novel "The Possessed" ("Demons"). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 202–218. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431516455.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2013.380 (In Russ.)
153. Shaulov S. S. Notes on the Poetics of "Problems of Poetics..." In: *Dialog. Karnaval. Khronotop* [*Dialogue. Carnival. Chronotope*], 2011, no. 1–2, pp. 79–87. (In Russ.)
154. Shaulov S. S. Dostoevsky's Religiosity as a Methodological Problem of Soviet Literary Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2012, no. 10, pp. 216–223. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457960669.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.353 (In Russ.) (a)
155. Shaulov S. S. Evolution of the "Epistolary Hero" of F. M. Dostoevsky: to the Problem of the Writer's Creative Reflection. In: *Dostoevskiy: filozofskoe myshlenie, vzglyad pisatelya* [*Dostoevsky: Philosophical Thinking, Opinion of the Writer*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2012, pp. 52–69. (In Russ.) (b)
156. Shaulov S. S. Return to a Christian Understanding of History. In: *Nazirovskiy arkhiv* [*Archive of Nazirov*], 2015, no. 3, pp. 114–125. (In Russ.)
157. Shchennikov G. K. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [*The Works of F. M. Dostoevsky: The Art of Synthesis*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 1991. 285 p. (In Russ.)
158. Shchennikov G. K. *Tselostnost' Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Integrity*]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2001. 439 p. (In Russ.)
159. Yur'eva O. Yu. The Motif of the Duel in the Story of F. M. Dostoevsky "A Gentle Creature". In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XIX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2004 goda* [*Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of the 19th International Readings in Old Russian Culture, 2004*]. Novgorod the Great, 2005, pp. 296–312. (In Russ.)
160. Yur'eva O. Yu. Revolt Against Tyranny and Tyranny of Revolt in the Story of Dostoevsky "A Gentle Creature". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, 2006, no. 21, pp. 91–101. (In Russ.)
161. Yakobson R. O. About Artistic Realism. In: *Yakobson R. O. Raboty po poetike* [*Yakobson R. O. Works on Poetics*]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 387–394. (In Russ.)
162. Yakubova R. Kh. Dialogic Convergence of Biblical and Literary Fabulas in "The Adolescent" by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 173–187. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457958310.pdf (accessed on June 6, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2012.349 (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101

УДК 821.161.1+070+930.25

В. А. Викторovich*Государственный социально-гуманитарный университет**(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

«Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников*

Аннотация. В статье предпринят критический анализ источников, сообщающих подробности произнесения «Пушкинской речи» Достоевского 8 июня 1880 г. Это письма, дневники и мемуары слушателей, телеграммы и отчеты в газетах и журналах того времени. Перекрестная проверка имеющихся и вновь найденных источников позволила выявить целый ряд домыслов, сочиненных, как правило, из идейных соображений. В центре внимания — мемуары Е. П. Летковой-Султановой и Д. Н. Любимова, изображавшие событие с идеологически противоположных точек зрения. Так, Леткова решительно отрицает момент единодушия аудитории Достоевского, зафиксированного другими мемуаристами, и настаивает на изначальном отторжении радикальной молодежи от его речи. Ее воспоминания обычно вызывают доверие исследователей, поскольку автор приводит в подтверждение своей позиции отрывки из личного дневника, касающиеся двух дней Пушкинского праздника (7 и 8 июня) и утверждающие приоритет Тургенева. Мемуары Летковой были опубликованы в 1932 г. Однако в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н. С. Ашукина сохранился другой, более ранний и еще не публиковавшийся текст. Это пять рукописных страниц статьи «Июньские дни 1880 г. в Москве. (Из дневника Ек. Летковой)». Сопоставление ранней (1924) и поздней (1932) редакций «дневника» Летковой приводит к выводу, что сам «дневник» был позднейшей мистификацией, которая должна была утвердить правоту прогрессивных сил в их оппозиции Достоевскому (этот мотив был значительно форсирован в редакции 1932 г.). Так же были устроены и мемуары Д. Н. Любимова, с той разницей, что они освещали событие с консервативной точки зрения. Воспоминания Любимова востребованы исследователями, поскольку он подробно описал аудиторию Достоевского. Это описание должно было подвести к мысли о консолидации лучших представителей русского общества. Однако критический анализ этого источника показал, что больше половины названных им слушателей Достоевского не могли присутствовать на заседании. Мемуарист также исказил картину восприятия речи Достоевского Тургеневым (он якобы «зарыдал», когда оратор поставил Лизу Калитину рядом с Татьяной Лариной). В результате исследования был уточнен целый ряд моментов восприятия «Пушкинской речи» Достоевского как ключевого события русской культуры, что позволяет приблизиться к его осмыслению на фундаменте верифицированных свидетельств современников.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкинская речь, критика источников, проблема достоверности

Об авторе: Викторovich Владимир Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410)

Дата поступления: 02.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Викторovich В. А. «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 48–69. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101

1

Пушкинская речь Достоевского, произнесенная 8 июня 1880 г. в зале московского Благородного собрания, стала эпохальным событием русской культуры. Ее «тайну», т. е. смысл и значение, вот уже 140 лет «разгадывают» журналисты, критики, писатели, философы, исследователи, любознательные читатели. Известен текст, впервые напечатанный в газете «Московские ведомости» 13 июня 1880 г. под заглавием «Пушкин (Очерк)», однако не всегда текст до конца понятен без контекста, а в данном случае именно последний во многом предопределил эффект беспрецедентного воздействия на слушателей самого *произнесения* речи. Контекст «Пушкинской речи» рассматривался в ряде исследований (см. главные из них: [Волгин, Левитт]), но до сей поры источники наших сведений об историческом заседании Общества любителей российской словесности (ОЛРС), на котором речь прозвучала, не подвергались серьезной критике.

Источники эти можно разбить на три группы: 1) эгодокументы (письма, дневники), составленные по горячим следам события; 2) описания праздника в средствах массовой информации; 3) мемуары слушателей Достоевского.

Первая группа состоит из пяти источников, наиболее достоверных по части фактологии (с небольшими неточностями)¹. Это прежде всего письмо Ф. М. Достоевского жене, датированное им «8 июня / 80 8 часов пополудни»² (через 5 часов после прочтения речи); письмо Ф. Д. Самарина к сестре, написанное на следующий день, 9 июня (*Самарин*); письмо И. С. Аксакова от 14 июня, адресованное предположительно Е. Ф. Тютчевой (*Аксаков*). Фактологической точностью, требуемой самим «жанром», отмечены служебные отчеты агента III Отделения 8–9 и 10 июня 1880 г. (*Агент*). Небольшие погрешности в изложении допускает М. А. Веневитинов в дневниково-мемуарной рукописи «Пушкинские торжества в Москве» в четырех тетрадях (ОР РГБ. Ф. 48.16.3; см. в сокращении: *Веневитинов*), очевидно, в силу того, что он записывал свои впечатления некоторое время спустя (его собственная датировка: «7 июня — 7 июля 1880»), а на самое заседание 8 июня немного опоздал. Судя по всему, Веневитинов также использовал газетные отчеты о событии.

Вторая группа источников представлена прежде всего двумя телеграммами, растиражированными в газетах: Международного телеграфного агентства³ и специального корреспондента газеты «Голос» (9 июня)⁴, — а также собственными корреспонденциями газет «Новое время», «Современные известия», «Русская газета», «Русский курьер», «Русские ведомости», «Новости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Молва», «Газета А. Гатцука», «Всеобщая газета», «Страна», «Берег», еженедельников «Живописное обозрение», «Неделя», «Будильник», журналов «Отечественные записки» (Г. И. Успенский), «Древняя и новая Россия», «Семейные вечера»

(Н. Н. Страхов), «Исторический вестник». Другие журналы разразились по большей части аналитическими статьями. Первой указанные источники начала собирать А. Г. Достоевская (см.: [Фокин, Петрова]), к настоящему моменту это собрание значительно дополнено.

Сопоставляя сообщения журналистов и эгодокументы, можно, в частности, уточнить свидетельство Достоевского: «Утром сегодня было чтение моей речи...» (*ДЗ0*; т. 30₁: 184). Начало заседания, как указано в приглашенных билетах, было назначено на 13 часов, и потому это время фигурирует в исследовательской литературе [*Летопись*: 431]. Однако в телеграмме корреспондента «Голоса» (опубликована на следующий день, 9 июня) читаем: «Сегодня, в 2 часа пополудни, состоялось, при громадном стечении публики, второе заседание Общества любителей российской словесности». На это же время указывают имеющиеся эгодокументы (*Самарин*: 251; *Веневитинов*: 504; *Агент*: 278). Уточнение вносит корреспондент «Русской газеты» (1880. 10 июня): «8 июня в половине второго часа пополудни при многочисленной публике открыто было заседание Общества любителей российской словесности; сперва звонок возвестил начало заседания, и публика заняла места; затем возвещена была программа или порядок чтений». Очевидно, после звонка около получаса ушло на размещение публики и на объявления, и примерно в 14 часов (или чуть раньше) начал свою речь Н. А. Чаев, после которого читал Достоевский. Речь Чаева, напечатанная затем в июньском номере «Русской мысли», судя по объему, могла занять около 25 минут. Очевидец свидетельствует: «Вступительная речь вице-председателя, Чаева, длилась вместо четверти — полчаса» (*Аксаков*: 96). Таким образом, Достоевский начал читать свою речь в 14.30 или чуть раньше. Дотошный хроникер «Современных известий» (1880. 10 июня) сообщал, что эта речь длилась «около $\frac{3}{4}$ часа», прерываясь «многими аплодисментами». В телеграмме Международного телеграфного агентства указывалось: «Речь г. Достоевского длилась около часу» (*Голос*. 1880. 9 июня). О реакции публики Достоевский сообщал жене: «Вызовы продолжались полчаса...» (*ДЗ0*; т. 30₁: 184). Между тем скрупулезный агент III Отделения докладывал, что перерыв, объявленный после речи Достоевского, начался «в 3 часа 15 минут пополудни» (*Агент*: 280). Таким образом, в промежуток от 14.30 (или чуть раньше) до 15.15 вместились и речь Достоевского, и прерывавшие ее аплодисменты (исправно зафиксированные агентом III Отделения), а буря «восторга», о котором написал жене Достоевский, могла занять часть времени после объявления перерыва. Об охватившем всех необыкновенном волнении сохранилось достаточно много свидетельств. «...По окончании все встали, дамы и девицы замахали платками и захлопали, мужчины совсем вышли из себя: застучали ногами, закричали “браво”, замахали шляпами, — словом, произошло что-то небывалое» (*Самарин*: 252) (махание платками и шляпами отмечают многие, повторялась картина открытия монумента на Страстной площади); «...впечатление было поистине

потрясающее. Я никогда ничего подобного не видел. Оно охватило всех, как публику, так и нас, сидевших на эстраде...» (*Аксаков*: 96); «Может быть, никогда еще стены залы Благородного собрания не были потрясемы таким громом рукоплесканий, какой раздался вслед за заключительными словами г. Достоевского» (*Голос*. 1880. 9 июня; эта фраза потом повторялась многими другими газетами); «Женщины махали платками, многие из них встали для этого на стулья, были и такие, что впали в истерическое состояние; в воздух летели шапокляки и цилиндры, тысячи рук протягивались по направлению к оратору...» (*Новости*. 1880. 13 июня). Несколько ироничный повествователь назвал увиденное «идолопоклонением» (*Успенский*: 401).

Наконец, третья группа источников — мемуары, которые оставили слушатели речи В. О. Михневич, М. М. Ковалевский, Н. Н. Страхов, И. Ф. Василевский, А. Ф. Кони, А. М. Сливицкий, С. И. Уманец, К. А. Тимирязев, А. В. Амфитеатров, Д. А. Олсуфьев, Д. Н. Любимов, С. С. Бобчев, Е. П. Леткова-Султанова. Особенность этой группы источников — гораздо бо́льшая сравнительно с предыдущими «партийная» (консервативная / либеральная) ангажированность авторов, соединяющаяся с действием непреложных законов человеческой памяти, ослабевающей со временем и подключающей, в порядке компенсации, механизмы фантазии. В итоге рисуется образ Достоевского-оратора в жанре либо однозначной апологии (*Амфитеатров, Любимов, Бобчев*), либо столь же однозначного обличения (*Ковалевский, Тимирязев*), либо контрадикции, колебания в ту и другую сторону, но всегда с безусловным признанием потрясающего воздействия речи на всех слушателей (*Михневич, Уманец, Олсуфьев*) или «почти» на всех (*Кони*). Эта константа, которую не отрицают и «обличительные» мемуары, имеет одно исключение — воспоминания Е. П. Летковой-Султановой.

2

Екатерина Павловна Леткова, по мужу Султанова (1856–1937) — писательница, переводчица, общественная деятельница, во время описываемых событий была слушательницей Московских высших женских курсов В. И. Герье. Она придерживалась либеральных взглядов, и потому ее кумиром был Тургенев, сближалась она и с кружком «Отечественных записок» (Г. Успенский, Н. Михайловский). Вместе с тем ее притягивал к себе «страдалец» Достоевский, с которым у нее установились довольно теплые отношения еще до Пушкинского праздника. Написанные Летковой воспоминания были призваны передать настроения молодежи, составлявшей значительную часть слушателей Достоевского. Участие молодежи, прежде всего студенческой, в заседании 8 июня зафиксировано было до нее рядом свидетелей.

«Зала была переполнена. Особенно много собралось, несмотря на вакационное время, молодежи. Она заняла хоры и все переходы. В креслах теснились как могли, так что на двух стульях сидело трое лиц» (*Василевский*).

Реакцию молодых слушателей на речь Достоевского особо выделил И. С. Аксаков: «До сих пор Тургенев был идолом молодежи <...>. Достоевский же пошел прямо наперекор, <...> преподавал молодежи целое поучение: “смирись, гордый человек, перестань быть скитальцем в чужой земле, пощи правду в себе, не какую-либо внешнюю” и т. д. <...> Важно именно то, как отнеслись к этому молодые же люди, которых, может быть, до тысячи было в зале. Всё пришло в такой экстаз, что один юноша, ринувшись к Достоевскому на эстраду, упал в нервный обморок. Тут были “курсистки” курса Герье (крайнего западника), еще в прошлом году делавшие орации Тургеневу. Бог знает где, тут же в собрании, добыли они лавровый венок и поднесли его, при общих кликах, Достоевскому, за что им, вероятно, достанется...» (Аксаков: 96–97).

Иначе, нежели Аксаков, объяснял «экстаз» молодых слушателей (подтверждая его) Г. И. Успенский в статье «Праздник Пушкина» (Отечественные записки. 1880. № 6): «...замечание <...> насчет какого-то *смирения* <...> прошло также мимо ушей», зато «всеобщее внимание было поражено и поглощено стройно выраженной мыслью о врожденной русскому человеку скорби о чужом горе» (Успенский: 401). Этой мыслью, что очевидно, был тогда увлечен и сам Успенский. Прочитав затем текст речи в «Московских ведомостях», публицист «Отечественных записок» испытал глубокое разочарование: теперь на первый план в его отчете (глава «На другой день») выходят «не замеченные» им во время слушания речи моменты, чуждые его убеждениям. Сходный сюжет разрабатывался и в ряде других свидетельств. Болезненно переживавший этот перепад отношения общества к речи Достоевского его молодой слушатель, ставший свидетелем единения «и седовласых старцев, и румяной молодежи», горячо укорял тех оппонентов писателя, кто **не слышал** его: «...Эти же самые люди, а их вскоре оказалось очень много, которые *потом* в печати и разговорах разбирали и порицали речь Достоевского, если бы они присутствовали в тот час, когда произносил ее сам Достоевский, то и они были бы охвачены тем внутренним огнем, который исходил от оратора, и они поддались бы общему чувству, увлекшему всех его слушателей» (Олсуфьев). Впрочем, некоторым из слушателей, пораженным, как и Успенский, разницей между услышанным и затем прочитанным текстом, стало казаться постфактум, что «фальшь» они «смутно замечали в момент произнесения речи» (Пятковский: 28).

Еще более критическую (и не «смутную», а вполне отчетливую) реакцию молодых слушателей на речь Достоевского зафиксировала Е. П. Леткова. Ее воспоминания вызывают доверие исследователей еще и потому, что автор в подтверждение своего весьма ответственного заявления, решительно дезавуирующего момент единодушия аудитории Достоевского, приводит отрывки из личного **дневника** («из моей записной книжки 1880 года»), касающиеся двух дней Пушкинского праздника, 7 и 8 июня, и утверждающие несомненный приоритет Тургенева.

Мемуары Летковой, включавшие в себя «дневниковые» записи, были опубликованы в 1932 г. Однако существует другой, более ранний и еще не публиковавшийся текст. Это пять рукописных страниц статьи «Июньские дни 1880 г. в Москве. (Из дневника Ек. Летковой)»⁵. Документ сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Н. С. Ашукина среди материалов для готовившейся им в 1924 г. однодневной газеты «Пушкин». Газета должна была выйти к 125-летию со дня рождения поэта как издание тогдашнего Всероссийского союза писателей, но так и не вышла. Рукопись эта до сих пор не привлекала внимание исследователей, вероятно, по причине заглавия, повторенного затем в мемуарах Летковой, опубликованных в 1932 г. в «Звеньях» (Леткова: 466). Однако два этих текста имеют серьезные различия, существенные для понимания генезиса самого «дневника». Приведем неизвестный ранний его вариант (в авторской орфографии и пунктуации; в квадратных скобках — вычеркнутое автором).

«Июньские дни 1880 г. в Москве.

(Из дневника Ек. [П.] Летковой[-Султановой])

1880 г.

7 июня. Какой день был вчера? Говорят, был утром дождь? Не заметила! Кажется, весь день светило солнце, а когда упал покров с памятника, оно так и рассыпалось на нас... Вся площадь была унижена плотно-плотно людьми... Мы [со]збрались рано. У нас были прекрасные места: налево от памятника, у церкви; над забором. Всё видели отлично. Пока шла обедня в Страстном, на площади у памятника, под колыхавшиеся на нем парусиною, шло невиданное еще торжество. Знамена депутатов, значки цехов и на первом месте "литература". Какая радость для нас (курсисток) [была] видеть перед собою живыми таких близких, таких знакомых нам авторов. Что за прелесть эти длинные седые бороды, длинные волосы, оживленные лица, бодрые жесты. Они собрались все вместе налево у памятника: И. С. Аксаков, С. А. Юрьев, А. Н. Плещеев, А. А. Потехин, А. Н. Островский, Д. В. Григорович, П. И. Вейнберг, Н. Н. Страхов, С. В. Максимов¹⁾ и, наконец, И. С. Тургенев!!.. <п. 1> Вчера был их праздник: праздник русской мысли, русского слова, русского писателя!.. Все чувствовали это. Слились все возрасты, стерлись сословия... У всех одинаково блестели глаза, и у старых, и у молодых, все чувствовали какое то счастье...

...Когда спала завеса, скрывавшая памятник, у меня дух захватило; я уверена, у всех также... И, конечно, не от красоты его, а потому что тот, кем жила в ту минуту многотысячная толпа, появился над ней, среди нее. Кругом кричали, смеялись, плакали...

¹⁾ Н. Н. Страхов, С. В. Максимов вписано под строкой.

...Тургеневу, когда он садился в коляску на площади, сделали настоящую овацию²⁾, точно вс[е]я эта толпа безмолвно сговорилась и нарекла его наследником Пушкина. И в университете, куда мы сейчас-же отправились на торжественное заседание О<бщест>ва Любителей Российской Словесности⁷⁾, — Иван Сергеевич был центром внимания. Избрание его в почетные члены было встречено такими радостными кликами, что у меня от волнения чуть сердце не разорвалось...

...Речь нашего Ключевского⁸⁾ — лучше всех. Какое громадное значение придает он Пушкину, как историку! И именно <л. 2> в художественных произведениях его! — “Капитанская дочка”!.. «История Пугачевского бунта» — только историческое примечание к ней”... “XVIII век в России!.. Русский чувствует себя рожденным не европейцем и обязанным сделаться европейцем...”⁹⁾ —

...Вечером — Благородное Собрание¹⁰⁾. До рассвета! И опять Пушкин сливается с Тургеневым! Мы забрались за колонны, к эстраде, чтобы видеть поближе участников. Прошел, странно с^еживишись, Достоевский (днем я его не видела!?)¹¹⁾; степенно проплыл Островский; прошел Писемский, переваливаясь с ноги на ногу; пролетел Григорович с длинными седыми “баками”, и все скрылись за эстрадой, в круглой комнате...

...Николай Рубинштейн продирижировал оркестром (увертюра [к] «Руслан[у]а»). Самарин — Скупой рыцарь (восхитительно!), и опять — “они”! Такие старенькие и такие бодрые, живые, трепетные!.. Достоевский как-то по особенному прочел монолог Пимена. Писемский бодро — “Гусара”; Островский — отрывок из “Русалки”, Григорович — “Кирджали” (немного долго), Потехин — “Полтаву”, Тургенев — “Опять на родине”¹²⁾. Читал <л. 3> тихо, но было что-то завораживающее³⁾ в его чтении, — не смотря на старческую шепелявость и слишком высокий голос... Выходил на вызовы семь раз и наконец согласился прочесть еще... “Последняя туча разсеянной бури”... И остановился! “Одна ты несешься по ясной лазури...” подхватила вся зала. Тургенев улыбнулся, овладел собою и дочитал благополучно...

Когда мы, двенадцать человек, шли домой — уже светало. И не устали!.. Жалели только, что такой день прошел!.. Какое было счастье — весь день!.. И идя по московским переулочкам[и], повторяли: “Довольно! Сокройся! Пора миновалась, земля освежилась и буря промчалась!..”

8го Юня. Вчера день был мучительно-хороший. Не знаю с чего и начать!.. Речь Достоевского!!.. Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какую Д<остоевский> говорил об Алеко — мучила. “Мечта о всемирном счастье!.. Дешевле не возьмет русский скиталец!..” И прекрасно! Что же тут вышучивать?.. Апофеоз Татьяны тоже не нашел отклика в душе... Апофеоз рабства и покорности? И среди

²⁾ Было: овацию настоящую

³⁾ завораживающее вписано над строкой.

совершенно неслыханных рукоплесканий после речи — мне почему то было тяжело[?]... Не поняла я вероятно...

Вечером — опять нескончаемые овации Тургеневу... [Нет сом<нения>] <л. 4>

С тех пор прошло 44 года! И сейчас я повторяю: пережить те дни — было счастьем! Сколько упований, сколько веры в победу. Пробуждавшаяся общественная мысль при Пушкине нашла бурный отклик в пробужденной мысли. И молодежь черпала из Пушкина то, что хотелось ей. [Мы [со] уже перешли через отрицание] Жажда свободы и независимости находила [в] утоление в [его] нем. “Свобода! Он одной тебя еще искал в подлунном мире!”... “Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов ни шеи!..” Мы не считались ни⁴⁾ с его “эстетизмом”, [не увлекались еще красотой его стиха, непревзойденной и до сих пор:] ни с “аристократизмом”⁵⁾. Нам было дорого, что он воспевал “вольность миру”, хотел “на троне поразить порок” и вдохновенными словами провозгласил: [“Взойде]

...Товарищ! Верь: взойдет она
Заря¹³ пленительного счастья!
Россия вспрянет ото сна!
И на обломках самовластья
Напишет¹⁴ наши имена!

И мы верили этому! И любили его [необыкновенно особенной любовью] главным образом⁶⁾ за то, что [он] в свой жестокий век возславил он свободу и милость к падшим призывал!

Ек. Леткова <л. 5>».

Отметим основные отличия публикуемого текста 1924 г. от «дневника», включенного в известные мемуары Летковой 1932 г., в той части, что касается речи Достоевского.

Текст 1924 г.:

«Речь Достоевского!!.. Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем сделалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какою Д<остоевский> говорил об Алеко — мучила. “Мечта о всемирном счастье!.. Дешевле не возьмет русский скиталец!..” И прекрасно! Что же тут вышучивать?.. Апофеоз Татьяны тоже не нашел отклика в душе... Апофеоз рабства и покорности?

⁴⁾ ни вписано над строкой.

⁵⁾ ни с “аристократизмом” вписано над зачеркнутой строкой.

⁶⁾ главным образом вписано над зачеркнутой строкой.

И среди совершенно неслыханных рукоплесканий после речи — мне почему то было тяжело[?]... Не поняла я вероятно...».

Текст 1932 г.:

«Речь Достоевского... Маша Шелехова упала в обморок. С Паприцем делалась истерика. А я слушала и злилась. Ирония, с какой Достоевский говорил об Алеко, мучила. “Мечта о всемирном счастье. Дешевле не возьмет русский скиталец!..”

Что это? Не хотелось верить своим ушам, не хотелось понимать так, как это понимал Достоевский. И не я одна, а очень многие так же реагировали на его слова, как и я. И как-то без уговора перенесли все симпатии на Тургенева. Стоило Достоевскому упомянуть имя Лизы Калитиной (из “Дворянского гнезда”), как о родственном Пушкинской Татьяне “типе положительной женской красоты”, — чтобы его речь была прервана шумной овацией Тургеневу. Весь зал встал и загремел рукоплесканиями. Тургенев не хотел принимать этих оваций на себя, и его насильно вывели на край эстрады. Он был бледен и сконфуженно кланялся. Конечно, Лиза не наш идеал, как не идеал и Татьяна с ее “рабским”: “я другому отдана и буду век ему верна...”. Мы преклоняемся перед Еленой с ее жаждой деятельного добра, с ее смелостью и самоотверженной любовью. Она является в русской литературе первой политической деятельницей, которых в России так много, как ни в одной стране, а упоминание о Лизе было для нас просто поводом к выражению Тургеневу нашей солидарности с ним, а не с Достоевским, речь которого была насыщена выпадами против западников, а, значит, и против Тургенева. Овации ему вырвались, может быть, и бессознательно, но после заседания уже совершенно осознанно явилась потребность выразить Ивану Сергеевичу, на чьей стороне мы видим правду. Было решено подать венок Тургеневу» (*Леткова*: 468–469).

Во втором варианте текст «дневника» оказался существенно дополнен подробностями, усиливающими несогласие автора со товарищи с речью Достоевского: на место уклончивого «не поняла я вероятно...» пришло описание решительного протеста, заявленного молодежью еще во время слушания речи. Очевидно, мы должны восхититься независимостью молодых умов, мгновенно раскусивших Достоевского, в отличие от рассиропившихся Тургенева, Анненкова, Успенского, не говоря уже об остальной аудитории, всецело отдавшей оратору («...у него во власти были все сердца, вся душа всякого, без разделения, присутствовавшего в собрании» — *Успенский*: 398). Возникает вопрос: может ли **дневник** существовать в столь различных версиях? Ведь это же документ! Единственный ответ: перед нами не дневник, а его имитация, сочиненная автором «задним числом», причем дважды. Каждая из версий отражает время сочинения: мягкий вариант 1924 г. и жесткий — 1932. Время ужесточалось по отношению к Достоевскому (и не

только к нему), соответственно и автор «дневника» занимал идеологически все более «правильную» позицию согласно новым установкам. Обращение же к жанру дневника должно было прибавить убедительности: документ создавал эффект подлинности (на что и купились те, кто его цитировал с полным доверием). «Дневник», особенно во втором его варианте, должен был подкрепить утверждение мемуаристки: «Но была и другая часть, вероятно, меньшая, та левая молодежь, которая сразу встала на дыбы от почти первых же слов Достоевского» (*Леткова*: 469).

Стоит отметить одно совпадение. 10 апреля 1932 г. на экраны страны вышел фильм «Мертвый дом», начинавшийся эпизодом «Пушкинской речи» Достоевского. Там молодая девушка возмущенно пеняет оратору: «И вам не стыдно так говорить? В нашей стране говорить о смирении?.. Надо говорить о бунте!» Пламенная реакция молодежи была сочинена авторами фильма (сценарий В. Шкловского). Подтверждающие ее мемуары Летковой вошли в сборник «Звенья» того же 1932 г., но, как сказано в предисловии к нему: «Весь материал <...> сдан редакцией в марте 1931 г.». Было ли данное сближение контактным или типологическим, нам не известно. В любом случае очевиден так называемый соцказ.

Еще одно место дополненного «дневника» вызывает наше сомнение при сопоставлении с другими свидетельствами. Я имею в виду «инцидент Тургенева» после упоминания Лизы Калитиной в речи Достоевского: «... его насильно вывели на край эстрады. Он был бледен и сконфуженно кланялся». **Ни один из множества свидетелей** не подтверждает этого рельефного факта. В других заслуживающих доверия показаниях эпизод выглядит куда скромнее: «При этих словах раздаются дружные рукоплескания. Тургенев поднимается со своего места и кланяется публике» (*Агент*: 279); слова Достоевского «вызвали целую бурю рукоплесканий и в честь оратора и в честь сидевшего под кафедрой Тургенева, который видимо был польщен и глубоко тронут...» (*Веневитинов*: 505); «При имени Тургенева зала, как всегда, загрохотала от рукоплесканий <...>, и он [Достоевский] должен был остановиться, чтоб переждать, пока утихнет вновь и вновь подымавшийся шум» (*Страхов*: 311); «при этих словах раздается взрыв рукоплесканий по адресу И. С. Тургенева, который сидит в двух шагах от оратора» (Санкт-Петербургские ведомости. 1880. 14 июня). Гром рукоплесканий (без поклонов с выходом Тургенева) отметили также Международное телеграфное агентство, «Русская газета», «Новое время», «Русский курьер», «Journal de St.-Petersbourg». Кстати, данный эпизод имеет и другое украшение, тоже дамское, но, кажется, из разряда возможных: «Всем памятно то движение руки, поцелуй, посланный Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из “Дворянского гнезда”. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника» (*Нелидова*: 236).

Как представляется, приведенных показаний достаточно, чтобы усомниться в «дневниковой» записи Летковой. Да и дневник ли это на самом деле? Скорее, его мистификация.

Сопровождающие «дневник» мемуары Летковой также содержат фантастические элементы. Остановимся на одном из них, наиболее очевидном. Речь идет о самом памятнике Пушкину. «Помню наше возмущение по поводу того, что на одной из сторон цоколя оказалась переделанной строка Пушкина: вместо: “И долго буду тем любезен я народу” высечено: “И долго буду тем народу я любезен”... Причина та, что слово “народу” неизбежно бы притягивало сакраментальное слово “свободу”...» (Леткова: 466). Действительно, на постамент тогда попали первые две строки из отредактированного Жуковским стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», опубликованного в таком виде в посмертном издании произведений поэта 1841 г. и в последующих изданиях. Вместо:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал...

(далее у Пушкина: «Что в мой жестокий век восславил я свободу / И милость к падшим призывал») — было исправлено:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,

(далее у Жуковского: «Что прелестью живой стихов я был полезен / И милость к падшим призывал»).

Всё бы правильно и верно, но подлинный текст в 1880 г. при установке памятника **еще не был известен**, он был опубликован П. И. Бартеневым в 1881 г. в журнале «Русский архив» (кн. 1). Таким образом, рассказ мемуаристки о «возмущении» молодежи искажением пушкинского текста (а остальные, тот же Достоевский, и не думали возмущаться!?) — очевидный анахронизм, отражающий «возмущения» уже советского времени, приведшие к тому, что в 1937 г. на пьедестал памятника были возвращены пушкинские строки (причем всё четверостишие). Перед нами еще одно «забегание вперед», которым грешат воспоминания Летковой. Их авторитетность должна быть серьезно скорректирована.

3

Дмитрий Николаевич Любимов (1864–1942) — государственный деятель, сын редактора журнала «Русский вестник» Н. А. Любимова. Воспоминания он писал полвека спустя в эмиграции, отчасти этим обстоятельством можно объяснить серьезные ошибки памяти, но только отчасти. Воспоминания эти известны в трех вариантах (Любимов, 1931, 1937, 1961). Второй вариант является простым сокращением первого, а вот третий, подготовленный

к печати сыном мемуариста Львом Любимовым, представляет позднюю авторскую редакцию, значительно расширенную: мемуарист добавил изложение речи Достоевского (явно используя печатный ее текст) и кое-какие красочные подробности, о которых речь впереди.

Воспоминания Любимова привлекают исследователей прежде всего тем, что в них дано наиболее подробное описание аудитории, внимавшей Достоевскому. Однако уже первый републикатор мемуаров А. Долинин в комментариях к сборнику «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников» заметил, что в число слушателей речи Достоевского Любимов включил И. А. Гончарова и П. И. Чайковского, отсутствовавших на празднике [Долинин]. Во втором издании этого сборника новый комментатор К. Тюнькин в список вымышленных Любимовым слушателей добавил еще М. Н. Каткова [Тюнькин]. На этом критика источника остановилась, и совершенно напрасно.

Оба комментатора, в частности, не заметили, что Любимов «привел» на московский праздник А. А. Фета, принципиально отказавшегося в нем участвовать («...торжище, где гам и теснота, / Где здравый русский смысл примолк, как сирота» — это строки из его стихотворения «На 26 мая 1880 года. К памятнику А. С. Пушкину», присланного организаторам праздника). Скорее всего, вопреки Любимову, не приезжали на московский праздник и три другие знаменитости: П. И. Мельников-Печерский, Д. И. Менделеев, Антон Рубинштейн (его брат-москвич Николай, возможно, и присутствовал на заседании ОЛРС, будучи организатором музыкальной части праздника).

Но и на этом любимовские фантазии не кончаются.

В первых рядах слушателей, как уверяет мемуарист, рядом с потомками Пушкина, двумя сыновьями и двумя дочерьми (их присутствие подтверждают другие источники), расположилась высшая знать: «Рядом с Пушкинными сидел, представляя собою как бы целую эпоху старой патриархальной Москвы, московский генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгоруков. <...> Рядом с ним сидел прибывший на торжества “по высочайшему повелению”, как представитель правительства, что придавало торжествам особое значение, недавно сменивший на посту министра народного просвещения, графа Д. А. Толстого, статс-секретарь А. А. Сабуров, единственный в зале в вицемундирном фраке с двумя звездами и лентой по жилету. Высокий, худой, с сухим, совершенно бритым лицом, в густо накрахмаленном стоячем воротничке, казавшийся как бы олицетворением сановно-бюрократического Петербурга среди дворянско-купеческой, ученой, литературной и артистической Москвы» (Любимов, 1931 а; Любимов, 1961: 157–158, где вместо «артистической» — «аристократической»). Картина получилась эффектная, с «особым значением», но дело в том, что оба сановника, согласно другим источникам (Агент, Василевский, Венок, газетные отчеты), участвовали только в официальной части торжеств: генерал-губернатор посетил заседание высочайше утвержденного комитета по сооружению

памятника 5 июня, а также открытие памятника и торжественный акт в университете 6 июня; министр просвещения же присутствовал 6 июня на открытии памятника, торжественном акте в университете и думском обеде в тот же день. Все перечисленные мероприятия носили характер государственный (или хотя бы отчасти государственный, как думский обед, на котором присутствовало множество официальных лиц), заседание же ОЛРС, организации сугубо общественной, — по тогдашним понятиям, не уровень генерал-губернатора и министра (ср.: [Фокин, Петрова: 179]).

Далее Любимов спускается чуть ниже: «Затем следовала административная Москва, иерархи, [гражданский] губернатор, обер-полицмейстер, попечитель учебного округа кн. Н. П. Мещерский, представители московского дворянства, предводители: князь А. В. Мещерский, граф А. В. Бобринский, граф С. Д. Шереметев...» (Любимов, 1931 а). Все перечисленные государственные и церковные деятели, безусловно, присутствовали на официальной части торжеств 6 июня, но 7 и 8 июня происходили сугубо общественные собрания (ОЛРС), и там их участие никем кроме Любимова отмечено не было. Что же касается представителей от дворян, то следует заметить, что А. В. Мещерский был московским губернским предводителем дворянства в 1869–1875 гг., а С. Д. Шереметев лишь с 1885 г., в 1880 же году эту должность занимал А. В. Бобринский, чье участие в Пушкинских торжествах, в отличие от двух вышеназванных, отражено в отчетах. Впрочем, и он, скорее всего, присутствовал лишь на официальной части праздника 5 и 6 июня.

Был ли кто-то из важных сановников слушателем Достоевского? Он сам так описал состав приветствовавшей его аудитории: «... всё ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всё это обнимало, целовало меня» (Д30; т. 30;: 184). Если быть точными в номенклатурных терминах, *Государственный секретарь*, т. е. правитель канцелярии Государственного совета, в России был только один: в 1878–1883 гг. эту должность занимал Е. А. Перетц, не присутствовавший на Пушкинском празднике. Зато активно участвовал в нем *статс-секретарь* (должность поменьше) Федор Петрович Корнилов (1809–1895), в это время член Государственного совета и управляющий высочайше утвержденным комитетом по сооружению памятника Пушкину. Достоевский был хорошо знаком с ним по Славянскому благотворительному комитету (делегировавшему писателя на торжества в Москву), председателем которого был Корнилов. 5 июня 1880 г. Ф. П. Корнилов вместе с другим делегатом от Славянского комитета И. Ф. Золотаревым посетили Достоевского в гостинице, и они втроем отправились в Думу на прием делегаций. Сразу после выступления Достоевского 8 июня 1880 г. Корнилов послал ему письмо с благодарностью «за вещее пророческое слово»: «Мне особенно отрадно, что оно сказалось среди торжественных ликований в честь великого русского человека, над памятником которому я потрудился» [Летопись: 433].

Еще одного знаменитого человека — генерала М. Г. Черняева (его как-то не хватало) добавил Любимов в свой список (*Любимов, 1931 b*). Однако доподлинно известно, что славянский герой не мог быть в это время в Москве: 25 июля 1880 г. в письме И. С. Аксакову он сообщал о своем трехмесячном проживании в Белграде (*Письма: 235*).

Любимов среди слушателей Достоевского заметил представителей знаменитых дворянских родов, составлявших цвет московской интеллигенции: «...семьи Самариных и Черкасских, от которых так и веяло эпохой освобождения крестьян; старые князья Трубецкие, а молодые — игравшие впоследствии столь значительную роль в московском дворянстве, тогда еще студенты — стояли недалеко от меня за колоннами» (*Любимов, 1931 a*). Дмитрий Федорович Самарин и его сын Федор на заседании были точно (*Самарин: 252*), не исключено, что вместе с ними присутствовал и другой сын, также студент Московского университета, Петр. Князь же Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), общественный деятель славянофильских убеждений, активный участник крестьянской реформы, как видно из дат его жизни, не дожил до Пушкинского праздника, детей же у него не было. «Старые князья Трубецкие» и «молодые» — это, разумеется, Николай Петрович Трубецкой (1828–1900), директор Московского отделения императорского Русского музыкального общества в 1863–1876 гг., и его дети: Петр, впоследствии лидер московского дворянства, Сергей и Евгений — знаменитые университетские профессора-философы и общественные деятели. С 1876 г. Н. П. Трубецкой — калужский вице-губернатор и возвращается в Москву лишь в 1887 г., так что его участие в московском празднестве должно быть поставлено под большое сомнение, как и его знаменитых сыновей Сергея и Евгения, которые только в 1881 г. после окончания калужской гимназии поступили в Московский университет (в своих «Воспоминаниях» Е. Н. Трубецкой «Пушкинскую речь» Достоевского ошибочно относит к 1881 г., что косвенно подтверждает неучастие братьев в этом событии). Более вероятным такое участие было для их старшего брата Петра, тогда уже студента Московского университета.

Мемуарист далее перечисляет едва ли не всех известных московских предпринимателей-меценатов (братья Третьяковы, Морозовы, Коншины, Губкины, Алексеевы, Кузнецовы, фон Дервиз, фон Мекк, Поляков, Губонин) (*Любимов, 1931 a*). Их дружное присутствие на заседании 8 июня теоретически возможно, но никем более не задокументировано. Мы знаем только, что Достоевского слушал П. М. Третьяков, написавший ему 10 июня: «Ваше торжество 8 июня было для меня сердечным праздником» (*Третьяков*). Нет пока возможности проверить и другие «объединительные», но очень уж сомнительные и доходящие прямо-таки до гротеска сообщения Любимова о том, что в торжестве Достоевского приняли участие «адвокатский мир <...> чуть ли не весь налицо» и «Московский университет — в полном составе» (*Любимов, 1931 a*). Несколько охладительную на этот счет корректировку

находим в отчете корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» (14 июня 1880 г.): «Публики на этом втором заседании как будто несколько меньше, чем на первом, в особенности на почетных местах».

Еще одно утверждение Любимова следует подвергнуть сомнению: то, что Достоевский произносил свою речь, не заглядывая в текст. Это утверждение мемуарист настойчиво проводит в позднейшем варианте воспоминаний: «Достоевский <...> медленно пошел к кафедре, продолжая нервно перебирать листки, видимо, список своей речи, которым, кстати сказать, он потом почти не пользовался»; «здесь Достоевский хотел что-то отыскать в своих листках, но, видимо, не нашел, бросил их и прямо перешел к самому, как он выразился, положительному типу Пушкина — к Татьяне»; «Достоевский помолчал, опять потрепал свои листки, которыми мало пользовался»; «Достоевский цитировал, приводя на память, целый ряд примеров из стихотворений Пушкина» (Любимов, 1961: 162–164). Описание импровизирующего Достоевского впечатляет, но противоречит свидетельствам, очевидно, более точным: «...он не говорил речи; он прочел свой доклад; но прочел его гениально» (Олсуфьев); «Хотя он читал по писанному, но это было не чтение, а живая речь, прямо, искренно выходящая из души» (Страхов: 310). Очевидно, прав был один из мемуаристов: «Он ведь не говорил ее, а читал по рукописи, но так живо, искусно, с такою артистическою выработкой и с таким темпераментом, что наличность рукописи забывалась, и речь казалась тут же на месте рождавшейся и свободно льющейся импровизацией...» (Амфитеатров d).

Еще одна подробность, мимо которой невозможно пройти, связана с реакцией на речь Достоевского И. С. Тургенева. Уже упоминавшийся эпизод, когда оратор поставил Лизу Калитину из «Дворянского гнезда» рядом с пушкинской Татьяной, Любимов в первом варианте воспоминаний излагает так: «Вся зала посмотрела на Тургенева. Тот взмахнул руками и заволновался; затем опустил голову и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, будто он плачет... Достоевский остановился, пристально посмотрел на Тургенева. Несколько секунд длилось молчание, затем Достоевский продолжал» (Любимов, 1931 b). В том же ключе описывает этот эпизод другой мемуарист: «Я видел, как взволнованный Тургенев, сидевший немного в стороне от трибуны, склонил голову и, как я потом узнал, утирал платком появившиеся на глазах слезы» (Бобчев). «Мне показалось» и «я потом узнал» — такого рода свидетельства делают слезы Тургенева в данный момент не очень отчетливыми (о том, что **после** речи плакали многие, имеются достоверные свидетельства; среди прослезившихся, пусть «немножко», тогда был и Тургенев, о чем Достоевский не преминул упомянуть в своих письмах — ДЗ0; т. 30₁: 184, 188). Очевидно, позднее, переписывая текст воспоминаний, Любимов решил декорировать его и в этом выигрышном моменте — вместо слов «опустил голову и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, будто он плачет» он вставил: «закрыв руками лицо и вдруг тихо

зарыдал». И далее: «...среди общей тишины слышались сдерживаемые всхлипывания Тургенева» (*Любимов, 1961: 164*). Столь выдающаяся подробность присутствует лишь в изложении Любимова (да и то только в самом позднем варианте мемуаров) и противоречит другим свидетельствам. Очевидно, она задним числом (как и «выход» Тургенева у Летковой) присочинена рассказчиком для пущей выразительности. Придумывание «выпуклых» деталей вообще было свойственно Д. Н. Любимову, ставшему прототипом князя Шеина в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет».

Продолжая тему Тургенева, Любимов так описывает финал речи Достоевского: «Аксаков бросился обнимать Достоевского, Тургенев, спотыкаясь, как медведь, шел прямо к Достоевскому с раскрытыми объятиями» (*Любимов, 1931 b; Любимов, 1961: 165*). Объятия двух корифеев не исключены, судя по свидетельствам очевидцев: «Обнимают Достоевского члены Общества» (Новое время. 1880. 10 июня); «...группа словесников обнимала высокодаровитого писателя...» (*Венок: 61*); «Когда г. Тургенев на виду у публики обнял г. Достоевского, взрыв кликов и аплодисментов еще усилился и дошел до какой-то бури...» (Новости. 1880. 13 июня). Сам Достоевский сообщал жене, что «все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали», и даже «Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо» (*ДЗ0; т. 30₁: 84*), однако в публичной сфере, в «Дневнике писателя» 1880 г., он скорректировал этот момент: «Рядом с славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, <...> подошли ко мне пожать мою руку и западниги, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества <...>. Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы...» (*ДЗ0; т. 26: 134*). Ср.: «Члены Общества вскочили со своих мест, пожимали ему руки» (Голос. 1880. 9 июня); «Тургенев медленно подошел к Достоевскому и пожал ему руку» (*Бобчев*).

Между тем во многих описаниях этот последний момент предстает гораздо более «горячим»: «Все члены Общества, начиная с И. С. Тургенева, расцеловали его» (Живописное обозрение. 1880. 21 июня); «По окончании речи оба писателя, несколько лет между собою не говорившие, — говорят, горячо между собою поцеловались» (*Веневитинов: 505*); «Писатели, окружив лектора, лобызались с ним» (*Василевский*); «Мы тут же все принялись целовать Федора Михайловича...» (*Страхов: 310*). О рукопожатиях и поцелуях со стороны членов ОЛРС сообщали корреспонденты «Нового времени» (11 июня) и «Недели» (15 июня). Впрочем, чувствительная и растиражированная подробность может быть поставлена под некоторое хотя бы частичное сомнение, так как утверждение о поцелуе именно Тургенева принадлежит лишь одному автору (в «Живописном обозрении» отчет писал расчувствовавшийся И. Ф. Василевский, повторивший затем самого себя в мемуарах), Веневитинов же сам не видел и ссылается на кого-то («говорят») — не исключено, что на корреспонденцию того же Василевского.

А вот целование рук оратора выбежавшими на эстраду восторженными дамами, о чем сообщал Достоевский (*ДЗ0*; т. 30₁: 185, 188), солидарно подтверждается другими источниками и становится затем предметом не очень чистых сплетен (*Салтыков-Щедрин*).

Завершим наш краткий и по необходимости выборочный обзор источников наблюдением еще одного мемуариста: «...в те дни на эстраде великолепного зала московского Дворянского собрания восседал весь ареопаг тогдашней славнейшей эпохи русской литературы. Можно сказать, что в те дни в этом зале, в сердце России — Москве — был собран и весь мозг тогдашней России. Ибо, если на эстраде восседали корифеи нашей словесности и искусства, то и две-три тысячи человек, переполнявшие зал, представляли не случайную толпу, но общество в интеллектуальном смысле самое избранное» (*Олсуфьев*). В целом можно согласиться с этим утверждением, хотя и с некоторыми уточнениями. Во-первых, как мы видели, не «весь ареопаг» был в сборе, да и не мог быть в принципе. А во-вторых, что касается аудитории Благородного собрания (другие мемуаристы определяют ее численность примерно в одну тысячу человек — *Аксаков, Уманец*: 1030–1031), в «избранное общество» не вошли, за одним указанным выше исключением, мужи совета, власть имущие, как бы ни хотелось Д. Любимову, глядя из эмигрантского далека, собрать воедино российскую элиту, представлявшую и общество, и власть утраченной страны. Такова одна крайность, так сказать, «старой» России. Но и другая крайность, со стороны России «молодой» (мемуары *Летковой*) — о решительном расслоении слушателей Достоевского, — была таким же анахронизмом, когда желаемое выдавалось за действительное. Разделение началось, но потом. А тогда всех без исключения увлек вдруг явившийся момент истины. Понять высший смысл происшедшего, разгадать «тайну» «Пушкинской речи» Достоевского стремились и тогда и потом многие умы. Но это тема отдельного разговора, который следует вести после разумной критики источников.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).
- ¹ Например, И. С. Аксаков почему-то запомнил, что А. Н. Плещеев читал свое стихотворение «Памяти Пушкина» перед выступлением Достоевского, хотя тот читал после Достоевского и после перерыва, перед Аксаковым (*Аксаков*: 96). На поводу у Аксакова (и повторившего эту ошибку Д. Любимова) пошли некоторые авторитетные издания [*Летопись*: 431].
 - ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 184–185. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - ³ Телеграмма была опубликована 9–13 июня 1880 г. в газетах «Голос», «Петербургский листок», «Современность», «Церковно-общественный вестник», «Ведомости СПб. градоначальства и СПб. городской полиции», «Ведомости Одесского градоначальника».

- 4 Телеграмму перепечатали с 10 по 15 июня 1880 г. газеты «Молва», «Новости», «Берег», «Варшавский дневник», «Вечерняя газета», «Современность», «Ведомости СПб. градоначальства и СПб. городской полиции», «Правда» (Одесса), «Донские епархиальные ведомости».
- 5 РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1–5. Благодарю В. Н. Абросимову за помощь в копировании рукописи.
- 6 Попутно заметим, что Достоевский в этом списке демонстративно не значится (то же: *Леткова*: 467), хотя на открытии памятника он присутствовал (см.: *ДЗ*; т. 30₁: 182). Не исключено, что Достоевский был в толпе народа, а не в писательской «ВИП-зоне», и поэтому не был замечен Летковой.
- 7 Заседание в Московском университете 6 июня не было мероприятием ОЛРС, это был университетский торжественный акт в честь открытия памятника Пушкину. Заседания же ОЛРС прошли 7 и 8 июня в зале Благородного собрания. Тургенев, соответственно, был избран 6 июня почетным членом Московского университета (вместе с Я. К. Гротом и П. В. Анненковым). Леткова, как видим, в духе уже послереволюционных понятий не делает различия между государственными и общественными институтами: университет был учреждением первого типа, а ОЛРС (хотя и при университете) — второго.
- 8 Профессор истории Московского университета В. О. Ключевский в речи на торжественном акте в Московском университете 6 июня говорил о происхождении типа Онегина и его значении в русской истории (опубликовано: *Русская мысль*. 1880. № 6. С. 20–27). Леткова называет его «нашим», поскольку он преподавал на Высших женских курсах Герье.
- 9 Цитата из речи В. О. Ключевского вырвана из контекста и истолкована расширительно. Оратор говорил о Евгении Онегине как историческом типе, начало которого можно усмотреть в А. Л. Ордине-Нащокине: «Это русский человек, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им» (*Ключевский*: 102).
- 10 6 июня 1880 г. в 21 ч. в зале Благородного собрания состоялся литературно-музыкальный вечер.
- 11 Достоевский не участвовал в университетском акте 6 июня. См. также примеч. 6.
- 12 Стихотворение Пушкина «Вновь я посетил...» было опубликовано В. А. Жуковским в первом посмертном издании поэта с изменением первой строки: «Опять на родине! Я посетил...». В 1855 г. в третьем томе сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова пушкинский текст был восстановлен, но сохранилось название «Опять на родине». В 1859 г. в новом издании сочинений поэта Г. Н. Геннади озаглавил стихотворение по первой пушкинской строке: «Вновь я посетил...», — что сохранилось во всех последующих изданиях.
- 13 Стихотворение «К Чадаеву» сохранилось только в списках, в некоторых из них — «заря», а не «звезда», что было принято и в ряде изданий.
- 14 Та же история, что и с «зарей» (см. предыдущее примеч.): «напишет» вместо «напишут».

Источники

1. *Агент* — Бельчиков Н. Пушкинские торжества в Москве в 1880 г. в освещении агента III Отделения // Октябрь. — 1937. — № 1. — С. 271–282.
2. *Аксаков* — Письмо И. С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. — 1891. — Т. 75. — Кн. 2. — Вып. 5. — С. 90–99.
3. *Амфитеатров а, b, c, d* — Амфитеатров А. В. Достоевский на Пушкинских празднествах 1880 года // Сегодня (Рига). — 1921. — 23–26 ноября. — № 267–270. — С. 2 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.periodika.lv/periodika2-viewer/view/index-dev.html?lang=fr#panel:pp|issue:/p_001_sego1921n270|page:2|issueType:P
4. *Бобчев* — Бобчев С. С. Пушкинская речь Достоевского. Из личных воспоминаний об исторической речи Достоевского на пушкинских торжествах в Москве // Россия и славянство (Париж). — 1931. — 25 июня.
5. *Василевский* — Василевский И. Из московских в честь Пушкина празднеств в 1880 году (по личным воспоминаниям) // Русские ведомости. — 1899. — 19 мая.
6. *Веневитинов* — Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881). [Из дневника М. А. Веневитинова] / публ. и коммент. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 502–509. (Литературное наследство; т. 86).
7. *Венок* — [Булгаков Ф. И.] Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: адреса, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении Пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине. — СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. — 354 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003611373#?page=1>
8. *Ключевский* — Ключевский В. О. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В. О. Литературные портреты. — М.: Современник, 1991. — С. 100–107.
9. *Ковалевский* — Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургенев // Русские ведомости. — 1883. — 27 сентября.
10. *Кони* — Кони А. Ф. Отрывки из воспоминаний. [Пушкинская речь] // Вестник Европы. — 1908. — № 5. — С. 19–21.
11. *Леткова* — Леткова Ек. О Ф. М. Достоевском. Из воспоминаний // Звенья: сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли XIX века. — М.; Л.: Academia, 1932. — Т. I. — С. 459–477.
12. *Любимов, 1931 а, b* — Любимов Д. Речь Достоевского о Пушкине: к пятидесятилетию со дня кончины Ф. М. Достоевского (10 февраля 1881 г.): по личным воспоминаниям // Возрождение (Париж). — 1931. — № 2076. — 7 февраля. — С. 2 (а); № 2078. — 9 февраля. С. 2 (b) [Электронный ресурс]. — URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=cl&cl=CL2.1931.02&sp=vozrozhdenie&e=-----en-20--1--txt-txIN----->
13. *Любимов, 1937* — Любимов Д. Открытие памятника в Москве 6 июня 1880 г. Воспоминания очевидца // А. С. Пушкин и его эпоха. — Париж, 1937. — С. 104–108.

14. *Любимов, 1961* — Любимов Д. Из воспоминаний. (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году) // Вопросы литературы. — 1961. — № 7. — С. 156–166.

15. *Михневич* — Коломенский Кандид [Михневич В. О.]. Вчера и сегодня // Новости и биржевая газета. — 1881. — 1 февраля.

16. *Нелидова* — Нелидова Л. Ф. Памяти И. С. Тургенева // Вестник Европы. — 1909. — Т. 5. — № 9. — С. 202–241 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/323624>

17. *Олсуфьев* — Олсуфьев Д. А., гр. Пушкинские торжества 1880 года. Из воспоминаний // Возрождение (Париж). — 1925. — № 34. — 6 июля. — С. 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vrozozhdenie19250706-01.2.16&e=-----en-20--1--txt-txIN----->

18. *Письма* — Письма М. Г. Черняева и П. Я. Кулаковского к И. С. Аксакову о Сербии в 1880–1882 гг. // Голос минувшего. — 1915. — № 9. — С. 232–249.

19. *Пятковский* — Пятковский А. Пушкинский праздник в Москве. VII–VIII // Приложение к журналу «Народная школа». — 1880. — № 12. — С. 23–31.

20. *Салтыков-Щедрин* — [Письмо А. Н. Островскому 25 июня 1880 г.] // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. — М.: Худож. лит., 1976. — Т. 19: письма 1876–1881. — Кн. 1. — С. 157.

21. *Самарин* — «А впечатление было поистине необычайное...» (письмо Ф. Д. Самарина о Пушкинской речи Достоевского) / публ. Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура: альманах. — М.: Классика плюс, 1997. — № 9. — С. 251–255.

22. *Страхов* — Страхов Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. — СПб., 1883. — С. 167–329.

23. *Тимирязев* — Тимирязев К. А. Памяти друга (Из воспоминаний о М. М. Ковалевском) // Тимирязев К. А. Избр. соч.: в 2 т. — М.: Сельхозгиз, 1957. — Т. 2. — С. 548–549.

24. *Третьяков* — [Зильберштейн И. С.] Новонайденные и забытые письма Достоевского. [П. М. Третьяков. Письмо Ф. М. Достоевскому 10 июня 1880 г.] / публ. И. С. Зильберштейна // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 127. (Литературное наследство; т. 86).

25. *Уманец* — С. Уманец. Мозаика (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. — 1912. — № 12. — С. 1013–1066.

26. *Успенский* — Успенский Г. И. Праздник Пушкина (Письма из Москвы — июнь 1880) // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 392–405. (Серия литературных мемуаров).

Список литературы

1. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. — М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. — 780 с.
2. Долинин А. С. [Комментарии] // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1964. — Т. 2. — С. 471.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
4. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимирова, В. Д. Рака. — СПб.: Академический проект, 1994. — 265 с.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1995. — Т. 3: 1875–1881. — 614 с.
6. Тюнькин К. И. [Комментарии] // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 566.
7. Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 162–195 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (1.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

VA_Viktorovich@mail.ru

Dostoevsky's Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90012 Dostoevsky.

Abstract. The article provides a critical analysis of the sources that report the details of Dostoevsky's Pushkin speech on June 8, 1880. They include letters, diaries and memoirs of listeners, telegrams and reports in newspapers and journals of the time. A cross-examination of existing and newly discovered sources revealed a number of conjectures, which usually emerge due to ideological considerations. The focus is on the memoirs of E. P. Letkova-Sultanova and D. N. Lyubimov, which depicted the event from ideologically opposed points of view. Thus, Letkova strongly denies the moment of unanimity of Dostoevsky's audience, recorded by other memoirists, and insists on the initial rejection of his speech by radical youth. Her memoirs usually arouse the confidence of researchers, since the author confirms his judgments with excerpts from his personal diary regarding the two-day the Pushkin celebration (June 7 and 8) that assert the priority of Turgenev. Letkova's memoirs were published in 1932. However, another, earlier and previously unpublished text has been preserved in The Russian State Archive of Literature and Arts in the N. S. Ashukin collection. It comprises five handwritten pages of the article "June days of 1880 in Moscow (From the diary of Ekaterina Letkova)". Comparison of the early (1924) and late (1932) editions of Letkova's "diary" leads to the unequivocal conclusion that this "diary" was a later mystification, which was supposed to confirm the righteousness of progressive forces in their opposition to Dostoevsky (this motive was significantly emphasized in the 1932 edition). The memoirs of

D. N. Lyubimov are structured in the same manner, only differing in that they covered the event from a conservative point of view. Lyubimov's memoirs are relevant for researchers, since he described Dostoevsky's audience in a more detailed way than other memoirists. This description should have led to the idea of consolidating the best members of Russian society. However, a critical analysis of this source showed that more than half of those who listened to Dostoevsky according to Lyubimov could not have attended the meeting. The memoirist also distorts the Turgenev's perception of Dostoevsky's speech (he allegedly "sobbed" when the speaker compared Lisa Kalitina to Tatyana Larina). Criticism of sources allows us to clarify a number of aspects in the perception of Dostoevsky's Pushkin speech as a key event in Russian culture, to approach its understanding on the basis of verified evidence from contemporaries.

Keyword: Dostoevsky, Pushkin's speech, criticism of sources, the problem of authenticity

About the author: *Viktorovich Vladimir A.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation)

Received: September 2, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Viktorovich V. A. Dostoevsky's Pushkin Speech in the Testimonies of Contemporaries. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 48–69. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5101 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo [The Last Year of Dostoevsky]*. Moscow, AST Publ., 2017. 780 p. (In Russ.)
2. Dolinin A. S. Comments. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, vol. 2, p. 471. (In Russ.)
3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
4. Levitt Marcus C. *Literatura i politika: Puskinskiy prazdnik 1880 goda [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
6. Tyunkin K. I. Comments. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, p. 566. (In Russ.)
7. Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 162–195. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595258841.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681 (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5061

УДК 821.161.1+791

Л. И. Сараскина

Государственный институт искусствознания

(Москва, Российская Федерация)

l.saraskina@gmail.com

Были и небылицы в сериале о «нехрестоматийном Достоевском»

Аннотация. В статье подробно проанализирован восьмисерийный историко-биографический художественный телефильм «Достоевский», снятый в 2011 году режиссером В. И. Хотиненко по сценарию Э. Я. Володарского. Авторы сериала поставили задачу создать образ «нехрестоматийного Достоевского», в целом (или во многом) не известного современному зрителю. Однако суть и содержание «нехрестоматийности», равно как и «хрестоматийности», не были ими ни обозначены, ни раскрыты. Профессиональная экспертиза обнаружила в сценарии массу грубейших искажений и биографии Достоевского, и отечественной истории. Провальный сценарий после частичной режиссерской правки был все же принят им к постановке, которая оказалась в результате столь же провальной. Задача фильма, как ее декларировал режиссер, — показать Достоевского в *его человеческом измерении* — реализовалась весьма специфически: ради ложной драматизации подлинные переживания писателя в роковые моменты его жизни были подменены вымышленными; многие события, доподлинно известные и документированные, — нарочито искажены. Писатель интересовал режиссера в основном как личность, поврежденная многими пороками, с биографией, наполненной небывалыми экзотическими подробностями. Режиссерским произволом Достоевскому приписывались намерения, страсти и поступки его героев — этот негодный, хотя и распространенный прием был активно востребован в сериале. Россыпь фривольных сцен должна была доказать современному зрителю, что Достоевскому не было чуждо ничто человеческое. Литературная жизнь Достоевского, публичные чтения, которые он так любил, в фильме были представлены как приманка, на которую завлекалась очередная жертва мужского любострастия. По сериалу выходило, что писатель репетирует в своем личном пространстве будущие криминальные поступки персонажей. Подлинный, *известный* Достоевский, остался не востребован режиссером сериала. В нем не нашлось места ни работе над романом «Бесы», ни истории создания «Братьев Карамазовых», ни открытию памятника Пушкину в Москве и «Пушкинской речи» писателя, ни его драматическим отношениям с К. П. Победоносцевым, ни дружбе с С. А. Толстой, ни жестокому нездоровью последних дней, ни кончине, ни беспрецедентным для России похоронам. Очевидно, что биографические картины о Ф. М. Достоевском впредь будут нуждаться в квалифицированной консультации специалистов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. И. Хотиненко, Э. Я. Володарский, историко-биографический сериал, сценарий, интерпретация, человеческое измерение, вымысел, клевета, миф

Об авторе: Сараскина Людмила Ивановна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания (пер. Козицкий, 5, г. Москва, Российская Федерация, 125009), ORCID ID: 0000-0003-4844-4930

Дата поступления: 05.10.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Сараскина Л. И. Были и небылицы в сериале о «нехрестоматийном Достоевском» // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 70–105. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5061

© Л. И. Сараскина, 2020

Весной 2011 года центральные российские СМИ анонсировали выход на отечественные телеэкраны восьмисерийного цветного художественного фильма «Достоевский», снятого режиссером Владимиром Хотиненко по сценарию Эдуарда Володарского и приуроченного к 190-летию юбилею писателя. В 2021-м, в год 200-летия писателя сериалу исполнится десять лет. Его регулярно показывают на каналах «Россия-1», «Культура» и других федеральных каналах. Наверняка будут показывать и в юбилейные дни.

А тогда, в 2011-м, заголовки газетных статей и теленовостей обещали, что российский телезритель увидит в историко-биографическом мини-сериале *нехрестоматийного* Достоевского, то есть, по оценкам авторов картины, человека «живого, противоречивого, страдающего»¹. Сама по себе новость о предстоящей премьере и радостно будоражила, и неприятно настораживала: с одной стороны, давала надежду, что юбилей автора «Бесов» наконец-то будет достойно и, главное, объемно отмечен российским кинематографом, с другой — вносила сумятицу в содержание декларируемой *нехрестоматийности*: и на отечественном, и на мировых экранах образ Достоевского уже не раз был представлен и сложно, и противоречиво, и страдальчески, а порой — и с большими искажениями; другое дело, что почти всегда зрелище было пунктирным или фрагментарным.

Хрестоматийного Достоевского экранное искусство за столетие своего существования не создало ни в его родной стране, ни за ее рубежами. Да и что значило в понимании режиссера определение «хрестоматийный Достоевский», оставалось неясным: то ли «хрестоматийность» подразумевала безгрешность и святость, то ли та же «хрестоматийность» трактовалась как греховность и порочность. Впрочем, режиссер все же попытался внести ясность: «Достоевского я полюбил, я понял его как человека и сроднился с ним. Достоевский был очень сложным человеком с очень непростым характером. Иногда вредный, но с удивительно тонким чувством юмора»².

Но кто же из русских писателей был не очень сложным человеком, с совсем простым характером, ангельски безвредный и без чувства юмора? Ясности это признание не добавило.

Авторы картины — и сценарист, и режиссер — к моменту съемок «Достоевского» зарекомендовали себя как признанные мастера отечественной кинематографии. **Э. Я. Володарский** (1941–2012), советский и российский киносценарист, драматург и прозаик, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат многих кинематографических премий, награжденный орденами «за многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами»³, был автором сценариев к фильмам «Мой друг Иван Лапшин», «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Проверка на дорогах», «Штрафбат», «Прощай, шпана замоскворецкая», которые вошли в сокровищницу отечественного кинематографа. Володарский считался авторитетнейшим

кинодраматургом, находившимся в самой сердцевине кинопроцесса. Режиссер Владимир Краснопольский говорил о Володарском, авторе почти девяноста сценариев: «Он давал такой материал в руки режиссерам, к которому оставалось только подобрать точных актеров, почувствовать замысел сценария. Девять десятых сценариев были победами»⁴. Н. С. Михалков не скрывал своего восхищения человеческими и писательскими талантами Володарского, когда того не стало: «Ушел выдающийся сценарист, выдающийся человек, товарищ, вообще личность удивительная совершенно. Личность знаковая во многом — потому что в свое время то, что делал Володарский, не рисковал делать никто почти. Я думаю, что с его именем связаны одни из самых лучших страниц в кинематографе и это трудно будет кому-нибудь оспаривать»⁵.

Народный артист РФ (2010), кинорежиссер, сценарист, актер и педагог **В. И. Хотиненко** (1952) окончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров в мастерской Н. С. Михалкова, работал со своим мастером как ассистент режиссера на картинах «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», «Пять вечеров», «Родня», а также самостоятельно снял два десятка картин, в том числе «Зеркало для героя», «Макаров», «Мусульманин», «72 метра», «Гибель империи», «1612», «Поп». Хотиненко — обладатель нескольких государственных наград и кинематографических премий, член Патриаршего совета по культуре (2010).

Отдавая должное заслугам в сфере культуры Володарского и Хотиненко, должна признать: с Достоевским у них, как говорится, что-то пошло не так. Видимо, сценарий «Достоевского» оказался тем одним из десяти, что стал не победой, а обидным поражением.

1

Прежде чем воплотиться в мини-сериал, сценарий Володарского прошел длинный и тернистый путь, и можно только благодарить создателей картины, что работа сценариста подверглась экспертизе высококлассного специалиста. В интервью «Российской газете» доктор филологических наук, заместитель директора Музея Достоевского в Санкт-Петербурге, президент Российского общества Достоевского Б. Н. Тихомиров рассказал:

«У сериала, если судить по титрам, вообще не было консультанта — ни литературоведа, ни историка. Я же писал лишь экспертное заключение на сценарий, тогда, когда съемки еще не начались, когда еще предполагалось, что снимать фильм будет не Владимир Хотиненко, а другой, тоже весьма известный режиссер. Заключение мое — объемом, кстати, более ста страниц — было резко отрицательным. В сценарии оказалось столько вранья, путаницы, нелепостей и откровенного невежества (как по части биографии Достоевского, так и вообще отечественной истории), что возникало впечатление (конечно же, речь идет только о моем субъективном впечатлении), что

его писал не маститый сценарист Эдуард Володарский, а литературные “рабы”, и что мэтр не удосужился даже пройтись по их работе “рукою мастера”. Об этом своем впечатлении я без обиняков сообщил и первому режиссеру-постановщику, и сменившему его Владимиру Хотиненко, прямо заявив, что сценарий, по моему заключению, совершенно безнадежен. Тогда же мною было поставлено категорическое условие, чтобы моего имени ни в коем случае не было в титрах фильма. И я очень признателен Владимиру Ивановичу, что он с пониманием отнесся к моей просьбе⁶.

На вопрос интервьюера «Российской газеты», почему же В. И. Хотиненко, которому была до последней буквы известна разгромная экспертиза сценария, все же взялся за съемки картины, Тихомиров ответил:

«Полагаю, здесь была не одна, а целый комплекс причин. И первая из них, думаю, это азарт большого художника. А Владимир Хотиненко, бесспорно, большой художник. И он исходил из убеждения, что фильм о Достоевском необходим нашему кинематографу, что он может быть интересен и важен зрителю и что он, Хотиненко, может его снять. Взявшись за этот сценарий, режиссер — а я могу об этом судить объективнее сторонних критиков — предпринял титанические усилия в попытках спасти то, что, по моему глубокому убеждению, невозможно было спасти. Я смотрел сериал как бы двойным зрением, разводя сценарную основу фильма и то, что сделал Хотиненко. Там, где режиссер сумел освободиться от “пут сценария”, он — вместе с замечательными актерами — создал немало эпизодов, которые великолепно смотрятся. Но целое — увы! — принадлежит сценаристу, это “Достоевский от Эдуарда Володарского”. И для меня этот сериал — драма нереализованных возможностей. Владимир Хотиненко в сотрудничестве с Евгением Мироновым, Чулпан Хаматовой и другими актерами, сыгравшими в фильме, вполне мог бы по иному сценарию снять первоклассную ленту о Достоевском — писателе, мыслителе и человеке»⁷.

Надо сказать, история со сценарием «Достоевского» в свете экспертного заключения Бориса Тихомирова представляется весьма странной — в том смысле, что она очень не похожа на творческие принципы и почерк сценариста, не раз публично декларировавшего приоритеты исторической правды и достоверности в кинематографе. «Не могу я смотреть, — говорил Э. Я. Володарский, — на красноармейца, который сидит в окопе, надо полагать, не первый день, а у него белые подворотнички к гимнастерке пришиты. Белые-белые. Такие, как будто только сейчас ему пришили. Отсюда сразу веет неправдой. А когда появляется ощущение неправды, то для меня вообще исчезает предмет для размышлений. Ну вранье всё это, чего я буду смотреть? Черно-белое кино давало ощущение этой поразительной правды. Как хроника»⁸.

Но ведь белоснежные подворотнички у воюющих солдат — будь они в окопе, в наступлении, на переправе — деталь костюма персонажа, которая тоже относится к исторической правде; а, как видно из интервью, неправда для сценариста и драматурга Володарского художественно неприемлема.

Сериалу «Достоевский» с исторической правдой и достоверностью кастрофически не повезло. Но, замечу — не только с ней.

Прочитую еще один фрагмент из экспертного заключения специалиста:

«Переводя литературную основу Володарского в режиссерский сценарий, Хотиненко буквально вычистил “Авгиевы конюшни”. Без преувеличения, процентов девяносто жуткого вранья, нелепостей и бессмыслицы, имевшихся в исходном сценарии, он исключил из фильма. Причем надо знать, что ошибки, ляпсусы и несообразности присутствовали в тексте Володарского буквально на всех уровнях, сверху донизу: и в деталях, и в логике поведения персонажей, и в отдельных сценах, и в композиции эпизодов»⁹.

Один из конкретных ляпсусов сценария выглядит анекдотично:

«Скажем, в 7-й серии был эпизод, когда в 1868 году Достоевский в Дрездене встречает Аполлинарию Суслову с ее молодым мужем Василием Розановым. Мало того, что молодой Розанов женится на Суслихе лишь в декабре 1880 года и в 1868 году ему еще было только 12 лет, так у Володарского вдобавок они давно знакомы с Достоевским, общаются на “ты”, и в пылу спора Достоевский цитирует на память статьи Розанова, написанные в начале XX века!»¹⁰.

Казалось бы: режиссер исправил ошибки, избавил сценарий от «жуткого вранья, нелепостей и бессмыслицы». Но что появилось взамен и появилось ли?

Прочитую фрагмент интервью режиссера, где он тремя фразами объясняет мотивы, побудившие его все же взяться за фильм с негодным сценарием вместо отказавшегося от работы предшественника:

«...жизнь Достоевского так же интересна, как и его романы. К тому же хотелось сломать школьные стереотипы о писателе. И первое, что мне стало ясно: я ничего не знаю о Достоевском, хотя в школе был отличником»¹¹.

Первое утверждение совершенно справедливо: жизнь Достоевского, как ее видит любой биограф, быть может, лучший из его романов, во всяком случае столь же пронзительный и вдохновенный. Второе утверждение лишено основания: в школьной программе по литературе для 10 класса биография Достоевского изучается обзорно, пунктирно — так что стереотипы не успевают возникнуть, и даже альтернативные учебники не углубляются в жизнеописание классика. Что именно имеет в виду Хотиненко под школьными стереотипами, неясно; разве что школьникам не слишком подробно

рассказывают о «грехах и пороках» писателя, предлагая смотреть на его жизнь сквозь розовые очки.

Так, может быть, «нехрестоматийный» Достоевский — это Достоевский «разоблаченный» и «низвергнутый»?

И вот главное признание режиссера: «Первое, что мне стало ясно: *я ничего не знаю о Достоевском*, хотя в школе был отличником».

Следы этого «ничегонезнания» вкупе с досадными курьезами недопонимания между авторами картины слишком заметны во всех ее сериях. Так, Володарский признавался:

«Свежее разочарование — “Достоевский”. Владимир Хотиненко, талантливый режиссер, увы, упростил, даже спрямил мой замысел. Он пытался мне объяснить, что сценарий оказался чересчур большим для восьми серий. Этого не может быть, потому что мой опыт не позволяет мне превышать метраж. В итоге получилась, на мой взгляд, в основном история всяких влюбленностей Достоевского. А вот почему именно этот человек стал пророком на много лет вперед, из фильма не поймешь. Обидно»¹².

О том, что сценарий и фильм говорят о Достоевском не только по-разному, но и вообще сценариста и режиссера интересует разное в жизни Достоевского, с сожалением говорили и критики картины:

«От фильма “Достоевский” ждали многого: режиссер Владимир Хотиненко, сценарист Эдуард Володарский и актер Евгений Миронов — это те имена, ради которых стоит потратить свободный вечер. Жизнь Достоевского сама по себе настолько кинематографична и наполнена нешуточными страстями, что давно просилась на экран. <...> Володарский явно писал мелодраму о Достоевском и его женщинах, в которой он, как человек литературно одаренный, не мог не коснуться ахматовской темы “когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда”. Хотиненко снимал байопик — увлекательное жизнеописание с идеологическими аллюзиями, где частная жизнь переплетается с профессиональной и общественной деятельностью персонажа, представляя нам его во всем своем объеме. Ни того, ни другого не получилось — невнятная непроговоренная концепция даже при наличии замечательных артистов тут же дала сбой»¹³.

Итак, Володарский упрекал (обвинял) Хотиненко в том же, в чем Хотиненко упрекал (обвинял) Володарского — в упрощении образа, в погоне за сюжетами, связанными со «всеякими влюбленностями» и т. п. Впрочем, Хотиненко эти упреки отметал:

«Есть такая кухня, своя, и есть то, что потом можно выносить на публику. Значит, ну, он [Володарский] испугался какого-то общественного мнения или еще чего-нибудь — я не знаю, честно говоря. Бог ему судья. А акцент,

я вам так скажу: любовь, если перестанет в нашей жизни занимать такое место, любовь и, в частности, любовь к женщине, значит, это будет не человеческая жизнь. И слава Богу, в этом смысле Достоевский был живым человеком»¹⁴.

Как бы отвечая и режиссеру, и критикам, свое недовольство картиной выразил и Володарский, имея в виду прежде всего ее несоответствие сценарию:

«Мне показалось, во-первых, несоответствие заключается в том, что слишком большой перекося произошел в картине по сравнению со сценарием в истории личной жизни, влюбленности и любовных страстей Федора Михайловича. В результате чего, в общем, не очень понятно, почему Достоевский? Если убрать фамилию Достоевский, то получится история таких вот увлечений, страстей немолодого, пожилого человека, не очень симпатичного, так сказать, и больного ко всему прочему. А почему он Достоевский? Почему эта фамилия до сих пор притягательна для любого русского писателя и вообще мыслящего человека?»¹⁵.

Итак, «невнятная непроговоренная концепция» в создании образа героя биографического фильма прежде всего стала причиной провала сериала. Вопросы «почему провал?» и «почему Достоевский?» требуют подробного комментария.

2

Достоевский прожил пятьдесят девять лет и три месяца. Биографический сериал о нем начинается эпизодом 1873 года, когда художник Василий Перов (исп. роли — Александр Петров) пишет масляными красками портрет писателя (позирует Евгений Миронов); эта сцена-заставка будет открывать каждую серию. Параллельно зритель видит, как арестованного Достоевского куда-то везут из Петропавловской крепости. Окошко кареты замерзло, узник пытается ногтем процарапать лед и дыханием отогреть стекло, чтобы опознать дорогу, но конвоир хрипло кричит ему: «Не высовывайся»¹⁶.

Достоевскому 28 лет, чуть меньше половины жизни.

Конечно, художественно полноценный биографический сериал о писателе может охватывать любой период его жизни, содержать любые эпизоды, и через них — при желании и умении авторов картины — показать всю жизнь. И все же с первых кадров в фильме демонстративно игнорируются первые двадцать семь лет Достоевского — история его семьи, детство, гимназические годы, ранняя смерть матери, смерть Пушкина (так сильно повлиявшая на юношу), учеба в Инженерном училище, первые литературные опыты, драматические отношения с тогдашними корифеями литературы, первый успех и первые неудачи. Такой прием указывает прежде всего на то, что авторов картины интересуют только те моменты жизни великого

писателя, которые можно эффектно заострить, выжать из них максимум драмы, а то и скандала.

«В сценарии, — утверждал Б. Н. Тихомиров, — Достоевский интересуется автором исключительно как каторжник, эпилептик, азартный игрок и сексуально озабоченный тип. Когда в последние годы, после возвращения из Европы, все это: и каторга, и рулетка, и сложности в отношениях с женщинами, — остается позади, у Достоевского устанавливается стабильная семейная жизнь, он не подходит к игорному столу, реже становятся припадками, а главное, он достигает вершин своего творчества, создает великие романы: “Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы” — и сценарист явно утрачивает интерес к своему герою, и последнему десятилетию жизни писателя уделяет одну неполную серию»¹⁷.

Первые два с половиной десятилетия жизни Достоевского так же мало интересовали сценариста. Но все же можно было ожидать, что сериал так или иначе восполнится эпизодами взросления и становления писателя — пусть фрагментарно, в форме воспоминаний. По свидетельству эксперта, в сценарии Володарского «был эпизод (так называемый “флэшбэк”, воспоминание взрослого Достоевского о своей юности), когда пьяненький отец писателя заявлял: “А я вот чтой-то не видал ни разу и не почувствовал — ни Бога, ни черта! Стало быть, нету? Нету Бога, и все тут!” А затем резюмировал: “А если он есть, что ж он до сих пор не покарал меня, ась?”. Вот она, религиозная проблематика по Володарскому! Слава Богу, в фильме Хотиненко этот эпизод тоже опущен»¹⁸. (Все же похожий эпизод в картине явно обнаруживается — о нем ниже.)

Вернусь к сериалу.

1849 год, 22 декабря, Санкт-Петербург, раннее морозное утро. Из ворот Петропавловской крепости в сопровождении конного конвоя выезжают кареты с арестантами в сторону Семеновского плаца — месту публичной казни. По одну сторону оцепленной войсками площади толпятся солидные господа в шубах и шапках, за ними простой люд — зеваки, любопытствующие. Арестантов (их двадцать три) выводят из карет (их шесть) и ведут на эшафот; под ногами скрипит снег, все осужденные без верхней одежды. Возле эшафота сложены гробы — один на другом. Звучит команда: «На караул!». Барабанный бой. Полицейский чин зачитывает приговор: «Указом его Императорского Величества высочайше утвержденная комиссия военного суда признала всех злоумышленников виновными и приговорила их к смертной казни расстрелянием...» Отдана команда: «Первых трех к столбам». Первую тройку привязывают к столбам и под барабанный бой надевают им на головы мешки. По версии картины, это, судя по приблизительному портретному сходству, Михаил Петрашевский, Николай Спешнев и Федор Достоевский (в титрах первые два не значатся).

Звучат команды: «Готовься! Цельсь!». Солдаты с ружьями на изготовку, указательные пальцы на курке, напряженно ждут команду «Пли». Остаются

секунды. Но вот фельдъегерь, наблюдающий за процедурой казни из кареты, в последние мгновения перед выстрелами выбегает из своего укрытия и протягивает полицейскому чину бумагу: «От Государя!.. С нарочным!.. Спешно!.. Отставить казнь!.. Велика милость Государя...»

Инсценировка окончена. С голов приговоренных стаскивают мешки. Достоевский в полуобмороке, дрожит, пальцы судорожно вцепились в мешок. «Господь милостив», — жалостливо говорит ему служитель.

Первые восемь минут картины озадачили многих зрителей, которые хоть немного знали фактическую сторону дела, не говоря уже о критиках. Сцена казни, вернее ее инсценировка, в картине нарочито искажена, ужесточена: мешок на голове Достоевского, его полуобморок — прямой вымысел авторов картины, подмена и подтасовка. Ради эффекта, ради заострения коллизии и ложной драматизации момента Достоевскому подменили его истинное переживание: мешок на голову Достоевского надели не реальные исполнители казни, а сценарист с режиссером.

В многочисленных интервью, случавшихся во время работы над картиной, В. Хотиненко неизменно повторял, что снимает «*неизвестного Достоевского*»: «Главная цель моего нового фильма — показать такого Федора Михайловича, о котором никто не знает»¹⁹. Дескать, все слышаны о Достоевском-гении, но мало кто представляет себе его человеческое измерение. Режиссер не скрывал, что он, будучи образованным человеком, прежде почти ничего не знал о писателе — так, какой-то угрюмый, сложный, с трудным характером сочинитель знаменитых романов.

Приходилось напряженно гадать — прежде всего исследователям — о какой «неизвестности» идет речь? Быть может, режиссер напал на след арестованного в 1849 году III Отделением архива Достоевского, и теперь мы наконец узнаем, как выглядели его юношеские пьесы «Борис Годунов» и «Мария Стюарт», рукописи которых видел на письменном столе молодого писателя его младший брат Андрей?.. Увы, их сжег перед арестом старший брат Михаил (см. об этом: [Захаров, 2014]). Или, быть может, сценаристу удалось обнаружить исчезнувшие в годы Гражданской войны черновой и белой автографы «Братьев Карамазовых»?.. Но поиски ведутся и по сей день (см. об этом: [Нечаева, 1957; Зильберштейн, 1973; Иванов, 1980; Орнатская, 1992; Боград, 1996; Тихомиров, 2007] и др.). А может, съемочная группа тайно упивалась новообретенными письмами М. Д. Исаевой, которые доселе считались утраченными, и драма первого супружества Достоевского получит, наконец, дополнительное документальное освещение?

Увы, этих открытий зрители ждали напрасно. И тем не менее «неизвестного Достоевского» они все же увидели — такого, какого никогда не было.

Когда в прессе появились критические высказывания биографов писателя (в том числе и мои) в связи со сценой на Семеновском плацу, сценарист не смог сдержать своего негодования. В интервью для радио «Эхо Москвы» он заявил:

«А какое это имеет значение, в какой он тройке был? Это что, на экране заметно? И вообще, какое это имеет значение для Достоевского, для его судьбы, был он в первой тройке или во второй тройке? Понимаете, это глупость, которая мне непонятна совершенно. Неужели это имеет значение, шел он в первой тройке или во второй тройке. Важно то, что на него мешок надели — вот, что главное. И что объявили ему о расстреле... А в какой он тройке был, да бог его знает. Ну, был он, но она-то откуда, Сараскина, знает? Она что, там была, что ли? Вот эта вот нелепость такая, это цепляние за такие... Ну что это? Вот на экране вы посмотрите — что, имело значение, в какой тройке они шли там?»²⁰

Конечно, никто из биографов Достоевского, и я в том числе, на месте казни Достоевского не был, и быть не мог. Но никто не мешал авторам картины о Достоевском прочитать его письма — в частности, его письмо брату Михаилу, написанное из Петропавловской крепости тем же вечером. Ответить сценаристу, откуда я знала про мешок, было не трудно, ибо и в самом деле не стоял Федор Михайлович в первой тройке осужденных на казнь петрашевцев. Не надевали на него мешок, не целились в него из ружей солдаты. Как все обстояло на самом деле, видели сотни свидетелей, об этом известно до мельчайших подробностей, хотя и противоречивых, что естественно для события такого масштаба. Достоверно одно: к расстрельным столбам вызвали Петрашевского, Момбелли и Григорьева; их привязали веревками, затянули руки позади столбов и затем обвязали веревки поясом. Раздался приказ: «Колпаки надвинуть на глаза». На лица привязанных были опущены капюшоны, солдаты приготовились стрелять. Истекали последние мгновения жестокого спектакля. «Я, — напишет Достоевский, — стоял шестым, вызывали по трое, следовательно, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты» (курсив мой. — Л. С.)²¹.

Зачем понадобилось авторам фильма исказить события, изменяя переживания Достоевского, которые останутся с ним на всю жизнь? Двадцать лет спустя своими впечатлениями о подобной казни поделится князь Мышкин:

«Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? <...> Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: “Ступай, тебя прощают”. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» (Д30; 8: 20–21).

Добавлю: не стоило так небрежно поступать и с биографическим материалом. Рискну процитировать и свое высказывание «по свежим следам»:

«Фильм мало соответствует реальной биографии Достоевского. Собственно, тут вообще нет биографии, а есть ряд пунктиров, плохо связанных между собой <...>. Создателей фильма не заинтересовали ни детство писателя, ни его учеба в Инженерном училище, ни первые литературные опыты, ни драматические отношения с тогдашними корифеями литературы — Белинским, Некрасовым, Тургеневым. Да и сама сцена казни показана с грубейшими искажениями — как будто не было сотен живых свидетелей, не осталось воспоминаний участников казни, в том числе писем самого Достоевского. Кажется, авторов фильма вообще не волновала проблема достоверности — столько в этой картине нелепых нарушений правды, передержек, недопустимого и необъяснимого своеволия» [Сараскина, 2011].

Однако режиссер любую критику обидчиво отвергал:

«По поводу казни — слава богу, хоть один аргумент нашелся у автора сценария, что какая разница, мешок надели? Ну, надо же законы понимать: это кино. Никто не обещает документального исследования. А чего так безответственно заявлять, что я там чего-то не знал? Откуда они знают это? <...> Что я им, школьник, что ли? Я не знаю, сколько там они чего сделали в этой жизни, я знаю, что я сделал. Что это так отчитывать меня! <...> Я что, школьник на экзаменах?! Я им много чего могу рассказать»²².

Но вот впечатление не критика, а правнука писателя, Дмитрия Андреевича Достоевского, к которому после выхода картины обращались многие СМИ. Дорожа прежде всего памятью прадеда, его правдивым образом, правнук высказался недвусмысленно:

«Сериал “Достоевский” Хотиненко — это какой-то пасквиль, издевательство над Федором Михайловичем. Володарский — маститый автор, а скропал сценарий ради денег. Специалисты не приняли этот труд из-за вранья и полного непонимания Достоевского. Консультант проекта — сотрудник музея дал отрицательный отзыв на сценарий. Но съемки все равно состоялись... Если снимаешь биографический фильм, будь добр, сохраняй историческую правду. Сцена казни в сериале снята исключительно ради драматической картинки <...> ...прадед вспоминал позднее, в этот момент вдруг увидел крест на соборе, который засиял на солнце, вышедшем из-под облаков. И осознал, что у человека две жизни: земная и вечная. Вот главное, что произошло во время этой несостоявшейся казни»²³.

После выхода фильма как историки, так и любознательные зрители попытались выяснить, действительно ли Достоевский стоял у расстрельного столба с мешком на голове (см., напр.: [Васильев, 2017]). Однако авторы фильма сочли для себя необязательным углубляться в историю вопроса,

избежали соблазна изучить свидетельские показания, оправдываясь стандартно: мол, снимали не документальный, а художественный фильм.

И критики, и зрители им справедливо возражали, что пресловутый мешок на голове Достоевского — это подмена его истинных переживаний на эшафоте за минуту до казни. «Я прекрасно знаю, — утверждал правнук писателя, — что происходило в этот момент в душе писателя из его воспоминаний. Федор Михайлович переродился, почувствовав, что вот-вот уйдет в небытие. И что там его ждет — был главный для него вопрос... А на экране показывали какого-то растерянного человека... Я могу цитировать Достоевского много, он об этой казни подробно пишет. Это ведь очень драматургично, и можно было здорово снять. А получился человек, неправильно поданный исторически. И я тогда переключил канал. Потом время от времени к сериалу возвращался, пытался вникнуть, но снова выключал, потому что совершенно не согласен со многими трактовками режиссера Владимира Хотиненко. Видимо, здесь все совпало: неумный режиссер и неправильный сценарий Володарского»²⁴.

Ложь первых кадров о казни на Семеновском плацу (в фильме, повинуюсь сценарию, Федор Михайлович то и дело будет рассказывать о *своем стоянии с мешком на голове в ожидании выстрела*), как ржавчина, поползет из сцены в сцену, из серии в серию. Первые минуты сериала, посвященные переломному событию в жизни Достоевского, показанные с невозможным авторским безразличием к исторической правде, обнажили пагубные для картины сценарные и режиссерские приемы. И больше всего, конечно, обескураживал полемический пафос авторов картины, недоумевающих, почему критики и потомки «вцепились» в «ничего не значащую подробность»: мол, какая разница, стоял Достоевский у столба с мешком на голове или не стоял. Это злокачественное «какая разница?» стало сквозным мотивом многих художественных решений биографического сериала.

3

Можно понять, почему фильмом о прадеде его правнук был крайне разочарован. Мешок на голову Достоевскому надели, но роль его в обществе Петрашевского и само это общество остались вне сценария и вне фильма, фигуранты политического процесса не были даже названы в титрах. Вывели на казнь два десятка молодых людей, царской милостью даровали жизнь — и бросили безымянных страдальцев на произвол ножных кандалов и сибирской каторги. Сериалу они были, по-видимому, малоинтересны.

Между тем Достоевский, едва выйдя из каторги и получив разрешение на переписку, в первом же письме брату Михаилу рассказал о своих товарищах по несчастью:

«Все наши ссыльные живут помаленьку. Тол<л>зь кончил каторгу, он в Томске и живет порядочно. Ястржембский в Таре кончает. Спешнев в Иркутской

губернии, приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непродоходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением. Петрашевский по-прежнему без здравого смысла. Момбелли и Львов здоровы, а Григорьев, бедный, совсем помешался и в больнице» (Д30; 28₁: 173–174).

Сцены в Омском остроге возникли в картине сразу после отмены казни, когда арестант осознал, что ему дарована жизнь. Четыре года каторги уместились в полчаса первой серии и были отмечены чтением Библии в остроге и «Дон Кихота» в госпитале, а также клейменными физиономиями каторжников, припадком падучей во время палочного наказания одного из них, тяжелой надсадной работой, стертými до кровавых мозолей ладонями.

В госпитале, где он лечился после припадка падучей, привиделась ему и так называемая религиозная беседа отца со старшими сыновьями. В забытьи чудится больному Федору Михайловичу пьяненький Михаил Андреевич, восседающий во главе обеденного стола.

Отец: А скажите мне, Федор и Михаил, Евангелие вы регулярно читаете?

Братья, Михаил и Федор: Читаем, читаем.

Отец: И что ты мне, Федор, можешь сказать, есть Бог или нет Его?

Братья: Есть Бог. Есть Бог.

Отец: А черт есть?

Федор: И черт есть.

Отец: Где он?

Федор: Везде. И Бог везде.

Отец: Везде? Если он везде, почему же Он до сих пор не покарал меня?..

Да. Уже покарал.

Мемуарные и эпистолярные свидетельства братьев Михаила, Федора, Андрея и Николая Достоевских не зафиксировали похожих бесед. Но зато находим их подобие в «Братях Карамазовых», в главе «За коньячком»:

«Старик не унимался. Он дошел до той черточки пьянства, когда иным пьяным, дотоле смирным, непременно вдруг захочется разозлиться и себя показать» (Д30; 14: 125).

Федор Павлович, обращаясь к Ивану: Есть Бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно.

Иван: Нет, нету Бога.

Федор Павлович: Алешка, есть Бог?

Алеша: Есть Бог.

Федор Павлович: Иван, а бессмертие есть, ну там какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

Иван: Нет и бессмертия.

Федор Павлович: Никакого?

Иван: Никакого.

Федор Павлович: То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Всё же ведь не ничто!

Иван: Совершенный нуль.

Федор Павлович: Алешка, есть бессмертие?

Алеша: Есть.

Федор Павлович: А Бог и бессмертие?

Алеша: И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.

Федор Павлович: Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? Я в последний раз!

Иван: И в последний раз нет.

Федор Павлович: Кто же смеется над людьми, Иван?

Иван: Черт, должно быть, — усмехнулся Иван Федорович.

Федор Павлович: А черт есть?

Иван: Нет, и черта нет.

Федор Павлович: Жаль. Черт возьми, что б я после того сделал с тем, кто первый выдумал Бога! Повесить его мало на горькой осине.

Иван: Цивилизации бы тогда совсем не было, если бы не выдумали Бога.

Федор Павлович: Не было бы? Это без Бога-то?

Иван: Да. И коньячку бы не было (*Д30; 14: 123–124*).

Взяв зерно религиозной беседы из «Братьев Карамазовых», авторы сериала провели навязчивую, пусть и значительно ослабленную, параллель между Михаилом Андреевичем Достоевским и Федором Павловичем Карамазовым, между братьями Достоевскими и братьями Карамазовыми: зрелостью ума и твердостью характера семейство из романа наглядно превосходит семейство реальное — получилось, что интеллектуальный и вероучительный уровень спора в литературном источнике намного глубже и затейливее, чем уровень спора «в лоб» между персонажами фильма. Остается открытым вопрос, умышленно ли так сделали авторы сериала или вышло случайно?

Приписывание писателю мыслей, страстей, пороков его героев — этот негодный, хотя и распространенный прием, густо востребован в сериале.

Описывая брату свое каторжное житье-бытье, Достоевский отмечал «вечное сосредоточение в самом себе», куда он убегал «от горькой действительности» (*Д30; 28₂: 171*).

Авторы фильма, утомившись каторжным мраком, захотели разукрасить «вечное сосредоточение в самом себе» занятным художественным вымыслом и подарили Достоевскому воспоминание о петербургском борделе. Постельная сцена с молоденькой проституткой Лизой из Риги (она всего две недели как в «доме») должна была, по-видимому, пролить свет на сердечные раны молодого Достоевского. Высвободившись на минуту из страстных объятий

девушки, он признается ей: «Я люблю одну женщину, нежную, величественную, гордую, жестокую. Но она меня не любит, понимаешь?». В этот момент перед его взором возникает образ, вероятно, Авдотьи Панаевой (исп. роли — Катерина Васильева), которую он жадно целует, а та решительно отталкивает дерзкого ухажера: «Этого нельзя, Федор Михайлович, этого нельзя!».

Но Достоевский не унимается: «Ты, — говорит он Лизе, — мне нужна только для того, чтобы воображение мое в постыдной похоти нарисовало ее черты. Тебе ясно это?». Девушка послушно отвечает: «Ясно. Но ведь не всякая могла бы вам послужить для этого. Что вы там размышлялись о благородной красавице? Вам ведь и девушка нужна премиленькая, хотя бы из панели». Достоевский: «А ведь полюбить можно только ту женщину, которую трудно добиться. Нельзя же полюбить существо, которое принадлежит всем и каждому. Это неестественно, это разврат какой-то уже, это низость».

Нравоучительный монолог заканчивается бурными ласками, глубоко памятными узнику, так что «в горькую действительность» он возвращается с лицом светлым и смягченным.

Трудно комментировать эту сцену, оставаясь в рамках филологического или искусствоведческого анализа. Но увидеть, как тяжело было Евгению Миронову произносить придуманные сценаристом «жалкие слова» и разыгрывать несчастную любовь к недоступной гордой даме в объятиях «премиленькой девушки с панели», почувствовать, как страдает большой актер от безвкусицы и пошлости навязанных его герою обстоятельств, вполне возможно. Приводилась же эта «клубничная» сцена в доказательство того, по-видимому, что «нехрестоматийный Достоевский» был вполне живой человек, который не избегает греховного, человеческого.

«Целых четыре года он сидел в остроге. Выпускали их оттуда только на работу. Эта каторжная история на экране совершенно невнятная, — утверждал Д. А. Достоевский. — А можно было каторгу одной сильной сценой показать. Достоевский же сам сказал, что на всю жизнь запомнил эпизод, когда они брели, брэнча кандалами по дороге. И вдруг маленькая девочка подбегает к писателю и дает копеечку. Эта копеечка всю жизнь пролежала у Федора Михайловича на столе, он ее вспоминал. Ну, показали бы это. И все — больше ничего не надо. Ведь эта маленькая девочка потом во многих романах обнаруживается. Особенно в “Сне смешного человека”... Если бы я оказался в худсовете, категорично заявил бы: “Такое показывать нельзя! Вы просто испортите все впечатление о Достоевском”. Володарский провалился, потому что о Достоевском глубоко не задумывался»²⁵.

Придуманной сценой о русской камелии Лизе из Риги начинается «женская» тема сериала, кажется, и в самом деле центральная в нем.

«Многое из жизни писателя стало бы драматическим примером для других, а сняли “похождения г-на Д. по бабам”. Да, в его жизни было достаточно женщин, и многим он признавался в любви, со многими хотел создать семью. Но ему отказывали... Еще бы, представьте, как порой это

выглядело. Человек признается в своих чувствах, потом с ним случается нервический припадок, который переходит в эпилептические конвульсии. Естественно, дамы пугались: да как же я с ним буду жить, лучше уж выйду за другого. Это ли не трагедия? В фильме можно было талантливо обыграть эти истории. К тому же эти женщины потом попадали на страницы его романов»²⁶.

«Там все женщины сыграны совершенно не так, хотя я, как потомок, их себе представляю, — утверждает Д. А. Достоевский, — И Мария, и Анна Григорьевна Сниткина. Поскольку последняя — моя прабабка — я генами чувствую, какой она была. К слову, был ведь и еще один сценарий про Анну Григорьевну, которая сыграла большую роль в жизни писателя. Его главные пять романов написаны при ней. Она создала Федору Михайловичу все условия и доказала, что его талант его и вытянет. Так вот: был сценарий про жену Достоевского, он попал на тот же канал, прошел худсовет, и мы все радовались, что материал приняли к постановке. Но вдруг является Володарский, который у всех на слуху, и перебивает своим никчемным сценарием эту тему. Так что теперь не знаю, когда фильм про Анну Григорьевну мы увидим. Это меня тоже ужасно расстроило... Понимаете, какая-то везде неряшливость! Не проявляется глубокий интерес к материалу. Про этот фильм Достоевский не сказал бы: “О, то, что я хотел, про мою жизнь и показали!”»²⁷.

И дело даже не в том, что в картине о «нехрестоматийном» Достоевском много женщин и любовных сцен с ними. Дело в том, *как* они показаны и *откуда*, «из какого сора» растут семена любви.

За десять минут до окончания первой серии возникает рассказ о ссылке рядового 7-го Сибирского линейного батальона Достоевского: после каторжного острога он был отправлен из Омска в Семипалатинск, где был размещен в деревянной казарме, но вскоре получил разрешение перебраться на частную квартиру. Достоевского, который местному обществу был известен не только как политический ссыльный, но и как литератор, стали приглашать офицеры и чиновники; хлебосольный холостяк подполковник Белихов часто оставлял скромного, сдержанного и уже немолодого солдатака обедать. В доме у Белихова весной 1854 года Достоевский и познакомился с чиновником особых поручений при местной таможне, коллежским секретарем Александром Ивановичем Исаевым, своим ровесником. Знакомство переросло в тесную дружбу, однако новый друг был отчаянным, опустившимся алкоголиком, потерявшим должность. Но, бывая у Исаева чуть ли не ежедневно, Достоевский дорожил знакомством и общением прежде всего с его 28-летней женой, Марией Дмитриевной, которая потрясла воображение ссыльного солдата хрупкостью, впечатлительностью, образованностью, умом, женским обаянием... и отчаянным положением при муже-пьянице, которое она стойко переносила. История драматической любви Достоевского и М. Д. Исаевой достаточно известна — по письмам

Федора Михайловича и воспоминаниям барона А. Е. Врангеля: молодой семипалатинский прокурор, тесно сдружившийся с политическим ссыльным, был невольным свидетелем всех перипетий этой истории (см.: [Сараскина, 2013]).

Но создатели сериала, кажется, задались целью создать отличную от реальной биографию Достоевского — с новыми обстоятельствами знакомств и дружб, с небывалыми экзотическими подробностями. Сериальный Достоевский, едва попав в Семипалатинск и знакомясь с городом, блаженно улыбается, гуляя по его тесным улочкам, разглядывая прохожих, дома и вывески магазинов. Углядев за одной из витрин хорошенькое дамское личико, резко останавливается: дама, по всей видимости, из приличных, оборачивается. Ее мимолетная улыбка придает солдатику храбрости, и он решительно открывает дверь лавки. Дама выбирает ткань на платье и смотрит то на бордовую, то на бирюзовую. «Бирюзовый, — подает голос солдат. — Берите бирюзовый. Он вам лучше к лицу». Даме поначалу неприятна дерзость незнакомца. Но тот быстро исправляет оплошность: «Извините, не представился. Достоевский, литератор, Федор Михайлович». «Так вы писатель, Достоевский! — восклицает дама, мгновенно сменив гнев на милость. — Мария Дмитриевна Исаева», — называет она себя (исп. роли — Чулпан Хаматова) и просит приказчика завернуть оба отреза — и бордовый, и бирюзовый.

Озадачимся вопросом: насколько правдоподобна придуманная версия знакомства солдата «с улицы» с незнакомой дамой, насколько убедительны скорая просьба Марии Дмитриевны проводить ее домой и приглашение солдата к чаю. Хмельной Исаев (исп. роли — Александр Домогаров) недоволен тратами жены и, не стесняясь внезапного, непрошеного гостя, отчитывает ее за транжирство, а заодно «проливает свет» на происхождение супруги. «Она хочет одеваться, как в Санкт-Петербурге высший свет одевается... Она вам не рассказывала, что она потомок древнего французского дворянского рода?... Значит, не успела... На эту удочку я и попался... Поверил... Как же губительна для русского человека его доверчивость... А на самом деле предок моей дражайшей супруги был мамелюк, который служил в наполеоновских войсках, напавших на Россию... Этого мамелюка судьба забросила в Астрахань...»

Мария Дмитриевна в гневе выходит из комнаты. Исаев пускается в откровенности: его жена больна и раздражительна; чахотка: «Как мужчина мужчине: чахоточные особенно падки до любовных походов. В постели проявляют такую взрывную страсть и пылкость, и в этой страсти так много ярости и терпкости, что здоровые женщины на это не способны».

Достоевский почти напуган, он понимает, что не должен был всего этого слышать и что Мария Дмитриевна страдает от ужасной неделикатности мужа, и спешно прощается с хозяином.

И снова вопрос: может ли человек с воспитанием, даже во хмелю, откровенно показывать гостю интимные подробности, касающиеся сексуального темперамента жены? Разве это не низость, не бесчестие? Достоевский аттестовал Исаева как человека пусть и пьющего, но порядочного, никак не циника и не охальника: «Покойный Александр Иванович, о котором я не могу вспоминать до сих пор без особого чувства, — писал он в 1857 году тестю, Д. С. Константу, — принял меня в свой дом как родного брата. Это была прекрасная, благородная душа. Несчастья по службе несколько расстроили его характер и здоровье» (ДЗ0; 28₁: 279).

Зачем же нужно было авторам сериала принуждать бедолагу Исаева вести себя так низко? Зачем нужно было таким сальным вымыслом оскорблять его, а заодно — и Марию Дмитриевну?

Литературные источники подобных эпизодов обнаружить нетрудно. Авторы сериала повсюду искали «достоевщину», как они ее понимали. Дескать, персонажи такого свойства зрителям будут щекотать нервы и распалаять воображение, поэтому — побольше *перца* и прочих острых специй. Сценаристу очень пригодилась книга Л. Ф. Достоевской, дочери писателя от его второго брака, где она дала волю своей ненависти к первой жене отца. Любе было всего 11 лет, когда не стало папеньки; значит, не от него узнала она историю его первого супружества; но мстительная неприязнь к незнакомой женщине, которую когда-то страстно любил Достоевский, терзала Любовь Федоровну всю жизнь. Она утверждала:

«Эта бесстыжая женщина была дочерью наполеоновского мамелюка, попавшего в плен во время бегства из Москвы, переселившегося потом в Астрахань у Каспийского моря, где он сменил имя и религию, чтобы жениться на молодой девушке из хорошей семьи, безумно в него влюбившейся. <...> Достоевский не имел ни малейшего представления об африканском происхождении своей жены, которое та тщательно скрывала <...> Она выдавала себя за француженку, говорила по-французски, как на своем родном языке...» [Достоевская Л. Ф.: 79–80].

Так писала о первой жене Достоевского его дочь; именно этот литературный источник пригодился авторам сериала для их целей. Но вот какой видел свою Машу Достоевский по воспоминаниям В. В. Тимофеевой, сотрудничавшей с писателем как корректор. «Была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок...» [Тимофеева, 1964], — скажет писатель спустя годы после кончины первой жены. Но в кинообраз «неизвестного» и «нехрестоматийного» Достоевского эти слова не вписались.

Как показано в сериале, влюбленный Достоевский не церемонится с «прекрасной, благородной душой» Исаева и не обременен правилами приличия,

поэтому страстно целует его жену у его же постели, когда тот спит во хмелю и ничего не видит. То есть спит себе пьяница и не мешает бурным проявлениям страсти, вспыхнувшей между его женой и ссыльным писателем, к которому относится, по выражению Л. Ф. Достоевской, с «восторженной приязнью» [Достоевская Л. Ф.: 77]. Не мешает влюбленным и мальчик Паша, сын Исаевых, постоянно застающий маменьку и дядю Федора за поцелуями рядом с постелью, где поживает папаша. Но почему нужно, чтобы любовная горячка проистекала именно на глазах, хоть и закрытых, пьяного хозяина дома и его малолетнего сына?

«...Какую ужасную женщину послала судьба моему отцу!.. — писала Любовь Федоровна. — <...> Мария Дмитриевна принимала моего отца с большим радушием, старалась ему понравиться и сделать его более обходительным. Она знала, что скоро станет вдовой и должна будет существовать на скромную пенсию, назначаемую русским правительством офицерским вдовам, которой ей едва хватит, чтобы прокормиться вместе с сыном, семилетним мальчиком. Предусмотрительно она уже подыскивала себе второго супруга. Достоевский казался ей лучшей партией в городе: он был очень одаренным писателем, у него была в Москве богатая тетка, посылавшая ему теперь все чаще деньги. Мария Дмитриевна изображала из себя поэтичную женщину, которая, будучи непонятой обществом маленького провинциального города, ищет избранную душу, сердце столь же возвышенное, как и ее. Она вскоре завладела простодушным сердцем моего отца, в 33 года полюбившего впервые» [Достоевская Л. Ф.: 77].

Линия любовного романа Достоевского и Марии Дмитриевны в сериале очевидно тяготеет к фантазиям Л. Ф. Достоевской. Годы ссылки и солдатчины Достоевского отмечены всего одним, но зато ярчайшим эпизодом — поездкой в Кузнецк, куда незадолго до смерти был переведен Исаев, и женитьбой на его вдове, Марии Дмитриевне. Мотивы, по которым вдова нацелилась на новое замужество, в трактовке Любви Федоровны однозначны:

«...избалованную, ленивую и честолюбивую женщину не устраивало столь нищенское существование. Она хватается за свой первый план выйти за Достоевского, уже произведенного к тому времени в офицеры. В письмах, становившихся все более частыми, она преувеличивает свою нужду, говорит, что устала от нее и грозит убить себя и сына. <...> Взволнованный ее жалобами, ее несчастьем, ее угрозами покончить с собой, Достоевский забыл советы друзей, сделал ей предложение, дал обещание защищать ее и любить маленького Павла. Мария Дмитриевна поспешно приняла предложение. <...> Каким мыслям могла предаваться его невеста в то время, когда Достоевский убаюкивал себя сладкими грезами о счастье? Ночь накануне свадьбы Мария Дмитриевна провела у своего любовника, ничтожного домашнего учителя, красивого мужчины, которого она нашла, приехав в Кузнецк, и которого давно втайне любила. <...> Будучи женщиной

хитрой, Мария Дмитриевна разыгрывала роль примерной супруги, она сумела объединить вокруг себя образованных людей Семипалатинска и создать своего рода литературный салон. <...> Между тем она тайно под покровом темноты посещала своего красавца-учителя, последовавшего за ней в Семипалатинск, и обманывала таким образом свет и своего бедного мечтателя-супруга. Достоевский знал этого молодого человека, как знают все друг друга в маленьком провинциальном городе; но красивый молодой человек был настолько незначителен, что мысль о том, что он может быть его соперником, никогда не приходила в голову Достоевскому. Он считал Марию Дмитриевну верной, всецело преданной ему женой» [Достоевская Л. Ф.: 78–80].

Авторы фильма создали кинематографический эквивалент этой версии: коварство Марии Дмитриевны и ее бесчестная натура выразились сценой, в которой она вместе с новоиспеченным супругом и шафером (любовником) Вергуновым (исп. роли — Степан Морозов) едут в свадебной карете. Новобрачная опытным движением руки роняет свою перчатку на проезжую дорогу в расчете на то, что супруг остановит лошадей, спрыгнет в снег, поднимет перчатку и вернется с ней к жене; за эти мгновения она успевает одарить любовника жарким поцелуем. Мария Дмитриевна ведет себя не просто как вульгарная кокетка, но и как виртуозная мастерица адюльтера, к тому же любительница экстрима. Сначала мальчик Паша Исаев застаёт маменьку в момент жаркого поцелуя с чужим дяденькой, а рядом на постели лежит пьяный папенька. Затем пьяница муж, на миг протрезвев, видит жену в объятиях солдатика Феди, друга дома. Потом Федя, уже офицер и новый муж недавней вдовы, невзначай натывается на жену Машу, когда та нежно обнимает молодого любовника Вергунова; Федя совсем не рад увиденному, но боится разгневать жену и терпит ее выходки (кажется, Чулпан Хаматовой не слишком нравятся узоры ее роли).

Вообще экстрим практикуется в фильме как биологически активная добавка (БАД), без которой даже и запретная страсть покажется пресной. Перескочив из Кузнецка (1857 год) в Петербург (1860-й), минуя Тверь и литературные дела тех времен, Достоевский попадает в новый треугольник. Обнаруживается какое-то болезненное любопытство авторов картины к пряным и пикантным ситуациям — когда неверные любовники, мужья и жены бывают застигнуты врасплох, в самый неподходящий момент. Мания адюльтера будто преследует авторов картины, являя игривый лейтмотив.

Главное, что происходит в сериале с Достоевским по возвращении в Петербург после десятилетия каторги и ссылки, — это его постоянные ссоры с больной женой (она мстительно называет его то каторжником, то — издевательски — Гоголем; в пику мужу читает Тургенева, ставя в пример успешного писателя) и встречи с другом молодости доктором Степаном Яновским (исп. роли — Дмитрий Певцов). Знакомство Достоевского с женой

Яновского актрисой Александрой Шуберт (исп. роли — Дарья Мороз) обставлено как сладостное предвкушение нового романа: доктор то и дело обнаруживает свою Сашу целующейся с их общим другом Федором Михайловичем; актриса пытается соблазнить писателя, зовет ехать с ней в Москву и готова оставить мужа. Федор Михайлович, хотя и ценит тесное общение с актрисой, и восхищается ею, честно отбивается от любовного натиска дамы, ссылаясь на законы дружбы (Дарья Мороз убедительно сыграла хищную искательницу приключений).

Но откуда взялась в сериале интрига подобного сорта? Письма А. И. Шуберт к Достоевскому не сохранились, а три письма Достоевского к ней весны-лета 1860 года невинны, их уважительный тон говорит о сердечной дружбе, но не более:

«Как я счастлив, что Вы так благородно и нежно ко мне доверчивы; вот так друг! Я откровенно Вам говорю: я Вас люблю очень и горячо, до того, что сам Вам сказал, что не влюблен в Вас, потому что дорожил Вашим правильным мнением обо мне и, Боже мой, как горевал, когда мне показалось, что Вы лишили меня Вашей доверенности; винил себя» (ДЗ0; 28₂: 14–15).

Для того, однако, чтобы увлеченность Достоевского и легкий флирт со стороны Шуберт получили пикантное наполнение, авторы фильма создают удобную конструкцию: сердобольный доктор Яновский, заметив болезненность Марии Дмитриевны, слыша ее подозрительный кашель, в знак дружбы к ее мужу берется за обследование больной, проводит лечение, достает дорогие лекарства, становится по сути дела домашним врачом. Достоевский же и Сашенька Шуберт, пользуясь полной свободой, заняты друг другом и быстро движутся к опасной грани. Эффект достигнут, донжуанский список Достоевского пополнен. Эпидемия неверностей, вакханалия измен нужна, объясняют авторы картины, для сугубой драматизации сюжета, для оживления образа, являя собой особый киноязык, средство экранной выразительности. Однако нарочитое стремление к скандалу выдает себя грубыми подтасовками: бронзу с памятника гения обдирают вместе с кожей и костями.

Дело в том, что Яновский (при всем уважении к исполнителю его роли Дмитрию Певцову) никогда не лечил Марию Дмитриевну — ее лечил зять Достоевского, муж его младшей сестры Веры доктор Александр Павлович Иванов, человек редкого мужества и благородства (он умрет, как тургеневский Базаров, как чеховский Дымов, от сепсиса, заразившись при операции). В сценарий Иванов не поместился, да и не нужны были в этом сценарии люди истинно добрые и порядочные.

Спустя три года брак Шуберт и Яновского потерпит крах, но не Достоевский имел отношение к разрыву супругов, хотя фильм усиленно намекает на причастность писателя к решению Александры Шуберт оставить обыкновенного, скучноватого мужа.

4

Писательские занятия Достоевского 1860-х годов, стремившегося вернуть себе имя после десяти лет отсутствия в литературе, обозначены в фильме бледными пунктирами. Сочинительство, литературные чтения, которые Достоевский и в самом деле очень любил, понадобились сериалу как приманка, как крючок, на который можно подцепить очередную жертву мужского любопытства. Достоевский-чтец собирал большие залы, и его глухой, будто надорванный голос был слышен в каждом уголке самых больших столичных аудиторий. Евгений Миронов долго искал и таки нашел похожий тембр голоса.

Но как расходуется в фильме выдающийся талант и мастерство артиста? Ему поручено читать монолог крайнего циника и эгоиста старшего князя Валковского («Униженные и оскорбленные»): «Я люблю значение, чин, отель, огромную ставку в карты <...>. Но главное, главное — женщины... и женщины во всех видах; я даже люблю потаенный, темный разврат, постраннее и оригинальнее, даже немножко с грязнотцой для разнообразия...» (ДЗ0; 3: 365).

Откровения про «грязнотцу» будто током ударяют пришедшую сюда с опозданием ревнивую жену Машу: гримаса отвращения искажает ее нежное лицо, и в гневе она покидает собрание. Зато красавица и эмансипантка Аполлиария Суслова (исп. роли — Ольга Смирнова), сидящая в зале, хищно раздувает ноздри и сужает зрачки, будто готовится к прыжку: «гигиена уже лизнула крови» (ДЗ0; 19: 136), учуяв того, с кем вместе можно будет попробовать большой разврат и окунуться в его бездны. На этот крючок она и ловится; постельные сцены писателя и курсистки не промедлили случиться: показаны они в терпком вакханальном стиле: сладострастник Достоевский «дорвался и торжествует», с наслаждением доминируя.

Однако Достоевский н и к о г д а не читал на публике монолог о грязном разврате (все афиши о литературных чтениях Достоевского сохранились). Фрагменты из «Неточки Незвановой» и «Бедных людей» в зале Пассажа в начале 1860-х читал, отрывки из «Мертвого дома» произносил, но символ веры в темный разврат не декламировал и декламировать не мог. «Он вообще любил читать, чужие вещи, но и свои, — объяснял столичной прессе В. Хотиненко. — Это нам помогло. Он тщательно выбирал, что читать, выбирал отрывки, интересные публике. Сентиментальные, может быть... Он думал о публике. Ему было важно, как она поймет то, что он читает»²⁸.

Оказалось, авторы фильма тоже «думали о публике» и тоже «тщательно выбирали», что читать артисту от имени Достоевского. Но «выбрали» они текст на потребу тех зрителей, кому, быть может, очень хотелось, чтобы главный русский писатель выглядел как стареющий эротоман, который рвется разделить свои темные вожеления и тайные пороки с приличными дамами, пришедшими на литературные чтения в пользу учащейся молодежи.

Нет сомнения, что авторам картины опять пригодилась книга Л. Ф. Достоевской, не пожалевшей черных красок для портрета Суловой:

«Регулярно каждую осень она записывалась студенткой в университет, но никогда не занималась и не сдавала экзамены. Однако она усердно ходила на лекции, флиртовала со студентами, ходила к ним домой, мешая им работать, подстрекала их к выступлениям, заставляла подписывать протесты, принимала участие во всех политических манифестациях, шагала во главе студентов, неся красное знамя, пела Марсельезу, ругала казаков и вела себя вызывающе, била лошадей полицейских, полицейские, в свою очередь, избивали ее, проводила ночь в арестантской, а когда возвращалась в университет, студенты с триумфом несли ее на руках как жертву “ненавистного царизма”. <...> Тогда в моду вошла свободная любовь. Молодая и красивая Полина усердно следовала веянию времени, служа Венере, переходила от одного студента к другому и полагала, что служит европейской цивилизации» [Достоевская Л. Ф.: 86].

Взводя напраслину на возлюбленную своего покойного отца, дочь все же находит для него смягчающие вину объяснения, жалеет его:

«Достоевский с жадностью ухватился за то утешение, которое ему было послано судьбой. О легких нравах Полины он не имел ни малейшего представления. <...> Отец считал Полину юной провинциалкой, одурманенной утрированными идеями эмансипации, каких много было тогда в России. Он знал, что врачи отказались от Марии Дмитриевны и что через несколько месяцев он сможет жениться на Полине. У него не было сил ждать и отказываться от этой молодой любви, отдававшей ему себя свободно и без оглядки на общество и условности» [Достоевская Л. Ф.: 86–87].

Но авторы сериала Достоевского не щадят — любовники здесь «оба хуже». Режиссер в своих многочисленных интервью обещал зрителям «убрать бронзу» с памятника писателю и рассказать о том, как иные моменты его жизни переключаются в сочинения. Но на самом деле зритель видит обратное: как ловко репетирует автор в своем личном пространстве будущие криминальные поступки персонажей.

Вот Достоевский сидит дома за письменным столом и пытается разрезать свежий журнал кривым садовым ножом (а не ножом для разрезания бумаги). Мария Дмитриевна удивлена: зачем, мол, здесь держит он садовый нож?

Этот кривой нож, спрятанный во внутреннем кармане пальто, Достоевский захватит с собой, идя на свидание к Суловой, — в фильме нож предательски падает на пол, когда распаленный темной страстью Федор Михайлович, не терпящий, чтобы женщины отказывали ему в необходимых ласках, все-таки добивается своего. Наверняка авторы знали, что летом 1863 года Сулова стала вести дневник, где подробно фиксировала все перипетии

своих любовных отношений, в том числе и с Достоевским, и уж непременно, имея множество претензий к нему, занесла бы в блокнот историю с ножом. Но никогда Достоевский не держал в руках садовый нож с убийственной целью, и не «перекочевывал» этот острый предмет из жизни писателя в его творчество. Символический нож появится через несколько лет — и это будет смертельное оружие купца Парфена Рогожина («Идиот»), которым он едва не зарежет своего крестового брата Льва Мышкина, а потом, ударом в сердце, убьет Настасью Филипповну. «Слушай, скажи мне: чем ты ее? Ножом? Тем самым?» — спросит Мышкин. «Тем самым», — ответит Рогожин (Д30; 8: 505).

Но Достоевский — не Рогожин!

Следуя водевильному рецепту, авторы сериала вынуждают Федора Михайловича, устремившегося в Париж, где его должна была ждать Сулова, чтобы вместе отправиться в итальянское путешествие, «застукать» Полину в объятиях нового любовного партнера испанца Сальвадора (чего на самом деле никогда не было). Порвав с Полиной, Достоевский напишет о ней как о «больной эгоистке» (Д30; 28₂: 121), но только письмо это адресовано было сестре Полины, Надежде Суловой, а не брату писателя, Михаилу (исп. роли — Сергей Тарамаев), как это представлено в картине. Но зачем сериалу «лишний» персонаж, когда можно сэкономить и адресоваться уже имеющемуся? Какая, мол, разница?

Сюжетные прыжки от одной «дамской» истории к другой продолжают: похоронив жену, расставшись с А. П. Суловой, Достоевский быстро «разглядел» свежие личики, и опять через витрину литературных чтений; на этот раз его слушательницами стали молоденькие сестры Корвин-Круковские. И снова водевиль: четырнадцатилетняя Соня, будущая Софья Ковалевская (исп. роли — Елизавета Арзамасова), по малолетству безнадежно влюбленная в Достоевского, подглядывает, как любимый писатель признается ее старшей сестре Анне (исп. роли — Екатерина Вилкова) в страстном чувстве. А дальше зритель становится свидетелем, как грубо и мстительно ведет себя Достоевский, бросая в лицо отказавшей ему Анны злые слова: «Вы всего лишь смазливенькая немочка». (Про то, как часто пасынок Достоевского Павел Исаев подглядывает за своим отчимом и подслушивает его, ненавидит его, называет мерзким и гадким обманщиком, вообще умолчу.)

Женщины — будто вехи в судьбе Достоевского: сразу после неудачи с сестрами Круковскими возникает интрига с купцом Стелловским (исп. роли — Роман Мадянов) и необходимость писать новый роман в сжатые сроки, для чего появляется в жизни писателя новое женское лицо — стенографка (так говорили тогда) Анна Григорьевна Сниткина (исп. роли — Алла Юганова).

Оказывается, литература для писателя — удобный повод для знакомства, с последующей «клубничной» целью. Сошлюсь на впечатление правнука писателя, Д. А. Достоевского:

«Слава Богу, там нет двуспальных кроватей! Не было их тогда, супруги спали отдельно, и ходили друг к другу в гости... А клубнички в фильме хоть отбавляй. Особенно отличилась Мария. Ее муж за угол — Достоевский с Марией целуется. Достоевский за угол — Вергунов начинает с ней целоваться. Сегодня считается, что зритель настолько отупел, что без клубнички он и смотреть не будет. Ничего подобного! Во времена писателя все было более целомудренно. Атмосфера XIX века в картине полностью отсутствует. Иной раз героини говорят совершенно современным языком. Протокольным, не жизненным... В картине он и писать-то не успевает — всё сплошные женщины! Поскрипел-поскрипел пером, втыкают кадр: что-то пишет. А с чего и для чего? Чтобы напомнить, что это писатель. Да мы и так знаем»²⁹.

5

Однако работа Достоевского с Анной Сниткиной, в ходе которой между ними возникли симпатия и приязнь, окончившиеся женитьбой, не слишком задерживают внимание авторов фильма. После любовного объяснения героини оказываются в поезде, мчавшем их в Европу, подальше от кредиторов.

Правда, еще нужно было поэффектнее обставить эпизод сдачи рукописи романа «Игрок» хитрюге Стелловскому, который уже предвкушал финансовую победу. По фильму, Достоевский идет в участок вместе с Н. Н. Страховым (исп. роли — Егор Перегудов), хотя на самом деле писатель действовал один. Малая толика вымысла была вполне безобидна, так что эксперт даже заметил:

«Мне лично очень нравится эпизод, придуманный Хотиненко, в котором квартальный надзиратель, надеясь на вознаграждение, приносит Стелловскому рукопись “Игрока”, а тот восклицает: “Ну и болван же ты, братец! Без ножа зарезал!” Этот колоритный эпизод сделан точно “по Аристотелю”: нет ни одного источника, свидетельствующего, что это было именно так, режиссер воссоздает не документальный факт, а разворачивает художественный вымысел, но смотрится эпизод как достоверная реальность»³⁰.

Трудно не согласиться с коллегой, но все же остается вопрос, для какой цели развернут этот вымысел? Посылая Достоевского в участок вместе со Страховым и при этом зная, что писатель шел туда один, какую художественную задачу решал режиссер? Достоевский один бы не справился? Не хватало решительности? Вдвоем веселее и убедительнее? И почему именно со Страховым? В картине А. Зархи «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» в аналогичном эпизоде с писателем в участок идет Анна Григорьевна, называет себя женой писателя (еще до предложения ей руки и сердца),

действует наступательно и добивается желаемого. Но там понятно: Достоевский был слишком взволнован, мог сорваться и испортить дело.

Повторюсь все же насчет безобидности вымысла, случая редкого для этого сериала. На фоне пресловутой безобидности вопиюще безобразными выглядят эпизоды двух встреч Достоевского с И. С. Тургеневым в Баден-Бадене, когда биографическую реальность завернули (первый эпизод) в нелепую подмену, во втором эпизоде — в злокозненную ложь и клевету. В 1863 году, когда Достоевский путешествовал с Аполлиной Суловой, он действительно навестил Тургенева и напомнил о публикации его повести «Призраки» в журнале «Время», который, ввиду закрытия, будет выходить под названием «Эпоха». Однако авторы сериала вынуждают Достоевского с места в карьер поделиться с Тургеневым своими сокровенными переживаниями — о том, как на каторге, в разгар Крымской кампании, он вместе с товарищами своими, «несчастенькими и солдатами, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому» (Д30; 29₁: 145). С какой бы стати ему говорить о своих патриотических чувствах с либералом Тургеневым, который не мог разделять и не разделял этих чувств? Но Достоевский и не говорил с Тургеневым о Крымской кампании; слова о русском оружии и товарищах по каторге были адресованы в письме 1870 года другу и единомышленнику Аполлону Майкову.

Но и это еще не предел допустимого.

При второй случайной встрече в том же Баден-Бадене (1867 год), едва поздоровавшись с Достоевским и в присутствии его молодой жены, Тургенев бросает ему в лицо обвинение в преступном педофильском прошлом.

Приведу фрагмент их беседы — о романе «Дым», который, как сообщает Тургенев, «везде отхлестали» и даже подписи протеста собирали. Писатели обсуждают название: «Дым» — туман в природе или в головах людей? В беседе, начавшуюся вполне миролюбиво, уже на третьей минуте вползают ноты раздражения и враждебности. «Подрывником», провокатором оказывается как раз Достоевский, грубо «зацепивший» собеседника.

Тургенев: Как, по-вашему, какая главная черта в русском народе? Злопамятство, жестокость? Каков ваш герой Раскольников? Раскроил несчастной старухе голову топором и пошел думать о мировых проблемах?

Достоевский: Я не спорю, не спорю. Раскольников Вам совсем чужой человек, трудно понять вам его. Вам скорее Свидригайлов душою ближе, не так ли, Иван Сергеевич?

Лицо Тургенева темнеет, голос обретает зловеющий металл, и он наносит ответный удар.

Тургенев: Разве? А не вам ли, Федор Михайлович, если мне память не изменяет, вы еще до своей каторги похвалялись Григоровичу о том, как в пьяном виде девочку маленькую...

Достоевский: Как ты смеешь! Как ты смеешь!

Достоевский в ярости бросается на противника с кулаками, хватает его за шарф, рвется влить ему в физиономию. От драки его едва удерживает Анна Григорьевна, стоявшая на шаг позади, но все слышавшая: на лице оторопь и ужас.

Тургенев: Зря, зря. Поверьте, я вас все равно на дуэль вызывать не стану.

Тургенев медленно, с гордо поднятой головой, уходит, отомстив Достоевскому за сравнение с распутным Свидригаловым. Федор Михайлович остается оплеванным — кулаки в расчет не идут; подозрение в гадком и преступном прошлом повисает на усмотрение зрителей.

Что здесь вымысел, а что — биографическая реальность?

Летом 1867 года в Баден-Бадене между писателями действительно произошел тяжелый спор. Но то было *идеологическое столкновение*, закончившееся разрывом отношений. Встреча была с глазу на глаз, и о ней Достоевский подробно рассказал жене — та записала содержание спора в своем дневнике:

«По его словам, Тургенев ужасно как озлоблен, ужасно желчен и поминутно начинает разговор о своем новом романе. <...> Федя, по обыкновению, говорил с ним несколько резко, например, советовал ему купить себе телескоп в Париже, и так как он далеко живет от России, то наводит телескоп и смотреть, что там происходит, иначе он ничего в ней не поймет. Тургенев объявил, что он, Тургенев, реалист, но Федя говорил, что это ему только так кажется. Когда Федя сказал, что он в немцах только и заметил, что тупость, да кроме того, очень часто обман, Тургенев ужасно как этим обиделся и объявил, что этим Федя его кровно оскорбил, потому что он сделался немцем, что он вовсе не русский, а немец. <...> Станный это человек, чем вздумал гордиться, — тем, что он сделался немцем? Мне кажется, русскому писателю не для чего бы было отказываться от своей народности, а уж признавать себя немцем — так и подавно. И что ему сделали доброго немцы, между тем как он вырос в России, она его выкормила и восхищалась его талантом. А он отказывается от нее, говорит, что если б Россия провалилась, то миру от этого не было бы ничего тяжелого. Как это дурно со стороны русского говорить таким образом!» [Достоевская А. Г., 1993: 131–132].

Согласно воспоминанию А. Г. Достоевской о рассказе мужа, смысл столкновения выглядел как спор западника и русофила, без «свидригайловских» оплеух. Откуда же они возникли в картине, где их след? И кто более оскорблен нарочитым вымыслом сериала: Достоевский ли, который, будь такой разговор в действительности, должен был бы вызвать обидчика на дуэль, Тургенев ли, преступивший все писаные и неписаные правила приличия, Анна Григорьевна ли, услышавшая возмутительную клевету в адрес мужа, или зрители, которых заставили присутствовать при этой бесчестной сцене?

Источник клеветы тем не менее давно известен — грязное, скандальное письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому, написанное вероломным критиком вскоре после смерти Достоевского:

«...он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. Его тянуло к пакостям, и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвально, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герои *Записок из Подполья*, Свидригайлов в *Прест[уплении] и Нак[азании]* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим» [Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов...: 652].

Когда летом 1914 года А. Г. Достоевская прочитала это письмо Страхова, она была возмущена до глубины души:

«Человек, десятки лет бывавший в нашей семье, испытывавший со стороны моего мужа такое сердечное отношение, оказался лжецом, позволившим себе взвести на него такие гнусные клеветы! Было обидно за себя, за свою доверчивость, за то, что оба мы с мужем так обманулись в этом недостойном человеке» [Достоевская А. Г., 2015: 598].

Источники сплетни давно установлены и опровергнуты (см.: [Захаров, 1978: 75–109; 1991; 2017]). Вдова писателя назвала Страхова злым гением Достоевского, призналась, что дала бы ему пощечину, если тот был жив (см.: [Гроссман: 15]; [Андрианова, 2015]) — неужели авторы сериала не знали истории этого письма, этой разоблаченной клеветы? Зачем был использован этот предательский прием? Зачем решились взвалить на писателя грехи его героя, то есть приписать Достоевскому ставрогинский опыт — растление Матрешы, известное по исповеди Ставрогина? Вопросы риторические; но зачем-то в седьмой серии фильма режиссер устами безвинного Тургенева бросает Достоевскому обвинение в «пакостях».

Зачем?

Ответа нет.

На фоне этой чудовищной манипуляции происходит много других, быть может, неосознанных, но вполне бессмысленных подмен. Никогда не хотела шестидесятница А. П. Сулова стать цареубийцей, а мечтала учить русских деревенских мужиков грамоте. Не жене Анне Григорьевне были адресованы признания Достоевского о замысле романа с «положительно прекрасным» героем, а племяннице Соне. Не с женой обсуждал писатель проблему доноса на террористов, а с издателем «Нового времени» А. С. Сувориным. Не ездила весной 1871 года Анна Григорьевна искать мужа, застрывшего в игорных залах казино, а безвыездно сидела в Дрездене с маленькой дочкой Любой и ежедневно высылала незадачливому игроку денежные переводы.

Таких бесспорностей, больших и малых, которыми пренебрегли авторы фильма, многие десятки. Поражает даже сокращенный их перечень: зачем

нужно было почти каждый эпизод картины строить против правды? Зачем нужно было поминутно, чуть ли не покадрово, мешать правду с ложью? Зачем нужно было целую серию заставлять героя сражаться с предательской рулеткой — будто от времени пребывания съемочной группы в европейских игорных домах напрямую зависело раскрытие образа игрока? Зачем нужно было провоцировать героя на резкие идеологические выкрики, вырванные из контекста, адресованные не тем, кому они предназначались, сказанные не там, где они на самом деле произносились, отчего сказанное приобрело почти анекдотический смысл?

Подлинный, то есть *известный* Достоевский остался не востребован создателями сериала, сотворившими нелепый перевертыш. В сериале не нашлось места ни работе Достоевского над романом «Бесы», ни истории создания им «Братьев Карамазовых», ни грандиозному Великому Инквизитору, ни открытию памятника Пушкину в Москве и «Пушкинской речи» писателя, ни его драматическим отношениям с Победоносцевым, ни дружбе с С. А. Толстой, ни жестокому нездоровью последних дней, ни кончине, ни беспрецедентным для России похоронам...

Подробно разбирать отдельные актерские работы, операторские находки, дивные пейзажи³¹ или натурализм каторжных сцен как-то даже неловко. Хотя в фильме играют высокопрофессиональные актеры и есть удачно сыгранные эпизоды, остается чувство острого сожаления о неслучившемся достойном биографическом фильме. Сожаление это тем сильнее, что бесспорные удачи в картине действительно были. Прочитую мнение эксперта Б. Н. Тихомирова:

«Особо хотел бы выделить изумительную игру Чулпан Хаматовой в роли Марии Дмитриевны. Она играет гораздо выразительнее, богаче, тоньше, чем это написано в сценарии. У ее героини своя, внутренняя, не «володарская» драматургия. Тут подлинная драма, которая не может не вызвать сочувствия у зрителя. Обаяние игры актрисы таково, что, хотя, согласно источникам, первая жена Достоевского рисуется несколько иной, я теперь представляю себе Марию Дмитриевну только в облике Чулпан... Что же касается Евгения Миронова, то его внутренняя борьба со сценарием Эдуарда Володарского заслуживает бесспорного уважения. Однако чуда не произошло, того чуда, которое этот замечательный актер сотворил, исполнив роль князя Мышкина в сериале по роману «Идиот». Ибо здесь задача перед актером стояла качественно иная, неизмеримо более сложная. Попробуй-ка изобрази великого художника, гениального мыслителя, если сценарист заставляет тебя произносить идеологические трюизмы, говорить в стилистике, совершенно чуждой подлинному Достоевскому»³².

К огромному сожалению, Е. Миронов действительно принужден был довольствоваться фразами из поверхностного, путаного сценария. Порой

казалось, что произносимые тексты едва ворочаются в горле артиста. Но в тех случаях, когда реплики соответствовали правде и попадали в смысл, артист мгновенно преображался, и эти мгновения были поистине драгоценны. Вот сцена, где он диктует стенографистке, своей будущей жене, Анне Сниткиной, главы «Игрока» и где в его вдохновенном исполнении звучат строки этого магического романа. Видя это, слыша это, понимаешь, как бы мог сыграть замечательный артист и всё остальное.

Е. Миронова, с его пластикой и богатой художественной палитрой, с абсолютным ощущением правды и способностью передавать мельчайшие оттенки сложнейших характеров, нельзя было использовать «на авось» — авось, вытащит на себе провальный проект, авось, оживит кое-как сбитый материал. Но именно этим и пришлось заниматься ему в фильме, авторы которого, в своем стремлении «выйти из образа памятника», усиленно искали скелеты в шкафу, смаковали скандальные интимные детали, пребывая в уверенности, что сегодняшний русский зритель жадно ждет разоблачения Достоевского и его окончательного развенчания. Перефразируя Достоевского, скажу: любит кинематограф от Володарского и Хотиненко *падение праведного и позор его*.

Что же остается от семи часов просмотра? Немного: портрет Достоевского кисти В. Г. Перова (заставка всех восьми серий); могучая сцена чтения Е. Мироновым пушкинского «Пророка» в зале Благородного собрания; вдохновение, с которым он диктует сцены из «Игрока». То несомненное, чему не смогли помешать ни нарочито недобрый сценарий, ни ошеломительно пустой режиссерский замысел.

Меж тем жизнь подлинного Достоевского не постыдна и не позорна — любая ее страница подлежит экранизации, инсценировке, биографическому описанию, летописному исследованию. Его жизнь сложна, драматична, прекрасна. Он действительно считал себя человеком грешным и страстным. Но если бы об этих качествах говорили правду, никто бы не упрекнул создателей фильма. Зрители жаждут реальности и справедливости, а получили в «Достоевском» сеанс разоблачения, основанный на лжи, подменах и подтасовках.

Многое из здесь написанного мне удалось проговорить в передаче «Владимир Хотиненко и Людмила Сараскина о фильме “Достоевский”» (программа «Наблюдатель» телеканала «Культура», запись от 10 ноября 2011 г., эфир от 13 ноября 2011 г.)³³. В итоге почти часовой беседы В. И. Хотиненко сказал: «Я счастлив, что прожил два года с Ф. М. Достоевским... Я прочитал его всего, прочитал совершенно по-новому и продолжаю читать. Не говоря об удовольствии работать с такими актерами, как Евгений Миронов, Чулпан Хаматова, Дима Певцов и так далее... Это одна из счастливейших страниц в моей творческой биографии, да и просто в жизни... Я никогда не откажусь от своего права увидеть своего Достоевского так, как я его увидел».

Но хочу вспомнить слова Александра Твардовского о Пушкине: «Всего труднее, кажется, писать о нем человеку, причастному, хотя бы в скромнейшей степени, к тому искусству, которому он своим гением сообщил поистине бессмертную силу власти над сердцами людей. Как страшно здесь произнести хоть одно неверное слово, тем более что о нем уже сказано столько прекрасных, достойных его имени и его подвига слов всеми теми, кто вместе с ним составляет мировую славу русской литературы. Но у каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца» [Твардовский, 1971].

На одной чаше весов — одно неверное слово о гении, которое страшно произнести даже большому поэту, на другой — вымысел, напраслина, перертыши.

Каждый выбирает свои весы и свои чаши.

Примечания

- ¹ Российским телезрителям покажут «нехрестоматийного» Достоевского // URL: <https://kulturologia.ru/news/623/> (30.06.2020).
- ² Там же.
- ³ Указ Президента Российской Федерации от 15 апреля 2002 года № 390 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18000> (30.06.2020).
- ⁴ Филоненко Г. Не стало гениального сценариста, писателя и драматурга Эдуарда Володарского // URL: https://www.1tv.ru/news/2012-10-09/85395-ne_stalo_genialnogo_stsenarista_pisatelya_i_dramaturga_eduarda_volodarskogo (30.06.2020).
- ⁵ Никита Михалков о смерти Эдуарда Володарского // Комсомольская правда. 2012. 9 октября. — URL: <https://www.kirov.kp.ru/online/news/1267264/> (30.06.2020).
- ⁶ Гурская А. В Петербурге отмечают День Достоевского // Российская газета. 2011. 2 июля. — URL: <https://rg.ru/2011/07/02/reg-szapad/dostoevskii.html> (01.07.2020).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Красовицкая А. Интервью с Эдуардом Володарским // URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/print:page,1,7361-intervyu-s-yeduardom-volodarskim.html> (30.07.2020).
- ⁹ Гурская А. Указанный источник.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Хорошилова Т. В кино нужно быть сумасшедшим // Российская газета. 2011. 12 мая. — URL: <https://rg.ru/2011/05/12/hotinenko.html> (01.07.2020).
- ¹² Рамм В. Главные герои Эдуарда Володарского // Известия. 2011. 3 февраля. URL: <https://iz.ru/news/370843> (01.07.2020).
- ¹³ Ларина К. Дар небесный // Новые известия. 2011. 30 мая. URL: <https://newizv.ru/news/culture/30-05-2011/145341-dar-nebesnyj> (04.07.2020).
- ¹⁴ Сериал «Достоевский» // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/programs/tv/779121-echo/> (04.07.2020).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ «Достоевский». Россия. 2010-2011 // URL: <https://smotrim.ru/brand/5307> (30.11.2020). Цитаты из фильма приводятся по этому источнику.
- ¹⁷ Гурская А. Указанный источник.

- 18 Там же.
- 19 Хотиненко В. «А я покажу Достоевского, которого никто не знает...» // Сноб. 2009. 10 ноября.
- 20 Сериал «Достоевский» // URL: <https://echo.msk.ru/programs/tv/779121-echo/> (04.07.2020).
- 21 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 161. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 22 Сериал «Достоевский» // URL: <https://echo.msk.ru/programs/tv/779121-echo/> (04.07.2020).
- 23 Катаева Н. Правнук Федора Достоевского — об образе писателя в кино: Попасть в яблочко смог только сериал Бортко // Союзное вече. 2016. № 50. 9 ноября.
- 24 Черных Н. Униженный и оскорбленный Достоевский // URL: <http://mk-piter.ru/2011/06/03/007/> (30.07.2020).
- 25 Катаева Н. Указанный источник.
- 26 Там же.
- 27 Черных Н. Указанный источник.
- 28 См.: Шабаетва Т. Тринадцатый апостол. Владимир Хотиненко закончил работу над фильмом о Ф. М. Достоевском // Российская газета. 2011. 10 марта.
- 29 Черных Н. Указанный источник.
- 30 Гурская А. Указанный источник.
- 31 Съемки фильма проходили в Санкт-Петербурге, Баден-Бадене и подмосковной деревне Грязь.
- 32 Гурская А. Указанный источник.
- 33 Людмила Сараскина против Владимира Хотиненко о фильме «Достоевский» в программе «Наблюдатель» на телеканале «Культура» // URL: https://www.youtube.com/watch?v=RNAtR7jBd_k (20.07.2020).

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или протест вдовы и племянника Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 3. — С. 84–95 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (07.07.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485
2. Басинский П., Сараскина Л. Гений в тисках порока. На телеканале «Россия-1» завершился сериал «Достоевский» // Российская газета. — 2011. — 27 мая.
3. Боград Г. Так где же рукопись «Братьев Карамазовых»? // Новое русское слово / Russian Daily — *Novoye russkoye slovo*. — 1996. — 12–13 окт.
4. Васильев К. Достоевский с мешком на голове, или Напрасные поиски исторической правды // Север. — 2017. — № 9–10 [Электронный ресурс]. — URL: <https://klauzura.ru/2019/03/dostoevskij-s-meshkom-na-golove-ili-naprasnye-poiski-istoricheskoy-pravdy/> (07.07.2020).
5. Гроссман Л. П. А. Г. Достоевская и ее «Воспоминания» // Достоевская А. Г. Воспоминания. — М.; Л., 1925. — С. 7–18.
6. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
7. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. — М.: Наука, 1993. — 452 с.
8. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.

9. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1978. — 110 с.
10. Захаров В. Н. Неотправленное письмо Достоевского Тургеневу // Достоевский и современность: тез. выступлений на «Старорусских чтениях». — Новгород, 1991. — Ч. 1. — С. 61–66.
11. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского сороковых годов? // Знание. Понимание. Умение. Москва. — 2014. — № 3. — С. 287–296.
12. Захаров В. Н. Полемические заметки Ф. М. Достоевского о Н. Н. Страхове // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 61–69.
13. Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 114–152. (Литературное наследство; т. 86)
14. Иванов А. Судьба рукописи «Братьев Карамазовых» // Новый журнал. — Нью-Йорк, 1980. — Кн. 138. — С. 193–207.
15. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. и со вступ. ст. В. С. Нечаевой. — М.: [б. и.], 1957. — 589 с.
16. Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1992. — Т. 10 / глав. ред. Г. М. Фридендер. — С. 181–193.
17. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки / Оттавский ун-т. Славян. исследоват. группа; Гос. музей Л. Н. Толстого; сост. Громова Л. Д., Никифорова Т. Г.; ред. Донсков А. А. — М.; Оттава, 2003. — Т. 2: Письма, 1879–1896. — LXV–LXX, 489–1079 с.
18. Сараскина Л. И. Достоевский. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 825 с. (ЖЗЛ)
19. Гвардовский А. Т. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Худож. лит., 1971. — Т. 5: Статьи и заметки о литературе. — 517 с.
20. Тимофеева В. В. (О. Починковская). Год работы с знаменитым писателем // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 137–196.
21. Тихомиров Б. Н. Загадка исчезнувших рукописей «Братьев Карамазовых» (факты и гипотезы) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. — М.: Наука, 2007. — С. 765–796. [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/tihomirov-sankt-peterburg.htm> (21.11.2020).

Liudmila I. Saraskina

The State Institute for Art Studies

(Moscow, Russian Federation)

l.saraskina@gmail.com

Truths and Lies in a TV Series About “Dostoevsky Beyond the Textbook”

Abstract. The paper offers a detailed analysis of *Dostoevsky*, a historical and biographical feature TV serial (in eight episodes), produced in 2011, when the writer’s 190th anniversary was celebrated. The film was directed by V. I. Khotinenko, the script was written by E. Ya. Volodarsky. The authors of the series claimed that their objective was to create an image of “Dostoevsky beyond the textbook”, wholly (or largely) unknown to today’s audience. But the authors did not explain what they meant by “Dostoevsky beyond the textbook”, nor, for that matter, by the “textbook” version. Professional expertise had found numerous gross distortions of both Dostoevsky’s biography and Russian history in the script. Nevertheless, after certain corrections by the film director, the flawed script was accepted as the basis for the series, which, in the end, proved to be as flawed. The objective of the film, as defined by the director, was to show the “human dimension” Dostoevsky, was realized in a very peculiar manner: for the sake of pseudo-dramatization, the writers’ real experiences in the fatal moments of his life were replaced with fictitious experiences; many events, well known and well documented, were deliberately misrepresented. For the film director, Dostoevsky was chiefly interesting as a person burdened with many vices, whose biography had been full of extraordinary striking episodes. The film director, by his arbitrary will, ascribed to Dostoevsky the desires, passions and actions of some of his fictional characters; this dubious, though frequently employed, technique has been readily utilized in the series. Numerous erotic episodes were supposed to demonstrate to today’s audience that nothing human was alien to Dostoevsky. His literary activity, his public readings (which he liked so much) were presented as bait used to lure the victims of his male lust. The series showed, as it were, that the writer had rehearsed, in his private space, the would-be crimes of his characters. The real, *well-known*, Dostoevsky has remained outside the series. Viewers will not find his work on the novel *The Possessed*, the creative history of *The Brothers Karamazov*, the inauguration of the monument to Pushkin in Moscow, Dostoevsky’s Pushkin speech, his dramatic relations with Pobedonostsev, his friendship with S. A. Tolstaya (the widow of Alexei K. Tolstoy), the severe illness of his last days, his death, or his funeral, unprecedented in Russia.

Keywords: F. M. Dostoevsky, B. I. Khotinenko, E. Ya. Volodarsky, historical and biographical series, script, interpretation, human dimension, fantasy, slander, myth

About the author: Saraskina Liudmila I. — Doctor of Philology, Chief Research Fellow of the Mass Media Arts Department, The State Institute for Art Studies (per. Kozitskiy 5, Moscow, 125009, Russian Federation), ORCID ID: 0000-0003-4844-4930

Received: October 5, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Saraskina L. I. Truths and Lies in a TV Series About “Dostoevsky Beyond the Textbook”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 70–105. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5061 (In Russ.)

References

1. Andrianova I. S. "Strakhov's Slander", or the Protest of Dostoevsky's Widow and Nephew. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2015, no. 3, pp. 84–95. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1449057614.pdf (accessed on July 7, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2485 (In Russ.)
2. Basinskiy P., Saraskina L. A Genius in the Grip of Vice. The Series "Dostoevsky" Has Ended on the TV Channel "Russia-1". In: *Rossiyskaya gazeta*, 2011, 27 May. (In Russ.)
3. Bograd G. So Where is the Manuscript of "The Brothers Karamazov"? In: *Novoe russkoe slovo*, 1996, 12–13 October. (In Russ.)
4. Vasil'ev K. Dostoevsky with a Bag on His Head, or the Vain Search for Historical Truth. In: *Sever*, 2017, no. 9–10. Available at: <https://klauzura.ru/2019/03/dostoevskij-s-meshkom-na-golove-ili-naprasnye-poiski-istoricheskoy-pravdy/> (accessed on July 7, 2020). (In Russ.)
5. Grossman L. P. A. G. Dostoevskaya and Her "Memoirs". In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya* [*Dostoevskaya A. G. Memoirs*]. Moscow, Leningrad, 1925, pp. 7–18. (In Russ.)
6. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [*Memoirs. 1846–1917*]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda* [*Diary for the Year 1867*]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 452 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri* [*Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992, 245 p. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo* [*The Problems of Studying Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Unsent Letter from Dostoevsky to Turgenev. In: *Dostoevskiy i sovremennost': tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»* [*Dostoevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa*]. Novgorod, 1991, part 1, pp. 61–66. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. What Did Dostoevsky's Archive of the 1840s Disappear? In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [*Knowledge. Understanding. Skill*]. Moscow, 2014, no. 3, pp. 287–296. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. F. M. Dostoevsky's Polemic Notes About N. N. Strakhov. In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 61–69. (In Russ.)
13. Zil'bershteyn I. S. Forgotten and Rediscovered Letters of Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Nauka Publ., 1973, vol. 86, pp. 114–152. (In Russ.)
14. Ivanov A. The Fate of the Manuscript "The Brothers Karamazov". In: *Novyy zhurnal* [*The New Review*]. New York, 1980, book 138, pp. 193–207. (In Russ.)
15. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [*The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts*]. Moscow, 1957. 589 p. (In Russ.)
16. Ornatskaya T. I. On the History of the Loss of the Manuscript of the Novel "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 10, pp. 181–193. (In Russ.)
17. *L. N. Tolstoy i N. N. Strakhov: Polnoe sobranie perepiski* [*L. N. Tolstoy and N. N. Strakhov: Complete Collection of Correspondence*]. Moscow, Ottawa, 2003, vol. 2. 1079 p. (In Russ.)
18. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013, pp. 282–302. (In Russ.)
19. Tvardovskiy A. T. *Sobranie sochineniy: v 5 tomakh* [*Collected Works: in 5 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971, vol. 5: Articles and Notes on Literature. 517 p. (In Russ.)

20. Timofeeva V. V. (O. Pochinkovskaya). A Year of Work with a Famous Writer. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, vol. 2, 137–196 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. The Mystery of the Missing Manuscripts of “The Brothers Karamazov” (Facts and Hypotheses). In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat’ya Karamazovy». Sovremennoe sostoyanie izucheniya* [*Dostoevsky’s Novel “The Brothers Karamazov”: The Current State of Study*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 765–796. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/tihomirov-sankt-peterburg.htm> (accessed on November 21, 2020). (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121

УДК 821.161.1+930.25

Т. Н. Дементьева*Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»**(Зарайск, Российская Федерация)*

darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Л. А. Воронкина*ООО «Реставрационно-строительная компания «Гефест»»**(Москва, Российская Федерация)*

voronkina.la@yandex.ru

Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам)*

Аннотация. Семья Достоевских приобрела имение Даровое в Тульской губернии Каширского уезда 7 августа 1831 г. Здесь будущий писатель с братьями и сестрами проводил счастливые летние месяцы с 1832 по 1836 г. Поместье включало сельцо Даровое, деревню Даровую и земли в пустошах Нечаевой, Триполье, Хариной, Шелеповой и Чертовой. Перечисленные территории с конца XVIII в. по 1829 г. принадлежали каширскому помещику Василию Иевлевичу Хотяинцеву, затем — его сыновьям Петру, Николаю и Василию, и после них — внукам Павлу и Ивану Хотяинцевым. Последний из названных владельцев в 1829 г. продал имение О. А. Глаголевской, а она в свою очередь — матери писателя, М. Ф. Достоевской. В феврале 1833 г. ее мужем, М. А. Достоевским, поместье было расширено покупкой соседней деревни Черемошни с одноименными пустошами. В 1840 г., после смерти родителей, владельцами Дарового стали братья и сестры Достоевские: Михаил, Федор, Варвара, Андрей, Вера, Николай и Александра. В 1852 г. имение у них выкупила младшая сестра писателя, Вера Михайловна Достоевская (по мужу Иванова). После нее Даровым и Черемошной владели ее дети. Авторы статьи проанализировали документы Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Тульской области, Центрального государственного архива г. Москвы, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. На основе архивных материалов раскрыты обстоятельства смены владельцев сельца и деревни Даровое и произошедшие в них изменения с конца XVIII в. по 1852 г., выявлены детали покупки Дарового М. Ф. Достоевской и определена точная дата приобретения деревни Черемошни М. А. Достоевским (16 февраля 1833 г.). В ходе исследования выяснились обстоятельства перехода имения к В. М. Ивановой и дата сделки (20 октября 1852 г.), названы участники раздела. Среди них нет Ф. М. Достоевского, отказавшегося ранее от своей доли наследства. В данной статье впервые публикуются закладные на Даровое и Черемошню 1833 г., план дачи сельца Дарового с господской усадьбой 1847 г., а также отдельный акт 1852 г., в котором уточняются условия приобретения В. М. Ивановой родительского имения, его размер и состав.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, сельцо Даровое, деревня Даровая, деревня Черемошняя, И. П. Хотяинцев, О. А. Глаголевская, М. Ф. Достоевская, М. А. Достоевский, В. М. Иванова

Об авторах: *Дементьева Татьяна Николаевна* — заведующая отделом «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского «Даровое», Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль» (ул. Музейная, 1а, г. Зарайск, Российская Федерация, 140600); *Воронкина Любовь Александровна* — ландшафтный архитектор-реставратор, ООО «Реставрационно-строительная компания «Гефест»» (пер. Милютинский, д. 10, корп. 2, оф. 36, г. Москва, Российская Федерация, 101000).

Дата поступления: 03.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Имение Даровое и его владельцы (по новым архивным документам) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 106–131. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121

Усадьба Даровое Каширского уезда Тульской губернии в первой половине XIX в. принадлежала семье Достоевских, а со второй половины XIX в. и до революции — Ивановым, сестре и племянницам писателя. Федор Михайлович с большой теплотой вспоминал Даровое как «деревню, принадлежавшую когда-то <...> родителям, но давно уже перешедшую во владение одной из <...> родственниц»¹.

Даровым владели три поколения Достоевских: родители писателя, после их смерти — все их дети, включая Федора Михайловича, который впоследствии отказался от своей доли наследства, затем — его сестра Вера Михайловна, в замужестве — Иванова. Последняя владелица, Мария Александровна Иванова, племянница писателя, проживала в усадьбе до своей смерти в 1929 г. Даровое не было родовым поместьем Достоевских, а было куплено ими в 1831 г.

К мысли о приобретении поместья Достоевские пришли в конце 1820-х гг. Брат Федора Михайловича, Андрей Михайлович Достоевский, писал в своих «Воспоминаниях»², что их родители «давно искали» подходящее «именнице не в дальнем расстоянии от Москвы» [Достоевский, 1992: 55]³. С 1830 г. в их московском доме стали появляться «факторы, или как они назывались тогда в Москве — сводчики (т. е. посредники. — Т. Д., Л. В.), которые помогали продавцам и покупателям входить в сношения» [Достоевский, 1992: 55]. Наконец, «в летнее время 1831 года» Даровое было приобретено [Достоевский, 1992: 56].

В. С. Нечаева по церковным книгам из храма Сошествия Святого Духа села Моногарова⁴ проследила смену владельцев имения: «Вероятно, с середины XVIII века, а может быть, и много ранее, земли, расположенные в 10 верстах от Зарайска и в 40 верстах от Каширы, принадлежали старинному дворянскому роду Хотяинцевых. Во второй половине XVIII века владельцем их был надворный советник Василий Иевлевич Хотяинцев, проживавший в селе Моногарове...» [Нечаева: 33]. В 1780-х гг. земли В. И. Хотяинцева были без размежевания поделены между его сыновьями. В ходе этого раздела сельцо Даровое перешло к братьям Василию Васильевичу и Ивану Васильевичу [Нечаева: 34].

Важно отметить, что в XVIII — первой половине XIX в., согласно планам генерального межевания 1770–1780 гг. и экономическим примечаниям к ним, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА)⁵, упоминаемое В. С. Нечаевой и А. М. Достоевским как единое имение Даровое включало две дачи генерального межевания или, говоря современным языком, два различных кадастровых участка. Они были разделены проселочной дорогой и обозначались как дачи сельца

Дарового¹⁾ и деревни Даровой⁶. Согласно этим же документам, совладельцами сельца Дарового, деревни Даровой и ряда пустошей, речь о которых пойдет ниже, являлись Василий Иевлевич Хотяинцев, его сыновья Николай и Иван⁷. Помимо этих лиц, совладельцами деревни были коллежский асессор Яков Степанович Секиотов²⁾, его жена Авдотья Васильевна, девица Екатерина Ивановна Хотяинцева. В 1770-х гг. в сельце Даровом и деревне Даровой, согласно экономическим примечаниям, числилось 12 дворов, по шесть на каждого из сыновей.

В 1793 г. после смерти главы семейства Хотяинцевых сельцо и деревню Даровое унаследовали три брата: Василий Васильевич, Иван Васильевич и Петр Васильевич. В 1820-х гг. в Даровом было уже 16 дворов. Владельцами числились сыновья Петра Васильевича: Иван Петрович, владевший 11 дворами из 16-ти, и Павел Петрович Хотяинцев, у которого были остальные пять дворов. В 1830 г., как отмечает В. С. Нечаева, часть И. П. Хотяинцева перешла во владение к Ольге Алексеевне Глаголевской, «вследствие ли продажи или смерти владельца, — неизвестно» [Нечаева: 35]. Единственное, в чем ошиблась исследовательница, это дата совершенной сделки: не 1830, а 1829 г.

Таким образом, В. С. Нечаева выявила краткий срок владения Даровым некоей О. А. Глаголевской, у которой в 1831 г. и купил его отец писателя Михаил Андреевич Достоевский на имя супруги Марии Федоровны Достоевской.

До сих пор остается неясным, каким образом до 1832 г. учитывалось количество земли в деревне Даровой и сельце Даровом при распределении земель и продаже имения. Только после 1833 г. в купчих и закладных на Даровое появится упоминание о количестве десятин земли продаваемого или закладываемого имения. Отчасти причину этого можно найти в цитируемом Г. А. Федоровым документе: «Давая в 1836 году в губернию сведения о своей земле, М. А. Достоевский писал: “сельцо Даровое <...> состоит в чересполосном владении” с землями П. П. Хотяинцева и более чем десяти других владельцев. Далее он отмечает: “Так как земли сельца Дарового и села Моногарова <...> формально не разделены, а состоят в общем владении с г-м Хотяинцевым и Достоевского, и до сих пор не поверены, то числа десятин с точностью определить не можно”» [Федоров: 178–179].

Архивный поиск в фондах Центрального государственного архива города Москвы (далее — ЦГА Москвы) и Государственного архива Тульской области (далее — ГАТО) позволил выявить ряд документов, которые дают возможность уточнить процесс смены владельцев Дарового с 1829 по 1852 г.

Два из этих документов, а именно купчие на Даровое 1829 и 1831 г., были обнаружены в ЦГА Москвы, в Книгах Московской палаты гражданского

¹⁾ Согласно толковым словарям русского языка, село — крупное крестьянское поселение с церковью; сельцо — поселение с барской усадьбой (домом), но без церкви; деревня — поселение, состоящее из крестьянских дворов (*прим. ред.*).

²⁾ В различных документах наблюдается разное прочтение этой фамилии: Сикиотов, Секпотов, Секкотов, Сенкотов.

суда⁸. Подробно они были рассмотрены в статье «Две купчие на Даровое» [Дементьева, Воронкина]. Согласно одной из купчих, 1 мая 1829 г. И. П. Хотяинцев продал Даровое О. А. Глаголевской за 30 тыс. рублей государственными ассигнациями вместе с 40 душами мужского пола. Купленное имение включало пашни, сенокосы, леса, пруд, сад, господские и крестьянские постройки.

Купчая 1829 г. позволяет уточнить имена предыдущих владельцев Дарового (родителей Ивана Петровича, его дядьев и братьев) и новых — М. Фетисова и Н. Д. Данилова — вольноотпущенных крестьян И. П. Хотяинцева (см.: [Дементьева, Воронкина: 27])⁹.

Согласно второй купчей от 7 августа 1831 г., О. А. Глаголевская за 29 000 рублей продала Даровое М. Ф. Достоевской¹⁰. Помимо 37 крепостных крестьян и трех дворовых людей, О. А. Глаголевская уступила М. Ф. Достоевской (за 1 000 руб.) своего дворового человека Григория Васильева с семьей. В купчей 1831 г. названы передаваемые Марии Федоровне земли в дачах генерального межевания, а именно: в сельце и деревне Даровых, пустошах Нечаевской, Триполье, Шелеповой-Черковой, Хариной и Чертковой.

В архиве ГАТО были обнаружены «Протоколы и журналы присутствия Тульской палаты гражданского суда за 1832 г. Ч. 1». Согласно записи в журнале от 10 февраля 1832 г., в Тульской палате гражданского суда было заслушано дело коллежской ассессорши М. Ф. Достоевской. Помещица «проситъ выдать ей свидѣтельство на именіе ея Каширскаго уѣзда въ сельцѣ Даровомъ 40 душъ, для представленія въ московскій Опѣкунскій советъ»¹¹, в который она заложила имение. Свидетельство ей было приказано выдать, а на имение наложить запрет.

Из этого же документа становится известно, что М. Ф. Достоевская была введена во владение «движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ состоящимъ Каширскаго уѣзда въ сельцѣ Даровомъ»¹² 25 августа 1831 г., вскоре после его покупки. В протоколе указана ценная информация о размерах имения и о его постройках. Сельцо Даровое на февраль 1832 г. включало: усадебной земли — 6 десятин, пашенной — 268 десятин, дровяного лесу и кустарнику — 20 десятин, сенных покосов — 20 десятин, неудобной — 5 десятин, а всего — 319 десятин. Кроме того, имелось: «...господскаго строенія скотной дворъ въ коемъ двѣ людскія избы амбаръ, садъ съ плодовитыми деревьями»¹³. После пожара, случившегося в Даровом весной 1832 г., Мария Федоровна летом того же года начала вновь отстраивать усадьбу и восстанавливать те же постройки: скотный двор, при нем людскую избу и амбар. Как писал А. М. Достоевский, «к концу лета деревня наша была обстроена с иголки и о пожаре не было и помину» [Достоевский, 1992: 64]¹⁴.

В документе значится, что на имении Достоевских казенных долгов, подушных, рекрутских недоимок и других взысканий по суду не имелось. Это подтверждает сведения купчей о том, что О. А. Глаголевская погасила долг И. П. Хотяинцева перед Московским опекунским советом и что новых долговых обязательств по имению у Достоевских до 10 февраля 1832 г. не было.

Г. А. Федоров пишет, что Даровое 7 августа 1831 г. было «зарегистрировано вчерне на имя М. Ф. Достоевской, заплачено 29 тысяч рублей ассигнациями. <...> Два с половиной года Достоевские крепости на Даровое не имели, выплатили 30 тысяч» [Федоров: 174]. Эти данные вызывают сомнения, так как в купчей от 7 августа записано, что М. Ф. Достоевская и О. А. Глаголевская купчую подписали и последняя «*купчию къ себѣ взяла тогожъ числа*»¹⁵, то есть сделка была оформлена, а уже 25 августа Мария Федоровна, судя по вышеназванным протоколам Каширского суда, была введена во владение.

Таким образом, в начале 1832 г. Достоевские заложили недавно купленное и свободное от долгов имение в Московский опекунский совет. Можно предположить, что деньги были им нужны для покупки еще одного поместья. Г. А. Федоров, не ссылаясь на источники, пишет о том, что летом 1831 г. М. А. Достоевский предполагал купить у О. А. Глаголевской имение Косая Губа Крапивенского уезда и даже внес за него тысячу рублей ассигнациями. Однако 30 марта 1832 г. «палатой московского гражданского суда велено “действие <...> о продаже имения (Косой Губы. — Г. Ф.) г. Глаголевской г. Достоевскому прекратить”» [Федоров: 175].

Сегодня уже не вызывает сомнения то, что через год после покупки Дарового, то есть летом 1832 г., Достоевские рассматривали вопрос о приобретении соседней деревни Черемошни. Более того, покупка ее обсуждалась в семье Достоевских еще зимой 1831–1832 гг. В итоге Черемошняя была куплена 16 февраля 1833 г.¹⁶, для чего, как писал А. М. Достоевский, «папенька успел достать нужную сумму денег, заложив Даровое и прихватив у частных лиц» [Достоевский, 1992: 58].

В. С. Нечаева считала, что Даровое дважды закладывалось для покупки Черемошни, в том числе Московскому опекунному совету за 8 000 рублей. Об этой же сумме писал и Г. А. Федоров. Более того, им названа дата залога — 3 марта 1832 г. В. С. Нечаева же на основе «Сенатских запрещений» относит залог Дарового лишь к началу 1833 г. Последнее документально подтверждается впервые публикуемой закладной на Даровое (Екатерине Бутурлиной) в 1833 г., о чем речь пойдет ниже. К сожалению, Г. А. Федоров не дает ссылок на источники, а закладная на Даровое Опекунному совету 1832 г. на данный момент не обнаружена, поэтому вопрос в отношении даты залога 1832 г. требует уточнения.

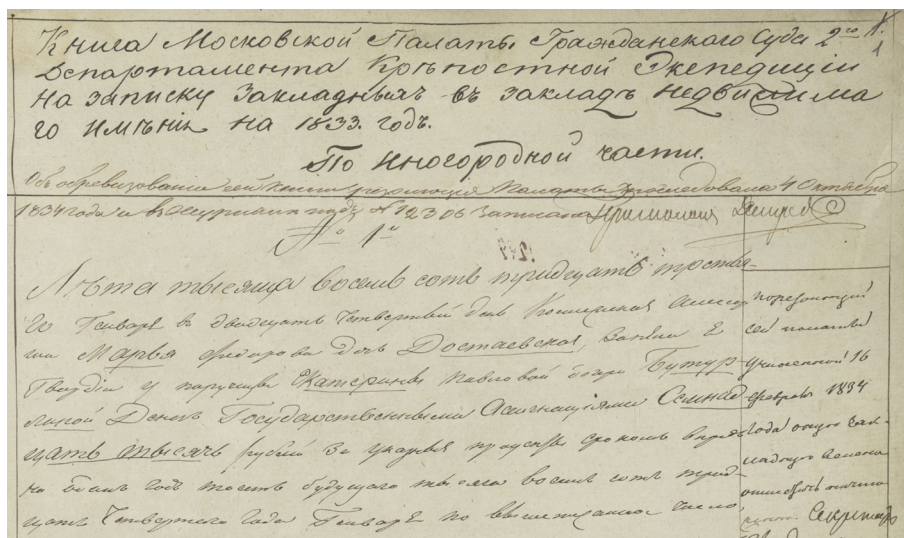
Не исключено, что в феврале — марте 1832 г. Мария Федоровна заложила Даровое в Московский опекунский совет для покупки Черемошни, так как от Косой Губы они отказались 30 марта 1832 г. Но, видимо, из-за случившегося в Даровом пожара в апреле того же года покупку Черемошни пришлось отложить до февраля 1833 г.

А. С. Бессонова обнаружила «Дело по сообщению Тульской казенной палаты о взыскании с коллежской ассессорши Достоевской денег»¹⁷. Согласно сообщению № 9615 Московской палаты гражданского суда 2-го

Департамента от 14 апреля 1833 г., в Московский опекунский совет были отосланы «взысканные съ имѣнія коллежской ассесорши Марьи Достоевской слѣдующія Московскому опекунскому совету проценты 4 р 80 к да на публикацію о разрѣшеніи имѣнія 5 р 10 к»¹⁸. Данный документ подтверждает, что Даровое до 14 апреля 1833 г. состояло в залоге, но М. Ф. Достоевская оплатила этот долг и поместила публикацию о разрешении имения. Исходя из этого можно предположить, что залог Дарового был сделан примерно за год до публикации, а именно 3 марта 1832 г., как об этом пишет Г. А. Федоров.

Отметим, что дата залога, указанная Г. А. Федоровым, на четыре дня опережает случившийся 7 марта 1832 г. пожар в Даровом, «в результате которого сгорело: у помещицы Хотяинцевой 2 двора и помещицы Достоевской 10 дворов¹⁹ с разным строением, имуществом, хлебом и скотом. От пожара понесено убытка на 9 тысяч рублей»²⁰.

24 января 1833 г. Достоевские закладывают Даровое — это подтверждается документом, найденным в архиве ЦГА Москвы²¹ (Илл. 1). Исходя из его содержания, М. Ф. Достоевская заложила свое имение поручице Е. П. Бутурлиной за 18 000 рублей государственными ассигнациями за проценты на один год до 24 января 1834 г. В закладной, как и в купчей 1831 г., перечислены пустоши, в которых часть земель принадлежала Достоевским (Нечаевская, Триполье, Шелепова, Харина и Черткова), а также названо общее количество земли, входящей в состав имения Дарового — 340 десятин²². Та же информация опубликована В. С. Нечаевой в выдержках из издания «Сенатские объявления о запрещениях и разрешениях на недвижимые имения» [Нечаева: 127–128].

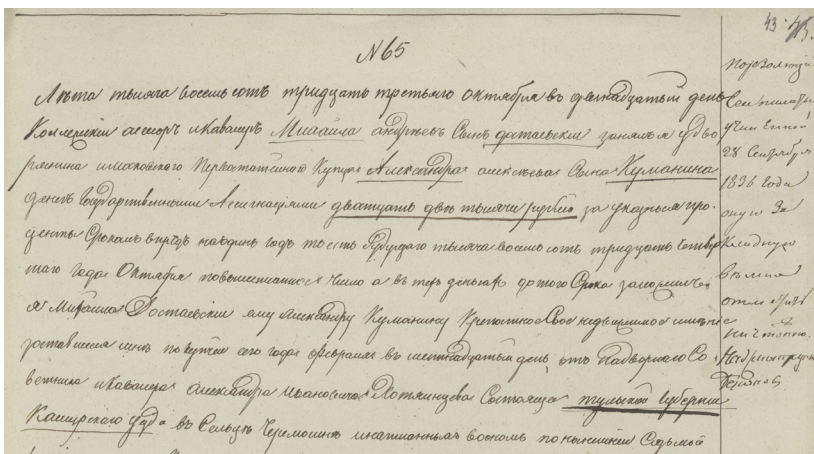
Илл. 1. Фрагмент закладной на Даровое 1833 г. (ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 1)

Fig. 1. Fragment of the Darovoe mortgage, 1833 (Central state archive of the city of Moscow)

Без малого через месяц после получения денег по данной закладной на Даровое была куплена Черемошняя и вновь заложена в этом же году, о чем речь пойдет ниже. Г. А. Федоров описал сложную экономическую ситуацию, в которой в эти годы оказались Достоевские: «Получено под залог 8 тысяч, сторело заложенного на 9 тысяч. Года не прошло — к стоимости Дарового прибавился долг по закладной и цена сторевшего и восстановленного и, наконец, 18 тысяч ассигнациями за навязанную им Черемошню. На 6 тысяч больше общей стоимости Дарового с Косой Губой. Неотвратимо встают долги» [Федоров: 133]. По всей видимости, для расплаты с этими долгами М. А. Достоевский был вынужден заложить вновь приобретенную Черемошню. Об этом свидетельствует публикуемая закладная на Черемошню от 1833 г. из фондов ЦГА Москвы²³. В документе сообщается точная дата приобретения Черемошни, 16 февраля 1833 г., и количество крепостных крестьян.

«...заложилъ я Михайла Достоевскій ему Александру Куманину крепостное свое недвижимое имѣніе доставшееся мнѣ по купчей сего года февраля въ шестнадцатый день, отъ Надворнаго Советника и Кавалера Александра Ивановича Хотяинцева состоящее Тульской губернии Каширскаго уезда въ сельцѣ Черемошнѣ и написанныхъ во ономъ по нынешней Седьмой ревизіи за мною крестьянъ ревизскихъ мужска пола восемнадцать душъ съ женами ихъ вдовами девками и съ рожденными отъ нихъ послѣ Седьмой ревизіи обо-его пола детьми»²⁴ (Илл. 2).

В закладной зафиксировано, что 12 октября этого же года М. А. Достоевский отдал Черемошню в залог А. А. Куманину²⁵ за 22 000 рублей.

Илл. 2. Фрагмент закладной на Черемошню 1833 г. (ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 43)

Fig. 2. Fragment of the Cheremoshnya mortgage, 1833 (Central state archive of the city of Moscow)

30 октября 1833 г., вскоре после получения денег под залог Черемошни (12 октября 1833 г.), М. А. Достоевский передает документы о состоявшейся сделке в Тульскую палату гражданского суда, в «Крепостной книге» которой делается краткая запись об этом²⁶. Как выясняется из следующего документа, эти деньги нужны были для выплаты долгов за Даровое. В той же «Крепостной книге»²⁷ сказано, что 4 и 12 декабря 1833 г. М. Ф. Достоевская подавала в суд документы и заказывала справки о «свободности» своего имения Даровое в связи с возвращением Е. П. Бутурлиной 9 000 руб. долга. Суд постановил ей такую справку выдать²⁸.

В 1834 г. М. Ф. Достоевская вновь закладывает Даровое, о чем свидетельствует составленная А. П. Ивановым «Справка о долгах и платежах по заложенным имениям Михаила Андреевича Достоевского и Марии Федоровны Достоевской Черемошни и Дарового» 1850–1851 гг.²⁹ В документе говорится о том, что 1 февраля 1834 г. было «заложено имѣніе Коллежской Совѣтницы Марьи Федоровны Достоевской. Тульской губерніи Каширскаго уѣзда деревня Даровая»³⁰, обозначена сумма общей задолженности и даны расчеты выплат за Черемошню и Даровое до 1851 г. Долг за Даровое на 1850 г. составлял 3 141 руб. 56 коп., а ежегодный платеж, выплачивавшийся 1 февраля, — 239 руб. 70 коп.

В феврале 1837 г. на 37 году жизни от чахотки умерла М. Ф. Достоевская. Летом 1839 г. после скоропостижной смерти М. А. Достоевского имение было взято под опеку.

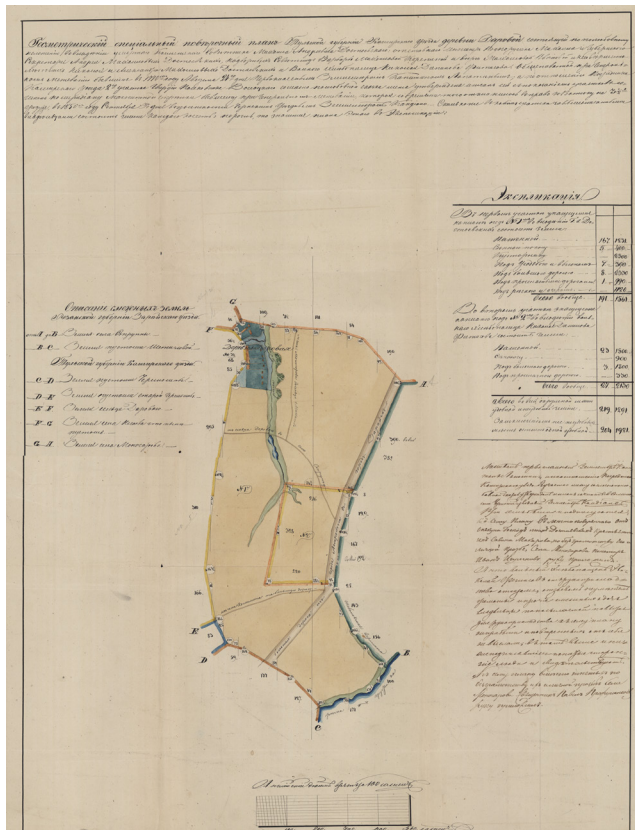
В документах 1840–1850 гг. о Даровом и Черемошне говорится как об имении умерших М. Ф. Достоевской и М. А. Достоевского. В отношении Каширского земского уездного суда Тульскому губернатору от 16 июля 1839 г.³¹ значится, что М. А. Достоевский распорядился «имением своей покойной жены» в сельце Даровом. Это дает возможность предполагать, что М. А. Достоевский после смерти жены владельцем Дарового стать не успел.

В 1840 г., как известно из «Книги Московской палаты гражданского суда 2-го Департамента» за 1852 г., братья и сестры Достоевские были утверждены «Каширскимъ Уѣзднымъ судомъ единственными и законными наследниками»³² и введены во владение имением.

Землевладение большинства помещиков XVIII–XIX вв. было чересполосным. Исключением не стало и поместье Достоевских. Об этом свидетельствуют «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и сельца Дарового. Дело о размежевании земли села Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими»³³ и «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой»³⁴. Недавно найденные любовные акты, входящие в эти дела, указывают на то, что наследники Достоевские, а до этого и М. Ф. Достоевская, не были единственными владельцами Дарового. Землями сельца и деревни Даровое владели также П. П. Хотяинцев³⁵ и, кроме него, свои

части там же имели В. Д. Дашкова, И. А. Бартоломей и вольный хлебопашец Н. Д. Фетисов.

Для решения этой проблемы в начале XIX в. правительством были разработаны правила специального полюбовного размежевания, чтобы объединить разрозненные участки в один или несколько крупных участков путем обмена и взаимных уступок с последующим закреплением их за владельцами. В 1847 г. наследники Достоевские на основании принятых правительством «Правил полюбовного размежевания» [Смирнов Г. С., Смирнов С. С.] вместе с другими владельцами начали раздел принадлежащих им земель, в том числе дач деревни Даровой и сельца Дарового. В результате полюбовного размежевания, завершено в декабре 1850 г., Достоевские стали единственными владельцами сельца Дарового, а в деревне Даровой их единственным соседом остался Н. Д. Фетисов. Ему был выделен участок в восточной части деревни Даровой, обозначенный на плане специального размежевания под № 2 (Илл. 3)³⁶.

Илл. 3. План деревни Даровой 1850 г. (РГАДА. Ф. 1345 Оп. 6. Д. 568)³⁷

Fig. 3. Plan of the village of Darovaya, 1850 (Russian state archive of ancient acts)

Илл. 5. Фрагмент плана сельца Дарового 1847 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1243 Оп. 1 Д. 43. Л. 13). В нижнем правом углу сельца изображена прямоугольная усадебная постройка, располагающаяся в районе сохранившегося флигеля Ивановых

Fig. 5. Fragment of the plan of the hamlet of Darovoe, 1847. In the lower right corner of the hamlet is a rectangular manor building located in the area of the preserved wing of the Ivanovs

В июле 1852 г. у наследников появилась возможность раздела имения: самая младшая из них, Александра Михайловна Достоевская³⁹, достигла возраста 17 лет. При наличии попечительницы над ней и ее 20-летним братом Николаем, а именно их сестры Варвары Михайловны Карепиной, они получали право управлять своим имуществом. Подробно об этом пишет А. М. Достоевский. Для того чтобы провести раздел имения, его необходимо было продать, и одним из претендентов на покупку стал старший из братьев, М. М. Достоевский⁴⁰. Прожив в Даровом «два лета сряду (1850–1851 гг.)» [Достоевский, 1992: 212], он предложил «имение отца оставить за собою, оплатив братьям и сестрам деньгами за причитающиеся им части, но не сразу, а в продолжение 10 лет» [Достоевский, 1992: 212]. Это показалось невыгодным для остальных наследников. Далее Андрей Михайлович пишет о том, что опекун А. П. Иванов⁴¹ нашел покупателя на имение, а именно

свою жену Веру Михайловну⁴², и они готовы оплатить каждому из наследников его долю стоимости имения⁴³. Этот вариант поддержали все члены семьи, и вскоре имение перешло к В. М. Ивановой.

Рассказ А. М. Достоевского находит подтверждение в публикуемом акте о разделе имения Достоевских 1852 г., обнаруженном в ЦГА Москвы⁴⁴.

Из документа следует, что 2 октября 1852 г. наследники Достоевские, а именно отставной подпоручик М. М. Достоевский, коллежский секретарь А. М. Достоевский, надворная советница В. М. Карепина, коллежская советница В. М. Иванова и несовершеннолетние Николай и Александра Достоевские, находящиеся под попечительством сестры своей В. М. Карепиной, решили оставшееся после смерти их родителей недвижимое имение, находящееся в Тульской губернии Каширского уезда и состоящее из деревни Черемошни и сельца Дарового, с принадлежащей к этому имению землей не подвергать разделу, но *«поговоря между собою согласились все вышеписанное имение предоставить родной сестре нашей Коллежской Советнице Вьре Михайловой по мужу Ивановой съ темъ чтобы она въ заменъ уступаемыхъ нами ей частей при утверждѣніи сей записи выдала каждому изъ насъ денежное вознагражденіе»*⁴⁵.

Согласно этому документу, В. М. Иванова обязалась выдать братьям и сестрам денежное вознаграждение серебром в следующем размере: М. М. Достоевскому — 2 500 рублей, А. М. Достоевскому — 1 500, Николаю — 2 000, сестрам Варваре и Александре — по 500 рублей.

Кроме того, Вера Михайловна приняла на себя обязательства по выплате долга Московскому опекунскому совету и всех частных долгов. Частных долгов на имении не имелось, и выплатить нужно было лишь Московскому опекунскому совету. По всей видимости, это был долг, обозначенный А. П. Ивановым в «Справке о долгах и платежах по заложенным имениям Михаила Андреевича Достоевского и Марии Федоровны Достоевской Черемошни и Дарового»⁴⁶.

В акте указывалось, что В. М. Ивановой, кроме этого, необходимо было оплатить все государственные и рекрутские повинности, лежащие на имении от момента покупки его и по 1852 г. Стоимость имения составила 12 240 рублей серебром, включая долг Московскому опекунскому совету.

Купленное В. М. Ивановой у братьев и сестер имение состояло из деревни Черемошни (130 дес. 78 саж.), сельца Дарового (294 дес. 405 саж.) и отхожих пустошей Грустынки (53 дес. 1884 саж.), Старой Черемошни (54 дес. 912 саж.) и Нечаевой (60 дес. 239 саж.) с общим количеством земли 592 десятины 1 117 саженей. По последней ревизии в имении числилось 102 души мужского пола *«съ ихъ женами вдовами дѣвками со внучатами приемышами со всемъ ихъ строеніемъ со скотомъ птицею съ лесами санными покосами съ хлебомъ наличнымъ въ земле посеяннымъ съ пашенною непашенною удобною и неудобною землею пустошами и со всеми угодьями со всею*

вообще землю какъ по купчимъ нашимъ родителямъ доставшуюся такъ и отъ нихъ намъ а равно и по нынешнему полюбовному земель размежеванію»⁴⁷.

Последнее уточнение указывает на то, что за период владения Даровым и Черемошной Достоевские не покупали новых земель и не теряли купленных их родителями, за исключением обмена, проведенного при полюбовном размежевании, в ходе которого из состава владений выбыли пустоши Харинская, Триполье, Черткова и Шелепова. Взамен последних Достоевские получили земли в дачах: сельце Даровом, деревнях Даровой и Черемошне, а также в пустошах: Грустынке, Старой Черемошне и Нечаевской.

В описываемом акте 1852 г. о передаче имения Достоевских В. М. Ивановой содержится еще одно доказательство того, что М. А. Достоевский после смерти жены так и не стал владельцем всего имения. При перечислении крестьян в сельце Даровом и деревне Черемошне супруги упомянуты как разные владельцы двух имений (Дарового и Черемошни), то есть таковыми они оставались с момента их приобретения в 1832–1833 гг. Вероятнее всего, посмертного завещания М. Ф. Достоевской в пользу мужа составлено не было. «После смерти родителей нашихъ Коллежскаго Советника Михайлы Андрѣева и супруги его Марьи Федоровой Достоевскихъ осталось Тульской губерніи Каширскаго уѣзда недвижимое имѣніе за 1^м (М. А. Достоевским; выделено нами. — Т. Д., Л. В.) въ деревне Черемошне дворовыхъ людей и крестьянъ пятьдесятъ три души а за постьднюю (М. Ф. Достоевской; выделено нами. — Т. Д., Л. В.) въ сельцѣ Даровомъ дворовыхъ людей крестьянъ сорок девять душъ»⁴⁸.

При разделе имения в 1852 г. между братьями и сестрами совсем не упомянут Федор Михайлович Достоевский. За три года до этого, в 1849 г. он был судим по делу Петрашевского, обвинен в противоправительственном заговоре, был лишен чина и звания. С 1849 по 1854 гг. он отбывал каторгу в Омске. В допросном листе от 1849 г. на вопрос о своем имущественном положении Ф. М. Достоевский писал так: «По смерти родителей наследовал вместе со всем семейством нашим, оставшимся после них, недвижимым имением, числом около ста душ, состоящем в Тульской губернии. Но в тысяча восемьсот сорок пятом году, по взаимному соглашению с родственниками, отказался от следуемой мне части в имении за единовременно выплаченную мне сумму денег» (Д30; 18: 136).

Так поступить Ф. М. Достоевского вынудило то обстоятельство, что в 1844 г. он в чине поручика инженерных войск вышел в отставку и занялся литературной деятельностью. Острая нужда в средствах к существованию побудила его в 1845 г. взять от родственников долю своего наследства.

Таким образом, в результате анализа источников уточнены имена владельцев сельца и деревни Даровых с конца XVIII в. до 1852 г., среди которых были члены семьи Хотяинцевых, О. А. Глаголевская, М. Ф. Достоевская, В. Д. Дашкова, И. А. Бартоломей, вольные хлебопашцы М. Данилов и Н. Д. Фетисов,

наследники Достоевские и В. М. Иванова, найдены и опубликованы документы мемориального периода на имение Достоевских.

Особый интерес представляет межевой план сельца Дарового с изображением господской усадьбы, датированный 1847 г. Это план сельца, самый близкий по времени к моменту пребывания Ф. М. Достоевского в усадьбе (Илл. 4 и 5).

Прошение М. Ф. Достоевской от 10 февраля 1832 г. является первым документом, в котором указан основной состав построек в Даровом на момент его покупки.

Родители писателя старались сохранить и благоустроить свое имение и тем обеспечить детям достойное будущее. Публикуемые закладные на Даровое и Черемошню, как и другие архивные источники, свидетельствуют о том, что родители Ф. М. Достоевского, люди небольшого достатка, став помещиками, испытывали серьезные материальные трудности. Возлагая большие надежды на новое имение Даровое, они не только вкладывали в него все свои силы и средства, но и расширили его покупкой соседней Черемошни. На данный момент купчая на Черемошню не найдена, но в ее закладной от 12 октября 1833 г. М. А. Достоевский сообщает точную дату покупки Черемошни — 16 февраля 1833 г. Эта информация может облегчить дальнейшую работу по поиску купчей.

Последующую судьбу имения позволяет проследить акт о его разделе между детьми Достоевскими в 1852 г. Из акта следует, что в 1840 г. все братья и сестры стали законными наследниками поместья своих покойных родителей. Раздельный акт подтверждает информацию о том, что Ф. М. Достоевский не принимал участия в разделе. В документе указаны неизвестные ранее сведения: дата и условия приобретения В. М. Ивановой имения, его фактический размер, состав земель и количество ревизских душ на 1852 г.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 Достоевский («Даровое Достоевского: Документальные источники, биография, творчество»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 25. С. 172. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

² Достоевский Андрей Михайлович (1825–1897) — младший брат писателя, автор «Воспоминаний», в которых подробно рассказывается о Даровом.

³ См. также полное издание воспоминаний: А. М. Достоевский. Воспоминания. Эпистолярное наследие [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petrus.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>

⁴ Храм Сошествия Святого Духа был построен в 1763 г. в селе Моногарове и являлся приходским храмом сельца Дарового и деревни Даровой (см.: <http://darovoe.ru>).

- 5 План генерального межевания сельца Даровое // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541/1. Д. «Д-19»; Экономические примечания Тульской губернии // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1811. Л. 56 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1814. Л. 78–78 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1816. Л. 102 об. — 103; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1822. Л. 22 об. — 23; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1823. Л. 27 об. — 28.
- 6 См. подробнее: [Дементьева].
- 7 Николай и Иван Хотяинцевы включены в списки владельцев сельца Дарового и деревни Даровой в «Экономических примечаниях Тульской губернии». См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1811. Л. 56 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1814. Л. 78–78 об. В другом деле из того же фонда (Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1816. Л. 102 об. — 103) они записаны как «*сержанты тенгинского пехотного полка*» и там же (л. 103 об.) они обозначены как совладельцы пустоши Старая Черемошня.
- 8 См.: а) Книга Московской палаты Гражданского суда 2-го Департамента, Крепостной экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имущества на 1829 год. По иногородной части. Том 1 // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 103 об. — 105; б) Книга Московской палаты Гражданского суда 2-го Департамента, Крепостной экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имущества на 1831 год. Том 1. По иногородной части // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 158 об. — 159 об.
- 9 См.: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 104.
- 10 Книга Московской палаты Гражданского суда 2-го Департамента, Крепостной экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имущества на 1831 год. Том 1. По иногородной части // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 158 об. — 159 об.
- 11 Протоколы и журналы присутствия Тульской палаты гражданского суда за 1832 г. Ч. 1 // ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 27. Л. 155.
- 12 Л. 156.
- 13 Л. 156–156 об.
- 14 А. М. Достоевский писал о восстановлении усадьбы после пожара летом 1832 г.: «Свой скотный двор тоже поставили новый и при нем людскую избу и небольшой флигелек для нашего пребывания» ([Достоевский, 1992: 64]. Есть упоминание об этих постройках и в письме Марии Федоровны от 29 июня 1832 г.: «...купила только тесу для варот к скотному, да еще досок, на закрома и потолок к анбару...» [Нечаева: 74].
- 15 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 159 об.
- 16 Вопрос о покупке Черемошни более подробно рассмотрен в статье: [Дементьева, Воронкина, Боголюбская]. В данной статье авторами обнаружена опечатка на С. 391, 15-я строка снизу: вместо «18 октября 1833 г.» читать «12 октября 1833 г.».
- 17 Дело по сообщению Тульской казенной палаты о взыскании с коллежской ассессорши Достоевской денег // ГАТО Ф. 51. Оп. 17. Д. 1207.
- 18 Там же. Л. 4 об.
- 19 Таким образом, сгорело всего 12 дворов, а не 13, как писал Г. А. Федоров: «всего тринадцать (вместе с тремя чужими. — Г. Ф.)» [Федоров: 176].
- 20 Ведомость о происшествиях. Архивная справка ГУ ГАТО от 29.01.2016 № 3347/3 на основании дела из Ф. 90. Оп. 1. Т. 13. Д. 10678. Л. 2–2 об.
- 21 Книга Московской палаты Гражданского суда 2-го Департамента Крепостной экспедиции на записку закладных в заклад недвижимого имущества на 1833 г. по иногородной части // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 1–2.
- 22 В «Протоколах и журналах присутствия Тульской Палаты Гражданского Суда за 1832 г. Ч. 1» в сельце Даровом значится 319 десятин земли (ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 27. Л. 156).
- 23 Книга Московской палаты Гражданского суда на 1833 г. по иногородной части // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 43.

- ²⁴ Упомянутая в документе купчая М. А. Достоевского на Черемошню от 16 февраля 1833 г. на данном этапе исследования не найдена. ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 681. Л. 43.
- ²⁵ М. А. Достоевский и А. А. Куманин были женаты на родных сестрах, в девичестве Нечаевых.
- ²⁶ Журналы присутствия, 1833 год, сентябрь–декабрь // ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 30. Л. 592, 594.
- ²⁷ Там же. Л. 1010, 1020, 1080, 1084.
- ²⁸ Сама справка к делу не прилагается.
- ²⁹ Справка о долгах и платежах по заложенным имениям Михаила Андреевича Достоевского и Марии Федоровны Достоевской Черемошни и Дарового // ОР РГБ. Ф. 93. Р. III. Карт. 14. Ед. хр. 38. Л. 1.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 20. Д. 15246. Л. 35–35 об.
- ³² Книга Московской палаты Гражданского суда 2-го Департамента, Крепостной экспедиции, для записки разного рода записей, договоров и прочих явочных актов на 1852 г. // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 953. Л. 142 об.
- ³³ «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли села Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими» 31 августа 1847 — 6 декабря 1850 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43.
- ³⁴ «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой» 31 августа 1847 — 17 августа 1850 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44.
- ³⁵ Хотяинцев Павел Петрович — один из потомков Василия Иевлевича Хотяинцева, крупного землевладельца Тульской и Рязанских губерний. Совладелец Достоевских в деревне Даровой, сельце Даровом и других дачах. См.:
- а) «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли села Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими» 31 августа 1847 — 6 декабря 1850 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43;
- б) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой» 31 августа 1847 — 17 августа 1850 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44;
- в) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и пустоши Старой Черемошни. Дело о размежевании пустоши старой Черемошни между помещиками Достоевскими М. А. и М. Ф. и Карепиным П. А. 31 августа 1847 года — 15 февраля 1850 года // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 49;
- г) «Дело о специальном размежевании дач и деревни Черемошни, владельцами которой являлись Коллежский ассессор М. А. Достоевский, Поручик В. Н. Ладыженский, Майор П. П. Хотяинцев и Священно церковнослужители с. Моногарова» 31 августа 1847 года — 31 августа 1858 года // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 51;
- д) «Дело Каширского Посредника 2-го о специальном размежевании дачи пустоши Нечаевой» // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 47;
- е) «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи пустоши Триполи» // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 19;
- ж) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и пустоши Чертковой» // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 54.
- ³⁶ а) «Дело Каширского Посредника 2-го участка о специальном размежевании дачи сельца Дарового. Дело о размежевании земли села Дарового между помещиками Хотяинцевым П. П. и Достоевскими» 31 августа 1847 — 6 декабря 1850 гг. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43;

- б) «Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой» 31 августа 1847 — 17 августа 1850 г. // ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44;
- в) Межевая книга первого и второго участков деревни Даровой. 1850 г. // ГАТО. Ф. 291. Оп. 7/39 Д. 1367. Д. 39;
- г) Специальный алфавит Тульской губернии Каширского уезда, хранящимся в Чертежном архиве планам с книгами // РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541. Часть 2. 1905 г. Л. 19.
- ³⁷ План впервые опубликован К. А. Барштом [Баршт: 121].
- ³⁸ В данной работе представлены «Геометрический специальный план» сельца Дарового 1847 г. (ЦГА Москвы Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43. Л. 13) и «Геометрический специальный план» деревни Даровой 1850 г. (РГАДА Ф. 1345 Оп. 6. Д. 568.1) На сегодняшний день известны три «Геометрических специальных плана» 1847–1850-х гг. деревни Даровой, хранящиеся в архиве РГАДА (РГАДА Ф.1345. Оп.6. Ед. хр. 567; РГАДА Ф.1345. Оп.6. Ед. хр. 568; РГАДА. Ф. 1354. Оп. 541. Ед. хр. Д-45-С) и один план сельца Дарового 1847 г. (публикуется впервые; экспликация к плану расшифрована на сайте <http://darovoe.ru> «Дело о специальном размежевании дач и сельца Дарового»). Данные планы представляют несомненный интерес с точки зрения землевладения Достоевских и требуют отдельной публикации.
- ³⁹ Достоевская Александра Михайловна (1835–1889) — младшая сестра писателя, родилась в Даровом 25 июля 1835 г.
- ⁴⁰ Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) — старший брат писателя, один из опекунов над именем Даровое.
- ⁴¹ Иванов Александр Павлович (1813–1868) — муж Веры Михайловны Ивановой, урожденной Достоевской.
- ⁴² Иванова (Достоевская) Вера Михайловна (1829–1897) — младшая сестра писателя, владела Даровым с 1852 г. Предположительно в 1893 г. она разделила имение между дочерьми: в Даровом жили Мария и Наталья Ивановы, а Юлия и Ольга Ивановы владели Черемошной. Умерла и похоронена в Даровом в 1897 г. (см.: Хмыров Д. Н. Письма к Ивановой Ю. А. // ОР РГБ. Ф. 93. Р. III. Карт. 12. Ед. хр. 65. Л. 38 об.; Ф. 93. Р. III. Карт. 14. Ед. хр. 16. Л. 2).
- ⁴³ В «Воспоминаниях» А. М. Достоевский подробно излагает содержание своей переписки с А. П. Ивановым по данному вопросу и приводит денежные расчеты. Кроме того, он пишет о том, что принятый впоследствии вариант раздела был предложен первоначально им [Достоевский: 212–214].
- ⁴⁴ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 953. Л. 142–145.
- ⁴⁵ Там же. Л. 143.
- ⁴⁶ «Справка о долгах и платежах по заложенным имениям Михаила Андреевича Достоевского и Марии Федоровны Достоевской Черемошни и Дарового» // ОР РГБ. Ф. 93. Р. III. Карт. 14. Д. 38. Л. 1.
- ⁴⁷ ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 953. Л. 143.
- ⁴⁸ Там же. Л. 142 об.

Список литературы

1. Баршт К. А. Дворянское гнездо Ф. М. Достоевского // I Летние чтения в Даровом: материалы междунар. конференции 27–29 августа 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. — Коломна: КГПИ, 2006. — С. 119–122 [Электронный ресурс]. — URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/barsht_dvor_gnezdo.pdf (15.08.2020).
2. Дементьева Т. Н. Сельцо Даровое и деревня Даровая (к вопросу о землевладении Достоевских) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. — Коломна: ИД «Лига», 2019. — С. 214–224. [Электронный ресурс]. — URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (15.08.2020).
3. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А., Боголюбская И. А. Деревня Черемошняя как часть владений Достоевских // Русская усадьба. Сборник общества изучения русской усадьбы / науч. ред.-сост. М. В. Нащокина. — СПб.: Коло, 2020. — Вып. 26 (42).
4. Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Две купчие на Даровое, имение Достоевских // Незвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 24–37 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1594900104.pdf DOI: 10.15393/j10.art.2020.4741 (18.08.2020)
5. Достоевский А. М. Воспоминания. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 398 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
7. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. Письма М. А. и М. Ф. Достоевских. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — 158 с.
8. Смирнов Г. С., Смирнов С. С. Организация специального межевания в России // Социум и власть. — № 1 (25). — 2010. — С. 106–111.
9. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского: из истории русской художественной культуры XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.
10. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) Рос. акад. наук. — СПб.: Академический проект, 1999. — Т. 1. — 544 с.

Tatyana N. Dementyeva

The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve
(Zaraysk, Russian Federation)
darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Lyubov A. Voronkina

Hephaest Restoration and Construction Company LLC
(Moscow, Russian Federation)
voronkina.la@yandex.ru

Darovoe Estate and Its Owner **(According to New Archival Documents)**

Acknowledgement. The research was carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90038 (“Dostoevsky’s Darovoe: Documentary Sources, Biography, Work”).

Abstract. The Dostoevsky family acquired the Darovoe estate in the Kashirsky uyezd of the Tula province on August 7, 1831. Here the future writer and his brothers and sisters spent the happy summer months in 1832–1836. The estate included the manor house (“seltso”) of Darovoye, the village of Darovaya, and land in the Nechaeva, Tripolye, Harina, Shelepova, and Chertkova wastelands. From the late 18th century to 1829, the listed territories belonged to the Kashirsky uyezd landowner Vasily Khotyaintsev, then to his sons Peter, Nikolai and Vasily, and subsequently to their grandsons Pavel and Ivan Khotyaintsev. The latter owner sold the estate to O. A. Glagolevskaya in 1829, and she, in turn, sold it to the mother of the writer F. M. Dostoevsky. In February 1833, her husband, M. A. Dostoevsky, expanded the estate by purchasing the neighboring village of Cheremoshnya with the namesake wastelands. In 1840, after the death of their parents, the Dostoevsky brothers and sisters: Mikhail, Fyodor, Varvara, Andrey, Vera, Nikolai and Alexandra became the owners of the Darovoe estate. In 1852, the estate was bought from them by the writer’s younger sister, Vera Mikhailovna Ivanova (nee Dostoevskaya). After her, Darovoe and Cheremoshnya were owned by her children. The authors analyzed the documents from the Russian State Archive of Ancient Acts, The State Archive of the Tula region, The Central State Archive of the City of Moscow, and the Department of Manuscripts of the Russian State Library. The archival materials revealed the circumstances of the change of ownership of the hamlet and the village of Darovoe and the incident changes from the late 18th century to 1852. It also revealed the details of the purchase of the village of Darovoe by M. F. Dostoevskaya and the exact date of acquisition of the village of Cheremoshnya by M. A. Dostoevsky (February 16, 1833). The study revealed the circumstances of the transfer of the estate to V. M. Ivanova and date of transaction (October 20, 1852), and named the participants of the division. F. M. Dostoevsky, who previously refused his share of the inheritance, did not participate in it. This article is the first to publish the mortgages on Darovoe and Cheremoshnya in 1833, the plan of the hamlet of Darovoe with the manor house dated 1847 (the closest in time to the memorial period), as well as the 1852 act of division, which specifies the conditions for the acquisition by V. M. Ivanova of the parental estate, its size and composition.

Keywords: F. M. Dostoevsky, village of Darovoe, manor house of Darovaya, I. P. Khotyaintsev, O. A. Glagolevskaya, M. F. Dostoevsky, M. A. Dostoevsky, V. M. Ivanova

About the authors: *Dementyeva Tatyana N.* — Head of Department of Museum-estate of F. M. Dostoevsky “Darovoe”, The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve (ul. Muzeynaya 1A, Zaraysk, 140600, Russian Federation); *Voronkina Lyubov A.* — Landscape Architect-Restorer, LLC «Restoration and Construction Company “Hephaest”» (per. Milyutinskiy 10, building 2, office 36, Moscow, 101000, Russian Federation)

Received: September 3, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Dementyeva T. N., Voronkina L. A. Darovoe Estate and Its Owner (According to New Archival Documents). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 4, pp. 106–131. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5121 (In Russ.)

References

1. Barsht K. A. The Noble Nest of F. M. Dostoevsky. In: *I Letnie chteniya v Darovom* [*The 1st Summer Readings in Darovoe Village*]. Kolomna, KGPI Publ., 2006, pp. 119–122. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/barsht_dvor_gnezdo.pdf (accessed on August 15, 2020). (In Russ.)
2. Dement'eva T. N. The Village of Darovoe and the Hamlet of Darovaya (to the Question of Land Ownership by the Dostoevskys). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [*The 5th Summer Readings in Darovoe Village*]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom Liga Publ., 2019, pp. 214–224. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on August 15, 2020) (In Russ.)
3. Dement'eva T. N., Voronkina L. A., Bogolyubskaya I. A. The Cheremoshnya Village as Part of the Dostoevsky Estate. In: *Russkaya usad'ba. Sbornik obshchestva izucheniya russkoy usad'by* [*Russian Estate. Collection of the Society for the Study of Russian Estate*] St. Petersburg, Kolo Publ., 2020, issue 26 (42). In Print (In Russ.)
4. Dement'eva T. N., Voronkina L. A. Two Bills of Sale for Darovoe, the Dostoevsky Family Estate. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 2, pp. 24–37. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1594900104.pdf (accessed on August 18, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4741 (In Russ.)
5. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya* [*The Memories*]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 398 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh. Pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [*In the Family and the Estate of the Dostoevskys. Letters of M. A. and F. M. Dostoevskys*]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
8. Smirnov G. S., Smirnov S. S. Organization of Special Land Surveying in Russia. In: *Sotsium i vlast'* [*Society and Power*], no. 1 (25), 2010, pp. 106–111. (In Russ.)
9. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo: iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [*The Moscow World of Dostoevsky: From the History of Russian Art Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 544 p. (In Russ.)

Приложение

<I>

Источник текста: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 1–2.
Публикуется впервые.

**Книга Московской Палаты Гражданскаго Суда 2го Департамента
Крѣпостной Экспедиціи на записку закладныхъ въ закладѣ
недвижимаго имѣнія на 1833 годѣ.**

По иногородной части.№ 1^й

Лѣта тысяща восемь сотъ тридцать третьяго Генваря въ двадцать четвертый день Коллежская Ассессорша Марья Федорова дочь Достаевская, заняла я Гвардіи у поручицы Екатерины Павловой дочери Бутурлиной денегъ Государственными Ассигнаціями Осмнадцать тысячь рублей за указныя проценты срокомъ впредь на одинъ годъ то есть будущаго тысяча восемь сотъ тридцать четвертаго года Генваря по вышеписанное число, а въ тѣхъ деньгахъ до того срока заложила я Марья ей Екатеринѣ крѣпостное свое недвижимое имѣніе, достави~~в~~^вся мнѣ по купчей тысяча восемь сотъ тридцать перваго года Августа въ седьмый день отъ Коллежской Ассессорши Ольги Алексѣевой дочери Глаголевской, состоящее Тулѣской Губерніи Каширскаго Уѣзда въ сельцѣ и деревнѣ Доровой и написанныхъ во оноѣ по нынѣшней Седьмой ревизіи за мною дворовыхъ людей и крестьянъ мужеска пола сорокъ душъ, съ женами ихъ, вдовами, дѣвками и съ рожденными отъ нихъ послѣ Седьмой ревизіи обоего пола дѣтьми, съ пасынки внучаты, пріемыши съ бѣглыми изъ онаго числа буде таковыя окажутся, съ господскимъ и крестьянскимъ всякаго рода строеніемъ, съ прудами садами, разнаго рода деревьями и ихъ крестьянскимъ всякаго рода имуществомъ, со скотомъ рогатымъ господскимъ и крестьянскимъ крупнымъ и мелкимъ съ лошадыми и со птицы, такъ же господскимъ и крестьянскимъ съ хлѣбомъ въ гумнахъ стоячимъ молочнымъ, немолочнымъ и въ землѣ посяннымъ и всѣми во обще заведеніями, съ пашенною и непашенною <л. I> огородною, огуменною землею, съ лѣсы стѣнными покосы, и со всѣми угодьи и какъ въ означенномъ сельцѣ и деревнѣ Доровой, такъ равно и въ принадлежащихъ къ онымъ пустошахъ, доставшихся мнѣ по той же купчей и состоящихъ въ томъ же уѣздѣ имянуемых: Нечаевской, Триполю, Шелеповой Чертковой тожъ Хариной и Чертковой земли всею мѣрою въ показанныхъ сельцѣ деревнѣ и пустошахъ триста сорокъ десятинь,

По резолюціи сей палаты учиненной 16 февраля 1834 года оную Закладную велено отметить ничтожною.

Секретарь
Федоровъ

Столоначальникъ
Линьковъ

или что слѣдуетъ по дачамъ планамъ межевымъ и отказнымъ книгамъ, по справкамъ Вотчиннаго Департамента, по Генеральному земель размѣжеванію и во владѣніи моемъ и у означенныхъ крестьянъ собрать все безъ остатка, буде окажутся съ примѣрными и насильно завладенными землями, словомъ не оставляя я Достоевская за собою въ ономъ сельцѣ и деревнѣ Доровой изъ людей и крестьянъ ни единыя души, а земли и всякихъ угодій какъ въ ономъ сельцѣ и деревнѣ такъ и въ поименованныхъ пустошахъ ни единыя сажени, но все безъ остатка; а буде я Марья Достоевская тѣхъ въ заемъ данныхъ мнѣ денегъ ей Екатеринѣ Бутурлиной на показанной срокъ не заплачу то вольно ей по срокъ сію закладную гдѣ слѣдуетъ явить и удовольствіе получить какъ законы повелѣваютъ; напредъ же сей закладной оное мое недвижимое имѣніе со встѣмъ означеннымъ отъ меня иному никому не продано, не заложено и ни у кого ни в какихъ крепостяхъ не укрѣплено, къ той закладной сама Г^{жа} Достоевская и свидѣтели Коллежскій Ассессоръ Спиридонъ Ивановъ сынъ Поляковъ и поручикъ Дмитрій Григорьевъ сынъ Григорьевъ руки приложили. Закладную писалъ и записалъ Коллежскій Секретарь Кашецынъ по резолюціи Палаты листъ крѣпилъ Секретарь Набоковъ Совершилъ <л. 1 об.> по указамъ съ акта десять рублей на припечатаніе въ Сенатскихъ прибавленіяхъ 5^р за гербовую бумагу 6^р въсовыхъ 2^р 85^{ко} Итого 13^р 85^{ко} А всего Двадцать три рубли восемьдесятъ пять копѣекъ и на производство гербовой бумаги три листа принялъ Казначей <фамилія нрзб.> Совершилъ Надсмотрщи<къ> <фамилія нрзб.>

Къ сей записки Коллежская Ассессорша Марья Достоевская руку приложила, а закладною къ себѣ взяла того жъ числа.

Къ сей записки Катерина Павлова Бутурлина руку приложила тогоишъ числа <л. 2>

<II>

Источник текста: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 43.
Публикуется впервые.

**Книга Московской палаты Гражданскаго суда 2-го Департамента
Крѣпостной экспедиціи на записку закладныхъ въ закладъ
недвижимаго имѣнія на 1833 годъ.**

№ 65

«Лѣта тысяча восемь сотъ тридцать третьяго октября въ двенадцатый день Коллежскій ассессоръ и кавалеръ Михайла Андрѣевъ сынъ Достоевскій занялъ я у дворянина и московскаго Первостатейнаго Купца Александра Алексѣева сына Куманина

денегъ Государственными Ассигнаціями двадцать двѣ тысячи рублей за указныя проценты срокомъ впредь на одинъ годъ то есть будущаго тысяча восемь сотъ тридцать четвертаго года Октября по вышеписанное число а въ техъ деньгахъ до того срока заложилъ я Михайла Достоевскій ему Александру Куманину Крепостное свое недвижимое имѣніе доставшееся мнѣ по купчей сего года Февраля въ шестнадцатый день отъ Надворнаго Советника и Кавалера Александра Ивановича Хотяинцева состоящее Тульской губернии Каширскаго уезда въ сельцѣ Черемошнѣ и написанныхъ во оноу по нынешней Седьмой ревизіи за мноу Крестьянъ ревизскихъ мужска пола восемнадцать душъ съ женами ихъ вдовами девками и съ рожденными отъ нихъ послѣ Седьмой ревизіи обоего пола детьми съ ихъ крестьянскимъ всякаго рода строеніемъ и имуществомъ со скотомъ рогатымъ крупнымъ и мелкимъ съ лошадыми и со птицею съ хлебомъ въ гумнахъ стоячимъ молочнымъ немолочнымъ и въ землѣ посеяннымъ съ пашенною и непашенною землею съ лѣсы санными покосы и со всѣми угодыи а буде я Михаила Достоевскій техъ въ заемъ даннымъ денегъ ему Александръ Куманину на показанный срокъ не заплачу то вольно ему по срокъ сію закладную где следуетъ явить и удовольствіе получить какъ законы повелѣваютъ напредъ же сей закладной оноу мое недвижимое именіе со всею означеннымъ отъ меня иному никому не продано не заложено и ни у кого нивкакихъ крепостяхъ не укреплено. Къ той закладной самъ заимщикъ и свидетель Титулярный Советникъ Александръ Ивановъ Грачевскій Коллежскій Секретарь Константинъ Петровъ Чернышевъ руки приложили Закладную писалъ на 50^р листъ Коллежскій Секретарь Кашицынъ запрещеніе нетъ а записалъ Спревичъ листъ крепилъ Секретарь Набоковъ Совершитъ по указамъ съ акта 10^р на припечатаніе в Сенатскихъ прибавленіяхъ 5^р за гербовую бумагу 6^р весовыхъ 2^р 85^{ко} итого 13^р 85^{ко}. А всего двадцать три рубли восемьдесятъ пять копеекъ и на производство Гербовой бумаги три листа <принялъ?> Казначей <фамилия нрзб.>

Совершилъ <фамилия нрзб.>

Къ сей запискѣ Дворянинъ Московской Первостатейный Купецъ Александръ Куманинъ руку приложилъ того жъ числа. Къ сей Запискѣ Коллежскій Ассессоръ Михайла Достоевскій руку приложилъ, и Закладную къ себѣ взялъ того жъ числа.

По резолюціи сей палаты учиненной 28 Сентября 1836 года оную закладную вѣлено отметить ничтожною.

<подпись нрзб.>

<л. 43>

<III>

Источник текста: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 953. Лл. 142–145.
Публикуется впервые.

**Книга Московской палаты Гражданскаго суда 2-го Департамента,
Крепостной экспедиции, для записки разнаго рода записей, договоровъ
и прочихъ явочныхъ актовъ на 1852 годъ. Томъ 2.**

№ 76

Лѣта тысяча восемь сотъ пятьдесятъ втораго Октября въ дватцатый день мы нижеподписавшіиися дѣти Коллежскаго <л. 142> Советника Отставной Подпоручикъ Михайла Коллежской Секретарь Андрей несовершеннолетнія находящіеся подъ попечительствомъ сестры своей Варвары воспитанникъ Строительнаго училища Главнаго Управленія Путей сообщенія и публичныхъ зданій Николай и девица Александра Михайлова Достоевскіе Надворная Советница Варвара Михайлова по муже Карепина и Коллежская Советница Вѣра Михайлова по муже Иванова на основаніи свода Законовъ Гражданскихъ Х. т. статей 214–1081–1089 1090 1094 и 1096 учинили запись сію въ нижеследующемъ После смерти родителей нашихъ Коллежскаго Советника Михайлы Андрѣева и супруги его Марьи Федоровой Достоевскихъ осталось Тульской губерніи Каширскаго уѣзда недвижимое имѣніе за 1^м въ деревне Черемошне дворовыхъ людей и крестьянъ пятьдесятъ три души а за последнюю въ сельцѣ Даровомъ дворовыхъ людей крестьянъ сорок девять душъ а всего по нынешней девятой ревизіи сто две души съ принадлежащею къ этому имению землю при деревне Черемошне сто тридцать десятинъ семдесятъ семь сажень При сельце Даровомъ двести девяносто четыре десятины четыреста пять сажень и въ отхожихъ при оныхъ пустошахъ Грустынке 53^{де} 1884^{са} старой Черемошне 54^{де} 912^{са} и Нечаевой 60^{де} 239^{са} а всего пять сотъ девяносто две десятины тысяча сто семнадцать сажень Ко всему этому имению утверждены мы въ 1840 году Каширскимъ Уѣзднымъ судомъ единственными и законными наследниками и оно по вводе насъ во владеніе находится въ общемъ нашемъ владеніи въ настоящее же время не желая подвергнуть означенное именіе разделу мы Михайла и Андрей Достоевскіе <л. 142 об.> Варвара Карепина и Вѣра Иванова урожденныя Достоевскія и Николай и Александра Достоевскіе съ согласія попечительницы надъ нами сестры нашей Варвары Карепиной поговоря между собою согласились все вышеписанное именіе предоставить родной сестре нашей Коллежской Советнице Вѣре Михайловой по муже Ивановой съ темъ чтобы она въ замятъ уступаемыхъ нами ей частей при утвержденіи сей записи выдала каждому изъ насъ денежное вознагражденіе а именно мне Михайле две тысячи пять сотъ рублей сереб., мне Андрею тысячу пять сотъ руб. сереб. мне Николаю две тысячи рублей сереб. мне Александре пять сотъ рублей сер. мне Варваре Карепиной пять сотъ рублей сереб. вместе съ симъ она сестра наша обязана принять на себя платежъ долга Московскому Опекунскому Совету на это именіе лежащаго сколько онаго причитается будетъ равно всякую ответственность въ платеже всехъ частныхъ долговъ если таковыя на родителейъ

нашихъ окажутся И я Вѣра Иванова принимая означенныя деревню Черемошню и сельцо Доровое со всеми ревизскими въ нихъ душами съ ихъ женами вдовами девками со внучатами приемышами со всею ихъ строеніемъ со скотомъ птицею съ лѣсами санными покосами съ хлебомъ наличнымъ въ земле посеяннымъ съ пашенною непашенною удобною и неудобною землею пустошами и со всеми угодьями со всею вообще землею какъ по купчимъ нашимъ родителямъ доставиуюся такъ и отъ нихъ намъ и равно и по нынешнему полюбовному земель размежеванію все безъ остатка вместе съ темъ принимаю на себя обязанность во 1хъ заплатить долгъ Московскому Опекунскому Совету на томъ имени лежащій во 2^х уплатить все частныя долги если бы таковыя на нашихъ родителейъ оказались и въ 3^х заплатить означеннымъ <л. 143> братьямъ и сестрамъ моимъ за уступаемыя ими въ томъ имени части вышеобъявленныя суммы въ 4^х очищать все государственныя и рекрутскія повинности какія на томъ имени съ начала сего 1852 года числятся и впредь будутъ причитаться За симъ настоящимъ разделомъ какъ учиненнымъ съ общаго добровольнаго нашего согласія намъ Достоевскимъ Карепиной и Ивановой остаются навсегда довольными и посему о перемене сей записи уничтоженію или въ чемъ либо измененію ни намъ ни наследникамъ по насъ нигде не просить всякая же поданная отъ кого либо изъ насъ въ нарушеніе сей записи прозба должна быть почитаема ничтожною а записи остаются въ своей силе что симъ при нижеподписавшихся свидетеляхъ утверждаемъ цену всему вышеписанному имению по совести объявляемъ Двѣнадцать тысячъ двѣсти сорокъ рублей серебромъ полагая въ это число и долгъ Московскаго Опекунскаго Совета и притомъ присовокупляемъ что напредъ сего означенное имение никому не продано нигде кроме Опекунскаго Совета не заложено и въ споре ни съ кемъ не состоитъ Къ сей записи по доверенности отставнаго Подпоручика Михайлы Михайлова Достоевскаго Коллежской Асесоръ и Ковалеръ Александръ Петровъ Скрябинъ руку приложилъ къ сей записи по доверенности Коллежскаго Секретаря Андрея Михайлова Достоевскаго Коллежской Асесоръ и Ковалеръ Павелъ Дмитріевъ Ульянинской руку приложилъ Къ сей записи несовершеннолетняя дочь Коллежскаго Советника девица Александра Михайлова Достоевская руку приложила Къ сей записи Надворная Советница Варвара Михайлова Карепина за себя по попечительству надъ Николаемъ и Александромъ Михайловыми Достоевскими и по доверенности <л. 143 об.> отъ него же Николая Достоевскаго руку приложила Къ сей записи Коллежская Советница Вера Михайлова Иванова руку приложила У сей записи Штабсъ Капитанъ Егоръ Федоровъ Шульцъ свидетелемъ былъ и руку приложилъ У сей записи свидетелемъ былъ и руку приложилъ Губернской Секретаръ Илья Ивановъ Ушаковъ 1852 года октября 27 дня по указу Его Императорскаго величества Московской Палаты гражданскаго суда во 2^д по разсмотренію сей записи писанной на крепостномъ гербовомъ листе въ 27 р. сереб. и подтвержденной допросомъ ОПРЕДЕЛЕНО въ Крепостной сего Депортамента Экспедиціи ГГ Достоевскимъ Михайле Андрееву и Марье Федоровой оказались запрещенія припечатанныя въ Сенатскихъ прибавленіяхъ 1834 года № 37 въ ст. 11857 того же года № 44 въ ст. 14067 и 1838^е № 27 въ ст. 11152 За выдачу свидетельствъ на означенныя имена и за заемъ подъ оныя въ Московскомъ Опекунскомъ Совете денегъ по деламъ же палаты препендствій къ утвержденію означенной записи не оказалось А Московской Опекунской Советъ

сообщениемъ отъ 2 сего октября за № 13710 на утверждение означеннаго раздела изъявляетъ согласіе съ темъ чтобы Департаментъ сей по утвержденіи онаго отнесся въ Тульскую Гражданскую Палату дабы они на имя Г. Ивановой на достающееся ей по разделу именіе прислали въ оный узаконенной формы свидетельство со спискомъ для перевода на нѣе долга съ удостовѣреніемъ о благонадежности того именія къ перезалогу съ новаго срока почему предоставленную запись не поставляя препядствіемъ оказавшихся запрещеній за выдачу свидетельствъ и за заемъ въ Московскомъ Опекунскомъ Советѣ денегъ потому что долгъ означенному Совету Иванова принимаетъ на себя и Советъ на утверждение раздела изъявилъ <л. 144> согласіе на основ. 1081–1089–1090 1096 и 1107 ст. X. т. Св. Зак. Гражд. Изд. 1842 года утвердить безъ взятія на основ. 336 ст. V т. Уст. о пош. четырехъ копейныхъ пошлинъ о чемъ сделавъ на ней надпись записать ея по силе 594 ст. X. т. въ Крепостную книгу и выдать согласно желанію просителей подлинную Коллежской Советнице Вере Михайловой Ивановой а копіи Коллежскимъ Асесорамъ Скрыбину и Ульянинскому Александре Михайловой Достоевской и Надворной Советнице Варваре Михайловой Карепиной При выдаче же взыскать по силе 403 ст. V т. Уст. о пош. съ акта 3^р на припечатаніе о совершенномъ акте съ весовыми 4^р 90^к и на дальнейшее производство 6 листовъ въ 30^к серебромъ каждой изъ коихъ по записке въ приходъ и расходъ актовья отослать въ Московское Уѣздное Казначейство при общей ведомости по одному рублю 50^к препроводить въ Московское Губернское правленіе съ объявленіями Сенатскую и С. Петербургскую Сенатскую Типографіи 40^к употребить съ весовыми и бумагу выдать Производителю о доставленіи же въ советъ на имя Г. Ивановой узаконенной формы свидетельства со спискомъ Сообщить въ Тульскую Гражданскую Палату о чемъ по утвержденіи сей записи Московской Опекунской Советѣ уведомить октября 28 дня 1852 года Заседатель Вяхиревъ За секретаря Муравьевъ За столоначальника Тальхъ. У той надписи палаты печать 1852 года октября 28 дня Московской Палаты Гражданскаго суда во 2^д По сей записи принято за актъ 3^р и на припечатаніе <л. 144 об.> съ весовыми 4^р 90^к. А всего семь рублей девяносто копѣекъ серебромъ и натурою гербовой бумаги шесть листовъ каждой въ 30^к сереб. которыя и въ приходъ сего жъ числа записалъ Казначей Тарелкинъ Записалъ Петровъ По исходящей книге № 26039 — Къ сей запискѣ Коллежская Советница Вѣра Михайлова Иванова руку приложила а запись къ себѣ взяла 29 октября <л. 145>

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041
УДК 930.25+821.161.1

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btkhomirov@rambler.ru

Обыск брачный № 17: текст и судьба (Документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.)*

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот аутентичный текст брачного обыска, составленного причтом Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка при подготовке к венчанию 6 февраля 1857 г. Федора Михайловича Достоевского и Марии Дмитриевны Исаевой. Подлинник этого документа не сохранился, так как, видимо, сгорел во время пожара, произошедшего в кузнецкой церкви в декабре 1919 г. В биографической литературе известен текст брачного обыска, который восходит к рукописной копии, снятой около 1916 г. священником Одигитриевской церкви Николаем Рудичевым и хранящейся ныне в Доме-музее Ф. М. Достоевского в Семее (до 2007 г. Семипалатинск). С рядом неточностей она была опубликована в 1916 г. священником и краеведом Б. Г. Герасимовым в малодоступном ныне издании — «Сибирская летопись». В настоящей статье брачный обыск воспроизводится по фотокопии с утраченного подлинника, которая была сделана в 1909 г. и ныне хранится в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге. Подпись-автограф писателя под текстом брачного обыска заставляет рассматривать его как личный официальный документ, чем обусловлена необходимость включения брачного обыска в основной корпус академического Полного собрания сочинений писателя, в раздел «Официальные письма и деловые бумаги». Значительную часть статьи занимает полемика с гипотезой сибирских краеведов М. М. Кушниковой и В. В. Тогулева, с точки зрения которых указанный брачный обыск задолго до пожара 1919 г. был изъят из церковного архива и уничтожен с целью скрыть содержащийся в его тексте подлог, делающий первый брак Достоевского незаконным. Соглашаясь с тем, что в документе действительно содержался подлог, автор статьи, опираясь на законодательство эпохи, доказывает, что вывод о незаконности брака писателя является большим преувеличением, а у гипотезы об изъятии и уничтожении брачного обыска нет серьезных оснований.

Ключевые слова: Достоевский, Мария Исаева, священник Евгений Тюменцев, Кузнецк, Богородице-Одигитриевская церковь, венчание, обыск брачный, подлинник, фотокопия утраченного документа

Об авторе: Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнецкий пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 21.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Обыск брачный № 17: текст и судьба (Документ о венчании Достоевского в Кузнецке 6 февраля 1857 г.) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 132–157. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041

Одним из важных документов, который необходимо отнести к числу базовых для биографии Ф. М. Достоевского, является так называемый «Обыск брачный», составленный 6 февраля 1857 г. причтом Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка Томской епархии. До обнаружения

относительно недавно в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) метрической книги Одигитриевской церкви за 1857 г.¹ упомянутый брачный обыск был главным документальным свидетельством бракосочетания Федора Михайловича Достоевского с Марией Дмитриевной Исаевой. Но и после обнаружения в 2009 г. метрической записи о венчании писателя (см.: [Голуб: 181–185]) он не утратил своего значения для биографов Достоевского.

Брачный обыск представляет собою письменный акт, содержащий определенные сведения о людях, собиравшихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака. Запись в метрической книге, кроме констатации осуществленного таинства венчания, фактически являлась итогом своеобразного исследования (обыска), проведенного церковным причтом, о возможности совершения бракосочетания [Пакшина, Колесова: 140–141]. Форма брачного обыска была установлена законодательно и зафиксирована в Своде законов Российской империи². Обыски заносились в специальные прошнурованные обыскные книги, которые велись при храмах и хранились в церковных ризницах. В отличие от метрических книг и исповедных ведомостей, второй экземпляр которых отсылался в консисторию, обыскные книги существовали в единственном экземпляре.

Текст брачного обыска № 17, составленного 6 февраля 1857 г. причтом кузнецкой Одигитриевской церкви при подготовке к венчанию Федора Достоевского и Марии Исаевой, впервые был обнаружен в 1916 г. в журнале «Сибирская летопись» семипалатинским священником и краеведом, учредителем Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отделения Русского географического общества Б. Г. Герасимовым (см.: [Герасимов: 568–569]). Позднее с рядом неточностей текст обыска был в 1935 г. перепечатан Л. П. Гроссманом в биографической хронике «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» (см.: [Гроссман: 84]). К двум данным публикациям, прямо или опосредованно, восходит воспроизведение брачного обыска в большей части статей и книг, посвященных кузнецким дням биографии писателя [Косенко: 90–91; Бекедин: 232–233; Кушникова, Тогулев, 2005: 287–289; Шадрина, 1995: 79–80; Шадрина, 2017: 163–165].

Уже в текст публикации Б. Герасимова вкралось определенное количество неточностей (которые будут отмечены ниже). При перепечатке его в хронике Л. Гроссмана дополнительно появилось еще более десятка отступлений от текста «Сибирской летописи» (пропуск предлога «в» и слова «родства», замена слов или грамматических форм: «имеют» / «имеет», «означенной» / «обозначенной», «представляются» / «предоставляются», «показанное» / «показано», «поручитель» / «поручатель», «по правилам церковным» / «по правилам церкви», «Федор Михайлович Достоевский» / «Ф. М. Достоевский», «Нелюбинской» / «Нелюблинской», «Димитриевич» / «Дмитриевич», «Лашков» / «Лошков» и др.). П. Бекедин, также перепечатывая текст, опубликованный

Б. Герасимовым, отметил, что у Л. Гроссмана он воспроизведен «с неточностями» [Бекедин: 233], однако сам повторил большую часть из них, прибавив еще несколько мелких разночтений. М. Кушникова и В. Тогулев, приведя текст обыска по публикации П. Бекедина, неверно передали еще одно слово: «троекратному» / «трехкратному». С грубыми ошибками («производили» / «произвели», «для удостоверения» / «для удовлетворения», «предположено» / «предложено», «узаконенное» / «указанное», «подписавшие» / «подписавшиеся»), пропусками ряда слов (иных, нежели в публикации Л. Гроссмана: «города Кузнецка», «городе», «сей», «февраля») и произвольным сокращением («в г. Кузнецке» вместо «в городе Кузнецке») напечатан брачный обыск и в документально-беллетристическом повествовании П. Косенко, которым, по-видимому, взята за основу публикация Б. Герасимова. Эти же ошибки тождественно воспроизведены в машинописной копии брачного обыска, хранящейся в Новокузнецком краеведческом музее. Можно предположить, что она восходит к публикации П. Косенко, но с добавлением новых ошибок («представляются» / «предъявляются», «от 1 февраля» / «1 февраля», «по каждом» / «по каждому», «и по законам» / «и законам»). В свою очередь по новокузнецкой машинописной копии, повторяя все ее ошибки, воспроизводит брачный обыск в своих книгах А. Шадрина. Указанные серьезные искажения выводят эти публикации за рамки строго научных изданий.

Таким образом, наиболее надежным, но также не безупречным является на сегодняшний день малодоступный текст брачного обыска, воспроизведенный в «Сибирской летописи» 1916 г. При этом исключительно важно подчеркнуть, что в основе осуществленной Б. Герасимовым публикации, послужившей источником для последующих воспроизведений в печати этого документа, лежал отнюдь *не оригинал*, содержащийся в обыскной книге Богородице-Одигитриевской церкви города Кузнецка. Упомянув наряду с брачным обыском разрешение за № 167 на вступление в брак, выданное прапорщику Достоевскому 1 февраля 1857 г. подполковником Белиховым, командиром 7-го Сибирского линейного батальона, в котором служил писатель, Б. Герасимов далее писал: «Эти документы, с разрешения епархиального начальства, Семипалатинским подотделом Западно-Сибирского отдела И. Р. Г. О. недавно **извлечены в копиях** из архива Кузнецкой церкви и хранятся в музее подотдела. Ввиду того, что эти документы до сих пор нигде не были опубликованы, печатаем их на страницах “Сибирской летописи”» [Герасимов: 567]³.

Таким образом, все существующие публикации указанного брачного обыска в конечном счете восходят к *рукописной копии*, запрошенной Б. Герасимовым у причта кузнецкой Одигитриевской церкви для музея Семипалатинского подотдела Императорского Русского географического общества. Эта копия, написанная рукой и заверенная настоятелем Одигитриевской церкви о. Николаем (Рудичевым), сохранилась и в настоящее

время находится в фондах Дома-музея Ф. М. Достоевского в Семее (до 2007 г. Семипалатинск)⁴, куда поступила в 1971 г. из Семипалатинского историко-краеведческого музея⁵.

Но в связи со сказанным с особой остротой встает вопрос: а какова судьба *подлинника* брачного обыска, находившегося в прошнурованной обыскной книге кузнецкой Богородице-Одигитриевской церкви? В исследовательской литературе на этот вопрос даются два ответа: простой и сложный. Причем сложный оказывается в значительной степени мифологизированным.

Этого вопроса во многих своих работах касается М. М. Кушникова (в позднейших публикациях вместе со своим соавтором В. В. Тогулевым). Их ответ в общих чертах таков: искомый брачный обыск был *намеренно уничтожен* еще в дореволюционные годы. Когда именно? С какой целью? Кем? В ответах М. Кушниковой и В. Тогулева на эти вопросы много противоречий и произвольных измышлений.

Время «истребления» подлинника брачного обыска исследователи называют «достаточно точно: 1904 год» [Кушникова, Тогулев, 2005: 292]. Каковы основания этого хронологического указания? Летом 1904 г. семнадцатилетний Валентин Булгаков, в будущем секретарь Льва Толстого, а в это время ученик Томской классической гимназии, посетив Кузнецк (откуда сам был родом), собрал сведения о пребывании в этом городе в 1857 г. писателя Достоевского, которые опубликовал в приложении к томской газете «Сибирская жизнь» (1904. 10 окт. № 221). В очерке «Ф. М. Достоевский в Кузнецке» Булгаков, в частности, писал: «Нынешним летом мне удалось собрать в Кузнецке кое-какие сведения о самом писателе, а также о его невесте. Я пользовался при этом воспоминаниями некоторых старожилов и, кроме того, в архиве церкви, где происходило венчание, нашел интересный документ — “выпись” из так называемого “брачного обыска”». К этому месту автором сделано примечание: «Самый “обыск”, с автографами Достоевского, его жены и др., затерялся неизвестно где» [Булгаков: 1]. Мы не знаем, с кем из церковного причта общался юный Булгаков; насколько серьезно отнеслись к разысканиям гимназиста в Одигитриевской церкви; в какой мере сам он был искушен в «архивном поиске» (показательно, например, что Булгаков не упоминает о церковной метрической книге с записью о венчании, но приводит в статье лишь такие сведения «выписи» из брачного обыска, которые тождественно содержатся и в метрической записи)⁶. Главное же, что Булгаков пишет о документе почти полувековой давности: «затерялся», однако М. Кушникова и В. Тогулев однозначно утверждают, что некто «изъял “обыск” из церковного архива», так как «хотел скрыть именно подлинник» [Кушникова, Тогулев, 2005: 292–293].

Почему же, однако, изъятие брачного обыска датируется исследователями именно 1904 г., а не временем более ранним? Здесь логика М. Кушниковой и В. Тогулева весьма причудлива. Они вспоминают, что копия с этого

документа была снята и отправлена в подотдел Географического общества в Семипалатинске священником Николаем Рудичевым⁷. «Но удивительная вещь, — пишут соавторы: — из клировых церковных ведомостей мы вдруг узнаем, что Н. Рудичев священником Одигитриевской церкви значится лишь... с 1906 года...» [Кушникова, Тогулев, 1996: 202]. Казалось бы, это наблюдение свидетельствует, что по крайней мере и через два года после разысканий В. Ф. Булгакова не найденный им в церковном архиве брачный обыск всё еще был на месте. Однако исследователи твердо стоят на своем: изъят именно в 1904 г. Как же согласовать приведенные данные? Очень просто: в упомянутых клировых ведомостях, пишут исследователи, «находим и другое — в период с 17 июня по 17 сентября 1904 года Рудичев, будучи священником кузнецкого (Спасо-Преображенского. — Б. Т.) собора, исполняет обязанности благочинного священника, курирующего работу других кузнецких священников по благочинию № 14, куда входит и Одигитриевская церковь. Очевидно, архив Одигитриевской церкви в этом качестве ему доступен. <...> Остается только одна логически выверенная возможность — подлинники были скопированы Рудичевым летом 1904 г., в бытность им исполняющим обязанности благочинного священника в течение трех месяцев, тогда же они нечаянно “затеряли<сь>”, ибо приехавший летом в архив Булгаков их не обнаружил» [Кушникова, Тогулев, 1996: 202].

Но как, однако, быть с тем, что, предваряя в 1916 г. публикацию копий, снятых о. Николаем Рудичевым с брачного обыска и разрешения на венчание, выданного Достоевскому подполковником Белиховым, Б. Г. Герасимов сообщает, что они «недавно извлечены в копиях из архива Кузнецкой церкви». Двенадцать лет назад — это «недавно»? И как быть с другим свидетельством (речь о котором подробно пойдет ниже), согласно которому с архивного подлинника брачного обыска в 1909 г. была сделана фотокопия? Нет, в хронологии вопроса здесь у М. Кушниковой и В. Тогулева не сходятся концы с концами.

Гораздо серьезнее вопрос о возможных целях изъятия из церковного архива подлинного брачного обыска. И хотя с построениями исследователей здесь также трудно согласиться, тем не менее наблюдения М. Кушниковой и В. Тогулева заслуживают в этой части самого серьезного внимания. Если предварительно обобщить позицию соавторов, то их ответ может быть представлен так: документ был уничтожен, чтобы скрыть существующий в нем *подлог*, обнаружение которого было бы чревато весьма серьезными последствиями. Чей подлог? По убеждению М. Кушниковой и В. Тогулева — Достоевского и Исаевой, с одной стороны, и венчавшего их о. Евгения (Тюменцева) — с другой.

Надо сказать, что в этой части в построениях исследователей много произвольных домыслов. Но, в отличие от приведенных хронологических выкладок, в отправном наблюдении М. Кушниковой и В. Тогулева есть один момент, который заслуживает того, чтобы на нем сосредоточить внимание

биографов Достоевского. Напомню уже сказанное: согласно законодательству дореволюционной России, брачный обыск составлялся для удостоверения беспрепятственности предстоящего венчания. Обратимся же к букве закона середины XIX в.

В Своде законов гражданских (в редакции 1857 г.) читаем (статья 6): «Запрещается вступать въ бракъ безъ дозволенія родителей, опекуновъ или попечителей» (Свод законов, 10₁: 2)⁸. Причем ни здесь, ни далее для этого положения не предусмотрено исключений ни по возрасту вступающих в брак, ни по счету браков (для вдов или вдовцов). В отличие от большинства стран Западной Европы, пишет современный специалист по истории брачно-семейного законодательства XIX в., в России «обязанность испрашивать согласия родителей не ограничивалась никаким возрастом, и это обязан был делать даже совершенно взрослый, самостоятельный человек» [Гончаров: 36]. На жениха Федора Достоевского это положение не распространялось: он, как состоящий на военной службе, представил церковному причту письменное дозволение на брак от командира своего батальона (согласно статье 9 того же раздела «О союзѣ брачномъ»). А вот невеста Мария Исаева, пусть и вдовствующая, должна была представить письменное дозволение на брак от своего отца — проживавшего в Астрахани Дмитрия Степановича Константа (1799–1863).

Больше того. В подлиннике (что будет показано ниже) в соответствующем пункте брачного обыска вслед за типовой формулировкой: «Къ бракосочетанію приступаютъ они по своему взаимному согласію и желанію, а не по принужденію...» — далее было начато: «и нато [так!] имеютъ», но затем последние слова, — которые, согласно установленной форме, предполагали продолжение: «и нато имеют <...> невеста от своего родителя [имярек] позволеніе», — были заключены в скобки, тождественные в данном документе зачеркиванию⁹. А вместо завершения начатой фразы вписан иной вариант, который М. Кушниковой и В. Тогулевым как раз и квалифицируется как *подлог*: «Какъ женихъ, такъ и невѣста родителей живыхъ не имеютъ».

Чем объяснить эту неожиданную запись в официальном документе, противоречащую реальному положению вещей? Скорее всего, известной «скоропалительностью» кузнецкого венчания. Так, получив отпуск для совершения бракосочетания, Достоевский писал барону А. Е. Врангелю 25 января 1857 г.: «...в воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу. Она [Мария Дмитриевна] может быть больна, она может быть не готова или н<a>прим<ер>, не станут венчать в такой короткий срок (ибо нужно много обрядов) — одним словом, я рискую донельзя, но никак не могу не рисковать, то есть отложить до *после Святой*. Нет никакой возможности откладывать по некоторым обстоятельствам, и потому надо сделать одно из решительных дел. Как-то надеюсь, что удастся» (ДЗ0; 28₁: 266). Конечно же, при таких обстоятельствах

ждать получения из Астрахани формального родительского дозволения на новый брак Марии Дмитриевны означало для Достоевского лишиться в этот приезд всяких надежд на возможность совершить венчание.

Кстати, замечу, что сроки, спланированные писателем, в реальности еще более сократились. Очевидно, план отправиться из Семипалатинска 27 января по какой-то причине не удалось осуществить: разрешение на брак, выданное Достоевскому командиром батальона Белиховым, датировано 1 февраля 1857 г.¹⁰ Значит, ранее этой даты он не мог выехать в Кузнецк¹¹.

В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» указано, правда без необходимой аргументации, что писатель приехал в Кузнецк 5 февраля (см.: [Летопись, 1: 233]), то есть буквально *накануне* венчания¹². В письме к брату Михаилу Достоевский выражал опасение, что его «не станут венчать в такой короткий срок (**ибо нужно много обрядов**)». Отмечу в этой связи, что в брачном обыске (пункт 7-й), согласно с законодательно установленной формой, записано: «По **троекратному оглашению**, сделанному в означенной церкви, препятствий к сему браку никакого никем не объявлено». Здесь необходим комментарий. В Своде законов гражданских указано (статьи 25–27): «Желающий вступить въ бракъ долженъ уведомить Священника своего прихода, письменно или словесно, объ имени своемъ, прозваніи и чинѣ или состояніи, равно какъ и объ имени, прозваніи и состояніи невѣсты. По сему увѣдомленію производится въ церкви оглашеніе **въ три ближайшіе воскресные и другіе, встречающіеся между оними праздничные дни**, послѣ Литургіи <...>. По оглашенію, всѣ, имеющіе свѣдѣнія о препятствіяхъ къ браку, обязаны дать знать о томъ Священнику, на письмѣ или на словахъ, немедленно и никак не далѣе сдѣланнаго въ церкви послѣдняго изъ трехъ оглашеній» (Свод законов, 10₁: 5)¹³.

Более чем очевидно, что, прибыв в Кузнецк накануне венчания (или за день до него), Достоевский участвовать в указанном троекратном оглашении никак не мог. Однако бракосочетание состоялось. Значит, венчавший их с Марией Дмитриевной священник о. Евгений Тюменцев вошел в положение молодоженов и, *отступив от буквы закона*, предписанного обряда строго не придерживался. Можно предположить, что точно так же он пошел навстречу Достоевскому и Исаевой и в другом вопросе и чуть ли не в процессе составления брачного обыска согласился обойтись без письменного родительского дозволения, внося в текст слова: «...как женихъ, такъ и невѣста родителей живыхъ не имеютъ». Повторю: без этого подлога соблюсти все формальности, предписанные брачным законодательством, в те сроки, в которые проходило венчание Достоевского с Марией Дмитриевной, было невозможно.

М. Кушникова и В. Тогулев выдвигают другую причину подлога: указывая в сведениях для брачного обыска, что не только матери (умершей в 1838 г.), но и отца ее нет в живых, Мария Дмитриевна «его как бы “хоронит”. Но зачем? Не потому ли, что не уверена в его благословении на брак с бывшим

каторжником?». Гораздо важнее, однако, сделанное далее исследователями заключение: «Но если отсутствует согласие отца, или просто о нем, живом, сказано, что его нет, то в документе отражена преднамеренная ложь, — и тогда **законен ли он?**» С точки зрения соавторов, ответ однозначен: эта ложь, будь она «известна в свое время, вообще **поставила бы под сомнение законность венчания**» Федора Достоевского с Марией Исаевой [Кушникова, Тогулев, 2005: 287].

Исследователи выдвигают это заключение без какой-либо аргументации. Однако утверждение ими *незаконности* совершенного в Кузнецке бракосочетания высказано слишком поспешно (см.: [Кушникова, Тогулев, 2005: 290, 292–293, 295]). Предположение же, что вдова писателя, Анна Григорьевна, разыскивая после смерти мужа, в 1880-е гг., сведения о его пребывании в Кузнецке, возможно, прежде всего искала именно брачный обыск, чтобы получить подтверждение незаконности первого брака Достоевского (см.: [Кушникова, Тогулев, 2005: 290]), вообще нельзя квалифицировать иначе, как дурную беллетристику.

Вопрос об обстоятельствах, при которых повенчаный брак может быть признан незаконным, находился в юрисдикции духовных судов. В Уставе Духовных консисторий (в редакции 1841 г.) читаем (статья 217): «Законными браками не признаются: а) брачные сопряжения, совершившіеся по насилію или въ сумасшествіи одного изъ брачившихся; б) брачные сопряженія лицъ, состоящихъ въ родствѣ; в) брачные сопряженія лицъ, которыя обязаны уже супружескими союзами, непрекратившимися и нерасторгнутыми; г) брачные сопряженія лицъ, которымъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, по расторженіи брака возбраняется вступать въ новый, и д) брачные сопряженія лицъ, не достигшихъ возраста, опредѣленнаго для вступленія въ бракъ»¹⁴. Как видим, отсутствия должного родительского дозволения в этом перечне нет. Тем не менее оно не оставалось без серьезных последствий, подпадая, однако, под юрисдикцию не духовных, а гражданских инстанций. В Своде законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских предусматривалось (статья 806), что как «дѣла о посяганіи дѣтей къ женитьбѣ безъ воли родителей или опекуновъ», так и «всѣ вообще дѣла о подлогахъ и обманахъ, учиненныхъ при совершеніи брачнаго союза», предоставляются компетенции «свѣтскихъ уголовныхъ судовъ» (Свод законов, 10, 163)¹⁵. В Уложении о наказаниях (в редакции 1845 г.) читаем: «За вступленіе въ бракъ явно или тайно противъ рѣшительнаго запрещенія родителей, **или безъ испрошенія согласія ихъ**, виновные, при принесенной на сіе отъ родителей жалобе, подвергаются:

наказаніямъ, опредѣленнымъ выше сего в статью 2040 за похищеніе незамужней женщины, учиненное съ согласія самой похищенной (а именно: приговариваются: похититель — къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года; а согласившаяся на похищеніе —

къ заключенію на столько жъ мѣсяцевъ въ монастырѣ. — Б. Т.), и сверхъ того лишаются права наслѣдовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ» (статьи 2057, 2040)¹⁶.

Эти юридические положения раскрывают реальное содержание строк, которые находятся в самом тексте брачного обыска, а именно в пункте 10: «Что все показанное здѣсь о женихѣ и невѣстѣ справедливо, въ томъ удостовѣряють своею подписью **какъ они сами**, такъ и по каждомъ поручители, съ тѣмъ, что **если что окажется ложнымъ, то подписавшіеся повинны за то суду** по правиламъ церковнымъ и по законамъ гражданскимъ». Стоит, однако, отметить, что, согласно приведенной статье 2057 Уложения о наказаниях, указанные правовые последствия для вступивших в брак без родительского согласия наступают лишь «при принесенной на сіе отъ родителей жалобѣ». Впрочем, надо признать, что данный непростой вопрос требует серьезной экспертизы, находящейся в компетенции историков права XIX в.

В плоскости же рассмотрения проблемы, актуальной для настоящей статьи, важно подчеркнуть, что определенная степень вины распространялась и на церковный причт, совершавший брачный обыск. В Своде законов о судопроизводстве и взысканиях гражданских находим и такое положение (статья 727): «Священнослужители и церковнослужители Православнаго вероисповѣданія, оказавшіеся виновными въ упущеніи правилъ, предписанныхъ для совершенія браковъ, судятся также и наказываются духовнымъ начальствомъ на основаніи Устава Духовныхъ Консисторій сего исповѣданія, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, въ коихъ они подлежатъ дѣйствию уголовного суда» (Свод законов, 10, 161)¹⁷. По убеждению М. Кушниковой и В. Тогулева, впрочем вновь не получившему необходимой аргументации, венчавший Достоевского и Исаеву о. Евгений Тюменцев, бесспорно, знал, «что “папа” М<арии> Д<митриевны> здравствует и с дочерью в переписке», то есть что священник Одигитриевской церкви вполне осознанно, «соглашаясь на венчание, совершает должностной подлог» [Кушникова, Тогулев, 2005: 368], а значит, сам рискует «попасть под сюркуп». В картине событий, как ее последовательно выстраивают исследователи, это, пожалуй, ключевой пункт, так как благодаря данному допущению возникает возможность указать лицо, заинтересованное (с целью спрятать концы в воду) в изъятии и истреблении брачного обыска, содержавшего компромат против него самого.

Однако обращение к законодательству эпохи вновь обнаруживает в заключении исследователей серьезное преувеличение. В Уставе Духовных консисторій подробно расписаны взыскания за браковенчание таких лиц, кои не достигли еще возраста, определенного для вступления в брак; за повенчание лиц, соединенных родством, а также лиц, обязанного союзом супружеским. Во всех трех указанных случаях наказание заключается в помещении виновного в монастыре на срок в несколько месяцев (статьи

199–201)¹⁸. Взыскание же за совершение венчания без родительского дозволения настоящим Уставом вообще не предусмотрено. Зато специально оговаривается (статья 204) наказание за «неисправное ведение метрических книгъ, исповѣдныхъ росписей и обыскныхъ книгъ» — «выговоръ или денежная пеня, смотря по степени неисправности»¹⁹ (Устав Духовных консисторий: 246–247). Таким образом изъятие и уничтожение обыскной книги или отдельных ее листов оказывается проступком едва ли не более серьезным, нежели венчание без родительского дозволения.

Кроме того, в концепции исследователей возникает еще одно вопиющее хронологическое противоречие: по их собственным построениям, изъятие брачного обыска из церковного архива, как уже отмечалось, произошло в 1904 г., то есть спустя почти *полвека* после подлога, совершенного при его составлении. В одной из своих более ранних работ, где была затронута эта тема, М. Кушникова сообщала, что в 1904 г. юный Валентин Булгаков лично общался с о. Евгением Тюменцевым (см.: [Кушникова, 1992: 97]). Исходя из данного указания, наиболее подходящим кандидатом на роль лица, изъясвшего документ, как будто оказывается сам венчавший Достоевского и Исаеву батюшка. Однако позднее исследовательница, видимо, установила, что о. Евгений умер в 1893 г. (см.: [Белов: 328]), и это опрометчивое заявление больше не появлялось в позднейших книгах двух соавторов. Но кто же тогда и зачем изъял брачный обыск из архива Одигитриевской церкви? Прямого ответа на этот вопрос исследователи не дают. Правда, глухо упоминают в этой связи зятя о. Евгения — «мужа дочери Тюменцева, Виссариона Минералова», который «настоятельствует в одном из кузнецких храмов» [Кушникова, Тогулев, 2005: 293]. Однако тут соавторы уже окончательно сбиваются в хронологии событий, так как замечают, что необходимость уничтожения брачного обыска с особой остротой встала перед родственниками покойного священника именно в начале XX в.: «Ведь **после публикации** (брачного обыска. — Б. Т.) становилась очевидной его незаконность» [Там же]. Стоп! Какой публикации? Как уже было отмечено, *впервые* текст этого документа был обнародован Б. Г. Герасимовым в 1916 г., а М. Кушникова и В. Тогулев неоднократно утверждали, что брачный обыск отсутствовал в церковном архиве уже в 1904 г., причем, по версии исследователей, он исчез практически сразу же после того, как о. Николай Рудичев снял с него копию для Семипалатинского подотдела Географического общества. Так окончательно рассыпается старательно выстраиваемая «детективная история» изъятия и истребления свидетельства о кузнецком венчании Достоевского по причине содержащегося в нем подлога. Подлог (а не ошибка или недоразумение), однако, в тексте брачного обыска действительно существовал. И этот факт заслуживает дополнительного внимания биографов писателя.

Таков «сложный» (избыточно сложный, если не сказать фантастический) ответ на вопрос об обстоятельствах исчезновения из церковного архива

брачного обыска, составленного 6 февраля 1857 г. при подготовке к венчанию Федора Достоевского и Марии Исаевой.

Но есть и простой ответ на вопрос о судьбе этого документа. В ходе Гражданской войны в Сибири, в середине декабря 1919 г., кузнецкая Богородице-Одигитриевская церковь была разграблена и сожжена партизанами-анархистами, так называемыми «роговцами», именуемыми по фамилии командира отряда Григория Рогова. Убит ими был и настоятель храма протоиерей Николай Рудичев. Более чем вероятно, что и обыскная книга с брачным обыском № 17 вместе со всем церковным архивом погибла в огне пожара 1919 г.

Однако по счастливой случайности нам доступен аутентичный текст этого важного источника биографии Ф. М. Достоевского. Не рукописная копия о. Николая Рудичева, содержащая незначительные, но все-таки отступления от оригинала, а *фотокопия*, сделанная в 1909 г., судьба которой до последнего времени была неизвестна, а текст по данному источнику никогда не воспроизводился в печати.

В статье Т. С. Ащеуловой «Обзор последних разысканий Новокузнецкого музея Ф. М. Достоевского. История некоторых находок и их атрибуция» приведена цитата из воспоминаний известного кузнецкого педагога и краеведа Порфирия Зенкова, в которых сообщается: «Запись брака Достоевского с Исаевой <...> сгорела вместе со всем церковным имуществом во время гражданской войны в 1919 г. Но счастливая случайность, что в 1910 году фотографом Аксеновым Иваном Васильевичем был сделан фотографический снимок с церковной обыскной книги, где было записано о браке Достоевского. Снимок был сделан для сотрудника Ленинградского [так!] ботанического сада Бориса Николаевича Клопотова» (цит. по: [Ащеулова: 10]).

Это свидетельство, опровергающее версию М. Кушниковой и В. Тогулева об изъятии и уничтожении брачного обыска в 1904 г., можно было бы поставить под сомнение. Но существует бесспорный факт, подтверждающий его достоверность. В настоящее время в фондах Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в С.-Петербурге хранятся две фотопластинки с негативами оригинала брачного обыска № 17, составленного 6 февраля 1857 г. причтом Одигитриевской церкви в Кузнецке. В 1991 г. они поступили в коллекцию музея Достоевского именно из Ботанического сада им. Петра Великого, где находились среди не поставленных на учет фотоматериалов.

Б. Н. Клопотов (1882–1942) с 1905 г. служил в Петербургском ботаническом саду; в 1909 г. принял участие в экспедиции в Кузнецкий уезд Томской губернии. Умер в блокадном Ленинграде 27 января 1942 г. Будучи человеком широких культурных интересов, знатоком творчества Павла Федотова, отыскавшим несколько неизвестных картин художника, коллекционером музыкальных инструментов, библиофилом, этнографом — собирателем предметов быта остяков-самоедов и проч., Клопотов, очевидно, во время

экспедиции 1909 г. обнаружил в архиве Богородице-Одигитриевской церкви обыскную книгу с брачным обыском № 17 и, оценив значение этого документа для биографии Достоевского, заказал местному фотографу его фотокопию. В составе других фотоматериалов из коллекции Б. Н. Клопотова фотопластинки работы И. В. Аксенова почти столетие хранились в музее Ботанического сада²⁰. Учетная документация фондов петербургского музея Достоевского подтверждает, что фотокопия была выполнена именно в 1909 г. (во время пребывания Б. Н. Клопотова в Кузнецке). Значит, в свидетельстве краеведа П. Зенкова вкралась небольшая неточность.

Выше предварительно уже было отмечено, что при сравнении рукописной копии о. Николая Рудичева с фотокопией оригинала обнаруживается ряд допущенных настоятелем Одигитриевской церкви незначительных неточностей. Количество неточностей увеличено в публикации текста брачного обыска, осуществленной в 1916 г. Б. Герасимовым. Все они растиражированы и усугублены в последующих перепечатках. Сказанное диктует необходимость воспроизведения текста данного документа по фотокопии подлинника.

Повышает важность такой публикации и тот отмеченный уже в очерке В. Ф. Булгакова (и акцентированный в самом документе), но не учтенный редакцией академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского факт, что брачный обыск содержит *подпись-автограф* Достоевского. В томах ПСС, в которых опубликовано эпистолярное наследие писателя, под рубрикой «Официальные письма и деловые бумаги» напечатан ряд документов, написанных либо писарской рукой, либо рукой А. Г. Достоевской, князя В. Мещерского, иных близких к писателю лиц, которые помещены в основной корпус текстов Достоевского, поскольку содержат его подпись-автограф. Представляется, что настоящий брачный обыск, относясь к категории «деловых бумаг», имеет схожий статус и также должен быть опубликован в соответствующем разделе академического издания. В этой связи настоящую публикацию необходимо рассматривать как *дополнение* к разделу ПСС «Официальные письма и деловые бумаги».

В отличие от брачных обысков более позднего времени, в которых помещается типовой печатный текст законодательно утвержденной формы с рукописным, отражающим конкретные сведения о данной вступающей в брак паре, текст публикуемого брачного обыска полностью рукописный, причем записанный не очень грамотным человеком с причудливыми орфографическими навыками²¹. Орфография и пунктуация оригинала в настоящей публикации полностью сохранены. Подписи-автографы всех лиц, засвидетельствовавших данные брачного обыска, воспроизведены курсивом. Разночтения с рукописной копией о. Николая Рудичева и с публикацией Б. Г. Герасимова учтены в подстрочных примечаниях²².

Обыскъ Брачный¹

№ 17.

1857го Года февраля 6го дня. По Указу Его Императорскаго Величества Города Кузнецка Одигитриевской Церкви Священно и церковнослужители² Производили Обыскъ о Желających вступить въ бракъ, и Оказалось Слѣдующее:

- 1.) Женихъ Служащій³ въ Сибирскомъ Линейномъ Баталіонѣ № 7^ѣ Прапорщикъ Ѳедоръ Михайловъ⁴ Достаевскій Православнаго вѣроисповѣданія Жительствуетъ въ Городѣ Симполатинскѣ⁵ въ Приходѣ Богородской Церкви. 2^ѣ.⁶ Невѣста (Александра)⁷ Марья Димитріева⁸ Жена Умершаго Заседателя Служащаго Покорчемной Части Коллежскаго Секретаря Александра Исаева⁹, Православнаго вѣроисповѣданія Жительствовала донынѣ въ Городѣ Кузнецкѣ въ Приходѣ сей Одигитриевской Церкви. 3^ѣ) Возрастъ къ Супружеству имеютъ Совершенный, и Именно Женихъ (дват)¹⁰ Тридцати Четырехъ Лѣтъ, а Невѣста Двдцати Девяти Лѣтъ, и Оба Находятся въ Здравомъ Умѣ. 4.) Родства между Ими¹¹ Духовнаго, или Плотскаго родства и Свойства, возбраняющаго по Установленію Св. Церкви бракъ никакого нѣтъ. 5.) Женихъ Холостъ и¹² Невѣста вдова послѣ Перваго брака. 6.) Къ Бракосочетанію при<с>тупаютъ по своему взаимному Согласію и Желанію, а не по принужденію, (и нато Имѣютъ)¹³ Какъ Женихъ такъ и Невѣста Родителей въ Живыхъ неимѣютъ.
- 7.) Потроекратному Оглашенію, сдѣланному въ означенной Церкви препядствія¹⁴ къ сему браку никакого никѣмъ не Объявлено. 8.) Для Удостоверенія безпрепятственности сего брака представляются Писмѣнные Документы: Дозволеніе Жениху отъ Командира Сибирскаго Линейнаго Баталіона № 7 отъ 1го февраля сего Года За № 167^ѣ
- 9.) Посему Бракосочетаніе Означенныхъ лицъ предположено Совершить въ вышеупомянутой Одигитриевской Церкви сего Мѣсяца Ѳевраля 6го дня, въ Узаконенное время, Припостороннихъ Свидѣтелейхъ. 10^ѣ) Что всепоказанное Здѣсь

¹ Орфографические ошибки составителя брачного обыска, исправленные в рукописной копии (РК) и/или в публикации «Сибирской летописи» (СЛ), не оговариваются.

² В СЛ: священнослужители

³ В РК и СЛ: Женихъ. Служащій

⁴ В СЛ: Михайловичъ

⁵ В РК: въ городѣ Симполатинскѣ; в СЛ: въ городѣ Семипалатинскѣ

⁶ В СЛ каждый пункт брачного обыска начат с новой строки.

⁷ Ошибочно вписанный и заключенный в скобки текст в РК не воспроизведен.

⁸ В СЛ: Марія Димитріевна

⁹ РК повторяет написание оригинала: Исаева; в СЛ: Исаева

¹⁰ Ошибочно вписанный и заключенный в скобки текст в РК не воспроизведен.

¹¹ Во всех публикациях: между ними

¹² В РК: а; в СЛ: и

¹³ В РК этот, ошибочно вписанный в оригинале и заключенный в скобки текст сохранен; в СЛ этот текст, нарушающий синтаксическую связность записи, опущен.

¹⁴ В СЛ препятствій

о Женихѣ и Невѣстѣ Справедливо, въ томъ Удостоверяють свою Подписью, какъ они сами, такъ и Покаждомъ Поручители¹⁵, съ тѣмъ, Что Если Что Окажется Ложнымъ то Подписавшіеся повинны Зато Суду по правиламъ Церковнымъ и по Законамъ Гражданскимъ. — Женихъ, служащій в Сибирскомъ линейномъ № 7 Батальонѣ¹⁶, Прапорщикъ Ѳедоръ Михайловъ¹⁷ Достоевскій. Невѣста вдова Коллежская Секретарша Марья Дмитриева¹⁸ Исаева

Поручитель¹⁹ По невестѣ Коллежскій Ассесоръ Иванъ Мироновъ Катанаевъ

Поручатель по Женихъ Чиновникъ Таможеннаго Въдомства Петръ Сапожниковъ

Поручатель²⁰ по Женихъ Чиновникъ Кузнецкого училища Учитель Николай Вергуновъ

Поневѣстѣ поручатель волости Нелюбенской²¹ Государственной Кристьянинъ Михайла²² димитр<евъ>²³ демитревъ-же

Обыскъ производили сей же Церкви

Священникъ Евгений Тюменцевъ

Діаконъ Петръ Лашковъ

Дьячекъ Петръ Угрянскій

Пономарь Иванъ Слободскій

Воспроизведением аутентичного текста брачного обыска № 17 настоящую статью можно было бы и завершить. Но опубликованный текст позволяет развеять еще одну легенду (имеющую статус «любопытной гипотезы»), вдохновенно изложенную М. Кушниковой в ее книге «Черный человек сочинителя Достоевского». «...В Новокузнецком краеведческом музее, — сообщает исследовательница, — имеется написанный от руки, с соблюдением правил правописания прошлого (XIX-го. — Б. Т.) века, странный документ, — как бы схема будущего брачного акта с пропусками тех строк, которые заполняются уже в готовом документе. Более того, в этой “схеме” невеста именуется Александрой Марией Дмитриевной Исаевой. Двойное имя для Исаевой, у которой предки французы, и возможно, католики, кажется вполне оправданно — даже обрусевшие Константин по традиции могли нарекать детей несколькими именами. Значит, документ мог быть написан человеком, знавшим из рассказов Марии Дмитриевны мельчайшие подробности о ее детстве, семейных традициях, ведь это двойное имя в самом обыске брачном уже не фигурирует!» [Кушникова, 1992: 55–56]. Кем же составлен этот странный

¹⁵ В РК и СЛ: поручитель

¹⁶ В СЛ: баталіонъ

¹⁷ В СЛ: Михайловичъ

¹⁸ В СЛ: Марія Дмитриевна

¹⁹ В РК: поручатель

²⁰ В РК: поручитель

²¹ В РК: Нелюбинской

²² В РК и СЛ: Михаилъ

²³ В СЛ: Димитрѣвичъ

документ? Ответ М. Кушниковой сенсационен: «Существует предположение, подтвержденное воспоминаниями старожилов Кузнецка, что черновик “Обыска брачного” составлял... отвергнутый претендент (на руку Марии Дмитриевны. — Б. Т.) Вергунов» [Кушникова, 1992: 55]. Упомянутых «воспоминаний старожилов Кузнецка», однако, исследовательница не приводит. И вся ее аргументация, в конечно счете, сводится лишь к одному наблюдению, а именно: *двойному имени невесты — Александра Мария*, которое мог знать лишь близкий к ней человек.

«...Ведь это двойное имя в самом обыске брачном уже не фигурирует!» — утверждает М. Кушникова. И это, в логике исследовательницы, важнейший аргумент в пользу того, что в краеведческом музее хранится именно *черновик*, обладающий статусом *первоначального текста* по отношению к официальному документу. Однако обращение к аутентичному тексту брачного обыска, как он воспроизведен в настоящей статье, обнаруживает, что и в подлиннике тождественно записано: «Невѣста (Александра) Марья Дмитриева...» Причем в обоих случаях имя «Александра» взято в скобки (о чем применительно к документу краеведческого музея М. Кушникова умалчивает).

Точно так же в скобки в обоих документах взято ошибочно начатое указание на возраст жениха: «Женихъ (двад) Тридцати Четырехъ Лѣтъ» / «Женихъ (двад) Тридцати Четырехъ Лѣтъ». О. Николай Рудичев, снимая копию для Семипалатинского подотдела Географического общества, в обоих случаях ошибочно вписанные и заключенные в скобки слова *опустил*. Но их сохранил человек, снимавший копию, хранящуюся в Новокузнецком краеведческом музее. Из этого наблюдения следуют два принципиальных вывода.

Во-первых, то, что М. Кушникова считает «черновиком», — однозначно позднейшая *копия*. И, во-вторых, Александра — не второе имя Марии Дмитриевны, а простая *описка* составителя брачного обыска, тут же и исправленная им по ходу письма. Замечу кстати, что Н. И. Левченко, которая ввела в научный оборот архивные данные о рождении Марии Дмитриевны Констант, о двойном имени невесты Достоевского отнюдь не упоминает (см.: [Левченко: 241]).

Так что сенсация М. Кушниковой и здесь не удалась. Гораздо интереснее отметить иное. Копия брачного обыска № 17, хранящаяся в научно-документальном фонде Новокузнецкого краеведческого музея (НФ-Д. Оп. 1. Р. 2. Д. 43), — документ по-своему уникальный²³. Уже приведенные наблюдения (которые можно расширить) свидетельствуют, что она напрямую или, скорее, через неизвестный нам документ-посредник восходит к подлиннику из обыскной книги Богородице-Одигитриевской церкви, поскольку сохраняет такие особенности оригинала, которые были утрачены уже в рукописной копии о. Николая Рудичева и поэтому отсутствуют во всех без исключения восходящих к ней публикациях. Происхождение указанной копии Новокузнецкого краеведческого музея было бы весьма любопытно установить.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90028 («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).
- 1 ГАНО. Ф. Д156 (Коллекция метрических книг). Оп. 1. Ед. хр. 5057. Л. 45 об.–46.
 - 2 Приложение к статье 26 // Свод законов Российской империи, издания 1857 года: в 15 т. СПб.: в тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. С. 461. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, части (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.
 - 3 Здесь и далее полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи.
 - 4 СМД ГИК 222. Инв. № Р–I 27. Возможно, с этой рукописной копией был знаком П. Косенко.
 - 5 Выражаю благодарность главному хранителю Дома-музея Ф. М. Достоевского в Семее (Казахстан) Татьяне Геннадьевне Титаевой, предоставившей мне электронную копию этого документа.
 - 6 Что представляла собою эта выпись и с какой целью она была сделана, установить не удалось. Она, по-видимому, была утрачена при тех же обстоятельствах, что и оригинал брачного обыска № 17, когда погиб весь архив кузнецкой Одигитриевской церкви (о чем будет сказано далее).
 - 7 В публикации Б. Г. Герасимова это не указано, но на самом документе есть заверительная запись: «Съ подлиннымъ вѣрно. Свѣрял священникъ Николай Рудичевъ».
 - 8 Книга I «О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ», раздѣль I «О союзѣ брачномъ», глава I «О бракѣ между лицами Православнаго вѣроисповѣданія», отдѣленіе I «О вступленіи въ бракъ».
 - 9 В публикации Б. Герасимова этот заключенный в скобки недописанный текст, присутствующий в рукописной копии о. Николая Рудичева, не воспроизведен.
 - 10 См. в той же публикации Б. Герасимова (Сибирская летопись. 1916. № 11/12. С. 568).
 - 11 Вопреки очевидности, в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» даты указанного документа (1 февраля) и выезда из Семипалатинска (27 января) противоречат друг другу (см.: [Летопись, 1: 232–233]). У составителей получается, что разрешение выписано тогда, когда писатель уже несколько дней был в дороге.
 - 12 В воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского содержится странное свидетельство, что по дороге в Кузнецк Достоевский остановился у него в Барнауле и «пробыл **недели две** в необходимых приготовлениях к своей свадьбе» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 310). Этого, конечно, не могло быть. Но даже если он провел у друга один-два дня, прибытие писателя в Кузнецк действительно могло иметь место накануне венчания (ср. [Летопись, 1: 233]).
 - 13 Книга I «О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ», раздѣль I «О союзѣ брачномъ», глава I «О бракѣ между лицами Православнаго вѣроисповѣданія», отдѣленіе 2 «О совершеніи брака».
 - 14 Устав Духовных Консисторий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: в 55 т. СПб.: в тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. Т. 16. Отд. 1: 1841. С. 248 (Раздѣль III «Епархіальный судъ», глава V «О бракахъ незаконныхъ»). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

- 15 Книга II «О производствѣ гражданского суда въ дѣлахъ спорныхъ», раздѣлъ V «О судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ», глава 2 «О судопроизводствѣ по деламъ брачнымъ».
- 16 Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ. СПб.: В тип. Второго Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1845. С. 807, 799 (Раздѣлъ XI «О преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ», глава 1 «О преступленіяхъ противъ союза брачнаго», отдѣленіе 1 «О противозаконномъ вступленіи въ бракъ»).
- 17 Книга II «О производствѣ гражданского суда въ дѣлахъ спорныхъ», раздѣлъ V «О судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ», глава 2 «О судопроизводствѣ по дѣламъ брачнымъ».
- 18 См.: Раздѣлъ III «Епархіальный судъ», глава II «О проступкахъ и преступленіяхъ лицъ духовнаго званія противъ должности, благочинія и благоповѣденія», отдѣлъ 3 «О примѣненіи мѣръ взыскапія и исправленія къ различнымъ степенямъ проступковъ и преступленій».
- 19 См.: Там же.
- 20 См.: Коллекторы [Б. Н. Клопотов] // Ботанический институт им. В. Л. Комарова Российской академии наук [Электронный ресурс]. URL: <https://www.binran.ru/en/structure/museum/istoriya-muzeya/kollektory/> (15.08.2020). Этот источник любезно указан мне И. С. Андриановой, за что я выражаю ей сердечную благодарность.
- 21 Запись о венчании в метрической книге сделана рукой этого же лица (см. примеч. 1).
- 22 Текст брачного обыска публикуется по материалам фонда фотографий: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевскаго в С.-Петербурге (ЛММД). Ф-1376, 1377 (негативы); НВМ 74091/1-3 (фотокопии). По сообщенію главного хранителя РО ИРЛИ И. В. Кошкиенко, еще один комплект из двух негативов (стекло) и двух фотографий (распечатки) брачнаго обыска № 17 хранится в Рукописном отделе Пушкинскаго Дома (шифр: Р I, оп. 6, № 290). В учетной документации РО ИРЛИ значится, что эти материалы поступили в Пушкинский Дом в 1949 г. в дар от Б. Н. Клопотова. Последнее указание явно ошибочно, так как Б. Н. Клопотов, как отмечено выше, умер в блокадном Ленинграде в 1942 г. Очевидно, дар был сделан коллегами или родственниками Б. Н. Клопотова.
- 23 Приношу благодарность барнаульской исследовательнице Е. Ю. Сафроновой, при посредстве которой я получил электронную копию этого документа.

Список литературы

1. Ащеулова Т. С. Обзор последних разысканий Новокузнецкаго музея Ф. М. Достоевскаго: история некоторых находок и их атрибуция // Творчество Ф. М. Достоевскаго: проблемы, жанры, интерпретации: тезисы IV межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 1999). — Новокузнецк, 2000. — С. 7-13.
2. Бекедин П. В. Малоизвестные материалы о пребываніи Достоевскаго в Кузнецке // Достоевский: Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 227-238.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 2. — 544 с.
4. Булгаков В. Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке // XXIII Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». — Томск, 1904. — 10 октября. — № 221. — С. 1.

5. Герасимов Б. Г., священник. Материалы к пребыванию Ф. М. Достоевского в Семипалатинске // Сибирская летопись. — 1916. — № 11/12. — С. 567–569.
6. Голуб О. С. Метрическая запись о венчании Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 2009. — № 26. — С. 181–185.
7. Гончаров Ю. М. Брачно-семейное право Российской империи XIX — начала XX в. — Барнаул: Азбука, 2019. — 148 с.
8. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 385 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
10. Косенко П. П. Иртыш и Нева: двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора. — Алма-Ата: Жазушы, 1971. — 264 с.
11. Кушникова М. М. Черный человек сочинителя Достоевского: загадки и толкования / послесл. Г. Коган. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1992. — 141 с.
12. Кушникова М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. — 472 с.
13. Кушникова М., Тогулев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века: в 2 кн. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — Кн. 1. — 608 с.
14. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский: Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 11. — С. 235–246.
15. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881 гг.: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
16. Пакшина Н. А., Колесова Л. П. Брачные обыски в дореволюционной России // Приволжский научный вестник. — 2015. — № 12. — Ч. 3 (52). — С. 140–146.
17. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. — 154 с.
18. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857). — Новокузнецк, 2016. — 232 с.

Boris N. Tikhomirov

F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum

(Saint Petersburg, Russian Federation)

btkhomirov@rambler.ru

The Marriage Allegation No. 17: Text and Fate (Dostoevsky's Wedding in Kuznetsk on February 6, 1857)

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90028 Dostoevsky.

Abstract. The article introduces for the first time the authentic text of the marriage allegation, compiled by the clergy of the Holy Mother of God-Odigitrievsky Church in the city of Kuznetsk in preparation for the wedding of Fedor Mikhailovich Dostoevsky and Maria Dmitrievna Isaeva on February 6, 1857. The original of this document has not been preserved, as it probably burned down during a fire that occurred in the Kuznetsk Church in December 1919. In the biographical literature, the text of the marriage allegation, which dates back to a handwritten copy made around 1916 by the priest of the Odigitrievsky Church, Nikolai Rudichev, is preserved and now stored in the Memorial House of F. M. Dostoevsky in Semey (Semipalatinsk until 2007). In 1916, it was published with a number of inaccuracies by the priest and local historian B. G. Gerasimov in the now-missing publication "Siberian chronicle." In this article, the marriage search is reproduced from a photocopy of the lost original, which was made in 1910 and is now stored in the Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg. The signature autograph of the writer under the text of the marriage allegation makes it an official personal document, which warrants the inclusion of the marriage allegation in the main body of the Academic Complete Works of the writer, in the "Official letters and business papers" section. A significant part of the article contains the polemic with the hypothesis of Siberian local historians M. M. Kushnikova and V. V. Togulev, who believe that the said marriage allegation was removed from the Church archives and destroyed before the fire of 1919. They believe that it was done in order to hide the forgery contained in its text, which makes Dostoevsky's first marriage illegitimate. While agreeing that the document really did contain forgery, the author of the article relies on the then-contemporary legislation in proving that the conclusion about the illegality of the writer's marriage is a great exaggeration, and the hypothesis about the seizure and destruction of the marriage allegation has no serious grounds.

Keywords: Dostoevsky, Maria Isaeva, priest Yevgeny Tyumentsev, Kuznetsk, Holy Mother of God-Odigitrievskaya Church, wedding, marriage allegation, original, photocopy of the lost document

About the author: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg, The President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: September 1, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Tikhomirov B. N. The Marriage Allegation No. 17: Text and Fate (Dostoevsky's Wedding in Kuznetsk on February 6, 1857). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 132–157. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5041 (In Russ.)

References

1. Ashcheulova T. S. Review of the Latest Investigations of the Novokuznetsk Museum of F. M. Dostoevsky. History of Some Finds and Their Attribution. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii: tezisy IV mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novokuznetsk, 1999)* [*The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation: Theses of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference (Novokuznetsk, 1999)*]. Novokuznetsk, 2000, pp. 7–13. (In Russ.)
2. Bekedin P. V. Unknown Materials About Dostoevsky's Stay in Kuznetsk. In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky: Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 227–238. (In Russ.)
3. Belov S. V. F. M. *Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [*F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2. 544 p. (In Russ.)
4. Bulgakov V. F. F. M. Dostoevsky in Kuznetsk. In: *XXIII Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Sibirskaya zhizn'»* [23rd *Illustrated Supplement to the Newspaper "Siberian Life"*]. Tomsk, 1904, 10 October, no. 221, p. 1. (In Russ.)
5. Gerasimov B. G., priest. Materials to the Stay of F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk. In: *Sibirskaya letopis'* [*Siberian Chronicle*], 1916, no. 11/12, pp. 567–569. (In Russ.)
6. Golub O. S. Metric Note of Dostoevsky's Wedding. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2009, no. 26, pp. 181–185. (In Russ.)
7. Goncharov Yu. M. *Brachno-semeynoe pravo Rossiyskoy imperii XIX — nachala XX v.* [*Marriage and Family Law of the Russian Empire of the 19th — Early 20th Century*]. Barnaul, Azbuka Publ., 2019. 148 p. (In Russ.)
8. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [*Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents*]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 385 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Kosenko P. P. *Irtysh i Neva: dvenadtsat' let iz zhizni Fedora Dostoevskogo, literatora* [*Irtysh and Neva: Twelve Years From the Life of Fedor Dostoevsky, a Writer*]. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1971. 264 p. (In Russ.)
11. Kushnikova M. M. *Chernyy chelovek sochinitelya Dostoevskogo: zagadki i tolkovaniya* [*The Black Man of the Writer Dostoevsky: Riddles and Interpretations*]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1992. 141 p. (In Russ.)
12. Kushnikova M., Togulev V. *Zagadki provintsii. «Kuznetskaya orbita» Fedora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov* [*Province Riddles. "Kuznetsk Orbit" of Fedor Dostoevsky in the Documents of Siberian Archives*]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1996. 472 p. (In Russ.)
13. Kushnikova M., Togulev V. *«Kuznetskiy venets» Fedora Dostoevskogo v ego romanakh, pis'makh i bibliograficheskikh istochnikakh minuvshogo veka: v 2 knigakh* [*Fedor Dostoevsky's 'Kuznetsk Crown' in His Novels, Letters and Bibliographic Sources of the Past Century: in 2 Books*]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005, book 1. 608 p. (In Russ.)
14. Levchenko N. I. The Circle of Fedor Dostoevsky's Acquaintances in the Semipalatinsk Period of his Life. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 235–246. (In Russ.)
15. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)

16. Pakshina N. A., Kolesova L. P. Marriage Searches in Pre-revolutionary Russia. In: *Privolzhskiy nauchnyy vestnik [Privolzhsky Scientific Journal]*, 2015, no. 12, part 3 (52), pp. 140–146. (In Russ.)
17. Shadrina A. S. *Dvadtsat' dva dnya iz zhizni F. M. Dostoevskogo [Twenty-two Days from the Life of Dostoevsky]*. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost', 1995. 154 p. (In Russ.)
18. Shadrina A. S. *Dvadtsat' dva dnya iz zhizni Dostoyevskogo (gorod Kuznetsk, 1856–1857) [Twenty-two Days from the Life of Dostoevsky (Kuznetsk, 1856–1857)]*. Novokuznetsk, 2016. 232 p. (In Russ.)

436.

Обыскъ Брачный
№ 17

1857го Тога февраля 6го дня. По
Указу Его Императорскаго
Величества Горада Кузнецка
Одигитрiевской Церкви
Священникъ и церковнослужители
Тришубовики Обыскъ о Ме-
лашицкхъ вступити въ бракъ,
и Оказалось Слѣдующее:

1.) Мужъ Служащій въ Сибирс-
кой Линейномъ Баталіоне
№ 7го Трапирецкѣ Федоръ Ми-
хайловъ Достоевскій Правосла-
внаго вѣроисповѣданія, Жителъ-
ствуетъ въ городѣ Славян-
тинскѣ въ Приходѣ Богород-
ской Церкви.

2^е Невѣста (Александра) Ма-
риѣ Дмитриева Жена
. Завѣдатель Служа-
щего Покоренной Части Кол-
лежскаго Секретаря Алек-

Обыск брачный № 17. Рукописная копия Новокузнецкого краеведческого музея. Л. 1.

The marriage alligation no. 17. Handwritten copy kept in the Novokuznetsk Museum of Local Lore. Leaf 1

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5141

УДК 821.161.1+930.25

С. О. Захарченко

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

zco59@mail.ru

Эпистолярный роман Ф. М. Достоевского с авантюристкой Марфой Браун *

Аннотация. В архиве Ф. М. Достоевского сохранилось семь писем, написанных к нему между октябрем 1864 и январем 1865 г. некоей Марфой Браун. Среди исследователей жизни и творчества Достоевского идут споры по поводу их отношений. В статье рассматриваются письма Марфы Браун и ее будущего супруга, литератора и очеркиста, сотрудника журналов «Время» и «Эпоха», отставного штабс-капитана Петра Никитича Горского к Федору Михайловичу, уточняется характер их взаимоотношений. Цель данной статьи — систематизация известных, но разрозненных сведений о Марфе Браун (она же — Марта Браун, Марфа Петровна Панина, Елизавета Андреевна Хлебникова), выявление новых материалов о ее жизни, определение той роли, которую сыграл Достоевский в жизни М. Браун и П. Н. Горского, ставится вопрос о возможном отражении отношений М. Браун и П. Н. Горского в романе Достоевского «Преступление и Наказание».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Марфа Браун, Елизавета Хлебникова, Андрей Ильич Хлебников, Петр Никитич Горский, литературное окружение, эпистолярное наследие, «Время», «Эпоха», архив, прототип

Об авторе: Захарченко Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 15.03.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Захарченко С. О. Эпистолярный роман Ф. М. Достоевского с авантюристкой Марфой Браун // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 158–176. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5141

В архиве Ф. М. Достоевского периода издания журнала «Эпоха» сохранилось семь писем, написанных между ноябрем 1864-го и январем 1865 г. некоей Марфой Браун¹. По мнению Л. П. Гроссмана, письма М. Браун были «едва ли не самыми значительными в интимном архиве Достоевского» [Гроссман: 351]. С. В. Белов полагал, что «эта женщина на некоторое время привлекла внимание Достоевского» [Белов, 2001: 114], но «увлечение в конце 1864 — начале 1865 года близкой подругой сотрудника своих журналов П. Горского Марфой Браун не было продолжительным и не оставило никакого следа в духовной биографии Достоевского» [Белов, 1990: 108]. С. Жожикашвили отнесся к подходу С. В. Белова как к слишком прямой экстраполяции биографии писателя на его переписку с М. Браун [Жожикашвили: 131]. С. Л. Франк отмечал, что эта женщина, имеющая «большой жизненный опыт, но эмоционально разбитая» («wordly-wise and emotionally battered»), чрезвычайно заинтересовала Достоевского и оказала влияние на

творчество писателя [Frank: 370]. По мнению Юлалии Сколл, Марфа Браун послужила прототипом образа героини «Преступления и Наказания» Софьи Мармеладовой².

Первая публикация писем Марфы Браун к Ф. М. Достоевскому по материалам архива Института русской литературы Академии наук (Пушкинский Дом) (без указания фонда) была подготовлена Г. Прохоровым в 1936 г. для сборника материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. «Звенья» [Прохоров, 1936: 586–600]³. Хотя одно из писем (от второй половины января 1865 г.) было опубликовано исследователем ранее, в 1928 г., в статье «Романы Достоевского» [Прохоров, 1928: 61–63].

М. Л. Слоним в книге «Три любви Достоевского» приводит некоторые сведения о ее происхождении: «Марфа Браун родилась в небогатой дворянской семье Паниных и получила недурное образование» [Слоним: 206]. Однако эти и другие материалы биографии «искательницы приключений», как охарактеризовал ее исследователь, приводятся без подтверждающих ссылок на их источники (см. подробнее: [Слоним: 205–209]).

В 1971 г. Е. М. Хмелевская, комментировавшая письма литератора, очеркиста и поэта, сотрудника журналов «Время» и «Эпоха» П. Н. Горского⁴ к Ф. М. Достоевскому, впервые связывает имена возлюбленной Горского и впоследствии его супруги — Елизаветы Андреевны Хлебниковой, жившей под именем Марфы Петровны Паниной, или Марфы Браун [Неизданные письма к Достоевскому: 258]. Исследовательница ссылается на воспоминания П. Н. Горского, фрагменты которого опубликованы по материалам Пензенского областного архива (ГАПО. Ф. 5. Д. 4945-а) в книге И. Д. Воронина «Литературные деятели и литературные места в Мордовии» [Воронин: 135–144]. Записки Горского не являются дневниковыми, это поздние воспоминания, в которых не везде указаны даты.

Позднее, в 2011 г., появились новые «проверенные и уточненные биографические данные Марфы Браун»⁵. В материалах Государственного архива Пензенской области (ГАПО. Ф. 182. Оп. 6. Д. 155. Л. 545) были обнаружены сведения о венчании П. Н. Горского и Е. А. Хлебниковой (Марфы Браун) в Введенской церкви г. Пензы.

Именно благодаря П. Н. Горскому, сотрудничавшему в то время с журналом «Эпоха», осенью 1864 г. произошло знакомство Достоевского с Марфой Браун. Сам Горский, по словам мемуариста П. В. Быкова, «заурядный писатель, хотя и даровитый», помещал «недурные повести и рассказы не только в мелких изданиях, но и в толстых журналах» [Быков: 76]. Он публиковал свои сочинения (статьи, очерки, рассказы, повести, стихи, переводы) в журналах «Гудок», «Орёл», «Якорь», «Сын Отечества», «Русский мир», «Петербургский вестник», «Семейный круг» и др., сотрудничал со «Светочем», «Современником», «Библиотекой для чтения», «Русским словом» (см.: [Прохоров, 1936: 590–591], [Воронин: 136–137]). В журнале Достоевских

«Время» были опубликованы очерки П. Горского «День на бирже, ночь на квартире» (1862, № 12); «Бедные жильцы» (1863, № 1), «Высокая любовь» (1863, № 4). Для пятого номера «Времени» был подготовлен рассказ «В больнице и на морозе», который под названием «Бедные жильцы. В больнице и на морозе (Из записок Стратотерпцева)» вышел в первых двух номерах «Эпохи» за 1864 г. Следует отметить, что очерки и рассказы Горского были положительно оценены Ф. М. Достоевским как имеющие интерес у широкой публики («...это совсем не литература <...>, а просто факты и полезные»; «Вот такие-то статьи и читаются публикой. <...> Это ясно, это понятно. Это и заманчиво»⁶).

Знакомство Достоевского с Марфой Браун осенью 1864 г. началось с ее письменного обращения к писателю и было достаточно коротким по времени (последнее письмо датируется второй половиной января 1865 г.). Из первого письма следует, что М. Браун обратилась к писателю в ответ на его предложение заняться переводами по рекомендации Горского⁷, у которого она тогда проживала в Петербурге «на большомъ Царскосельскомъ проспектъ, противъ 3^и роты, домъ Латышева, квар. № 19»⁸. Это письмо М. Браун к Ф. М. Достоевскому Г. Прохоров датировал ноябрем 1864 г. [Прохоров, 1936: 586], хотя в тексте письма указано: «le 23 du courant», что в переводе с французского означает «23 текущего <месяца>»⁹. В Приходно-расходной книге по изданию журналов «Время» и «Эпоха» имеются сведения о выплате М. Браун 12 ноября 3 рублей (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.21. Л. 63). Следовательно, на момент написания письма (если датировать письмо ноябрем) Марфой Браун уже были бы получены деньги за работу, однако в письме речь идет о еще предстоящей работе¹⁰. Вероятнее всего, первое письмо М. Браун к Ф. М. Достоевскому было написано ранее и может быть датировано 23 октября 1864 г.

Определенно можно говорить только об одной встрече Достоевского и М. Браун, когда писатель посетил ее в конце декабря 1864 г. в Петропавловской больнице¹¹.

О самой М. Браун известно немного. По воспоминаниям Горского, «в 63 году, она (М. Браун. — С. 3.), еще будучи незамужней, по возвращении из-за границы, куда ездила вместе с отцом, проживала тоже в Петербурге. Из-за какой-то между ними ссоры раздраженный отец тайком уехал от нее в свое Калязинское имение, оставивши дочь без письменного вида на ста рублях, которые вскоре послал ей по почте» (цит. по: [Воронин: 138–139])¹². Е. М. Хмелевская в комментариях к письмам П. Н. Горского к Ф. М. Достоевскому, говоря о М. Браун, утверждает, что «в возрасте 16 лет она убежала из дома своего отца — калязинского помещика Андрея Ильича Хлебникова» [Неизданные письма к Достоевскому: 258].

В письме Ф. М. Достоевскому от 24 декабря 1864 г. М. Браун сообщает, что ранее жила у Флемминга¹³, человека уже почтенных лет, т. к. у нее не было средств к существованию и, как она сама объясняла, в попытках к «сближенію съ людьми образованными» и в стремлении «къ труду умственному»¹⁴, но с ним «опустилась до нищенства»¹⁵. М. Браун прожила год

у Флемминга, занимаясь ведением его дел¹⁶. Но его семейство также находилось тогда в крайней бедности и жило на пособие от Общества, помогающего бедным литераторам и ученым (Литературный фонд)¹⁷. Однако с августа 1864 г. Флемминг, попав в долговую тюрьму, отказался от квартиры, после чего лежал в больнице со своим младшим сыном Евгением¹⁸. М. Браун скрывалась от него, как и от Горского, о чем писала 24 декабря 1864 г. Ф. М. Достоевскому:

«...самъ онъ (Флемминг. — С. 3.) не знаетъ вовсе, что я здѣсь, такъ какъ я, со своей стороны, укрываюсь отъ него потому, что не въ состояніи долѣе вести его дѣла. Я увѣрена, что Вы будете такъ добры не сообщать ничего Г. Горскому о томъ, что Г. Флеммингъ лежалъ здѣсь въ больницу. Хотя я окончательно отстранилась отъ него, но долгъ совѣсти обязываетъ меня оправдать Г. Флемминга отъ клеветы, такъ какъ я жила у него годъ, знаю что у него есть два взрослыхъ сына на Царской службѣ, и увѣрена, что онъ не замазаетъ честь свою до такой степени, чтобы сдѣлаться мошенникомъ»¹⁹.

Знакомство П. Н. Горского с М. Браун состоялось, вероятнее всего, летом 1864 г., когда она оказалась без крыши над головой²⁰. В своих записках Горский пишет: «Я взял ее (М. Браун. — С. 3.) из жалости к себе на квартиру в переводчицы мне, как сам был литератор» [Воронин: 139]. Но в это время он сам нуждался и не мог содержать М. Браун. Ф. М. Достоевский как секретарь Литературного фонда не только хлопотал о пособиях Горскому, но и помогал ему лично, навещал его в Обуховской больнице, где тот лечился от алкоголизма [Белов, т. 1: 205].

Когда Браун поселилась на квартире у Горского, доподлинно неизвестно. В декабре 1864 г. она писала Достоевскому: «Самъ онъ (Горский. — С. 3.) все продолжаетъ жить тамъ гдѣ я его устроила: По Царскосельскому проспекту, д. Латышева, на кв. у Г^{жи} Франке»²¹. Тем, что данную квартиру сняла М. Браун, объясняется и то, что квартирная хозяйка госпожа Франке не отдавала Горскому деньги, которые Достоевский выдавал в счет переводов Браун, т. к. эти деньги шли в уплату долга за квартиру. Обращаясь к Достоевскому с денежной просьбой, Горский и сам писал в конце декабря 1864 г., что М. Браун выручала его:

«Да Вы умилюстивьтесь — пошлите въ пакетъ Мартъ, или Марѳъ, по адресу:

*Въ Петропавловскую больницу,
Въ 5-ю женскую палату.
Марѳъ Паниной.*

Будьте увѣрены, что она эти деньги зарабатываетъ, трудясь, какъ волъ надъ переводами (хоть съ 3 языковъ для очистки долга)»²².

В письме от 7 января 1865 г. Горский также умолял Достоевского о помощи, ссылаясь на поддержку М. Браун:

«Наконецъ, Марта выручитъ меня. Можетъ быть она переводами выручитъ нѣсколько больше, чѣмъ “Вдовцомъ Левелемъ” переводимымъ по порученію Михаила Михайлов<ича>»²³.

К началу переписки М. Браун с Достоевским П. Н. Горский только вышел из психиатрической больницы, куда периодически попадал с мая по октябрь 1864 г. из-за пристрастия к вину (см. переписку с Достоевским: [Неизданные письма к Достоевскому: 255–267]).

Первая городская общедоступная Обуховская больница, где в психиатрическом отделении содержался П. Н. Горский, и Петропавловская больница, где на 2-м этаже в мужском терапевтическом отделении лечился Флемминг с сыном и где на втором этаже восточного флигеля, примыкающего к главному зданию больницы²⁴, впоследствии находилась М. Браун, относились к ведомству Попечительского совета Общественного призрения. В российские больницы XIX в. могли обращаться все граждане Российской Империи, независимо от сословия, а бывшие вне сословий принимались на бесплатное лечение, которое осуществлялось за счет частных пожертвований. (Возможно, поэтому Марта Браун, не имея документов при поступлении в больницу, назвалась *Марфой Петровной Паниной* и так подписывала свои письма из больницы.) При этом в Петропавловской больнице, которую содержали на средства гофмаршала Ласунского (4786 р. ассигнациями) и графини Толстой (3000 р. ассигнациями), проценты шли на содержание кроватей, а в Обуховской больнице — на выдачу пособий при выписке больных²⁵. Питание в больницах было достаточным. Так, в 1863 г., согласно больничному порционному табелю, больной в среднем получал на завтрак бульон из овсянки; на обед: щи, 2 фунта ржаного хлеба, от ½ до 1 фунта мяса, капусты кислой ¼ кружка, масла конопляного, луку, перца, лаврового листа и кружку кваса; на ужин: каша гречневая или ячневая с маслом²⁶. П. Горский сгустил краски, описывая быт Обуховской больницы в своем письме к Ф. М. Достоевскому:

«Дурную пищу, такое же лечение, уходъ, помѣщеніе очеркну вскользь, потому что это было не разъ описано, и мной, и другими. <...> Если милость будетъ — пришлите рубля два-три <...> потому-что здѣшніе служители очень хищны...»²⁷.

Впавшие в нищету Флемминг, Горский и Браун (в больнице числившаяся как Панина) обращались в подобные заведения.

Именно во время своего пребывания в больнице М. Браун писала Достоевскому:

«Я не судья ни Г. Горскому, ни Г. Флем<м>ингу; ни тотъ ни другой мнѣ не мужъ, но я отчасти обязана и тому и другому, а теперь сознаюсь, что не могу быть полезною ни тому, ни другому при моей настоящей обстановкѣ. Съ Флем<м>ингомъ я опустилась до нищенства, съ Горскимъ прежде у насъ доходило до крайнихъ предѣловъ бродяжничества, (не уступавшаго иногда моимъ англійскимъ) и я хоть съ сожалѣніемъ и горестью, но все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что попытки на сближеніе съ людьми образованными, стремленія къ труду умственному, дѣйствительно безумны и смѣшны для моей нищенской роли»²⁸.

М. Браун искала опоры в ближних и не находила ее. Горский приходил в пьяном виде в больницу²⁹, убеждал ее написать с целью заработка записки своих путешествий за границей для журнала «Эпоха». Возможно, от отчаяния она доверилась Достоевскому в своих письмах, посылая «образчик Похождений» и тут же прося их уничтожить:

«Беру смѣлость обезпокоить Г. Достоевскаго образчикомъ моихъ Похожденій; но это вовсе не Записки, которыми никогда не обезпокою никого. Цѣль моя та, чтобы Г. Достоевскій лично передалъ Г. Горскому, что получены имъ образчики “Путешествій по Англій”, но не годятся къ напечатанію. <...> Онъ (Горскій. — С. З.) знаетъ мою руку и чтобы онъ повѣрилъ что я что нибудь послала можно показать ему почеркъ, но ради Бога не давать читать. Когда онъ ихъ уже увидитъ въ Редакціи, то прошу возвратитъ мнѣ или самому Г. Редактору даю право ихъ уничтожить»³⁰.

М. Браун испытывает страх перед Горским, не спит из-за него ночами³¹. Но Горский продолжает требовать публикации «Путешествий...»:

«Г^н Горскій являлся ко мнѣ вчера, очень трезвый, благоразумный какъ никогда не бывало. Требоваль непременно что нибудь изъ моихъ сочиненій или Путешествій и сказалъ, что непременно зайдетъ завтра. Оттого пишу ночью, первое что пришло на умъ <...>. Это для того чтобы имѣть основаніе сказать что я написала и отослала, а Вамъ, чтобы имѣть что нибудь что можно ему возвратитъ и даже вручить, такъ какъ того, что я написала прежде, ему ни за что не слѣдуетъ видѣть, а чего онъ не увидитъ, то и не повѣритъ что я послала. Ради Бога, простите меня что я Васъ такъ много безпокою пустяками и отрываю Васъ этимъ можетъ быть отъ дѣлъ болѣе серьезныхъ. Прошу Васъ тоже, если только имѣю на то право, извинить безумную, пошлую выходку Г. Горскаго. Его извиняетъ впрочемъ вотъ что: первая его цѣль имѣть деньги чтобы я могла выписаться и жить на его счетъ. Онъ очень неосновательно воображаетъ, что если я выпишусь а у него нѣтъ средствъ, то рѣшусь на развратъ. Онъ мнѣ право и жалокъ и страшенъ; однимъ словомъ не знаю на какомъ мнѣніи остановитъся, но рѣшительно не могу ничего разсудить и готова лучше дѣлатъ не разсуждая

все что онъ скажетъ и все что Вы мнѣ посоветуете <...>. Но ради Бога не требуйте отъ меня много здоровой логики, какъ всегда выражается Г. Горскій говоря что у меня ея нѣтъ. Мнѣ и безъ того все не спится отъ невольныхъ мыслей, такъ я придумывать вовсе ничего не хочу; Г. Горскому рѣшительно ничего никогда не сообщу, клянусь Вамъ, но буду Вамъ очень обязана если Вы иногда не откажете мнѣ въ Вашемъ советѣ»³².

В каждом письме Горского к Достоевскому содержатся просьбы о той или иной сумме денег. Согласно записям Приходно-расходной книги по изданию журналов «Время» и «Эпоха» (ОР РГБ. Ф. 93.1.3.21), выплаты Горскому делались не реже двух раз в месяц, а то и каждые три дня от одного до семи рублей в счет статьи, которая так и не появилась.

Так, выплаты Горскому за 1864 г. составляли:

2 сентября 1864 г. — 5 р. (л. 59);
 15 сентября — 3 р., 29 сентября — 7 р., 2 октября — 3 р. (л. 60);
 8 октября — 3 р., 23 октября — 5 р. (л. 61);
 10 ноября — 1 р., 17 ноября — 2 р. (л. 63);
 22 ноября — 1 р., 26 ноября (за корректуру) — 3 р., 1 декабря — 3 р. (л. 64);
 5 декабря — 3 р. (л. 65);
 8 декабря — 3 р., 10 декабря — 1 р. (л. 66);
 19 декабря — 1 р., 22 декабря — 3 р. (л. 67).

Также Достоевский оказывал денежную помощь Горскому, о которой известно из писем последнего:

«Если милость будетъ — пришлите рубля два-три — будетъ восемь» (из письма от 15 сентября 1864 г.)³³;

«Насчетъ денегъ Вы были такъ великодушны, что прислали болѣе просимаго. Я и употребилъ ихъ на часть экипировки. Не достало еще 3 — задолжа<ль> портному. Бога ради пришлите три, эта просьба послѣдняя до напечатанія» (письмо от 2 октября 1864 г.)³⁴.

«Душевно Вамъ благодаренъ, что Вы одолжили хозяйкѣ три рубля серебромъ. Къ сожалѣнiю, она, по звѣриному нѣмецкому инстинкту, забрала себѣ всѣ три рубля, такъ-что я въ Рождество, когда весь городъ сытъ и пьянъ — не пѣлъ ничего, кромѣ кусочка хлѣба» (письмо от 25 декабря 1864 г.)³⁵.

Получив предыдущее письмо Горского через квартирную хозяйку, Достоевский также через нее передал ему 3 рубля.

Вскоре, 7 Января 1865 г., последовала очередная просьба П. Н. Горского к Ф. М. Достоевскому: *«Помогите, если я того стою, деньгами (4—5 <руб.>) и какими нибудь обносками бѣльи и платья»*³⁶.

Переписка Горского с Достоевским относительно некоего Рогге, которого тот рекомендовал редакции «Эпохи» для «распространения круга

подписчиков» журнала [Летопись...: 496], дает нелестную характеристику самому рекомендателю. Так, в конце декабря 1864 г. он пишет Достоевскому:

«Позвольте Вамъ рекомендовать знакомаго мнѣ Господина Рог<г>е. Онъ чиновникъ, занимается адвокатскими дѣлами и исполняетъ всякія порученія литературныя. <...> Ему нетрудно распространить кругъ подписчиковъ <“>Эпохи<”>, потому-что она пользуется хорошей репутаціей. Тутъ очень будетъ полезенъ такой неутомимый, дѣятельный человекъ, какъ Г. Рог<г>е. Онъ въ однѣ сутки облетаетъ полгорода. Не думайте, чтобы я рекомендовалъ дурнаго мало знакомаго мнѣ человека. Я такъ обязанъ и Вамъ, и покойному брату Вашему, что мнѣ было бы стыдно и подумать объ этомъ.

Впрочемъ Вы все увидите сами и пошлѣ мнѣ же скажете спасибо. Надобно замѣтить, что онъ денегъ впередъ не беретъ, а только возьметъ по исполненіи дѣла»³⁷.

7 января 1865 г. Горский признается Достоевскому, что его рекомендация журналу была неудачна:

«22 Декабря Рог<г>е, рекомендованный Вамъ вслѣдствіе моей ослиной доверчивости къ людямъ, обобралъ меня до нитки и скрылся. У Васъ дивная способность отгадывать людей<,> а я, зная его два года прежде, считалъ его честн<ымъ>»³⁸.

Но свою вину уже в начале извинения он перекладывает на обстоятельства:

«Хотя Вы и справедливо сердитесь за мою рекомендацію Рог<г>е, за то, что я не умѣлъ написать удачной статьи для Вашего журнала, за то, что забралъ у Васъ много денегъ; — но въ этомъ виновата не моя совѣсть, а обстоятельства»³⁹.

М. Браун стыдит за это П. Н. Горского в письме от 11 января 1865 г.:

«Вѣдь Вы сами давно знали, что Вашъ пріятель Рогге воръ и Вамъ не стыдно ли было вводить его в редакціи да еще ко мнѣ»⁴⁰.

Собранные материалы дают возможность восстановить хронологию одного из периодов жизни М. Браун, связанного с общением с Ф. М. Достоевским и ее сотрудничеством с журналом «Эпоха»: М. Браун летом 1863 г. после многолетних странствий по Европе прибыла в Петербург, где ее приютило семейство К. Флемминга. Через год, когда Флемминг остается без жилья и попадает в больницу, она переселяется на съемную квартиру Горского, который в это же время также оказывается в больнице, где находится до середины октября. В октябре 1864 г. М. Браун в поисках литературного труда пишет первое письмо Ф. М. Достоевскому в надежде на помощь и сотрудничество с журналом «Эпоха» в качестве переводчицы. Она ссылается

на Горского в качестве рекомендующего ее лица и указывает его адрес, извиняясь за невозможность прийти лично из-за проблем со здоровьем. Ее болезнь, вероятно, и подтолкнула Горского после его выписки из больницы отправить на лечение и М. Браун. В процессе переписки и после встречи М. Браун с Ф. М. Достоевским между ними возникло доверительное общение. Она советовалась с писателем по поводу своих отношений с Горским. И в то же время старалась оградить писателя от дурных слухов, которые могли бы быть вызваны их общением:

«Для предупрежденія предосудительныхъ слуховъ относительно Вашей чести я предупреждала женщину сказать, что она послана отъ больнаго а не отъ больной. Со своей стороны, рѣшаюсь обезпечить Васъ просьбою, не говорить ничего Г. Горскому, по крайней мѣрѣ пока я нахожусь въ больницу; онъ былъ у меня вчера, принесъ мнѣ “Эпоху” а я, не говоря ему ничего на счетъ Вашего посѣщенія извѣстила его только что женщина посланная мною по его порученію не годилась»⁴¹.

В письме от 24 декабря 1864 г. она просит Достоевского оказать влияние на Горского:

«Ради Бога имѣя такой высокій авторитетъ между людьми умными примите подѣ Ваше руководство Г. Г<орскаго> и напомните ему что пора образумиться какъ мнѣ такъ и ему»⁴².

После личной встречи с Достоевским в больнице в декабре 1864 г. М. Браун сообщает в письме, что хочет расстаться с Горским, но при определенном условии: «...не прежде хочу выписаться какъ получивъ его согласіе на отдѣльную квартиру. Самъ онъ все продолжаетъ жить тамъ гдѣ я его устроила»⁴³.

В письме, написанном накануне наступающего Нового года (почтовый штампель — 1 января 1865 г.) М. Браун высказывает свои опасения по поводу отношений с Горским и выражает признательность Достоевскому:

«...я менѣ всего на свѣтѣ люблю и больше всего въ жизни боюсь скандаловъ и особенно скандаловъ Г. Горскаго но я и сама сознаю что Вашъ советъ самый лучшій, остаться съ нимъ (Горским. — С. З.). Позвольте мнѣ отъ души поздравить Васъ съ наступающимъ днемъ Новаго Года, пожелать Вамъ всего лучшаго, поблагодарить Васъ за Вашу искренность и дружбу и быть навсегда преданною Вамъ Марфою Пан<иной>»⁴⁴.

Горский продолжал устраивать ей скандалы, при этом «глядѣлъ такимъ дьяволомъ и видѣ его былъ такъ страшенъ», что даже надзирательница в больнице дает совет ей «склониться на его волю»⁴⁵.

Предпоследнее письмо М. Браун Достоевскому, написанное в середине января (по почтовому штампелю — 15 января 1865 г.), — это порыв души, желание обрести в его лице друга:

«...если позволите немедленно явлюсь къ Вамъ какъ Вы это позволили или лучше дамъ Вамъ объ себѣ извѣстіе изъ какой нибудь Гостинницы въ полной надеждѣ на то что Вы не откажете мнѣ въ послѣдній разъ хотя въ Вашемъ дружескомъ совѣтѣ. Простите меня что я такъ смѣло повѣряю Вамъ всѣ тайны нашей неинтересной интриги...»⁴⁶.

О подробностях этой «неинтересной интриги» становится известно из приписки Горского карандашом на адресованном ему письме Марфы от 11 января 1865 г., в котором сообщалось о ее якобы выписке из больницы: *«Вы пишете ужаснѣйшія вещи. Прочитавши на пакетѣ 11 Генваря, я вообразилъ, что Вы выписались. Клянусь, что чуть не бросился въ прорубь»⁴⁷.* Дело в том, что квартирная хозяйка Г^{жа} Франке из-за долгов отказала Горскому от квартиры, которую нанимала М. Браун, и он временно проживал в углах у знакомого капитана Белого в доме № 127 на Садовой улице у Калининского моста.

В последнем, прощальном письме Достоевскому во второй половине января 1865 г. М. Браун признается ему в своих чувствах и благодарит за участие в ее судьбе:

«...Вы уже оказали мнѣ столько внимательнаго участія и уже на столько удостоили меня своего довѣрія, что я съ своей стороны сочту неблагодарною низостью, не быть съ Вами вполнѣ откровенною. Такъ какъ моя связь съ Г. Горскимъ больше условная, чѣмъ интимная, то цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы изъ моихъ писемъ къ нему, Вы могли составить себѣ обо мнѣ и объ моихъ обстоятельствахъ хотя нѣкоторое понятіе. Во всякомъ случаѣ, удастся ли мнѣ или нѣтъ удовлетворить Васъ въ физическомъ отношеніи, и осуществится ли между нами та духовная гармонія, отъ которой будетъ зависѣть продолженіе нашего знакомства, но повѣрьте мнѣ, что я всегда останусь Вамъ благодарна за то, что Вы хотя на минуту, или на нѣкоторое время, удостоили меня Вашей дружбы и Вашего расположенія. Клянусь Вамъ, что я еще почти ни съ кѣмъ не рѣшалась быть такъ откровенна, какъ осмѣлилась быть съ Вами. Простите мнѣ это эгоистическое увлеченіе, но на душѣ моей въ теченіи этихъ каторжныхъ двухъ лѣтъ проведенныхъ въ Россіи, накопилось столько горя, скуки и отчаянія, что, свидѣтель Богъ, я рада, я счастлива что встрѣтила человѣка, обладающаго такимъ спокойствіемъ духа, терпимостію, здоровымъ смысломъ и правдивостію, которыхъ не было ни во Фл<еммингъ> ни въ Г<орскомъ>. <...> клянусь Вамъ, несравненно выше матеріальной пользы цѣню то, что Вы не побрезгали падшею стороною моей личности, то, что Вы поставили меня выше того, чѣмъ я стою въ своемъ собственномъ мнѣніи»⁴⁸.

Для М. Браун встреча с Достоевским была знаковой. Она увидела в нем не только редактора, способного на благотворительность, но и глубоко сопереживающего человека, протянувшего ей руку помощи. Общение

с Достоевским помогло ей восстановить душевное равновесие и поверить в себя — ей, вернувшейся в Россию после многолетнего пребывания за границей (Англия, Турция, Австрия, Швейцария, Италия, Испания, Франция и пр.) «*безъ средствъ, безъ знанія языка*», «*послѣ разнообразныхъ арестовъ, послѣ разнообразныхъ мытарствъ*», вынужденной скрываться под псевдонимами в стране, где «*никто не знаетъ <...>, ни одинъ родной голосъ не откликается*»⁴⁹.

В словах М. Браун по поводу описываемых ей путешествий есть нестыковки. В письме от 24 декабря 1864 г. она сообщает Достоевскому, что посылает ему образец своих записок о путешествии по Англии, известном Горскому: «*Происшествіе — истинное приключеніе — но объ немъ я никогда не сообщала Г. Горскому, такъ какъ онъ и безъ того достаточно знаетъ и довольно меня упрекаетъ*»⁵⁰. А в следующем письме она утверждает, что по договоренности с Горским она описывает не свои странствия, а «*походженія той сидѣлки, которую имѣла честь посылать къ Вамъ по его рекомендаціи*»⁵¹.

Тайной окутаны также и дата рождения, и происхождение М. Браун. Из воспоминаний Горского известно, что она — дочь известного моряка, штурмана Андрея Ильича Хлебникова, бывшего (1811–1813) два года в плену у японцев со всей эскадрой адмирала В. М. Головина (см.: [Воронин: 139]⁵²). З. В. Дмитриева и С. А. Козлов сообщают, что А. И. Хлебников был женат на Татьяне Борноволоковой, дочери вологодского губернского прокурора Тертія Степановича Борноволокова, писателя, члена-корреспондента Академии наук, и в браке имел двух дочерей — Марию и Екатерину [Дмитриева, Козлов: 269]. Но у Андрея Ильича Хлебникова и Татьяны Тertiевны было два сына и четыре дочери: Мария Андреевна Третьякова (Хлебникова)⁵³, Илья Андреевич Хлебников, Анна Андреевна Максимович (Хлебникова)⁵⁴, Дмитрий Андреевич Хлебников, Елизавета Андреевна Хлебникова (Хлебникова), Александра Андреевна Хлебникова (Хлебникова)⁵⁵. Фамилия Елизаветы Андреевны Хлебниковой по мужу в источнике не указывается и сведений о ней не дается. Сама она в переписке называет себя простой мещанкой («*Вѣдь я мѣщанка, не принадлежу никуда*»)⁵⁶.

Марфа Браун — это псевдоним дворянки Елизаветы Андреевны Хлебниковой. Два года спустя после последнего письма Достоевскому, 30 января 1867 г., как свидетельствуют источники, она и Петр Никитич Горский заключили законный брак в Введенской церкви города Пензы [Васильев] (источник: ГАПО. 142-Т. Ф. 182. П. 11. Д. 155. Л. 545–545 об.).

По воспоминаниям П. Н. Горского, в апреле 1866 г. к ним в Пензу приехал муж сестры Елизаветы Андреевны, который привез благословение ее отца, Андрея Ильича Хлебникова, на брак дочери, 300 руб. и письменный вид для Елизаветы Андреевны Хлебниковой [Воронин: 139] (источник: ГАПО. Ф. 5. Д. 4945-а. Л. 74). Скорее всего, приезжал муж Анны Андреевны Максимович (урожд. Хлебниковой) — Павел Павлович Максимович, который в 1866–1877 гг. являлся членом Тверской губернской земской управы, мировым судьей и уездным предводителем дворянства⁵⁷.

Горский в своих воспоминаниях так описывал свадьбу с Марфой Браун:

«30 января 1867 года с дозволения отца жены и графа Шувалова (с моей стороны)⁵⁸ состоялась самая бедная свадьба в шикарной бонтонной Пензе. Шувалов прислал на нашу свадьбу 50 рублей, министр финансов Рейтерн⁵⁹ прислал на одежду мне, жениху, 28 рублей и три двугривенных. Присылки денег от царя мне лично я ожидал после.

Поторопились со свадьбой потому, что в тогдашней Пензе невенчанным было жить вовсе не так легко, как в Петербурге. Притом Лизавета Андреевна, боясь лишиться наследства, следовала за мной по острогам столиц, освободила из острога в Пензе» (цит. по: [Воронин: 139–140], источник: ГАПО. Ф. 5. Д. 4945-а. Л. 80–81).

На день венчания (Таинство брака совершал священник Ст. Филаретов) отставному штабс-капитану Петру Никитичу Горскому православного исповедания (первым браком) было 39 лет, а дочери из дворян чиновника 6-го класса Елизавете Андреевне Хлебниковой, тоже православного исповедания и тоже венчавшейся первым браком, было 28 лет (источник: ГАПО. 142-Т. Ф. 182. П. 11. Д. 155. Л. 545). В записках Горского возраст округлен: «мне было 40, жене — 30 лет» [Воронин: 140].

Возникают вопросы: если в 1867 г. М. Браун, она же Елизавета Андреевна Хлебникова, выходит замуж впервые, то о каком венчании (именно венчании, иначе бы у нее не появились документы для возвращения в Россию) с неким моряком-американцем («сочеталась бракомъ съ матросомъ прибывшаго Корабля изъ Балтиморы» на острове Гернзи⁶⁰) идет речь в письмах к Достоевскому? Если этот американский моряк — не ее муж, а «некой сиделки», путешествия которой по договоренности с Горским могла описать М. Браун в своих записках, то зачем нужно было чиновнику американского посольства посещать М. Браун в России («...въ прошломъ году <...> Чиновникъ Амер<иканскаго> Посольства навѣстиль меня по какому то дѣлу»⁶¹)? Как он разыскал ее? Какое дело было у него к ней? Не дело ли о разводе или аннулировании ее брака с неким иностранным моряком? И под каким именем она жила тогда в Петербурге, при том что, по утверждению Горского, у нее не было письменного вида, т. е. паспорта?

Попытки выяснить, кто такая Марфа Браун, привели к источнику, в котором описывается история некой Элизабет Марты Браун (ок. 1811 — 9 августа 1856 г. Дорчестерская тюрьма, Дорсет, Англия), урожденной Кларк, англичанки, убившей своего второго мужа, Джона Энтони Брауна, в июле 1856 г. От первого мужа Бернарда Беарна, скончавшегося около 1851 г., у нее было двое сыновей, умерших в детстве. Со вторым мужем Джоном Браун она прожила 4 года. Обвинение заявило, что она зарубила мужа топором после того, как он ударил ее кнутом. Она была последней женщиной, публично повешенной в Дорсете⁶². Публичная казнь Элизабет Марты Браун была подробно описана в местных газетах Дорчестера (Англия). Среди

3000–4000 человек, наблюдавших за ее повешением, был стоявший недалеко от виселицы английский писатель Томас Харди, которому в то время было 16 лет. Эта казнь настолько потрясла будущего писателя, что он долгое время находился под впечатлением от нее. Через 35 лет он напишет свой известный роман «Тэсс из рода Д’Эрбервиллей», в основу которого легла история Элизабет Марты Браун (см.: [Fordington. References Located to Fordington People...], источник: Weymouth Journal-Daily News (Лондон, Англия). 1856, вып. 3193, 11 августа).

То, что Е. А. Хлебникова знала эту историю, подтвердить не удалось.

Из писем Браун-Хлебниковой к Достоевскому известно, что во время своего путешествия за границей некоторое время она пребывала в Англии. По подсчетам описанных ею в письме от 24 декабря 1864 г. временных периодов выясняется, что Хлебникова, которой в 1856 г. было около 18 лет, могла находиться в Англии в 1856-м или 1857 г. и, соответственно, присутствовать на публичной казни Элизабет Марты Браун или же слышать об этом.

Получается, Елизавета (или в англ. варианте *Элизабет*) Андреевна Хлебникова взяла псевдоним *Марта Браун* по имени убийцы Элизабет Марты Браун.

Знал ли Достоевский настоящее имя Марты Браун или Марфы Паниной? Скорее всего, нет. Но он знал, что *Марта Браун* и *Марфа Панина* — это псевдонимы женщины, которая прожила бурную и тяжелую юность.

Интерес Достоевского к М. Браун-Паниной был отнюдь не романтическим. Достоевский не только в творчестве, но и в жизни следовал идее «восстановления погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», «оправдания униженных и всеми отринутых парий общества» (Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» в журнале «Время»⁶³).

Зачастую самой фантастической оказывается невыдуманная история. История Браун-Хлебниковой заинтересовала Ф. М. Достоевского и, вероятно, отчасти нашла отражение в романе «Преступление и Наказание». Как считает Е. М. Хмелевская, Горский также вызвал интерес редактора журналов «Время» и «Эпоха» Достоевского не только как литератор тематикой своих произведений, но и своей личностью, и, возможно, стал одним из прототипов Мармеладова. Гибель героя «Преступления и Наказания» под колесами экипажа, как отмечалось [Неизданные письма к Достоевскому: 258], могла быть подсказана подобной смертью одного из героев Горского⁶⁴. Отношения М. Браун и П. Н. Горского могли отразиться в образах героев Достоевского Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой. В любом случае знакомство М. Браун с Достоевским сыграло важную роль в ее жизни; оно помогло ей начать вместе с Горским другую жизнь, хотя и в ссылке, но жизнь сначала под своей фамилией *Хлебникова*, а затем под фамилией законного супруга.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90016 (Редакционный архив журналов братьев Ф. М. и М. М. Достоевских «Время» и «Эпоха»).
- ** Автор выражает благодарность за помощь в архивных и других источниковедческих разысканиях Т. В. Панюковой, за консультации по теме — Л. В. Алексеевой, за подсказанную идею о том, что имя англичанки Элизабет Марты Браун могло послужить псевдонимом Марты Браун, — И. С. Андриановой.
- ¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. 17 л.
 - ² Доклад Юлалии Сколл (США) «Марта Браун как прототип Сони в “Преступлении и наказании”» прозвучал на X Симпозиуме Международного Общества Достоевского в 1998 г. (см. программу симпозиума: Достоевский и мировая культура. Альманах № 12. 1999. С. 268).
 - ³ Помимо публикации писем Г. Прохоровым [Прохоров, 1936: 586–600], см. также электронную публикацию: Редакционный архив журналов «Время» и «Эпоха» [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petrso.ru/fmdost/letters/letters_journal.htm (15.02.2020).
 - ⁴ Петр Никитич Горский (1826–1877), отставной штабс-капитан (уволен из армии из-за пристрастия к спиртным напиткам); принадлежал к плеяде писателей-очеркистов, работавших в характерном для начала 1860-х годов жанре социального очерка, рассказа, фельетона. Был отправлен как политический ссыльный в Пензу в 1866 г. 30 января 1867 г. женился на Елизавете Андреевне Хлебниковой (Марфе Петровне Паниной, или Марфе Браун). В июле 1867 г. Горским было разрешено перебраться в Саранск. Последним местом ссылки с января 1869 г. стал город Нижний Ломов. Здесь писатель вместе с женой прожил еще 9 лет и умер 9 октября 1877 г. (см.: [Достоевский и его время: 256–267], [Воронин: 135–144], а также: ГАПО. Ф. 5. Д. 4945-а. Л. 153).
 - ⁵ В 2011 г. была представлена работа учащегося СОШ № 1 г. Нижнего Ломова Владислава Долгова «История несостоявшегося романа Ф. М. Достоевского и Марфы Браун и его отражение в творчестве писателя» [Долгов], подготовленная под руководством учителя русского языка и литературы Алексея Константиновича Васильева с консультацией доктора филологических наук Б. Н. Тихомирова.
 - ⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 73, 85.
 - ⁷ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 1. См. также: [Прохоров, 1936: 586–587].
 - ⁸ Адрес Горского был записан рукой Ф. М. Достоевского. См.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 2 об.
 - ⁹ Там же. Л. 2.
 - ¹⁰ Там же. Л. 1.
 - ¹¹ См. об этом: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 9–9 об.
 - ¹² Исследователь приводит воспоминания Горского по материалам Пензенского областного архива (источник: ГАПО. Ф. 5. Д. 4945-а. Л. 74, 75), где хранятся воспоминания П. Н. Горского. Фрагменты воспоминаний опубликованы И. Д. Ворониным в главе «П. Н. Горский в Саранской ссылке» его книги «Литературные деятели и литературные места в Мордовии» [Воронин: 135–144].
 - ¹³ Флемминг Карл Магнусович — составитель «Народных словарей и новейших языков» [Описание архива литературного фонда, вып. 1: 154]. По данным «Всеобщей адресной книги С.-Петербурга» на 1867–1868 гг. проживал по адресу: ул. Караванная, д. 18, кв. 18 (Всеобщая адресная книга С.-Петербурга: в 5 отд. СПб., 1867–1868: Изд. Гоппе и Корнфельда. Отд. 3. С. 503).

- ¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 3 об. См. также: [Прохоров, 1936: 588].
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. См. также: [Прохоров, 1936: 587].
- ¹⁷ См. Архив Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым: ОР РНБ. Ф. 438. № 2. Л. 25, 26, 35; № 3. Л. 9 об.; № 4. Л. 38 об.; № 8. Л. 191–191 об.; № 14. Л. 45–47 об., № 15. Л. 199–200, 203–204 об.; № 16. Л. 168; № 19. Л. 5; № 20. Л. 24.
- ¹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 3 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 3–3 об.
- ²⁰ Г. Прохоров считает, что знакомство с Флеммингом и впоследствии с Горским состоялось за два года до знакомства с Достоевским [Прохоров, 1936: 585]. Е. М. Хмелевская отмечает, что Горский познакомился и сошелся с М. Браун в феврале 1862 г. [Неизданные письма к Достоевскому: 258]. Ни Прохоров, ни Хмелевская не указывают источник, подтверждающий эти данные. При этом, по воспоминаниям Горского, в 1863 г. М. Браун по возвращении из-за границы проживала в Петербурге, будучи еще незамужней [Воронин: 138–139].
- ²¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 10. См. также: [Прохоров, 1936: 596]. В публикации писем П. Н. Горского к Ф. М. Достоевскому фамилия хозяйки ошибочно приводится как Фряк [Неизданные письма к Достоевскому: 261].
- ²² РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29681. Л. 6. См.: [Неизданные письма к Достоевскому: 262]; см. также электронную публикацию писем Горского: Редакционный архив журналов «Время» и «Эпоха» [Электронный ресурс]. URL: https://philolog.petsru.ru/fmdost/letters/letters_journal.htm (15.02.2020).
- ²³ Там же. Л. 10 об. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 266].
- ²⁴ Здесь в XIX в. располагались большие раком женщины и палаты гинекологического отделения.
- ²⁵ См. Приложение № 24 «Ведомость капиталов, поступивших с 1828 по 1878 г.»: Попечительный совет заведений общественного призрения в С.-Петербурге: очерк деятельности за 50 лет: 1828–1878 / сост. и изд. К. Ордин. СПб.: В Типографии Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1878. С. 57.
- ²⁶ См. подробнее: Приложение № 22 «Больничные порционные табели»: Попечительный совет заведений... С. 44–52.
- ²⁷ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29681. Л. 1. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 255].
- ²⁸ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 3 об. См. также: [Прохоров, 1936: 587–588].
- ²⁹ См. об этом: Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 6. См. также: [Прохоров, 1936: 592].
- ³¹ См. об этом: Там же. Л. 8 об. См. также: [Прохоров, 1936: 594].
- ³² Там же. Л. 11–12. См. также: [Прохоров, 1936: 596–597].
- ³³ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29681. Л. 1. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 255].
- ³⁴ Там же. Л. 3. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 260].
- ³⁵ Там же. Л. 7. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 264].
- ³⁶ Там же. Л. 10 об. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 267].
- ³⁷ Там же. Л. 5–5 об. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 260–261].
- ³⁸ Там же. Л. 10 об. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 267].
- ³⁹ Там же. Л. 9. См. также: [Неизданные письма к Достоевскому: 265].
- ⁴⁰ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 17. См. также: [Прохоров, 1936: 598].
- ⁴¹ Там же. Л. 9–9 об. См. также: [Прохоров, 1936: 595].
- ⁴² Там же. Л. 8 об. См. также: [Прохоров, 1936: 594].
- ⁴³ Там же. Л. 10. См. также: [Прохоров, 1936: 596].

- 44 Там же. Л. 12. См. также: [Прохоров, 1936: 597].
- 45 Там же. Л. 13–13 об. См. также: [Прохоров, 1936: 599].
- 46 Там же. Л. 13 об. См. также: [Прохоров, 1936: 599].
- 47 Там же. Л. 17 об. См. также: [Прохоров, 1936: 598].
- 48 Там же. Л. 15–16. См. также: [Прохоров, 1936: 600].
- 49 Там же. Л. 7 об., 8. См. также: [Прохоров, 1936: 593].
- 50 Там же. Л. 6. См. также: [Прохоров, 1936: 592].
- 51 Там же. Л. 11. См. также: [Прохоров, 1936: 596].
- 52 Исследователь ссылается на материалы архива: РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 2. Д. 196. Л. 192–193.
- 53 Муж — капитан-лейтенант Александр Васильевич Третьяков (1808 — после 1861 г.).
- 54 Муж — Павел Павлович Максимович (28.11.1816 — 01.07.1892).
- 55 Елизавета Андреевна Хлебникова // MyHeritage [Электронный ресурс]. URL: <https://www.myheritage.com/>
- 56 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 8 об.
- 57 Павел Павлович Максимович окончил Морской кадетский корпус в Петербурге. В 1840 г. стал лейтенантом флота. Оставив в 1848 г. службу в чине капитан-лейтенанта по семейным обстоятельствам, он активно занялся хозяйством и близко познакомился с проблемами крестьянской жизни, был депутатом Губернского комитета по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян в Кашинском уезде. В 1859 г. Павел Павлович возвратился к сельской жизни, открыл в селе Спасском, где проживал в это время, школу для крестьянских детей. После открытия в 1864 г. земских учреждений П. П. Максимович стал их активным деятелем. В 1866–1887 гг. — мировой судья, уездный предводитель дворянства, в 1875–1889 гг. — депутат от Кашинского уезда в Тверском дворянском депутатском собрании. 1 декабря 1870 г. открыл в Твери школу на свои деньги, которую через год ревизовало земство. Максимович полностью передал свою школу, которая стала официально именоваться «Школой Павла Павловича Максимовича», в ведение земства. Школа была преобразована в учительскую семинарию. В 1919 г. вся ее материальная база была передана вновь созданному институту народного образования (с 1921 г. — педагогический институт, с 1971 г. — Тверской госуниверситет). В 2017 г. имя Павла Павловича Максимовича — основателя учительской женской школы нового типа — занесли в Золотую книгу Твери. См.: Ильина Т. А. П. П. Максимович: уточнение некоторых биографических фактов // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2017. Вып. 2. С. 207–211; Максимович (Павел Павлович...) // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 18. С. 443; Селиванов А. Ф. П. П. Максимович — основатель тверской женской учительской школы. СПб., 1901; Семёнов Д. Д. Воспоминания // Образование. 1892. № 11.
- 58 Граф Петр Андреевич Шувалов, начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1866–1874), под надзором Ведомства которого в ссылке находился Горский.
- 59 Граф Михаил Христофорович Рейтерн, государственный деятель Российской империи, министр финансов (1862–1878), затем председатель Комитета министров (1881–1886).
- 60 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29651. Л. 8 об. См. также: [Прохоров, 1936: 594].
- 61 Там же. Л. 7. См. также: [Прохоров, 1936: 593].
- 62 Элизабет Марта Браун (Elizabeth Martha Brown) [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Elizabeth_Martha_Brown (15.02.2020).
- 63 Время. 1862. № 9. Отд. I. С. 44–45.
- 64 См.: Горский П. Н. Бездольный // Библиотека для чтения. 1863. № 8–9.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 573 с.
2. Белов С. В. Федор Михайлович Достоевский. — М.: Просвещение, 1990. — 208 с.
3. Быков П. В. Силуэты далекого прошлого. — М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. — 240 с. (Серия: Библиотека мемуаров и литературных памятников)
4. Васильев А. Ф. М. Достоевский и Марфа Браун [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.microarticles.ru/article/fm-dostoevskij-i-marfa-brayn.html> (15.02.2020).
5. Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии / второе, дополн. изд. — Саранск. Морд. книж. изд-во, 1976. — 336 с.
6. Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1962. — 543 с. (Серия: Жизнь замечательных людей; вып. 357)
7. Дмитриева З. В., Козлов С. А. «Сильная любовь к Отечеству и желание когда-либо увидеть его подкрепляло дух наш...»: записки штурмана шлюпа «Диана» А. И. Хлебникова о японском плене [Электронный ресурс]. — URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Dmitrieva_Kozlov.pdf (15.02.2020).
8. Долгов В. История несостоявшегося романа Ф. М. Достоевского и Марфы Браун и его отражение в творчестве писателя [Электронный ресурс]. — URL: <https://project.1sept.ru/works/593673> (15.02.2020).
9. Жожикашвили С. Заметки о современном достоевковедении // Вопросы литературы. — 1997. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/55.htm (15.02.2020).
10. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881 гг.: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридендера. — СПб.: Академический проект, 1999. — Т. 1: 1821–1864. — 530 с.
11. Неизданные письма к Достоевскому (письма П. Н. Горского; комм. Е. М. Хмелевской) // Достоевский и его время / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом); под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. — Л.: Наука, 1971. — С. 255–267.
12. Описание архива Литературного фонда. Аннотированный указатель / сост. Р. Б. Заборова, В. Н. Сажин. — Л., 1978. — Вып. 1. — 248 с.; Л., 1979. — Вып. 2. — 176 с.
13. Прохоров Г. Романы Достоевского: (Исаева, Сулова) // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». — 1928. — Июль. — С. 56–64.
14. Прохоров Г. Неразвернувшийся роман Ф. М. Достоевского (Письма Марфы Браун к Ф. М. Достоевскому) // Звенья. — М.; Л.: Academia, 1936. — Т. 6. — С. 582–600.
15. Слоним М. Л. Три любви Достоевского. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — 318 с.
16. Fordington. References Located to Fordington People in Books, Diaries, Historical Documents, and Newspapers (1610–2010) [Электронный ресурс]. — URL: <https://web.archive.org/web/20111220074924/http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~fordingtondorset/Files/FordingtonNewspapertranscripts.html> (15.02.2020).
17. Frank J. Dostoevsky: The Stir of Liberation. 1860–1865. — Princeton: Princeton University Press, 1986. — 406 p.

Svetlana O. Zakharchenko

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

zco59@mail.ru

Epistolary Affair of F. M. Dostoevsky and Adventurer Marfa Brown

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90016 Dostoevsky.

Abstract. Seven letters by a certain Marfa Brown written to F. M. Dostoevsky between October 1864 and January 1865 were preserved in the writer's archive. There are disputes over their relationship among the researchers of Dostoevsky's creative work and life. The article considers the letters of Marfa Brown and her future spouse, writer and essayist, employee of the *Vremya* and *Epokha* journals, retired staff captain Pyotr Nikitich Gorsky to Fedor Mikhailovich, and clarifies the nature of their relationship. The purpose of this article is to systematize the known but disparate information about Marfa Brown (aka Martha Brown, Marfa Petrovna Panina, Elizaveta Andreevna Khlebnikova), identify new materials about her life, define the role that Dostoevsky played in the lives of M. Brown and P. N. Gorsky. The question is raised about a possible reflection of the relationship between M. Brown and P. N. Gorsky in Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Marfa Brown, Elizaveta Khlebnikova, Andrey Ilyich Khlebnikov, Pyotr Nikitich Gorsky, literary environment, epistolary heritage, *Vremya*, *Epokha*, archive, prototype

About the author: Zakharchenko Svetlana O. — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: March 15, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Zakharchenko S. O. Epistolary Affair of F. M. Dostoevsky and Adventurer Marfa Brown. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 158–176. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5141 (In Russ.)

References

1. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy [Fedor Mikhailovich Dostoevsky]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 208 p. (In Russ.)
3. Bykov P. V. *Siluety dalekogo proshlogo [Silhouettes of the Distant Past]*. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika Publ., 1930. 240 p. (Ser.: Library of Memoirs and Literary Monuments) (In Russ.)
4. Vasil'ev A. *F. M. Dostoevskiy i Marfa Braun [F. M. Dostoevsky and Marfa Brown]*. Available at: <http://www.microarticles.ru/article/fm-dostoevskij-i-marfa-brayn.html> (accessed on February 15, 2020). (In Russ.)
5. Voronin I. D. *Literaturnye deyateli i literaturnye mesta v Mordovii [Literary Figures and Literary Places in Mordovia]*. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 336 p. (In Russ.)

6. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 543 p. (Ser.: Life of Wonderful People; issue 357) (In Russ.)
7. Dmitrieva Z. V., Kozlov S. A. «*Sil'naya lyubov' k Otechestvu i zhelanie kogda-libo uvidet' ego podkrepilyalo dukh nash...*»: zapiski shturmana shlyupa Diana A. I. Khlebnikova o yaponskom plene ["*Strong Love for the Fatherland and the Desire to Ever See It Was Reinforced by Our Spirit...*": Notes by the Navigator of the Sloop Diana A. I. Khlebnikov About Japanese Captivity]. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Dmitrieva_Kozlov.pdf (accessed on February 15, 2020). (In Russ.)
8. Dolgov V. *Istoriya nesostoyavshegosya romana F. M. Dostoevskogo i Marfy Braun i ego otrazhenie v tvorchestve pisatelya* [The History of the Failed Love Affair Between F. M. Dostoevsky and Marfa Brown and Its Reflection in the Writer's Work]. Available at: <https://project.1sept.ru/works/593673> (accessed on February 15, 2020). (In Russ.)
9. Zhozhikashvili S. Notes About Modern Dostoevsky Studies. In: *Voprosy literatury*, 1997, no. 4. Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/dos/toj/evs/kii/dostojevskii_f/sbor_stat/55.htm (accessed on January 15, 2020). (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1. 530 p. (In Russ.)
11. Unpublished Letters to Dostoevsky (The Letters of P. N. Gorsky; Comments by E. M. Khmelevskaya). In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 255–267. (In Russ.)
12. *Opisanie arkhiva Literaturnogo fonda. Annotirovanny ukazatel'* [The Description of the Archive of the Literary Fund. Annotated Index]. Leningrad, 1978, issue 1. 248 p.; Leningrad, 1979, issue 2. 176 p. (In Russ.)
13. Prokhorov G. Dostoevsky's Love Affairs: (Isaeva, Suslova). In: *Literaturno-khudozhestvennyy sbornik «Krasnoy panoramy»* [Literary and Artistic Collection "Krasnaya Panorama"], 1928, July, pp. 56–64. (In Russ.)
14. Prokhorov G. The Unevolved Love Affair of F. M. Dostoevsky (The Letters of Marfa Brown to F. M. Dostoevsky). In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, issue 6, pp. 582–600. (In Russ.)
15. Slonim M. L. *Tri lyubvi Dostoevskogo* [Dostoevsky's Three Loves]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 318 p. (In Russ.)
16. *Fordington. References Located to Fordington People in Books, Diaries, Historical Documents, and Newspapers (1610–2010)*. Available at: <https://web.archive.org/web/20111220074924/http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~fordingtondorset/Files/FordingtonNewspapertranscripts.html> (accessed on January 15, 2020). (In English)
17. Frank J. *Dostoevsky: The Stir of Liberation. 1860–1865*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1986. 406 p. (In English)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994

УДК 821.161.1.09"18"+930.23+930.253

Е. Л. Смирнова

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

esmirnova@petsru.ru

Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот»*

Аннотация. Статья посвящена выяснению роли имен римских императоров в каллиграфических записях Достоевского конца 1860-х гг. (Российский государственный архив литературы и искусства, фонды 212.1.6, 212.1.7). Одной из причин обращения Ф. М. Достоевского к образам и сюжетам римской истории стала типичная для образованных слоев середины XIX в. мысль о том, что история Рима являет образцы добродетелей и примеры пороков и злодеяний и поэтому представляет высокую степень важности для каждого, кто неравнодушен к судьбам человечества. Поскольку в творческие размышления писателя включены, главным образом, Гай Юлий Цезарь и властители первых двух веков (и первых трех династий) эпохи Империи, то интерес писателя к римским цезарям необходимо соотносить с его оценкой истории Рима I–II вв. как времени столкновения императорского культа и веры в Иисуса Христа. Вместе с тем объектом внимания Достоевского стали также Аттила и Ромул Августул, имена которых связаны с завершающими страницами истории Западной Римской империи. Источниками ассоциаций и мотивов, связанных с римскими цезарями, были для Достоевского не только тексты античных и христианских авторов, но и образы императорского Рима в современной литературе и публицистике. Важнейшие нюансы смысла рождались из сопоставления древнеримской истории с новой историей Западной Европы и России. Знаменательна эволюция темы каллиграфических записей в романе «Идиот»: если в первоначальных набросках к роману акцент был на деспотизме и чудовищности римских властителей, то в записях к окончательной редакции — на отражении истории императорского Рима и его судьбы в Апокалипсисе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, текстология, каллиграфия, прототипы, античность, Древний Рим, Римская империя, римские цезари, «Идиот», Апокалипсис, Т. Н. Грановский

Об авторе: Смирнова Екатерина Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 02.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Смирнова Е. Л. Римские цезари в каллиграфических записях к роману Достоевского «Идиот» // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 177–207. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994

В записных тетрадах Ф. М. Достоевского заметное место принадлежит идеографическим записям, включая и каллиграфию, в которых нашли отражение процессы рождения сюжетов и образов, внутренний диалог писателя с самим собой и различные его приемы творчества [Баршт: 4, 6]. В рабочих тетрадах писателя «текст, рисунки, каллиграфия зачастую образуют

сложное иррациональное единство, в котором автор дает ассоциативное решение творческой задачи» [Захаров, 2018: 93]. Каллиграфия Достоевского, как особый раздел его идеографии, связана «с эстетическим переживанием писателем самого процесса письма, письменной графики как внешнего выражения сокровенного, глубинного смысла слова. Знаки “каллиграфического” языка актуализируют семантический потенциал имени в максимуме его внутренней и внешней связности, формируя своего рода “сгущения мысли”» [Баршт, Малафеевская: 26].

Одной из интереснейших особенностей и до сих пор не разгаданной загадкой рабочих тетрадей Достоевского 1867–1871 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.6, Ф.212.1.7) являются неоднократно встречающиеся на их страницах каллиграфически выведенные имена римских императоров. Они расположены на страницах подготовительных материалов к роману «Идиот» (Ф. 212.1.6. С. 124, 126–128, 130; Ф. 212.1.7. С. 93, 96, 97, 99, 102, 103, 104, 106, 110), черновых записей к рассказу «Вечный муж» (Ф. 212.1.6. С. 63) и вторгаются в черновые записи к плану повести о капитане Картузове (Ф. 212.1.6. С. 107). Начертанные, как правило, в одном направлении с основным текстом, но иногда в обратном или противоположном, чаще всего эти записи являются маргиналиями, своеобразными авторскими пометами на полях, но порою они занимают — и это в особенности любопытно — несколько страниц целиком и подряд (Ф. 212.1.6. С. 106, 108–109; Ф. 212.1.7. С. 105).

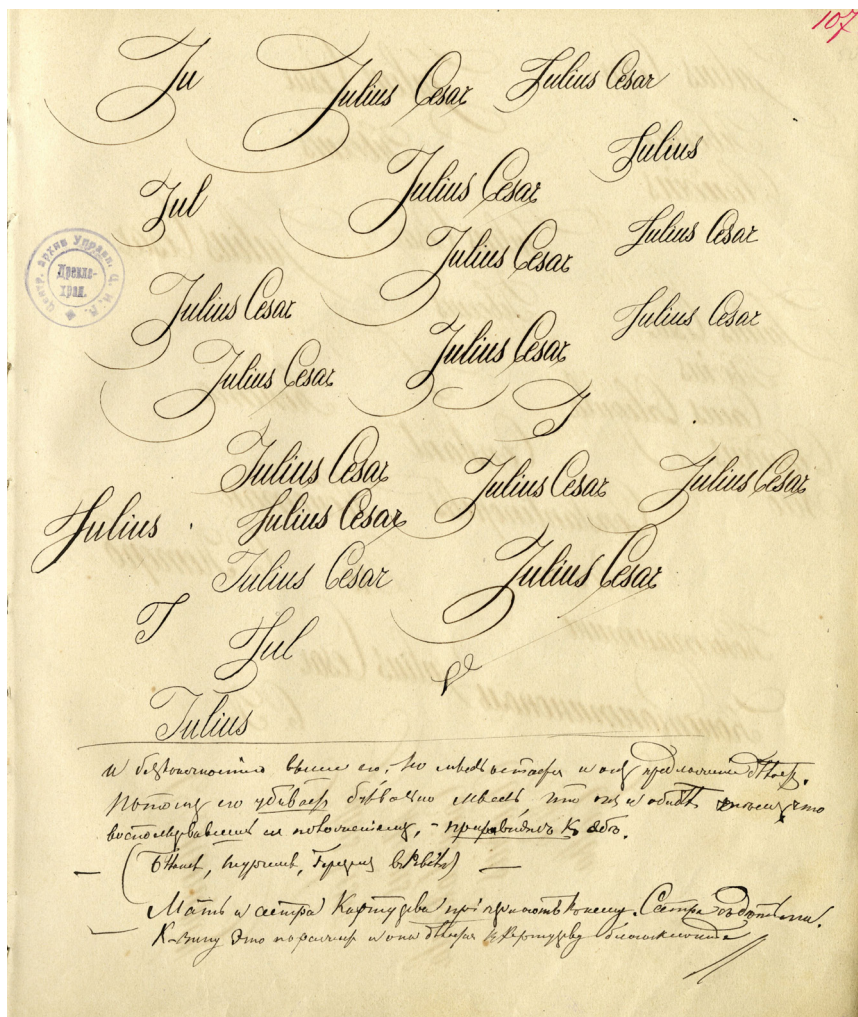
Какие властители Рима привлекли внимание Достоевского и почему они стали «существенными для его творчества и биографии событиями или идейными комплексами»? Что скрывается за выбором одних и умалчиванием других императоров Рима, за объединением имен в группы и столбцы в разных сочетаниях? Какие ассоциации рождались в процессе неспешного прописывания имен правителей Римской империи? Какую роль играли римские цезари в творческой лаборатории писателя в конце 1860-х гг.?

Изучение встречающихся в рабочих тетрадях имен римских цезарей показало, что далеко не все правители Рима привлекли внимание Достоевского. Во-первых, в обеих записных тетрадях мы обнаруживаем каллиграфические прописи имени Гая Юлия Цезаря — знаменитого римского диктатора 48–44 гг. до н. э., последнего из диктаторов эпохи Республики и первого, кто превратил почетный, но временный титул императора (победоносного полководца) в постоянную часть своего личного имени. Во-вторых, в каллиграфических записях фигурируют все императоры династии Юлиев-Клавдиев, начиная с ее основателя: Август (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), Тиберий (14–37 гг.), Калигула (37–41 гг.), Клавдий (41–54 гг.) и Нерон (54–68 гг.). В-третьих, в каллиграфиях встречаются правители сложного для Рима «года четырех императоров» (68–69 гг.) — Гальба, Отон, Вителлий. Наконец, в записную тетрадь попали два из трех императоров династии Флавиев — Веспасиан (69–79 гг.) и Тит (79–81 гг.) и двое из шести императоров династии Антонинов — Адриан (117–138 гг.) и Марк Аврелий (161–180 гг.). Из правителей Рима

более позднего времени упоминается лишь Ромул Августул (475–476 гг.), последний император Западной Римской империи. Таким образом, в круг творческих размышлений писателя оказались включены, если не считать Ромула Августула, только Гай Юлий Цезарь и властители первых двух веков (и первых трех династий) эпохи Империи. Важно отметить, впрочем, что из династии Флавиев не упоминается Домициан, а из династии Антонинов — Нерва, Траян, Антонин Пий и Коммод.

Имя Гая Юлия Цезаря прописано в подготовительных материалах к роману «Идиот» в общей сложности 112 раз, причем в разнообразных вариантах (*Julius Cesar Imperator, Julius Cesar, Julius Ces, Julius, Jul, Jules Cesar, Jules*), которые можно охарактеризовать как смесь латинского и французского написаний (на латыни было бы *Julius Caesar*, по-французски — *Jules César*). 29 раз встречается имя Калигулы (варианты: *Caius Caligula, Caius Calig, Caligula, Caius C*), 9 раз — Клавдия (*Claudius*), 8 — Тиберия (*Tiberius*) и Марка Аврелия (*Marcus Aurelius Antoninus, Marcus Aurelius, Marcus A., Marcus*), 6 — Нерона (*Nero*) и Веспасиана (*Vespasianus, Vespas*), 5 — Гальбы (*Galba*). Остальные имена встречаются реже: четыре раза выведено имя Вителлия (*Vittellius, Vittelius*), трижды — Отона (*Otto*) и Августа (*Augustus*), по два раза — Тита (*Titus*), Адриана (*Adrianus, Adrian*) и Ромула Августула (*Romulus Augustulus*).

Наибольшее разнообразие имен властителей Рима, а именно тринадцать, приходится на с. 106–109 рабочей тетради 1867–1871 гг. (Ф. 212.1.6). Страницы 106, 108 и 109 заполнены исключительно каллиграфическими записями, на странице 107 каллиграфии занимают две трети листа, а внизу под чертой расположен текст (6 строк), представляющий собой продолжение записей, начатых на странице 105 (см. Илл. 1).

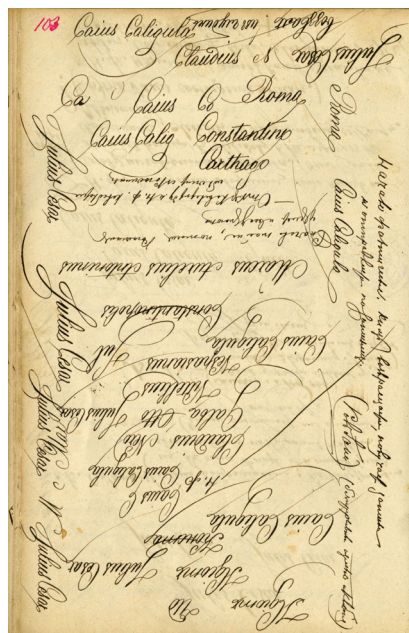
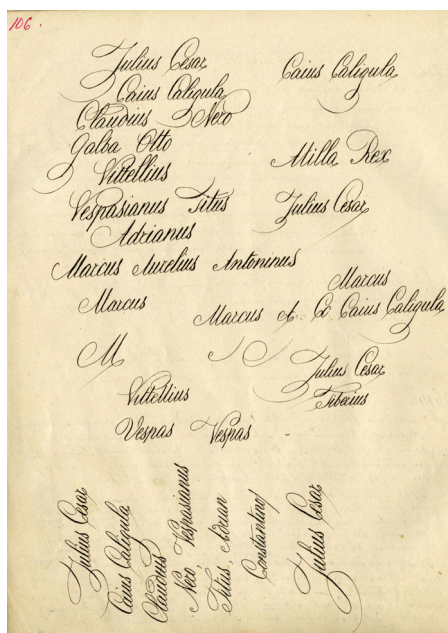
Илл. 1. Каллиграфические записи имени Гая Юлия Цезаря
(РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 107)

Fig. 1. Calligraphic inscription of the name of Gaius Julius Caesar
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 107)

Это позволяет предположить, что изначально на с. 106–109 была только каллиграфия, а текст внизу 107-й страницы появился позже — в период составления черновых записей к плану повести о капитане Карпузове, занимающих, как указывается в описании тетради, с. 91–102, 105 и 107². В пользу этого предположения отчасти свидетельствует отсутствие записей на с. 110, 112–113 и практически полное отсутствие записей на с. 111. Создается

впечатление, что писатель посвятил каллиграфическим прописям имен римских императоров два тетрадных разворота, окруженных чистыми страницами, наугад раскрыв тетрадь для решения какой-то творческой задачи. Этот вывод не выглядит неправдоподобным, поскольку, как уже отмечалось исследователями творчества Достоевского, писатель не всегда заполнял свои рабочие тетради последовательно, страница за страницей. Он мог писать «то в начале тетради, то в середине ее, опять возвращался к началу, делал отдельные записи в конце <...>. Мало того, он перевертывал тетрадь, делая последние листы первыми, и продолжал в таком порядке заполнять тетрадь, частично уже исписанную в первоначальном направлении» [Нечаева, 1957: 13]. «Зачастую, торопясь зафиксировать то или иное творческое решение, Достоевский раскрывал свои рабочие тетради совершенно произвольно и делал очередной набросок вне всякой связи с предыдущими. Общую картину усугубляет то обстоятельство, что писатель сравнительно редко датировал записи в своих записных книжках и тетрадях» [Тихомиров, 2008а: 385].

Каким временем следует датировать каллиграфии имен римских цезарей на с. 106–109? Б. Н. Тихомиров указывает: «Подготовительные материалы к ранней редакции “Идиота” занимают с. 1–43 и 114–141 (с пропусками), отдельные записи сделаны на с. 49, 57 и 111. Таким образом, после прекращения 30 октября (11 ноября) 1867 г. работы в этой тетради (по-видимому, в связи с намерением писателя перейти к созданию связного текста) вся ее центральная часть (с. 44–110) оставалась свободной. Где-то через год, в августе — сентябре 1868 г., на с. 89–90 Достоевский набрасывает черновик письма к издателю одного из швейцарских журналов. Вновь писатель возвращается к этой тетради лишь в 1869 г., когда по завершении публикации романа “Идиот” он приступает к разработке новых замыслов для журналов “Заря” и “Русский вестник”» [Тихомиров, 2008b: 300–301]. Из этого наблюдения получается, что каллиграфические прописи на страницах 106–109 следует датировать 1869 годом. Однако, на наш взгляд, нельзя исключать и другую датировку указанных страниц, относящую их ко времени работы Достоевского над «Идиотом». Дело в том, что каллиграфии имен римских императоров на с. 106–109 в рассматриваемой нами тетради перекликаются с каллиграфиями с. 105, 103, 102, 99 в записной тетради 1868–1869 гг. (Ф. 212.1.7), в которых тоже фигурируют имена римских императоров от Цезаря до Веспасиана и Марка Аврелия Антонина (см. *Илл. 2–3*); при этом записи содержат подготовительные материалы к роману «Идиот» и датируются первой половиной апреля 1868 г., если судить по имеющимся в тетради датам: «16 Апр<бля>» (с. 91), «10 Апрелья» (с. 92, 101, 104), «9 Апрелья» (с. 115)³.

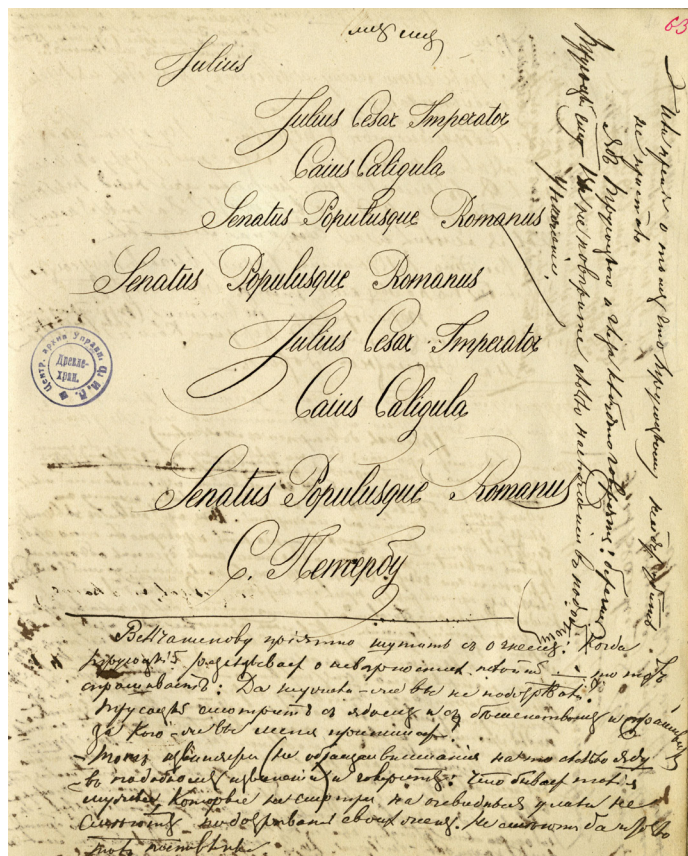

Илл. 2–3. Каллиграфические записи имен римских императоров
(РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 106 и Ф. 212.1.7. С. 103)

Fig. 2–3. Calligraphic inscription of the names of Roman emperors (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 106 and F. 212.1.7. P. 103)

Таким образом, можно прийти к заключению, что каллиграфические записи имен римских цезарей появились в рабочей тетради 1867–1871 гг. в два этапа: на с. 124, 126–128, 130 — в 1867 г., в период работы писателя над ранним замыслом «Идиота», а на с. 106–109 — во время работы над второй–четвертой частями романа в 1868 г. В первом случае мы обнаруживаем всего четыре имени из истории Рима: Цезарь, Калигула, Нерон, Марк Аврелий, — и в основном каллиграфические записи являются маргиналиями. Во втором случае в каллиграфиях фигурируют имена тринадцати римских императоров, и, как было сказано выше, изначально каллиграфии занимали страницы целиком, два разворота подряд. Особо следует подчеркнуть, что на с. 106, 108 и 109 Достоевский словно бы объединяет имена римских властителей в группы, записывая их столбцами, количество имен в которых варьируется от двух до одиннадцати.

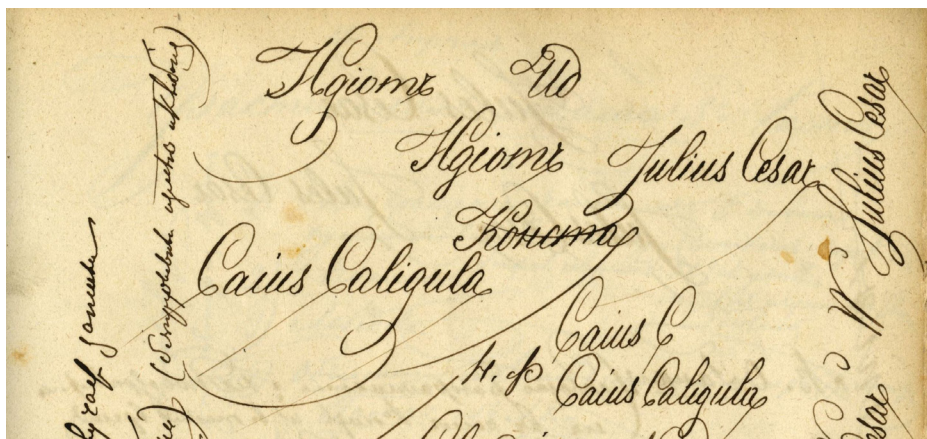
Несколько особняком стоят каллиграфические прописи имен Цезаря и Калигулы на с. 63 (Илл. 4).

Илл. 4. Каллиграфические записи имен римских императоров
(РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 63)

Fig. 4. Calligraphic inscription of the names of Roman emperors
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 63)

Они расположены среди черновых записей к рассказу «Вечный муж», предположительно датируемых не ранее августа 1869 г. [Тихомиров, 2008с: 326]. Однако по способу написания и расположению на странице прописи с. 63 очень похожи на каллиграфические записи с. 106–109 и, как представляется, вполне могли быть написаны в одно время с ними, то есть в период работы Достоевского над второй–четвертой частями «Идиота» (а наброски к «Вечному мужу» были добавлены позже). Дополнительным аргументом в пользу этой версии служит наличие каллиграфических записей имен Цезаря и Калигулы на с. 99, 102, 103, 105 подготовительных материалов к роману «Идиот» в рабочей тетради 1868–1869 гг. При этом на с. 103 рядом с «Julius Cesar» и «Caius Caligula» дважды выведено «Идиотъ» (см. Илл. 5).

Илл. 5. Каллиграфические записи имен Цезаря и Калигулы
(РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 103)

Fig. 5. Calligraphic inscription of the names of Caesar and Caligula
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.7. P. 103)

Важным моментом в осмыслении значения имени каждого римского императора в творческой лаборатории Достоевского является представление о том, что писатель, по всей видимости, был глубоко знаком с античной традицией об истории Рима I — начала II вв. Так, на каторге в одном из писем к брату 1854 г. Достоевский просил прислать «европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита (так у Достоевского. — Е. С.), Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски)»⁴. В послекаторжный период интерес Достоевского к римской истории не угас: в его библиотеке зафиксированы сочинения Тацита в переводах на русский и французский языки, письма Плиния Младшего, записки Гая Юлия Цезаря [Библиотека: 44, 99, 191, 245]⁵. Во время издания журнала «Время» писатель, безусловно, познакомился с лекциями Т. Н. Грановского по римской истории от Цезаря до Нерона⁶, знал сочинения П. Н. Кудрявцева⁷ и В. И. Модестова⁸, посвященные истории раннеимператорского Рима.

На первый взгляд, объяснение причин появления имен римских императоров в каллиграфиях Достоевского не должно представлять большой сложности, поскольку направление поиска указано в исследованиях достаточно надежно: писатель «подолгу прописывал имена разных исторических деятелей, вдумываясь в основное бытийное назначение их жизненного пути <...>, ища нужный коннотирующий смысл» [Баршт, 2018: 6–7], создавая мир ассоциаций, служащих «основой для построений художественных образов» [Баршт, 1986: 309]. Более того, представляется вполне

естественным, что за поиском коннотаций Достоевский обратился именно к истории Римской империи: в гимназических учебниках по всеобщей истории, в публицистике и научных работах середины XIX века общим местом была мысль о том, что история Рима являет «прекрасные образцы всех добродетелей и опаснейшие примеры пороков и злодеяний»⁹, представляет «высокую степень занимательности и важности для каждого, кто неравнодушен к судьбам человечества»¹⁰, а также обнаруживает присутствие всемирного недуга, болезни и медленного разрушения, но эти времена, «мрачные развращением римлян и идолопоклонством народов, озарились светом Евангелия»¹¹, «христианство приносит исцеление»¹².

Вместе с тем анализ подбора и конфигураций имен римских цезарей в подготовительных материалах к роману «Идиот» приводит к заключению, что фокус писательского интереса к примерам из римской истории был не одинаковым в 1867 и 1868 гг. и не исключено, что это каким-то образом связано с перипетиями творческой истории романа «Идиот». Как известно, работа над «Идиотом» проходила непросто, неоднократно прерывалась, сложными были поиски образа главного героя. Сам писатель в письме к А. Н. Майкову 31 декабря 1867 г. (12 января 1868 г.) жаловался: «А со мной было вот что: *работал и мучился*. <...> всё лето и всю осень я компоновал разные мысли (бывали иные презатейливые), но некоторая опытность давала мне всегда предчувствовать или фальшь, или трудность, или маловыжитость иной идеи» (ДЗ0; 28; 239). В итоге Достоевский «задумал один — написал другой роман» [Захаров, 2013: 272].

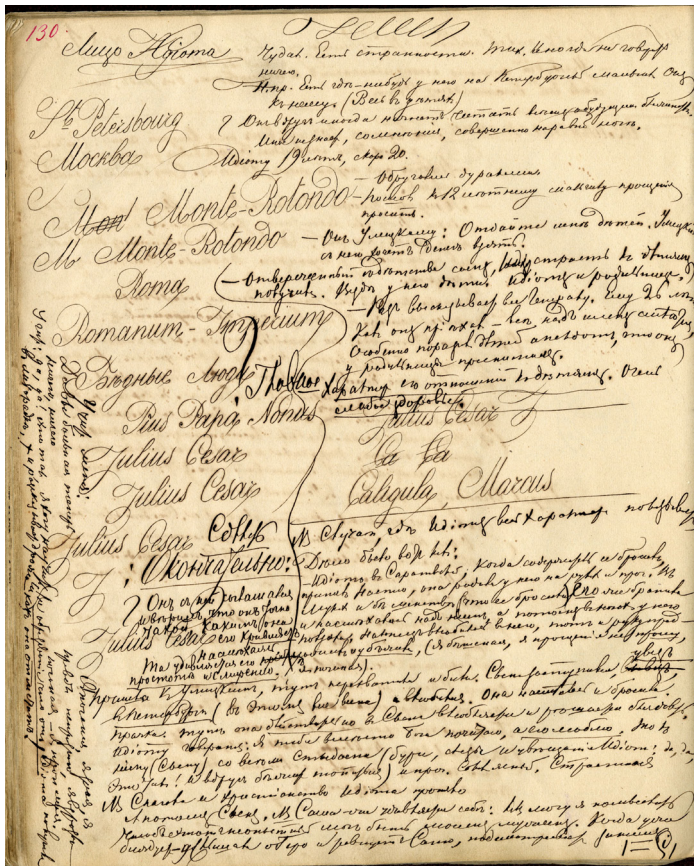
В подготовительных материалах первоначального замысла романа «Идиот» главные черты героя, его «главный характер», определены такими записями:

«Самовла́дѣніе отъ гордости, (а не отъ нравственности) и бѣшеное саморазрѣшеніе всего. <...> ...онъ бы могъ дойти до чудовищности; но любовь спасаетъ его. <...> Взамѣнь получаетъ высокое нравственное чувство въ развитіи и дѣлаетъ подвигъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 41).

Идея главного героя следующая: «...буду *встѣхъ* держать подъ ногами въ цѣпяхъ. Или *властвовать тирански* или *умереть за встѣхъ на крестѣ* — вотъ что только и можно по моему, по моей натурѣ...» (выделено мной. — Е. С.) (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 25). Эта идея удивительным образом перекликается с содержанием истории Римской империи в I веке, ярчайшими чертами которой явились, во-первых, усиление единоличного характера императорской власти, а во-вторых, становление ранних христианских общин, что Достоевский десятилетием позже, в «Дневнике Писателя» за 1880 г. охарактеризует следующим образом: «Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил Богочеловека...» (ДЗ0; 26: 169). Знаменательно, что трое из четырех римских цезарей подготовительных материалов к раннему

замыслу «Идиота» имеют самое прямое отношение к «тиранству»: Цезарь поплатился жизнью за неумное властолюбие и стремление к царской власти, Калигула и Нерон и вовсе стали символами деспотизма и жестокости. С историей гонений на христиан в Римской империи и подвигов христианских мучеников, подражавших Христу, теснейшим образом связаны имена Нерона и Марка Аврелия.

Наибольшее число каллиграфических записей в подготовительных материалах к первоначальному замыслу романа «Идиот» связано с Гаем Юлием Цезарем: по 5 раз его имя начертано на с. 124 и 130 (см. Илл. 6), 6 раз — на с. 127 и 8 раз — на с. 128. Удивления этот факт не вызывает, учитывая и масштаб личности Цезаря, и его место в написанных до «Идиота» сочинениях Достоевского.

Илл. 6. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 130)

Fig. 6. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 130)

На раннем этапе творчества, как видно из романа «Неточка Незванова», Цезарь был для Достоевского прежде всего воплощением славы, которая, впрочем, не была внезапной: писатель не допускает, «будто Цезарем можно сделаться так, вдруг, за один миг» (Д30; 2: 504). Скорее всего, основа такого восприятия Цезаря сложилась еще в юные годы Достоевского: в учебнике И. К. Кайданова, по которому учился писатель, читаем: «Юлий Кесарь, знаменитый породю и дарованиями, искуснейший полководец, непобедимый герой и остроумный писатель, выступил в это время на поприще славы»¹³. В «Селе Степанчикове...» в образ Цезаря добавлены новые краски: Фома Фомич заявляет, что Цезарь вовсе не велик, поскольку, подобно Александру Македонскому, хотя и завоевал весь мир, но никого не осчастливил. И хотя преподносится эта мысль в комическом ключе: «...розог бы дать ему (Александру Македонскому. — Е. С.), а не прославлять во всемирной истории... да уж вместе и Цезарю» (Д30; 3: 159), тем не менее автор словно приглашал внимательного читателя к раздумьям об истинном величии личности в истории и современности.

Как известно, новый повод для размышлений над этой темой дала публикация в 1865 г. книги Наполеона III «История Юлия Цезаря»¹⁴. Она стала всевропейской сенсацией и вызвала бурную полемику по вопросу, считать ли Цезаря великим преступником или человеком, предназначенным Провидением свершить за несколько лет труд нескольких веков [Тихомиров, 2005: 234–235, 249–250], а в романе «Преступление и наказание» Достоевского явилась одной из основ для разработки теории Раскольникова о праве сильной личности «перешагнуть через кровь»¹⁵.

Осмелимся предположить, что осмысление личности Цезаря, сформировавшееся у Достоевского ко времени работы над «Преступлением и Наказанием», не могло не повлиять на его дальнейшие размышления, что и нашло отражение в виде каллиграфических записей в подготовительных материалах к «Идиоту». Дополнительный материал для раздумий относительно Цезаря Достоевскому могло предоставить знакомство с лекцией Т. Н. Грановского, опубликованной в журнале «Время» в 1862 году. Грановский подчеркивает: «...ни о ком, может быть, не раздавалось столько противоположных между собою суждений, как о Цезаре» — и далее поясняет, что одни считали его человеком, оказавшим великие заслуги римскому миру, а другие — нарушителем права, «пожертвовавшим личному самолюбию всем, что дорого для человека и гражданина»¹⁶. Грановский обратил внимание как на парадоксы в личности Цезаря, в котором уживались изнеженность и смелость, любовь к забавам и великолепная образованность, решительность и осторожность, — так и на неоднозначность его роли в истории: будучи любимцем народа и вождем народной партии, Цезарь стал человеком, при котором римская республика перестала существовать; покорив Галлию кровопролитием, он нашел затем в Галлии и других провинциях преданность и сочувствие, поскольку, как отмечает историк, «сумел соединить свои потребности с общими потребностями эпохи», стал «во

главе всех утесненных против всех утеснителей», думая «не об одних минутных интересах, но обо всем, что дорого для человека: о личной свободе, о неприкосновенности прав и собственности»¹⁷. Этот момент изменения Цезаря в лучшую сторону, своеобразного его перерождения мог быть интересен для Достоевского в период начала разработки «главного характера Идиота», который, по задумке автора, «получаетъ высокое нравственное чувство въ развитіи и дѣлаетъ подвигъ», хотя «онъ бы могъ дойти до чудовищности» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 41).

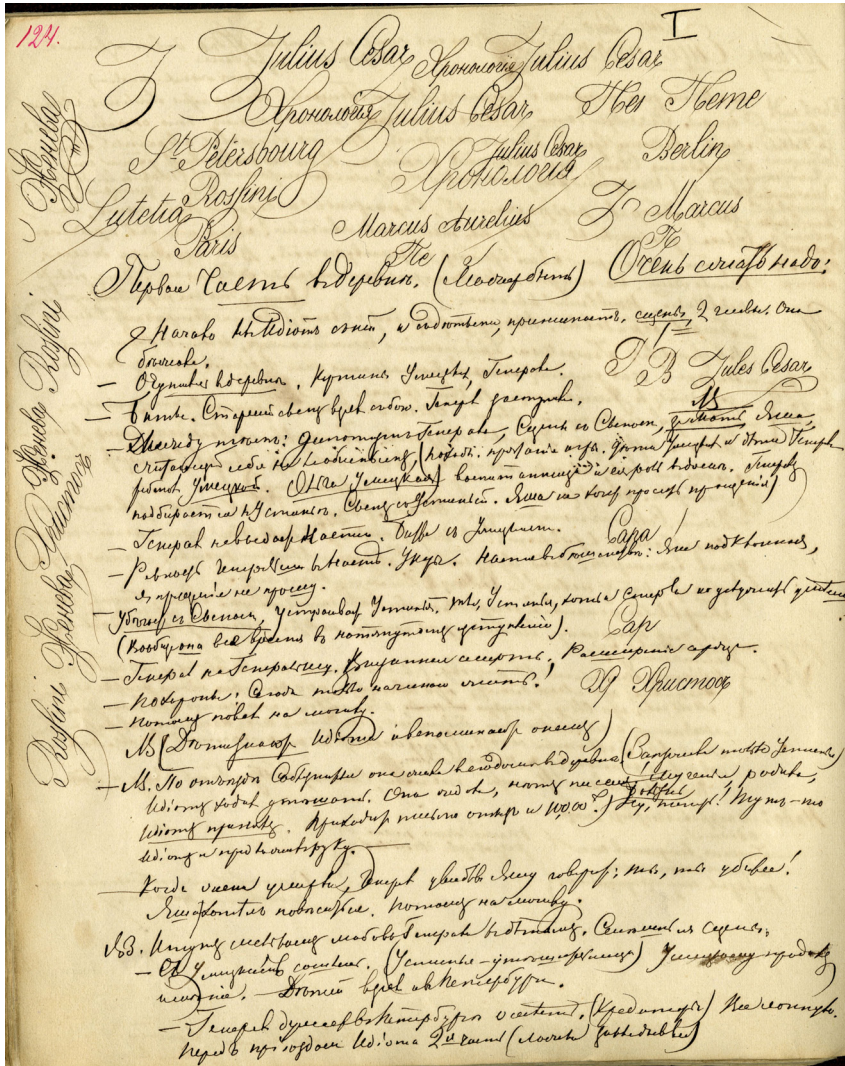
Олицетворением чудовищности в римской истории во времена Достоевского считался император Калигула. Вот как характеризует его И. К. Кайданов: «...чудовище во всех отношениях, жестокость, развращение и глупость составляли характер его»¹⁸. И вот что любопытно: каллиграфия с именем Калигулы (*Caligula*) встречается, во-первых, на одной странице с именем Цезаря (*Julius Cesar Julius Cesar Julius Cesar J Julius Cesar Julius Cesar J*) и записями «*Roma Romanum-Imperium*» [«Рим, Римская империя»] (Ф. 212.1.6. С. 130), а во-вторых, на одной странице с именем Цезаря и каллиграфией «*Senatus Populusque Romanus*» [«сенат и народ римский»] (Ф. 212.1.6. С. 63). Здесь явно прослеживается противопоставление: если фраза «сенат и народ римский» воспринималась как формула римского государственного устройства эпохи расцвета Республики, когда волеизъявление народа сочеталось с опытом и знаниями сенаторов, обеспечивая государству стабильность и процветание, а с точки зрения Цицерона — и вечность (*De rep.*, I, 69), то имя Цезаря ассоциировалось с сокрушением Республики вследствие необузданного честолюбия и неумеренного властолюбия (*Suet. Div. Jul.*, 76–79). Правление Калигулы можно в каком-то смысле трактовать как новый уровень противопоставления правителя обществу: если Цезарь по крайней мере у части населения римской державы вызывал одобрение, несмотря на стремление к единоличной власти (*Suet. Div. Jul.*, 84), то жестокость, алчность и безумные дикие выходки Калигулы составили основу для памяти о нем как о сумасшедшем и чудовище во всех отношениях, о властителе, который был по заслугам убит в результате заговора, а в римском сенате затем в течение нескольких дней обсуждалась идея отказа от поиска преемника императорской власти и возврата к республиканскому строю (*Suet. Cal.*, 60).

Заметим при этом, что в повествовании Грановского о Калигуле акцент делается на «психологической загадке» характера этого римского императора, и историк пытается объяснить отклонения в поведении Калигулы его страхом потерять власть, подозрительностью, начатками помешательства, дурным воспитанием и отвратительными примерами при дворе его предшественника Тиберия¹⁹. У Достоевского в черновых записях к раннему замыслу «Идиота» имеются такие слова о главном герое: «Самъ, впрочемъ, былъ воспитанъ безобразно и у тирановъ» (Ф. 212.1.6. С. 9); «Надо было съ дѣтства болѣе красоты, болѣе прекрасныхъ ощущеній, болѣе окружающей любви, болѣе воспитанія. А теперь: жажда красоты и идеала и въ то же время невѣріе въ него, или вѣра, но нѣтъ любви къ нему» (Ф. 212.1.5. С. 134). Про другого

героя, Дядю — «лицо капитальное всего романа», писатель также помечает: «Въ дѣтствѣ гадко воспитанъ и развитъ» (Ф. 212.1.5. С. 32).

Дополнительным основанием для сопоставления Цезаря и Калигулы могли стать еще два обстоятельства. Подчеркнем их особо, поскольку «антитеза и антитетичность в творчестве Достоевского являются одним из основных принципов поэтики», характерология Достоевского построена «на противопоставлении и совмещении полярных качеств» [Пращерук: 138–139]. С одной стороны, Калигула был похож на Цезаря в том, что получил великолепное образование, обладал ораторским дарованием и в начале правления ненадолго своим великодушием и щедростью заслужил любовь простого народа. Как и Цезарь, Калигула страдал падучей болезнью, но в детстве (Suet. Cal., 50.2 ср. Suet. Div. Jul., 45.1). С другой стороны, Калигула отличался от Цезаря полным отсутствием учета интересов подданных и удивительным упоением от кровопролития, в то время как Цезарь не только провозгласил, но и претворил в жизнь лозунг милосердия по отношению к своим врагам и провел целый ряд мероприятий по превращению Римской державы в единую империю. Важнейшее же отличие заключалось в том, что Цезарь был обожествлен только после смерти, в то время как Калигула уже при жизни потребовал именовать себя «господином и богом», потребовал божеского поклонения и под конец «посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы» (Suet. Cal., 22.3). Любопытны в связи с этим некоторые заметки Достоевского о характере главного героя в подготовительных материалах к первоначальному замыслу романа, озаглавленные как «главная мысль и основная мысль романа, для которой всё»: «он до такой степени болезненно горд, что не может не считать себя богом...» (Ф. 212.1. 6. С. 24).

Таким образом, два героя римской истории, Цезарь и Калигула, с одной стороны, являют пример того, какую роль в истории государства может сыграть правитель, учитывающий интересы общества или, напротив, думающий только о себе и «властвующий тирански», а с другой — словно бы представляют две стадии, два этапа в развитии того недуга в Римской империи, который трактовался в литературе середины XIX века как болезнь и медленное разрушение вследствие существования без света Христова. И если Цезарь жил еще до прихода Спасителя, принесшего возможность обновления, но сумел перейти от кровопролития к милосердию и стал, как это выразил Грановский, «для язычников осуществителем нового порядка», а затем «родился другой обновитель мира»²⁰, то Калигула стал императором уже после крестной смерти Иисуса, однако явил собою пример, если использовать слова Д. С. Мережковского, «колоссального лица антихристианского» [Мережковский: 336]. В связи с этим особенно симптоматично, что в рассматриваемой нами тетради Достоевского на с. 124 наряду с именем Цезаря дважды каллиграфически выведено «Христось» (Ф. 212.1.6. С. 124) (см. Илл. 7).

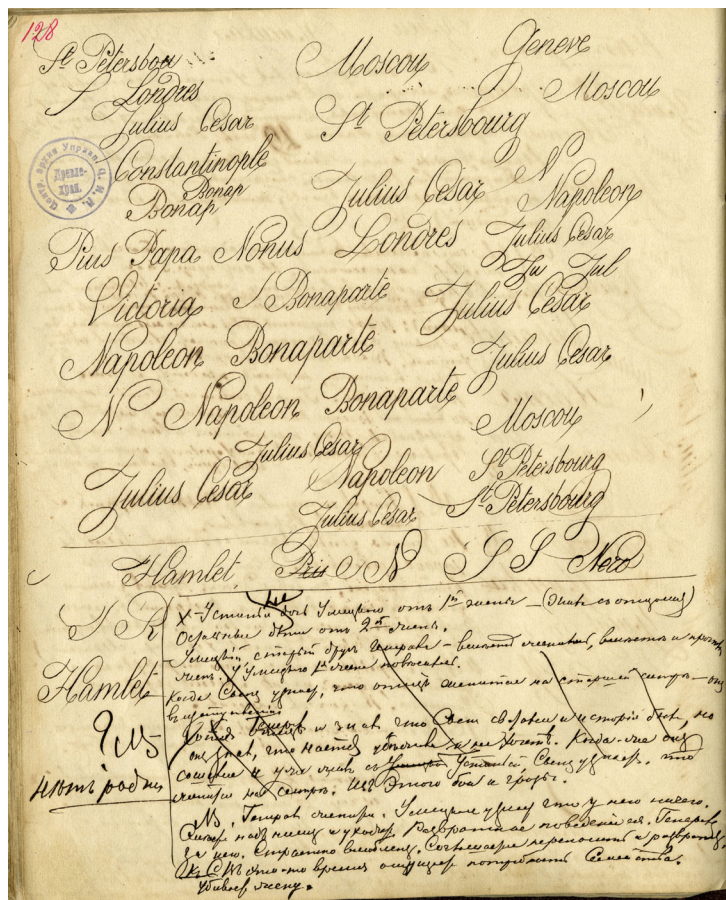
Илл. 7. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 124)

Fig. 7. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 124)

А в другой записной тетради с подготовительными материалами к «Идиоту» на одной странице с каллиграфиями Jules Cesar <3 раза>, Julius Cesar, Caius Caligula <2 раза>, обнаруживаем на полях вдоль страницы запись «Князь Христось» (Ф. 212.1.7. С. 102). И именно в контексте размышлений об условиях обновления мира следует рассматривать каллиграфии имен Цезаря и Калигулы (Julius Cesar, Caius Calligula) рядом с записью «Смирение —

величайшая сила», где внизу страницы пометка: «Почему въ строеніи міра необходимы приговоренные къ смерти», а чуть выше на странице — поразительная в своей контрастности фраза: «Поболтайте-ка мнѣ что-нибудь о Христъ<, > Князь» (Ф. 212.1.7. С. 18).

С историей раннего христианства, причем с трагичными ее страницами, связаны имена еще двух императоров, ставших героями каллиграфических записей Достоевского в период его работы над ранней редакцией «Идиота» — это Нерон (Nero, см. Илл. 8) и Марк Аврелий (Marcus Aurelius, Marcus (см. Илл. 7)).

Илл. 8. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 128)

Fig. 8. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 128)

Согласно свидетельствам античных авторов, и прежде всего Тацита (Тас. Анн., XV, 44), в правление Нерона произошло первое крупное гонение на христиан, когда император возложил на последователей Христа вину за катастрофический пожар в Риме летом 64 г. и подверг их изощреннейшим казням. Зловещая роль Нерона как первого гонителя христиан была хорошо известна Достоевскому, о чем свидетельствуют строки в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе»: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона <...> и проч., и проч.» (ДЗ0; 19: 70).

Фигура Нерона примечательна также потому, что он оставил по себе память одного из худших императоров Римской империи — жестокого и кровожадного, не остановившегося даже перед убийством матери и жены (Тас. Анн., XV, 67.3), неистового и развратного, стремившегося «истребить саму добродетель» (Тас. Анн., XVI, 21.1). Осведомленность Достоевского об этих аспектах личности Нерона нашла отражение уже в статье 1861 г. «Ответ Русскому Вестнику», где писатель упоминает об «известном чудовищном браке Нерона, записанном в истории» (ДЗ0; 19: 137), имея в виду либо свадьбу Нерона с евнухом Спором, рассказ о которой есть у Светония (Suet. Nero, 28.1–2)²¹, либо повествование о браке Нерона с вольноотпущенником Пифагором в «Анналах» Тацита (Тас. Анн., XV, 37. 8–9), которое, что любопытно, непосредственно предшествует главам, посвященным пожару в Риме 64 г. (Тас. Анн., XV, 38–44).

Известность упомянутым деяниям Нерона обеспечили не только рассказы античных авторов, но и работы российских историков — П. Н. Кудрявцева и его друга и учителя Т. Н. Грановского. Кудрявцев именуется Нерона гением разврата и указывает: «...природа Нерона была самого капризного свойства. Неудовлетворенная прихоть всегда оставляла в нем болезненное раздражение. <...> Его снедала жажда новых, неиспытанных удовольствий; ему хотелось извлечь из жизни еще небывалое наслаждение. Мало было обыкновенных пиров... требовалась оргия в самом широком смысле слова»²². Грановский, рассказывая о правлении Нерона, делает ремарку, что даже друзья Нерона, те, кто привык к наслаждениям и весельям, порою расставались с жизнью по своей воле, от скуки. Историк предлагает читателям такое объяснение: «Жизнь в Риме не была здоровой: она была одержима болезнью, отсутствием верований и убеждений, начал, без которых человек слаб. У римлян не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образования было много, но оно не шло в пользу и только усиливало восприимчивость»²³.

Целый ряд черновых записей начального замысла «Идиота» показывает, что эмоционально-насыщенный образ неистового Нерона несомненно стал одним из источников поиска характерных черт портрета главного героя: «Отъ тоски зажигаеъ домъ и безчеститъ Умецкую» (Ф. 212.1.5. С. 134); «потомъ выходка и поступокъ, потомъ сженный палець Геро, потомъ волнение,

потомъ сожженный домъ и растльнiе Умецкой. — Потомъ вдругъ полная апатiя: для чего, зачѣмъ?» (Ф. 212.1.6. С. 24); *«Эпизодъ пожара, пальца и растльнiя — все вдругъ и какъ-бы нечаянно. И въ романѣ, чтобъ показать на что способенъ Идиотъ»* (Ф. 212.1.6. С. 9); *«Главное. Встѣхъ покорить под себя — сначала брата и Дядю (жену деспотируетъ и Умецкую), потомъ Генераловъ, потомъ Геро»* (Ф. 212.1.6. С. 21)²⁴.

Стоит отметить, что в подготовительных материалах первоначального замысла «Идиота» деспотизм намечен также в образе генерала и его жены: *«Генераль. Характеръ строгiй, деспотическiй, мрачный, страстный. Изъподъ суда. Все потерялъ по своей винѣ {и самодурству, которое, чѣмъ хуже обстоятельства — тѣмъ болѣе усиливается, а не уменьшается.} <...> Хочетъ держать семью въ прежнемъ деспотизмѣ и порабощенiи»* (Ф. 212.1.6. С. 7) *«Деспотъ, парадоксаленъ, несправедливъ, стоекъ, рыцарски честенъ, мраченъ и порывистъ. {Ни съ чѣмъ въ себя не умѣетъ справиться, чувствуетъ это и во всемъ черезъ край. Отъ этого страдаетъ всю жизнь.}»* (Ф. 212.1.6. С. 9). *«Генеральша. Характеръ такой-же деспотическiй, но подчинившiйся подъ нѣмыми условiями»* (Ф. 212.1.6. С. 7).

В каллиграфических записях первоначального замысла романа «Идиот» трижды упоминается имя императора Марка Аврелия: *Marcus Aurelius, Marcus* (Ф. 212.1.6. С. 124, 130). В античной традиции подчеркивается, что он «праведностью своей жизни превзошел всех государей», «всецело отдавался философским занятиям», «делал дурных людей хорошими, а хороших превосходными», «правил, окруженный всеобщей любовью» (SHA. M. Aur., 1.1, 8.3, 12.2, 18.1). Античные авторы-язычники упрекали Марка Аврелия только в одном: он был слишком снисходителен к низостям родных и приближенных (SHA. M. Aur., 16.1, 23.7, 29). Однако христианские писатели, хотя и стремились показать, что только «плохие» цезари преследовали церковь (Tert. Ad nat. 1.7; Eus. HE, IV, 26), тем не менее отмечали, что Марк Аврелий Философ причастен к нескольким гонениям против христиан [Пантелеев: 306–308, 310]. Таким образом, уже в древности был отмечен парадокс: совершенный в доброте и добродетели император не останавливается перед пролитием крови²⁵. В современной Достоевскому литературе также преобладало представление о Марке Аврелии как «прекраснейшем образце мудрости и добродетели»²⁶, но в сочинениях, посвященных истории церкви, рассказывалось о преследованиях христиан в годы правления императора-философа²⁷, с пояснением: «...политика правительства была близорука и земна; философия языческая, если только верила чему-нибудь, то разве слепой судьбе. <...> Все же страдали неведением Бога истинного»²⁸.

Самое известное гонение христиан времени правления Марка Аврелия произошло в 177 г. в галльских городах Лугдунуме (современном Лионе) и Виенне (Eus. HE, V, 1–5). При этом христиане разыскивались, доносы против них поощрялись, многие приняли мученическую смерть, но даже отрекшихся от веры продолжали морить в темнице. Любопытно, что в написанном

Марком Аврелием сочинении «Наедине с собой» сохранились свидетельства его презрительного отношения к христианам, принимающим мученическую смерть: император полагал, что христиане идут на погибель «из голой воинственности», а не по обдуманности, и принимают смерть с театральностью (Marc. Aur. Med. XI, 3).

В рамках начального замысла «Идиота», как представляется, отдельные черты образа Марка Аврелия из античной литературы могли заинтересовать Достоевского при раздумьях над образом Ганечки: «*Ганечка. Чистый, прекрасный, достойный, строгий. <...> разуменъ, преданъ долгу и непоколебимъ въ убъжденияхъ. — Глубины и заносчивости въ идеяхъ нѣтъ, хотя уменъ, образованъ и мыслить*» (Ф. 212.1.6. С. 7). Но эти черты в герое борются со страстным состраданием, и в итоге Ганечка — «*натура христіанская*» (там же). В какой-то степени фигура императора-философа могла стать источником размышлений о чертах главного героя, внутри которого идет «*страшная борьба: мститъ или не мститъ? [Но] {Его} порывы истинны<, > благородны<, > и вотъ онъ дѣлаетъ злое*». (Ф. 212.1.6. С. 39). Однако, по всей видимости, образ Марка Аврелия как гонителя христиан занимал в размышлениях писателя даже более важное место: во-первых, имя Марка Аврелия встречается на одной странице с дважды выполненной каллиграфической записью «*Христось*» (Ф. 212.1.6. С. 124); во-вторых, в окончательной редакции «Идиота» есть упоминание о г. Лионе в рассказе князя Мышкина о смертной казни во Франции:

«— А там казнят?

— Да. Я во Франции видел, в Лионе. Меня туда Шнейдер с собою брал.

— Вешают?

— Нет, во Франции *всё* головы рубят» (курсив мой. — Е. С.) (Д30; 8: 19).

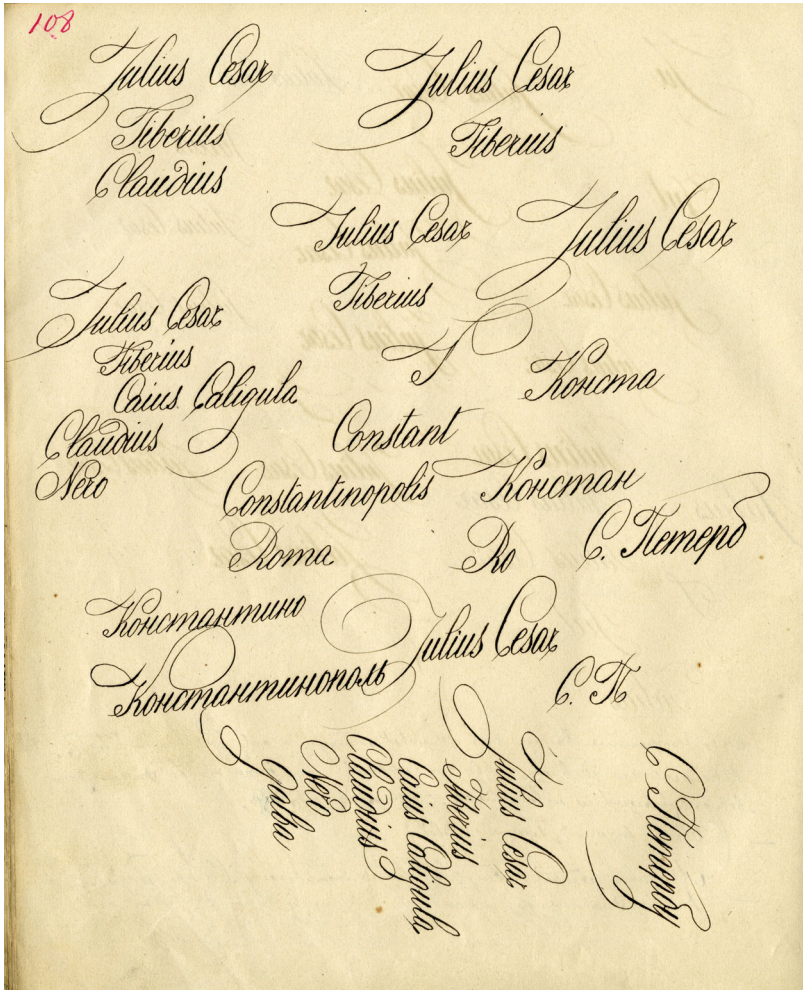
Нужно отметить, что названия городов занимают заметное место в каллиграфиях подготовительных материалов к ранней редакции романа «Идиот». Так, на с. 124 по соседству с выведенным четыре раза именем Цезаря и дважды написанным словом «*Христось*» обнаруживаем названия европейских столиц: Парижа («*Paris*»), Берлина («*Berlin*»), Женевы («*Женева*» <3 раза>), Санкт-Петербурга («*St. Petersburg*»); на с. 126 — «*Москва*», «*Женева*» <4 раза> на одной странице с «*Julius Cesar*»; на с. 128 — «*St Peterbou*», «*Moscou*» <3 раза>, «*St. Petersburg*» <3 раза>, «*Geneve*», «*Constantinople*», на одной странице с «*Julius Cesar*» <8 раз> и «*Nero*». Нельзя не признать, что названия городов могут являться отголосками размышлений о местах, где должно разворачиваться действие романа. Но возможно, в каллиграфических записях названий городов в подготовительных материалах к ранней редакции «Идиота» скрывались также иные смыслы и нюансы. На с. 124 привлекают внимание три момента. Во-первых, Париж, Женева и Берлин — это столицы современных Франции, Швейцарии и Германии, на территории

которых провел 8 лет Цезарь в ходе галльских войн (50–58 гг.), присоединив в результате к Римской республике огромную территорию от Атлантического океана до Рейна. Во-вторых, рядом со словом «*Paris*» мы обнаруживаем «*Lutetia*». Лутетия — это название поселения, бывшего главным центром кельтского племени паризиев до захвата их земель римлянами, на месте этого поселения впоследствии и вырос город Париж. Любопытно, что первое письменное упоминание о Лутетии — «городе парисиев, лежащем на острове Секваны», встречается именно в «Записках о галльской войне» Цезаря (Caes. De Bell. gall., VII, 57). Достоевский, в школьные годы читавший «Записки» на латыни, не мог об этом не знать²⁹. Наконец, рядом с каллиграфиями имени Цезаря и названиями европейских городов дважды прописано слово «*Хронологія*». Осмелимся предположить, что всё вместе это могло быть связано с размышлениями писателя о судьбах европейской цивилизации: по крайней мере, именно при Цезаре началось включение континентальной части Западной Европы в орбиту римской власти и античной культуры, ставшей одной из основ для последующего развития европейской цивилизации, а немного позже явился другой обновитель мира — Христос.

Достоевский прекратил работу над первоначальным замыслом романа и начал новый в декабре 1867 г.: «Старый не хотел продолжать ни за что. Не мог. Я думал от 4-го до 18-го декабря нового стиля включительно. Средним числом, я думаю, выходило планов по шести (не менее) ежедневно. Голова моя обратилась в мельницу. Как я не помешался — не понимаю. Наконец 18-го декабря я сел писать новый роман» (ДЗ0; 28₂: 240). В. Н. Захаров, разбирая по письмам Достоевского внешнюю канву и нюансы решительного поворота в творческой истории «Идиота» к изображению «положительно прекрасного человека», отмечает, что свидетельством изменения сюжета стали рассуждения Достоевского о Евангелии от Иоанна и христианской литературе [Захаров, 2013: 275–276]. Это обстоятельство представляется очень важным в рамках вопроса о роли римских императоров в творческой истории «Идиота».

Примечательным отличием каллиграфических записей имен римских цезарей в подготовительных материалах ко второй–четвертой частям «Идиота» являются два момента. Во-первых, значительно расширяется набор имен и, хотя по-прежнему чаще всего встречается имя Юлия Цезаря (Ф. 212.1.7. С. 93, 96, 97, 99, 102–105, 107, 110; Ф. 212.1.6. С. 106–109), а также сохраняется интерес писателя к паре Юлий Цезарь — Калигула (Ф. 212.1.7. С. 99, 102, 103), общее число имен правителей Рима возрастает до четырнадцати. Во-вторых, появляются страницы, заполненные прописями имен римских цезарей либо целиком (Ф. 212.1.7. С. 105, Ф. 212.1.6. С. 106, 108, 109), либо с совсем краткими текстовыми записями (Ф. 212.1.7. С. 103, Ф. 212.1.6. С. 107), причем на большей части таких страниц имена цезарей объединены в группы-столбцы.

Основой группировки римских цезарей явно становится не династический принцип: в одной строке могут стоять имена Нерона из династии Юлиев-Клавдиев и Веспасиана из династии Флавиев («*Nero, Vespasianus*») или Тит из династии Флавиев и Адриан из династии Антонинов («*Titus, Adrian*») (Ф. 212.1.6. С. 106) (см. Илл. 2); в группу к Юлиам-Клавдиям может быть добавлен Гальба, не имеющий ничего общего с этой династией («*Julius Cesar Tiberius Caius Caligula Claudius Nero Galba*») (Ф. 212.1.6. С. 108) (см. Илл. 9).

Илл. 9. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 108)

Fig. 9. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 108)

Но и деление императоров Рима на «плохих» и «хороших», ставшее популярным после публикации труда Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»³⁰ и широко используемое в литературе XIX в., также нельзя признать убедительным критерием группировки имен. Во-первых, Юлия Цезаря, несмотря на его славу властолюбца, пролившего реки крови, все-таки к плохим правителям не относили, а между тем его имя во всех группах стоит первым. Во-вторых, в группе «*Julius Cesar Augustus Tiberius*»³¹ Август — это император из числа «хороших», а в группе «*Julius Cesar Caius Caligula Claudius Nero, Vespasian Titus, Adrian*»³² Веспасиан — из римских государей «единственный, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему» (Tac. Hist., I, 50.), Тит — «любовь и отрада рода человеческого» (Suet. Tit., 1), Адриан — император из династии Антонинов, правление которых оценивалось как «счастливые времена»³³, когда «науки, художества, торговля процветали»³⁴.

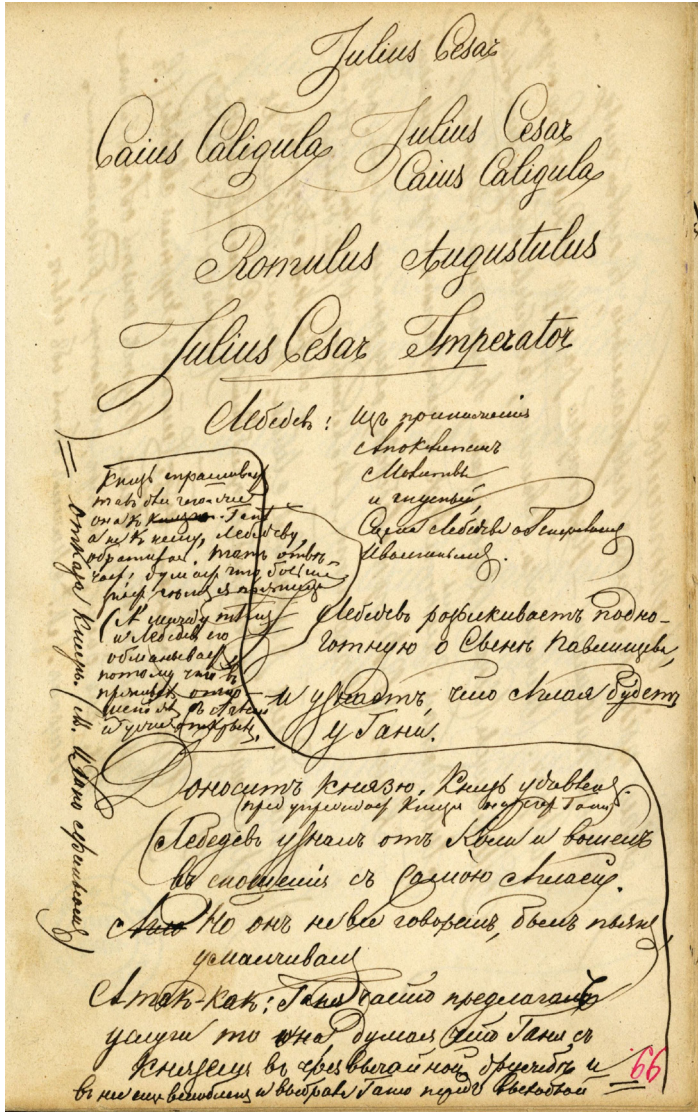
Но возможно ли в таком случае найти более или менее удовлетворительное объяснение группам имен римских цезарей? На наш взгляд, за поиском ответа следует обратиться не к текстам античных авторов, а к раннехристианским текстам, которые упоминаются в романе «Идиот» и в которых можно обнаружить отражение римской истории эпохи ранней Империи. Таким текстом является Откровение Св. Иоанна Богослова, или Апокалипсис (ДЗ0; 8: 167–168, 202–203, 254, 309–311, 316, 319). Мысль о наличии несомненной связи между каллиграфическими записями имен римских императоров и Апокалипсисом уже высказывалась в исследовательской литературе [Тихомиров, 2006: 488–491; 2017а: 746], однако подробно эта взаимосвязь всё же не рассматривалась.

Интересной особенностью каллиграфических записей имен властителей Рима в подготовительных материалах ко второй–четвертой частям «Идиота» является интерес Достоевского к действующим лицам римской истории не только I–II вв. н. э., но и эпохи Поздней империи. На двух страницах мы обнаруживаем имя Ромула Августула — «*Romulus Augustulus*»³⁵ — последнего императора Западной Римской империи (475–476 гг.), имя которого стало символом конца эпохи античности. Любопытно, что на одной из этих страниц³⁶ под именем Ромула Августула каллиграфически записано, как противопоставление, имя родоначальника империи Юлия Цезаря: «*Julius Cesar Imperator*». А еще чуть ниже под чертой запись:

«*Лебедевъ: Изъ приниженія.*

Апокалипсисъ

Молитвы и гнусный» (см. Илл. 10).

Илл. 10. Каллиграфические записи (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 99)³⁷

Fig. 10. Calligraphic inscription (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.7. P. 99)

Еще на одной странице начертано имя Аттилы, предводителя гуннов в 434–453 гг., наложившего тяжелую дань на Восточную Римскую империю и набегами основательно разорившего и опустошившего земли Западной Римской империи: «Attila Rex»³⁸ (см. Илл. 2). На этой же странице записано,

хоть и не полностью, название города, ставшего в 330 г. столицей Римской империи, а затем — столичным городом Восточной Римской империи, пережившей Западную почти на тысячелетие: «*Constantinop*». Каллиграфические прописи «*Константинополь*», «*Constantinopolis*» обнаруживаются и на следующем тетрадном развороте³⁹.

Гунны и их предводитель Аттила трактовались, начиная уже с VII века, как гнев Господний и наказание, посланное народам за недостаточно усердное служение Богу: «Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их Гуннами, чтобы, очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в небесное королевство» (Isid. De orig. got., 29). В начале XVIII века было высказано мнение, что именно набеги гуннов во главе с Аттилой предсказаны в пророчестве 8-й главы Откровения⁴⁰: «Третій Ангелъ вострубилъ, и упала съ неба большая звѣзда горящая подобно свѣтильнику, и пала на третію часть рѣкъ, и на источники водъ. Имя звѣздъ, Полынь» (Откр. 8: 10–11)⁴¹. Свидетельством того, что для Достоевского указанные строки 8-й главы Откровения были особенно важны, являются пометы, сделанные писателем на полях: «стихи 11–12 отчеркнуты ногтем справа» [Евангелие Достоевского: 595]. Эти «отметки ногтем» на полях томика Нового Завета 1823 года издания, переданного писателю в Тобольске в 1850 г. женами декабристов и пронесенного им через всю жизнь, были обнаружены, описаны и впервые опубликованы в конце 1990-х гг. В. Н. Захаровым [Захаров: 1999], уточнены и расширены в изданиях 2010 [Захаров, 2010] и [Захаров, 2017]. Скорее всего, Достоевский отметил для себя стихи еще «в самый мучительный период пребывания на каторге, когда ему запрещалось писать» [Молчанов: 43].

В окончательной редакции «Идиота», в отличие от подготовительных материалов к роману, нет упоминаний об Аттиле, но зато есть пространный и вовлекающий восемь персонажей романа разговор о звезде Полынь из Апокалипсиса (ДЗ0; 8: 309–316), которую, по уверениям гимназиста Коли, его отец Лукьян Тимофеевич Лебедев толкует как «сеть железных дорог, раскинувшихся по Европе» (ДЗ0; 8: 254). Разговор этот перерастает в споры героев об «источниках жизни»⁴², обнаруживая «серьезный аспект толкования <...> текста Откровения применительно к современности» [Тихомиров, 2017b: 880]. Таким образом, имена римских цезарей в подготовительных материалах ко второй-четвертой частям «Идиота» связаны с толкованиями пророчеств Апокалипсиса о судьбе Римской империи как гонительницы христиан, не пожелавшей расстаться с идолопоклонством, но перекидывают вместе с тем мостик к вопросу о будущем Европы и России, об идолах и искушениях современного мира, о выборе пути к «источникам жизни», а значит — в какой-то степени связаны с вопросом об изображении «положительно прекрасного» — задачей, по словам Достоевского, безмерной, поскольку «идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался» (ДЗ0; 28₂: 251).

Каллиграфические записи имен римских цезарей сыграли важную роль в мире «зачатий художественных мыслей» писателя, в период раздумий

над начальным замыслом «Идиота» и в ходе работы над подготовительными материалами к окончательной редакции романа. Достоевскому были хорошо известны как увековеченные в античной традиции черты портретов властителей Рима, правивших в эпоху становления империи, так и толкования пророчеств Апокалипсиса, связанные с концом истории Римской империи, предсказывавшие падение идолопоклонничества, самого вечного города и его владык — гонителей христианства. Однако гораздо больше Достоевского волновали и тревожили судьбы современного ему мира, не умеющего, как когда-то Рим, понять в бесконечной суете, спешке и шуме истинные источники жизни. И каллиграфические прописи имен римских императоров следует, по всей видимости, трактовать в рамках сопоставления Достоевским судеб Римской империи и современной ему Европы и России в их отношении к Христу.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.
- 1 Представление о том, что каллиграфические записи Достоевского являются отражением его читательской памяти и могут помочь при изучении истории текста и решении вопросов о прототипах героев, было обосновано достаточно давно (см.: [Баршт, Тороп: 150–151]).
 - 2 Захаров В. Н. РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 6 [Описание] // Архив Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevsky-archive.ru/ru/rgali-f-212-1-6/rgali-f-212-op-1-ed-khr-6> (30.08.2020).
 - 3 См. даты в описании тетради: РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://dostoevsky-archive.ru/ru/rgali-f-212-1-7/rgali-f-212-op-1-ed-khr-7> (30.08.2020).
 - 4 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 281. С. 179. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - 5 «Анналы» Тацита являются важнейшим источником по правлению Юлиев-Клавдиев (в особенности — Тиберия, Клавдия и Нерона), а его «История» — по гражданской войне 68–69 гг., когда за полтора года на престоле сменили друг друга Гальба, Отон и Вителлий, и началу правления династии Флавиев, основанной Веспасианом. Из «Писем» Плиния Младшего можно почерпнуть информацию о конце правления Домициана и принципах Нервы и Траяна. Сочинения Цезаря — «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне» — содержат ценную информацию о завоевании Галлии Римом и противостоянии Помпея и Цезаря.
 - 6 Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь. III. Римская империя при первых императорах // Время. 1862. Т. IX (№ 4). С. 5–39; Он же. Лекции из средней истории. Глава IV. Август. Тиверий. Калигула. Клавдий. Нерон // Время. 1862. Т. XI (№ 6). С. 75–98.
 - 7 Кудрявцев П. Н. Римские женщины: исторические рассказы по Тациту. 2-е изд. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. VI, 454 с.
 - 8 Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1864. IV, 206 с.

- ⁹ Кайданов И. К. Руководство к познанию всеобщей политической истории. Часть 1. Древняя история. 4-е изд. СПб., 1831. С. 121. Именно по этому учебнику учился Ф. М. Достоевский, если судить по недавно введенному в оборот «Учебному отчету Главного инженерного училища» за курс 1838 г. (см.: [Маскевич, Тихомиров: 66, 68]).
- ¹⁰ Лунин М. М. Несколько слов о римской истории // Москвитянин. 1841. Ч. V. № 10. М.: изд. М. Погодина. С. 407.
- ¹¹ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 193.
- ¹² Крюков Д. О трагическом характере истории Тацита // Москвитянин. 1841. Ч. II. № 3. С. 128.
- ¹³ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 157.
- ¹⁴ <Наполеон>. История Юлия Цезаря / пер. с франц. М. М. Стасюлевича. Т. 1–2. СПб., 1865–1866. VII, 465 с. На титуле имя автора не указано, но оно обозначено в конце предисловия на с. VII.
- ¹⁵ Безусловно, именно Юлий Цезарь имеется в виду в диалоге Раскольников и Дуни в «Преступлении и наказании»:
«— <...> Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня.
— Которую все проливают, — подхватил он чуть не в исступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую льют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества» (Д30; 6: 400).
- ¹⁶ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь... С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 172.
- ¹⁹ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. Глава IV. Август. Тиверий... С. 88.
- ²⁰ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. I. Введение в историю средних веков. II. Юлий Цезарь... С. 25.
- ²¹ Отсылку к Светонию предлагают комментаторы Полного собрания сочинений Достоевского в 30 томах (1972–1990), см.: (Д30; 19: 308). Однако, на наш взгляд, более вероятна связь упоминания Достоевского об «известном чудовищном браке Нерона, записанном в истории» с «Анналами» Тацита. Во-первых, анналы — это погодные записи исторического характера, в то время как сочинение Светония представляет собой сборник биографий двенадцати цезарей; во-вторых, труд Светония не встречается в описании книг, принадлежавших Достоевскому, да и само имя этого античного автора ни разу не упоминается в сохранившемся литературном наследии писателя, в то время как с Тацитом ситуация совершенно иная. Подобная картина не представляет собой ничего странного: Светоний никогда не был для русского читателя фигурой первостепенной важности, а среди оценок его творчества преобладали не слишком лицеприятные. См.: [Любжин: 184–185].
- ²² Кудрявцев П. Н. Римские женщины по Тациту (Поппея Сабина и Октавия, и вместо эпилога Нерон, сын Агриппины) // ПроPILEI. 1856. Кн. 5. С. 50–51.
- ²³ Грановский Т. Н. Лекции из средней истории. Глава IV... С. 96.
- ²⁴ В окончательной редакции «Идиота», возможно, именно образ Нерона стал отправной точкой для фразы, которую Достоевский вложил в уста Лебедева: «...ибо оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения, — впрочем, так же точно, как и всякий из нас, говоря по справедливости» (Д30; 8: 312).

- ²⁵ У Достоевского похожая мысль выражена такими словами: «Совесьть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного» (*Д30*; 27: 56).
- ²⁶ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 179.
- ²⁷ Муравьев А. Н. Первые четыре века христианства. 2-е изд. СПб.: Тип. А. Бородина и К^о, 1842. С. 92, 99–102.
- ²⁸ Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 1. СПб., 1859. С. 51 (Подробности антихристианских гонений при Марке Аврелии Филарет приводит на С. 65–66, 92).
- ²⁹ Приведем для примера отрывок из письма Ф. М. Достоевского 1839 г. своему отцу: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря и после двухгодичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё» (*Д30*; 281: 60). Но даже если знания, полученные в отрочестве, и позабылись, то напоминанием о первоначальном названии Парижа могла стать книга Г. Гейне «Лютеция», опубликованная в 1854 г., из предисловия к которой становится очевидным, насколько общеизвестным было изначальное название столицы Франции: Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Лютеция. М., 1958. С. 7–8.
- ³⁰ Гиббон Э. История упадка и разрушения римской империи (сочинение Гиббона, сокращенное Г. Адамом, пер. с франц. с примечаниями русского переводчика [П. Черевина]). М.: Тип. Решетникова, 1824. С. 63, 69.
- ³¹ Ф. 212.1.6. С. 109.
- ³² Ф. 212.1.6. С. 106.
- ³³ Гиббон Э. Указ. соч. С. 20, 69.
- ³⁴ Кайданов И. К. Указ. соч. С. 177.
- ³⁵ Ф. 212.1.7. С. 99, 105.
- ³⁶ Ф. 212.1.7. С. 99
- ³⁷ Записи на странице сделаны Достоевским в перевернутом виде. В данной статье иллюстрация развернута для удобства просмотра.
- ³⁸ Ф. 212.1.6. С. 106.
- ³⁹ Ф. 212.1.6. С. 108.
- ⁴⁰ Daubuz Ch. A Perpetual Commentary on the Revelation of St. John; with a Preliminary Discourse concerning the principles upon which the said Revelation is to be understood. London, 1730. P. 6. Об интересе к комментариям Ч. Дабуза в XIX веке свидетельствует переиздание первой части его труда в 1842 г. Daubuz Ch. A Symbolical Dictionary, in which... the general signification of the Prophetic Symbols, especially those of the Apocalypse. London, 1842. 225 p. Трактовка пророчества о звезде Польша как нашествии гуннов во главе с Атиллой на территорию Западной Римской империи в 442–451 гг. стало весьма распространенным и упоминалось в комментированных изданиях Библии. См., например: The Holy Bible according to the authorized version (A.D. 1611) with an explanatory and critical commentary / Ed. F. C. Cook. Vol. IV. London, 1881. P. 602, 619. В комментированном издании Апокалипсиса на французском языке 1870 г., которое зафиксировано в библиотеке Достоевского [Библиотека: 209], также встречается имя Аттилы, но применительно не к главе 8, а в комментарии к главе 20: Apocalypse du bienheureux Jean dévoilée, ou, Divulgation de la doctrine du christianisme, par Adolphe Bertet. Geneve-Paris, 1982 [réimpr. 1870]. С. 270.
- ⁴¹ Цитаты из Откровения даются по изданию: Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Т. 1. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. 622 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#307>
- ⁴² Роль выражения «источники жизни» как сквозного библейского мотива в творчестве Ф. М. Достоевского рассмотрена Б. Н. Тихомировым: [Тихомиров, 2017b: 872–885].

Список литературы

1. Баршт К. А. Каллиграфическое письмо Ф. М. Достоевского в рукописях к роману «Преступление и Наказание» // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 3–45 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (30.08.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641
2. Баршт К. А., Малафеевская Т. Н. Дипломатическая транскрипция как текстологическая задача: три страницы из «записных тетрадей» Ф. М. Достоевского // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. — 2014. — Т. 73. — № 6. — С. 23–37.
3. Баршт К. А., Тороп П. Х. Рукописи Ф. М. Достоевского: рисунок и каллиграфия // *Текст и культура. Труды по знаковым системам, XVI*. — Тарту, 1983. — С. 135–152. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 635).
4. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, науч. описание / отв. ред. Н. Ф. Буданова. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 1: Факсимиле личного экземпляра Нового Завета 1823 года издания, подаренного Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. Комментарии к пометкам Достоевского. — 622 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#1> (30.08.2020).
7. Захаров В. Н. Текст Евангелия с пометами Достоевского / руковод. проекта, науч. ред., описание помет, подгот. текста В. Н. Захаров. — Петрозаводск, 1999 // *Евангелие Достоевского* [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (15.08.2020).
8. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // *Евангелие Достоевского. Исследования. Материалы к комментарию: в 2 т.* — М.: Русский Мирь, 2010. — Т. 2. — С. 5–35.
9. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
10. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // *Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т.* — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 7–62 [Электронный ресурс]. — URL: <http://deniskmc.beget.tech/book1.html#1> (30.08.2020).
11. Захаров В. Н. Поэтика и жанр маргиналий в записных книжках и рабочих тетрадях Достоевского // *Проблемы исторической поэтики*. — 2018. — Т. 16. — № 3. — С. 85–100 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (30.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461
12. Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века. — М.: Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. — 221 с.
13. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы к биографии 1837–1839 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (09.10.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981
14. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. — М.: Наука, 2000. — 585 с.
15. Молчанов В. Ф. Евангелие Достоевского: оптико-электронная реконструкция авторских маргиналий // *Евангелие Достоевского: исследования. Материалы к комментарию: в 2 т.* — М.: Русский Мирь, 2010. — Т. 2. — С. 36–43.

16. Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского // Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. д-ра филол. наук В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 3–27.
17. Пантелеев А. Д. Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. — СПб., 2005. — Вып. 4. — С. 305–316.
18. Пращерук Н. В. Антитеза // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 138–139.
19. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. — 472 с.
20. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. — СПб., 2006. — 567 с.
21. Тихомиров Б. Н. Записные книжки и тетради Достоевского 1860—1881 гг. // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 379–387. (a)
22. Тихомиров Б. Н. Император // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 300–304. (b)
23. Тихомиров Б. Н. <NB. После Библии зарезал> // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 325–326. (c)
24. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 109–786. (a)
25. Тихомиров Б. Н. Задачи и принципы комментирования библейских интертекстов Достоевского // Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017. — Т. 2. — С. 787–938. (b)

Ekaterina L. Smirnova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

esmirnova@petsu.ru

Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to *The Idiot*

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

Abstract. The article focuses on clarifying the role of names of Roman emperors in Dostoevsky's calligraphic records in his notebooks of the late 1860s (Russian State Archive of Literature and Art. Funds 212.1.6 and 212.1.7). One of the reasons for Fedor Dostoevsky's invocation of images and themes from Roman history was the idea characteristic of the educated class of the mid-19th century, namely, that the history of Rome is a model of virtues and example of vices and atrocities, and is therefore essential to everyone who is not indifferent to the fate of humankind. Since the writer's creative reflections mainly refer to Gaius Julius Caesar and the rulers of the first two centuries (and the first three dynasties) of the Imperial Period, the writer's interest in the Roman Caesars must be correlated with his assessment of Imperial Rome in the I–II centuries as the time of strengthening the sole nature of the Emperor's power and the spread of the Imperial cult, on the one hand, and the formation of Christianity, on the other. At the same time, Dostoevsky's attention was drawn to Attila and Romulus Augustulus, whose names are associated with the final pages of the history of the Western Roman Empire. For Dostoevsky, not only texts authored by ancient and Christian authors, but also images of Imperial Rome in contemporary literature and journalism became the sources of associations and motifs associated with the Roman Caesars for Dostoevsky. The most important nuances of meaning were born from the comparison of ancient Roman history with the new history of Western Europe and Russia. The evolution of the subject of calligraphic notes in *The Idiot* is significant: in the initial drafts of the novel the emphasis was placed on the despotism and monstrosity of the Roman rulers, while the notes for the final version concentrated on the reflection of the history of Imperial Rome and its fate in the Apocalypse.

Keywords: Fedor Dostoevsky, textual criticism, calligraphy, prototypes, antiquity, Ancient Rome, Roman Empire, Roman Caesars, "The Idiot", Apocalypse, Timofey Granovsky

About the author: Smirnova Ekaterina L. — PhD in History, Associate Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: September 2, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Smirnova E. L. Roman Emperors in Dostoevsky's Calligraphic Notes to "The Idiot". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 177–207. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4994 (In Russ.)

References

1. Barsht K. A. The Calligraphy of Fedor Dostoevsky in His Manuscripts to the Novel "Crime and Punishment". In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 3–45. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1540979428.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3641 (In Russ.)
2. Barsht K. A., Malafeevskaya T. N. A Diplomatic Transcript Edition as an Objective of Textual Scholarship: Three Pages from F. M. Dostoevsky's "Working Notebooks". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 2014, vol. 73, no. 6, pp. 23–37. (In Russ.)

3. Barsht K. A., Torop P. Kh. Manuscripts of F. M. Dostoevsky: Illustration and Calligraphy. In: *Tekst i kul'tura. Semiotika. Trudy po znakovym sistemam, XVI [Text and Culture. Semiotics. Sign Systems Studies, 16]*. Tartu, 1983, pp. 135—152. (In Russ.)
4. Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisaniye [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction, Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972—1990. (In Russ.)
6. *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]*. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 1. 622 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. The Gospel Text with Dostoevsky's Marginal Notes. Petrozavodsk, 1999. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo [The Gospel of F. M. Dostoevsky]*. Available at: <http://dostoevskij.karelia.ru/Gospel/iii/text.htm> (accessed on October 9, 2020). (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie Dostoevskogo. Issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky. Researches. Materials to the Comments: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 5—35. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Dostoevsky and the Gospel. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]*. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 7—62. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Poetics and Genre of Marginalia in Fedor Dostoevsky's Notebooks and Workbooks. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 3, pp. 85—100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461 (In Russ.)
12. Lyubzhin A. I. *Rimskaya literatura v Rossii v XVIII — nachale XX veka [Roman Literature in Russia from the 18th to the Beginning of the 20th Century]*. Moscow, Greko-Latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 2007. 221 p. (In Russ.)
13. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837—1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 2, pp. 56—93. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on October 9, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (In Russ.)
14. Merezhkovskiy D. S. L. *Tolstoy and Dostoevsky*. Moscow, Nauka Publ., 2000. 585 p. (In Russ.)
15. Molchanov V. F. The Gospel of Dostoevsky: Optoelectronic Reconstruction of Marginal Notes. In: *Evangelie Dostoevskogo: issledovaniya. Materialy k kommentariyu: v 2 tomakh [The Gospel of Dostoevsky: Research. Materials for the Commentary: in 2 Vols]*. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 36—43. (In Russ.)
16. Nechaeva V. S. Manuscript Heritage of F. M. Dostoevsky. In: *Opisaniye rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publ., 1957, pp. 3—27. (In Russ.)
17. Panteleev A. D. Christians in the Reign of Marcus Aurelius. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World]*. St. Petersburg, 2005, vol. 4, pp. 305—316. (In Russ.)
18. Prashcheruk N. V. Antithesis. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 138—139. (In Russ.)

19. Tikhomirov B. N. «Lazar'! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
20. Tikhomirov B. N. *Religioznye aspekty tvorchestva F. M. Dostoevskogo. Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Religious Aspects of the Work of F. M. Dostoevsky. Problems of Interpretation, Commenting, Textology. PhD philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 567 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Notebooks and Workbooks of 1860—1881. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 379—387. (In Russ.) (a)
22. Tikhomirov B. N. The Emperor. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 300—304. (In Russ.) (b)
23. Tikhomirov B. N. <NB. Posle Biblii zarezal> [<NB. After Reading the Bible, He Stabbed>]. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Essays, Letters, Documents: Dictionary and Reference Book]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 325—326. (In Russ.) (c)
24. Tikhomirov B. N. Reflections of the Gospel Words in the Texts of Dostoevsky. Materials to the Commentary. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 109—786. (In Russ.) (a)
25. Tikhomirov B. N. Tasks and Principles of Commenting on the Dostoevsky's Biblical Intertexts. In: *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of F. M. Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017, vol. 2, pp. 787—938. (In Russ.) (b)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001

УДК 821.161.1+811.124

А. А. Скоропадская

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

san19770@mail.ru

«*Strepitu belli propelluntur artes*»: латинский афоризм Достоевского*

Аннотация. В статье исследуется дважды встречающийся в записных тетрадах Достоевского латинский афоризм *Strepitu belli propelluntur artes*. Уточнены написание и перевод афоризма, его грамматико-стилистическое построение, а также возможные источники латинской цитаты. Исследуемое выражение контекстно не связано с русским текстом и функционирует как самостоятельное высказывание. Выявлена семантическая связь афоризма с содержанием страниц, на которых он находится. Латинское выражение маркирует тему войны. Заложённое в афоризме противопоставление войны и искусства, традиционно понимаемое как невозможность их сосуществования, осмысливается писателем в виде парадокса: устами героя-парадоксалиста Достоевский развивает мысль о том, что только во время войны истинное искусство пробуждает души, мобилизует духовные потребности общества. Далее уже от своего лица писатель высказывается о природе истинного искусства, которое в мирное время волнует людей высокими идеалами, но социальная реальность такова, что для духовно нездорового общества война — единственный способ пробудиться и очиститься, но не просто война, а война из-за великодушной идеи. Латинская цитата является ключевым звеном в рассуждениях писателя, становится инструментом его аргументации.

Ключевые слова: Достоевский, античная традиция, латинский язык, афоризм, цитата, парадокс, парадоксалист

Об авторе: Скоропадская Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 01.07.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Скоропадская А. А. «*Strepitu belli propelluntur artes*»: латинский афоризм Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 4. — С. 208–221. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001

Лингвистические познания Ф. М. Достоевского включали в себя не только современные европейские языки (французский, немецкий, английский, итальянский), но и древние — латинский и древнегреческий. Практически все цитаты, приводимые писателем на латыни и обнаруженные нами в его рукописных и печатных текстах, являются устойчивыми выражениями. Обращение к греко-латинской афористике вполне вписывается в риторическую традицию, на которую долгое время ориентировалась русская словесность: сочетание краткой формы с емким содержанием сделало афоризм востребованным художественно-стилистическим средством. Латинские изречения используются Достоевским в художественных

и публицистических текстах¹, но наиболее показательно обращение к крылатой латыни в рабочих записях, где фоновые лингвокультурные знания проявляются спонтанно². По наблюдению И. В. Ружицкого, «в записных книжках Достоевского, набросках, планах произведений нет адресата, соответственно, нет и не может <быть> никакого воздействия на читателя, а есть только фиксация в сжатом виде результатов каких-либо авторских размышлений» [Ружицкий: 215].

Научные издания записных книжек и тетрадей Достоевского, как правило, дают перевод латинских цитат (не всегда, впрочем, верный), оставляя за рамками их текстологический анализ и комментарий. Между тем латинские слова и выражения отнюдь не редко встречаются в рабочих записях. Самые частотные из них функционируют в качестве текстовых помет: это излюбленная Достоевским анаграмма *NB (Nota bene!)*, в изобилии встречающаяся во всех его записях, а также помета *Memento / Pro memoria*, которой писатель обозначал предстоящие дела или вопросы, требующие дополнительного обдумывания. В целом же, латинские цитаты в качестве устойчивых выражений органично вписываются в текст Достоевского: *Tabula rasa*, *Status in statu*, *Sine qua non*, *Modus in rebus*, *Ergo*, *Eheu*³ и т. д.

Среди латинских цитат, представляющих собой набор частотных афоризмов, своего рода языковых клише, включенных в гимназический минимум, выделяется одна, требующая отдельного комментария.

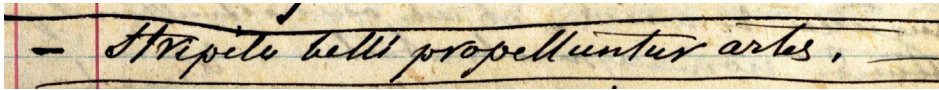
В записной книжке Достоевского 1860–1862 гг. (хранится в ОР РГБ. Ф. 93.I.2.6) в верхней части страницы 46 сделана запись карандашом:

Илл. 1. Фрагмент из записной книжки Достоевского 1860–1862 гг. с фразой на латинском языке (ОР РГБ. Ф. 93.I.2.6. С. 46)

Fig. 1. Fragment of Dostoevsky's 1860–1862 notebook with a phrase in Latin (Russian State Library. F. 93.I.2.6. P. 46)

В публикациях эта запись расшифровывается: *Strepitu belli propelluntur artis*⁴. Предлагаемый перевод: «Грохот войны разгоняет искусства». Между тем в записной тетради 1876–1878 гг. (хранится в РГАЛИ. Ф. 212.1.16) на странице 154 эта же латинская фраза написана чернилами, имеющими, по сравнению с карандашом, бóльшую четкость, что позволяет уточнить прочтение:

Илл. 2. Фрагмент из записной тетради Ф. М. Достоевского 1876–1878 гг. с фразой на латинском языке (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154)

Fig. 2. Fragment of Dostoevsky's 1876–1878 notebook with a phrase in Latin (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.16. P. 154)

Однако при публикации расшифровка и перевод остались теми же (см.: [Неизданный Достоевский: 600]; (Д30; 24: 296)), то есть неправильными: допущено три ошибки в написании латинской фразы, состоящей из четырех слов, в то время как самим Достоевским фраза была написана грамматически верно: *Strepitu belli propelluntur artes*. Не совсем точен (хотя и не содержит таких явных ошибок, как латинское написание) и предлагаемый перевод, который передает общий смысл, но не грамматическую структуру предложения (см.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова: 25]).

Открытым остается вопрос о происхождении латинской фразы. Корпус античных и средневековых текстов такого выражения не содержит. По замечанию М. В. Заваркиной, «известны близкие по смыслу устойчивые сочетания. Например, латинская поговорка: “Когда говорят пушки, музы молчат” (“*Inter arma silent Musae*”) — или ставшая крылатым выражением фраза Марка Туллия Цицерона (52 г. до н. э.) из речи в защиту Милона: “Когда гремит оружие, законы молчат” (“*Inter arma silent leges*”)» [Тарасова, Заваркина, Панюкова: 61]. Приводимые примеры привлекаются исходя из их смысла и русского перевода, в который, по сравнению с латинским оригиналом, добавлены слова, усиливающие контрастность противопоставления молчащих *Муз / законов* и *шума войны*: латинское *inter arma* (среди оружия / боя) не содержит лексического указания на звуковое сопровождение военных действий. Латинская фраза, используемая Достоевским, имеет все признаки афоризма, но при этом крылатой не является: *Шумом войны разгоняются искусства*.

В корпусе античных латинских текстов имеется лишь один близкий по лексическому составу вариант, который, вероятно, мог послужить основой для создания фразы *Strepitu belli propelluntur artes* — это строка из второй книги «Посланий» Горация, описывающая обстановку в римском театре:

«*Tanto cum strepitu ludi spectantur et artes*» (Ep. II, 1, 203)
(«С таким шумом смотрятся игры и искусства»).

Благодаря логически выверенному и живому образному стилю⁵ поэзия Горация явилась источником многих афоризмов, ставших крылатыми и потерявших авторство. Так, по данным сайта Horatius.ru, насчитывается

более 160 подобных горацянских высказываний⁶. Зачастую одно произведение становится источником нескольких крылатых фраз⁷.

Послание II, 1 имеет достаточно большой объем (270 строк), но не отличается афористичностью, тем не менее оно могло использоваться в обучении риторике и / или латинской грамматике.

Несмотря на то, что форма *strepitu* у Горация зависит от предлога *cum*, извлечение *strepitu ludi spectantur et artes* из контекста стихотворной строки грамматически возможно: беспредложный *ablativus* начинает играть роль *ablativus modi* (творительный падеж образа действия, отвечающий на вопрос «как?», «каким образом?») и получившаяся фраза приобретает значение: «В шуме (с шумом) смотрятся игры и искусства».

Примечательны ритмический (одинаковое количество слогов и практически совпадающие ударения), лексический (совпадение первого и последнего слова) и грамматический (некоторая «игра» омонимичными грамматическими формами) параллелизмы фразеологических новообразований, которые можно отобразить в следующей схеме:

<i>Abl. instrumenti</i> — чем? «шумом»	strepitu		<i>Abl. modi</i> — как? «с шумом»
<i>Gen. subjectivus</i> — чего? «войны»	belli	ludi	<i>Nom. pl.</i> — что? «игры»
	propelluntur	spectantur (et)	
<i>Nom. pl.</i>	artes		<i>Nom. pl.</i>

Грамматико-синтаксическое сопоставление двух фраз подтверждает, на наш взгляд, один из вероятных путей возникновения выражения *Strepitu belli propelluntur artes*: не являясь оригинальным латинским текстом, оно могло использоваться как материал для ученического упражнения по созданию афоризма с соблюдением языковых, стилистических и художественных норм латинского языка.

Эта версия тем не менее не отвечает на вопросы: откуда это выражение знакомо Достоевскому? Почему именно к нему он обращается в своих рабочих записях?

Выскажем некоторые предположения.

Достоевский хорошо знал латинский язык. Настолько хорошо, что, например, в оригинале читал Цезаря⁸. Вполне вероятно, что фраза *Strepitu belli propelluntur artes* принадлежит самому Достоевскому. Но это единственный пример авторского перевода. Если у писателя была потребность излагать

мысли по-латыни, почему он ограничился только одной фразой? Видимо, потому что она была воспринята Федором Михайловичем настолько давно, что прочно вошла в его лексикон на правах крылатого выражения. И именно поэтому временная разница между двумя записями составляет более пятнадцати лет, а сама латинская фраза контекстуально кажется не связанной с предшествующим и последующим русским текстом. Скорее всего, Достоевский запомнил эту фразу в процессе обучения латинскому языку.

Латынь была неременным элементом образования в России XVIII–XIX вв. В качестве первого учителя латинского языка для Федора и его старшего брата Михаила выступил их отец — Михаил Андреевич Достоевский. Занятия велись по учебнику Н. Н. Бантыш-Каменского⁹, наличие которого зафиксировано в описании библиотеки Достоевского [Библиотека Достоевского...: 253]. Однако интересующее нас выражение в данном учебнике отсутствует. Уровень владения латинским языком у Михаила Андреевича был очень высок — он окончил Подольскую семинарию по классу риторики, учебная программа которого предполагала глубокое погружение в латинскую словесность¹⁰. Методы обучения в семинарии включали в себя не только грамматические упражнения и переводы с латинского на русский и наоборот, но и разговорную латынь, освоение которой начиналось с заучивания достаточно большого объема афоризмов. Оттачивание навыков устной латыни проходило как в повседневном общении (ученики в стенах семинарии должны были общаться на латинском языке), так и на занятиях, например, по риторике или пиитике¹¹. Михаил Андреевич мог использовать фразу *Strepitu belli propelluntur artes* на занятиях с детьми.

В 1834 г. обучение братьев продолжилось в пансионе Л. И. Чермака, все предметы в котором строго соответствовали университетской программе. Латинский язык наряду с русской словесностью и Законом Божьим занимал в учебных планах одно из центральных мест (см.: [Федоров: 245]). Сохранившиеся архивные данные содержат указания имен преподавателей латыни этого периода (К. Месс и Я. П. Визард [Федоров: 250]), но кто конкретно из них работал с классом Федора Достоевского, по каким учебникам и по какой методике, неизвестно¹². Так или иначе именно в это время начинает определяться «экзистенциальный вектор судьбы Достоевского с его ярко выраженной лого- и литературоцентричностью сознания» [Кошечко: 200].

Большинство учебных изданий того времени по латинскому языку содержало элементы разговорной латыни. Это могли быть как отдельные разговорники¹³, так и специальные части внутри грамматик и учебников¹⁴. Особое внимание уделялось фразеологии¹⁵. Издавались и отдельные лексиконы¹⁶. Кроме того, полностью или частично на латинском языке писались учебники и руководства по риторике и пиитике¹⁷. Выражение *Strepitu belli propelluntur artes* во всех этих изданиях отсутствует. Наиболее вероятный источник цитаты — пособие Н. Белюстина¹⁸ «Практическое руководство

к переводам с Российского языка на латинский... составленное по Бредеру и др.», которое было распространено в российских учебных заведениях и претерпело несколько переизданий, начиная с 1817 г.¹⁹ На странице 56 издания 1830 г. в упражнении 9 первая фраза для перевода — «Шумом войны прогоняются искусства». Предлагаемый к упражнению лексический минимум содержит слова *strepitus* (шум), *ars* (искусство) и *propelluntur* (разгоняются).

Пособие Н. Белюстина использует перевод как методический прием: теоретическая часть каждого урока содержит изложение того или иного грамматического или синтаксического правила, а в практической части теоретический материал отрабатывается при помощи перевода с русского на латинский язык. Предложения, включенные в практическую часть, часто имеют афористичный характер, что, с одной стороны, способствует их запоминанию, а с другой — вырабатывает навык использования латинских грамматических форм и синтаксических конструкций в речи. Подобный подход, несомненно, влиял на формирование риторической культуры, сочетающей правильность грамматики с умением точно и ясно выражать мысль.

В идиостиле Достоевского афористика становится способом «акцентировки определенных, значимых в идеологическом отношении мыслей» [Шаталова: 140]. Особенностью афоризма является то, что он может «функционировать как отдельное универсальное высказывание» и «как интертекстуальное включение в другой текст» [Наличникова: 8].

Оба случая использования Достоевским фразы *Strepitu belli...* демонстрируют ее внешнюю изолированность, кажущуюся несвязанность с окружающим текстом (в записной тетради 1876–1878 гг. эта изолированность выражена графически в виде отчеркивания сверху и снизу). Так, в случае с записной книжкой 1860–1862 гг. *Strepitu belli...* находится в самом верху страницы. Далее следует текст:

«Литература въ упадкѣ, напрасно Г. Антоновичъ говоритъ о Гете. Мы готовы биться объ закладъ что онъ не развернетъ Гете всю жизнь свою, а можетъ быть и не развертывалъ. Мы даже увѣрены что Г. Антоновичъ и во времена процвѣтанія литературы не развернулъ бы Гете: вѣдь надобно же и врагамъ отдавать справедливость» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 46).

Литературно-критические наброски имеют явно полемический характер. Ассоциативно латинская фраза перекликается с этими размышлениями писателя (*литература — ars, в упадке — propelluntur, врагам — bellum*).

В записной тетради 1876–1878 гг. можно восстановить более прочную семантическую связь латинской фразы с предшествующим текстом. *Strepitu belli...* располагается внизу страничного разворота (стр. 153–154). Необходимо отметить, что на данном развороте *Strepitu belli...* — не единственное

латинское вкрапление. В верхней части стр. 154 находим: «Разрушилось нечто прежде *modus in rebus* (выделено мной. — А. С.). Теперь надо создать другое». И далее, в центре стр. 154: «— Нынче (при гуманностяхъ) имѣютъ право жить люди подлые, т. е. остаются въ живыхъ болѣзненные средней силы. (*mens sana*)²⁰ (выделено мной. — А. С.)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154).

Основное содержание записей, находящихся на страницах 153–154, — анализ текущей политической обстановки в Европе в связи с «восточным» вопросом. В этом контексте появляются размышления о войне:

«Всякій выходъ хорошъ, Война хороша. Сами придутъ уважая себя и другихъ заставятъ себя уважать. А потому война не за ханугу, а за благодѣяніе — наиболѣе кстати, ибо тутъ есть за что уважать» (РГАЛИ. Ф. 212.1.16. С. 154).

Тема войны — одна из сквозных в записных тетрадах Достоевского в период 1875–1878 гг.: довольно часто помета «Война» встречается на полях, раздел «Война» постоянно включается в тематические планы, повторяются вариации размышлений о нравственной стороне войны.

О трудности темы можно судить и по повторяющимся мыслям, и по авторским комментариям («О Войнѣ, нѣтъ эта война мнѣ недается» — РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 134). Так, настойчиво разрабатывается мысль о том, что война — это благо²¹. Художественно она развилась в главе «Парадоксалист» («Дневник Писателя», апрель 1876 г.), где герой Достоевского высказывает неординарную мысль о том, что война — «самая полезная вещь». Доводом к этому тезису становится описание социальной несправедливости и порождаемого ею нравственного упадка в мирное время: «...социальный перевес во время долгого мира всегда под конец переходит к грубому богатству» (ДЗ0; 22: 124). Вопрос оппонента, могут ли развиваться во время войны науки и искусства, получает следующее объяснение: «Война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок. <...> Если б не было на свете войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой» (ДЗ0; 22: 124).

Отметим явные смысловые переклички с латинским афоризмом, переклички по методу «от противного»: латинский источник утверждает, что шумом войны искусства разгоняются, а Парадоксалист, что без войны искусство *глохнет*.

Возникающая антиномия является примером одной из основных категорий поэтики Достоевского — парадокса [Захаров: 186]. Отталкиваясь от некоего устоявшегося знания, парадокс через отрицание утверждает новую мысль: «Противоречие, содержащееся в парадоксе, актуализирует старое знание, “остраняет” новую идею и вовлекает читателя в орбиту сознания героя. Герой-парадоксалист — новая стадия воплощения идеи, внутренне антиномичной» [Живолупова: 185].

Этиологически парадокс связан с афористикой, поэтому правомерно в качестве одной из логических опор развиваемого парадокса предположить выражение *Strepitu belli...*

В «Дневнике Писателя» развивается и выкристаллизовывается мысль о связи войны и искусства. Достоевский высказывает ее уже от своего лица в главе «Спасет ли мир пролитая кровь?» («Дневник Писателя», апрель 1877 г.):

«Лишь искусство поддерживает еще в обществе высшую жизнь и будит души, засыпающие в периоды долгого мира. Вот отчего и выдумали, что искусство может процветать лишь во время долгого мира, а между тем тут огромная неверность: искусство, то есть *истинное* искусство, именно и развивается потому во время долгого мира, что идет в разрез с грузным и порочным усыплением душ, и, напротив, созданиями своими, всегда в эти периоды, взывает к идеалу, рождает протест и негодование, волнует общество и нередко заставляет страдать людей, жаждущих проснуться и выйти из зловонной ямы. В результате же оказывается, что буржуазный долгий мир, все-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны...» (ДЗ0; 25: 101–102).

Свойственная идиостилю Достоевского афористичность нередко реализуется с помощью латинских крылатых выражений. Это можно объяснить влиянием античной традиции, приобщение к которой составляло основу полученного русским писателем образования. Из всех латинских цитат *Strepitu belli propelluntur artes* не является иноязычным клише. В стилистической и идейной целостности афоризма писатель обнаруживает внутреннее противоречие. Заключение в афоризме тезис о несовместимости искусства и войны переосмысливается Достоевским и служит отправной точкой для развития парадоксальной мысли, вложенной в уста героя-парадоксалиста: война стимулирует творческую активность, пробуждает в людях высокие чувства.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90037.
- 1 О латинских цитатах в художественных текстах Достоевского см., напр.: [Васильева].
 - 2 Ср. следующее объяснение иноязычной формы прецедентного текста: «...некоторые слова или выражения “всплывают” в сознании и памяти говорящего именно на иностранном языке, потому что их связь с выражаемой идеей (понятием) оказывается прочнее» [Проценко: 199].
 - 3 Примечательно, что это латинское слово *Eheu* было идентифицировано относительно недавно — в 1983 г. в работе Т. И. Орнатской (см.: [Орнатская]). До этого предлагались прочтения «Елец», «Елеи» или «Елен».
 - 4 В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» под редакцией В. С. Нечаевой латинская фраза передана так: *Strepito belli propellentum artis* (см.: [Нечаева: 132]). См. также: [Неизданный Достоевский: 155]; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 153. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - 5 По замечанию И. М. Тронского, «Гораций — поэт мысли и вместе с тем мастер сильного, сжатого слова и четкого, конкретного образа» [Тронский: 393].
 - 6 Крылатые выражения Горация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.horatius.ru/index.xps?10.1.18> (18.06.2020).
 - 7 Так, согласно сайту *Horatius.ru*, определенными «лидерами» среди од Горация являются, например, *Carm. II 10*, породившая пять афоризмов (*Auream quisquis mediocritatem diligit, tutus caret obsoleti sordibus tecti, caret invidenda sobrius aula = Aurea mediocritas* — «Кто верен золотой середине, тот ни прозябает в мерзкой норе, ни разжигает зависть дворцами», отсюда «Золотая середина»; *Saepius ventis agitur ingens pinus, et celsae graviore casu deciduntur res, feriuntque sum mos fulgera montes* — «Великаны-сосны вырываются бурей чаще, высокие башни обрушиваются тяжелее, а молнии [всегда] ударяют в вершины гор»; *Informis hiemes reducit Iuppiter, idem submovet* — «Юпитер приносит лютую стужу, и сам же ее уносит»; *Si male nunc, et olim sic erit* — «Если плохо сейчас, так будет не всегда»; *Neque semper arcum tendit Apollo* — «Не всегда натягивает лук Аполлон»), и *Carm. III 24*, породившая четыре афоризма (*Dira Necessitas* — «Жестокая необходимость»; *Dos est magna parentum virtus* — «Добродетель родителей — большое приданое»; *Virtutem incolumem odimus, sublatam ex oculis quaerimus invidi* — «Ненавидим добродетель здравствующую, с завистью ищем исчезнувшую сглаз»; *Quid leges sine moribus vanae proficiunt?* — «Какая польза в напрасных законах там, где нет нравов?»).
 - 8 В одном из писем Достоевского от 5–10 мая 1839 г. из Инженерного училища отцу находим: «Скажу Вам еще, что мне жаль бросить латинского языка. Что за прелестный язык. Я теперь читаю Юлия Цезаря, и после 2^х годичной разлуки с латинским языком понимаю решительно всё» (*Д30*; 28₁: 60).
 - 9 Бантыш-Каменский Н. Н. Латинская грамматика в пользу российского юношества тщательно и ясно расположенная, и с переводом российским изданная коллежским асессором Николаем Бантыш-Каменским. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1818. 392 с.
 - 10 См. об этом подробнее: [Синицкий: 8–13].

- ¹¹ Приведем описание процесса обучения латинскому языку в духовных заведениях из труда П. В. Знаменского «Духовные школы России до реформы 1808 года»: «Письменные упражнения в переводах с русского на латинский задавались, как и в нижней грамматике, раза по три в неделю, но гораздо более сложные и трудные. Устные происходили каждый день; на каждое синтаксическое правило задавалось множество примеров, а для большей легкости в пользовании латинской фразеологией при устных упражнениях в переводе требовалось, чтобы ученик одну и ту же мысль, даже фразу, как можно быстрее и догадливей, перефразировал на латинском языке на несколько ладов. При изучении просодии и переводе поэтов пускались в ход перефракты или, как они назывались по-русски, ломки, состоявшие в возвращении в первоначальный вид латинских стихов, обращенных в прозу. Помимо всех этих упражнений само по себе шло упражнение в латинских разговорах» [Знаменский: 739–740].
- ¹² По воспоминаниям младшего брата Достоевского — Андрея, учившегося в пансионе Чермака несколькими годами позже, преподавателем русского и латинского языков был Н. А. Елагин: «Учитель русского и латинского языков был один и тот же, это — Никанор Александрович Елагин. Для низших и средних классов это был учитель незаменимый! Не мудрствуя лукаво, он преподавал разумно и толково и заставлял учеников вполне понять то, что они заучивают. Грамматику этих двух языков он преподавал почти параллельно. Переводили же мы в первых двух низших классах *Epistome historiae Sacrae* с латинского на русский язык; а когда несколько статей было переведено письменно, то мы в классе, при закрытом латинском тексте, силились переводить с русского на латинский. Конечно, сии последние упражнения были классные, в присутствии учителя» (Достоевский А. М. Воспоминания. Ленинград, 1931. С. 98. См.: Квартира вторая. В пансионе Чермака // Электронное издание Интернет-лаборатории филологического факультета Петрозаводского университета. URL: <https://philolog.petrso.ru/amdost/vospomin/vospomin.htm>).
- ¹³ См., напр.: 1) Ланге И. Школьные разговоры. М.: В Университетской типографии, 1810. 215 с.; 2) Нечаев И. А. Новые разговоры латинские с российским в пользу юношества, обучающегося латинскому языку / изд. свящ. Ив. Алексеева, Нечаева. М.: В типографии Решетникова, 1819. 119 с.; 3) Российско-латинские разговоры, самые употребительные в общежитии, разделенные на уроки с словами, менее обыкновенными для каждого, к которым в конце прибавлено несколько пословиц и синонимов л. языка, в пользу российского юношества, изданная Э.П.С.И. М.: В Университетской типографии, 1826. 176 с.
- ¹⁴ См., напр.: 1) Шлоссер А. Грамматика латинская, в пользу обучающихся латинскому языку соч. А. Шлоссером / пер. с немецкого на российский язык Василий Чачков. СПб.: В Медицинской тип., 1810. 357 с.; 2) Реган П. Новая латинская азбука, с приобщением краткого словаря употребительнейших вещей, начертания этимологии и простейших разговоров. СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1820. 72 с.; 3) Собрание примеров для наставления юношества в начальном познании латинского языка, изданное Императорским Харьковским университетом. Харьков: В Университетской типографии, 1823. 119 с.
- ¹⁵ См., напр.: Лебедев И. А. Краткая латинская фразеология. М.: В типографии у А. Решетникова, 1816. 315 с.
- ¹⁶ См., напр.: 1) [Вейсман Э.] Немецко-латинский и русский лексикон... [Пер. на рус. язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. St.-Petersburg: Inder Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. 48 с.; 2) [Целларий К.] Христофора Целлария краткой латинской лексикон: С российским и немецким переводом: Для употребления Санктпетербургской гимназии. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1768. 155 с.

- ¹⁷ См., напр.: 1) Burgii. Elementa oratoria ex antiquis atque recentioribus factis praeceptorum delectationibus eloquentiae ab imis principiis ac fundamentissimis... Edidit N. Bantisch-Kamensky. M., typisimper. Mosq. Univers., 1776. 255 с.; 2) Аполлос. Правила пиитическия, о стихотворении российском и латинском, со многими против прежнего прибавлениями, с приобщением пиитико-исторического словаря.... также Овидиевы Превращения. И при конце отборные Пуб. Виргилия Марона стихи. В пользу юношества, обучающегося поэзии, и для всех российского стихотворения любителей. М.: В Синодальной типографии, 1826. 75 с.
- Были рекомендованы к использованию в гимназиях следующие учебники: 1) Кошанский Н. Ф. Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем / Изд. (по Бредеру) Николаем Кошанским, проф. Императорского Царско-Сельского лицея ст. сов. и кав. Издание третье. СПб.: В типографии Медицинского департамента М-ва внутренних дел, 1823. 84 с.; 2) Попов Д. П. Латинская грамматика, составленная по Цумпту Д. Поповым (бывшим профессором греческой словесности в С.-Петербур. университете). СПб.: При Имп. Акад. наук, 1838. 859 с.
- ¹⁸ Белюстин Н. Ф. Практическое руководство к переводам с российского языка на латинский с предварительным изложением правил этимологии и синтаксиса латинского языка, составленное по Бредеру, Цумпту, Дерингу и другим немецким филологам Никитою Белюстиным: Ч. 1–2. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1830.
- ¹⁹ Благодарим профессора кафедры классической филологии СПбГУ М. М. Позднева за указание на этот источник.
- ²⁰ В Д30 дан неверный перевод этого крылатого выражения — *здоровое тело* (Д30; 24, 296), которое полностью выглядит так: *Mens sana in corpore sano* — *Здоровый дух в здоровом теле*.
- ²¹ Напр.: «*Безъ крови и войны загниетъ челоувѣчество*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 13), «*Нѣтъ, война лучше теперешняго положенія общества*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 77), «*Нѣтъ, война благороднѣе*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.15. С. 81) и пр.

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
2. Васильева С. А. Латинские слова и выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». — 2013. — Вып. 6. — С. 20–26.
3. Живолупова Н. В. Парадокс // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 185–186.
4. Захаров В. Н. Парадокс // Достоевский: Эстетика и поэтика. Словарь-справочник. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 186.
5. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. — Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. — 807 с.
6. Кошечко А. Н. Направления воспитания ценностной структуры повседневно-экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского // Вестник ТГПУ. — 2017. — № 11 (188). — С. 194–202.
7. Наличникова И. А. Когнитивно-прагматические особенности афористического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2010. — 204 с.

8. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — 727 с. (Литературное наследство; т. 83)
9. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957 — 589 с.
10. Орнатская Т. И. Уточнения и дополнения к комментарию полного собрания сочинений Достоевского. «Сибирская тетрадь» // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 222–233.
11. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2002. — 230 с.
12. Ружицкий И. В. Афоризмы в политическом дискурсе Достоевского // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2015. — № 1 (51). — С. 213–217.
13. Синицкий Д. А. Исторические сведения о Подольской духовной семинарии. — Каменец-Подольск: Тип. Подольск. губ. упр., 1866. — 79 с.
14. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский — 2018. — № 4. — С. 17–69 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (05.05.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
15. Тронский И. М. История античной литературы. — Л.: Учебно-педагогическое изд-во, 1946. — С. 385–402.
16. Федоров Г. А. Пансион Л. И. Чермака в 1834–1837 гг. (по новым материалам) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 241–254.
17. Шаталова С. А. Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф. М. Достоевского: на материале романов «Бесы» и «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2000. — 256 с.

Anna A. Skoropadskaya

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

san19770@mail.ru

Strepitu belli propelluntur artes: Dostoevsky's Latin Aphorism

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90037.

Abstract. The article examines the Latin aphorism *Strepitu belli propelluntur artes*, which is found twice in Dostoevsky's notebooks. The spelling and translation of the aphorism, its grammatical and stylistic structure, as well as the possible sources of the Latin quotation are elucidated. The expression in question is contextually unrelated to the Russian text and functions as an independent statement. The semantic connection of the aphorism with the content of the pages where it is found is revealed. The Latin expression marks the theme of war. The juxtaposition of war and art inherent in the aphorism and traditionally understood as the impossibility of their coexistence, is interpreted by the writer as a paradox: through his paradoxical hero, Dostoevsky fosters the idea that only during a war true art awakens souls and mobilizes a society's spiritual needs. Subsequently, on his own behalf, the writer speaks about the nature of true art, which arouses people by its lofty ideals in the times of peace. However, the social reality is such that the only way for a spiritually unhealthy society to awaken and cleanse itself is a war over a noble idea. The Latin quotation is a key link in the writer's reasoning, and it becomes an instrument of his argumentation.

Keywords: Dostoevsky, ancient tradition, Latin, aphorism, quote, paradox, paradoxical hero

About the author: *Skoropadskaya Anna A.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: July 1, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Skoropadskaya A. A. "Strepitu Belli Propelluntur Artes": Dostoevsky's Latin Aphorism. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 4, pp. 208–221. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5001 (In Russ.)

References

1. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisaniye [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Vasil'eva S. A. Latin Quotations in F. Dostoevsky's Literary Works. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» [Herald of Tver State University. Ser. "Philology"]*, 2013, issue 6, pp. 20–26. (In Russ.)
3. Zhivolupova N. V. Paradox. In: *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, pp. 185–186. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. Paradox. In: *Dostoevskiy: Estetika i poetika. Slovar'-spravochnik [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]*. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 186. (In Russ.)

5. Znamenskiy P. V. *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda* [The Theological Schools in Russia Before the Reform of 1808], Kazan, Imperial University Printing House Publ., 1881. 807 p. (In Russ.)
6. Koshechko A. N. Directions of Education of Value Structure of Daily and Existential Consciousness of F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2017, no. 11 (188), pp. 194—202. (In Russ.)
7. Nalichnikova I. A. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti aforisticheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk* [Cognitive-Pragmatic Peculiarities of Aphoristic Discourse. PhD. philol. sci. diss.]. Ufa, 2010. 204 p. (In Russ.)
8. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
10. Ornatskaya T. I. Clarifications and Additions to the Commentary of the Complete Works of Dostoevsky. “The Siberian Notebook”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 222—233. (In Russ.)
11. Protsenko E. A. *Mezh'yazykovoie perekodirovanie v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. filol. nauk* [Interlanguage Recoding in the Works of F. M. Dostoevsky. PhD. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2002. 230 p. (In Russ.)
12. Ruzhitskiy I. V. Aphorisms in Dostoevsky's Political Discourse. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Ekaterinburg, 2015, no. 1 (51), pp. 213—217. (In Russ.)
13. Sinit'skiy D. A. *Istoricheskie svedeniya o Podol'skoy dukhovnoy seminarii* [Historical Information About the Podolsk Theological Seminary], Kamenets-Podolsk, Tipografiya podol'skoy gubernskoy upravy Publ., 1866. 79 p. (In Russ.)
14. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for the Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 17—69. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on May 5, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
15. Tronskiy I. M. *Istoriya antichnoy literatury* [History of Ancient Literature]. Leningrad, Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., 1946, pp. 385—402. (In Russ.)
16. Fedorov G. A. Pension of L. I. Chermak in 1834—1837 (Based on New Materials). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 241—254. (In Russ.)
17. Shatalova S. A. *Lingvisticheskie osnovy aforistiki i aforizmy v khudozhestvennykh tekstakh F. M. Dostoevskogo: na materiale romanov «Besy» i «Podrostok»: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Foundations of Aphoristics and Aphorisms in the Literary Texts of F. M. Dostoevsky: Based on the Novels “Demons” and “The Raw Youth”. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.5081

УДК 003+930.25

Н. А. Тарасова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

nsova74@mail.ru

Т. В. Панюкова

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

aurinko75@mail.ru

Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу*

Аннотация. В работе проанализирован материал двух записных тетрадей Ф. М. Достоевского 1864–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.4 и 5). Исследование проведено в трех основных направлениях: отбор информации для алфавита буквенных начертаний; сопоставительный анализ источников — рукописей и публикаций рукописного текста с целью установить и исправить ошибки его прочтения; характеристика каллиграфии и собственно графики Ф. М. Достоевского. Был составлен алфавит буквенных начертаний (классификация букв с описанием их особенностей), установлены типичные и нетипичные варианты написания; выявлены многочисленные эксперименты по изменению почерка (элементы каллиграфии, виньетки, росчерки, укрупнение начальных букв) и заметное увеличение числа каллиграфических прописей (Ф. 212.1.5), что связано с началом разработки замысла романа «Идиот», затрагивающего тему каллиграфии. При работе с измененным авторским почерком, нетипичным для повседневных записей, труднее разграничивать строчные и прописные буквы и аргументировать интерпретацию написания. В результате текстологического исследования составлена предварительная классификация различий между рукописными источниками и их публикациями, проанализированы причины появления различий, выполнена группировка однотипных ошибок. Третье направление, посвященное изучению каллиграфии, расширило спектр задач, связанных с исследованием графики в рукописных текстах писателя, и позволило сделать предварительные выводы о характере ее функционирования: последовательное рассмотрение каллиграфических прописей не подтвердило распространенное мнение, что они так или иначе соотносятся с текстом на той же странице — в большей степени они вызваны воспоминаниями или откликами на реальные события. В целом исследование семантики и идеографии почерка и других графических характеристик в ранних записных тетрадях Достоевского показало, что только графический анализ и навыки работы с почерком писателя — не всегда достаточное условие для адекватного прочтения и воспроизведения рукописного источника: текстологическое исследование предполагает применение комплексного подхода, учитывающего все условия создания рукописного текста. Системное исследование графики писателя выявило, что почерк зрелого Достоевского отличается большим количеством вариантов начертаний, однако имеет ярко выраженные индивидуальные устойчивые характеристики, поддающиеся описанию и систематизации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, записные тетради, черновые рукописи, текстология, почерк, каллиграфия

Об авторах: *Тарасова Наталья Александровна* — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Группы по изучению творчества Ф. М. Достоевского, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); *Панюкова Татьяна Викторовна* — ведущий редактор Издательства, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 03.09.2020

Дата публикации: 07.12.2020

Для цитирования: Тарасова Н. А., Панюкова Т. В. Семантика и идеография рукописного текста Достоевского: от почерка к смыслу // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 4. — С. 222–292. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5081

Настоящая статья является продолжением цикла исследований, посвященных сбору информации о графических особенностях рукописных текстов Достоевского¹. В данном случае материалом для текстологического анализа послужили записи из двух рабочих тетрадей писателя 1864–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 4 и 5).

Первая тетрадь датируется 1864–1865 гг. и включает черновые записи к повести «Крокодил» и к роману «Преступление и Наказание»; отдельную редакцию чернового замысла романа «Преступление и Наказание» в виде связного чернового текста с позднейшей правкой автора, указывающей на формирование в процессе работы над рукописью новой, позднейшей, редакции романа; запись к неосуществленному роману «Брак»; художественно-публицистические записи (наброски к незавершенной статье «Социализм и Христианство», наброски «политической статьи», записи к полемике с журналом «Современник» (частично использованы в статьях Достоевского «Необходимое заявление» (Эпоха. 1864. Июль) и «Чтобы кончить. Последнее объяснение с “Современником”» (Эпоха. 1864. Сентябрь)); черновик письма Достоевского М. Н. Каткову (датируется 10 (22) — 15 (27) сентября 1865 г.); записи для памяти; расчеты; каллиграфические прописи; рисунки (портретные зарисовки, архитектурные детали готического стиля, их начальные элементы, орнаменты (листья), пробы пера, виньетки, буквы)².

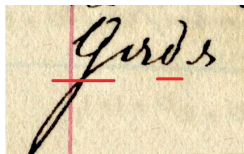
Вторая тетрадь датируется 1864, 1866–1867 гг. и содержит подготовительные материалы к романам «Преступление и Наказание» и «Идиот»; черновые наброски стихотворения «Расскакавшуюся деву / я на кровле дач увидел...»; запись четверостишия «Камаринский мужик...»; наброски к неосуществленному замыслу романа; набросок «<Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое>»; записи автобиографического характера (описание припадков); записи для памяти (адреса, расчеты, записи взятых сотрудниками «Эпохи» изданий); каллиграфические прописи; рисунки (портретные зарисовки, архитектурные детали готического стиля, их начальные элементы, орнаменты (листья), геометрические фигуры, буквы, росчерки, кресты)³.

Материалы этих тетрадей анализируются в трех основных направлениях: отбор информации для алфавита буквенных начертаний, сопоставительный анализ источников — рукописей и публикаций рукописного текста с целью установить и исправить ошибки его прочтения, характеристика каллиграфии и собственно графики Достоевского.

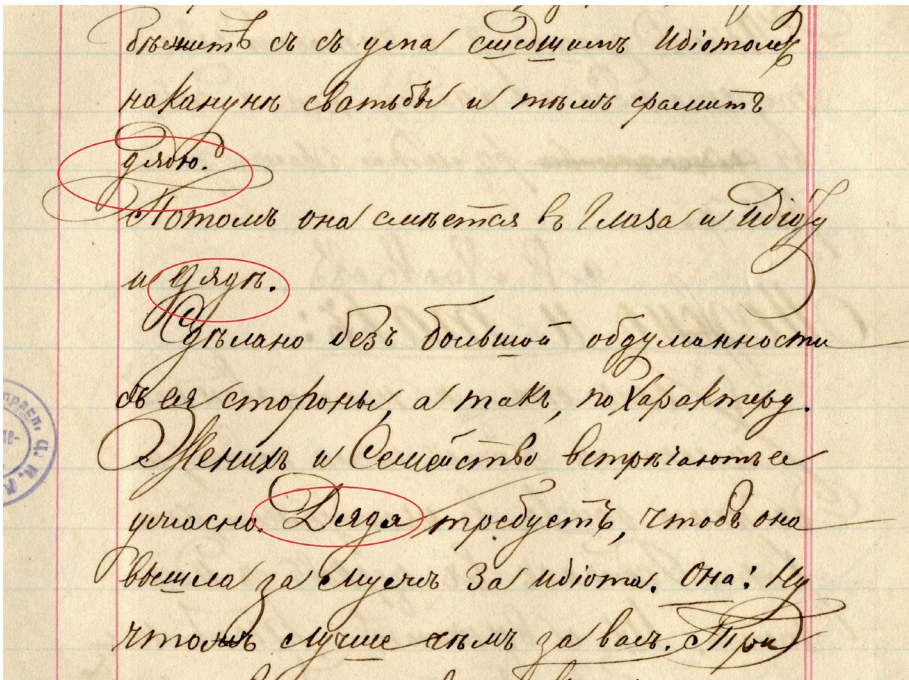
Алфавит начертаний

Приведем сведения, полученные в процессе *исследования почерка* и составления *буквенного алфавита* на материале записной тетради 1864, 1866–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.5). Основная часть буквенных начертаний в данной тетради, как и в предыдущей, — это уже описанные нами ранее варианты, характерные для почерка Достоевского (см.: [Тарасова..., 2018]). Однако в этой тетради писатель начал разрабатывать замысел романа «Идиот», в котором затрагивается тема каллиграфии, с чем, по-видимому, связаны многочисленные эксперименты по изменению почерка: часть записей к этому роману сделана почерком с элементами каллиграфии, увеличивается число каллиграфических прописей, сопровождающих творческую работу над этим произведением.

Изменение почерка влияет на графический облик начертаний. Во многих случаях в связи с особенностями почерка, который в ряде записей включает элементы каллиграфии, сама графика букв не поддается идентификации. Характерен пример со словом «дядя». Обычно Достоевский пишет строчную «д» с верхней выносной линией — надстрочной, и тогда легко определить характер буквы. При этом считается, что буква «д» с нижним выносным элементом — заглавная:

Но в почерке с элементами каллиграфии эта система разрушается — буква «д» пишется с нижним выносным элементом как в начале слова, так и в середине, что затрудняет ее идентификацию в качестве строчной и прописной буквы:

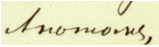

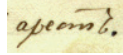

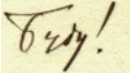

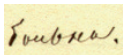

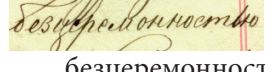

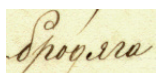

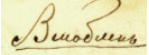

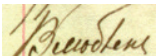

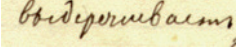

Илл. 1. Почерк с элементами каллиграфии.
Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг.
(РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 43)

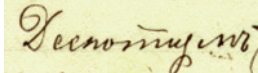

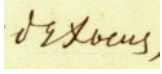
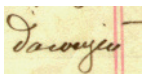
Fig. 1. Handwriting with elements of calligraphy.
Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 43)

Красным цветом нами выделены написания, в которых буква «д» с нижней выносной линией может интерпретироваться и как строчная, и как прописная. То есть в работе с измененным авторским почерком, нетипичным для повседневных записей, труднее идентифицировать написания и аргументировать их интерпретацию. Такова ситуация в рукописях романа «Идиот», где автор вводит в почерк элементы каллиграфии, виньетки, росчерки, укрупняет начальные буквы слов. В черновых записях к другим произведениям подобных случаев меньше.

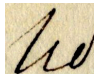
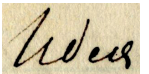

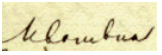

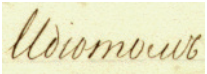

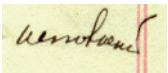

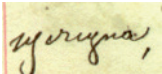

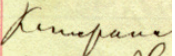

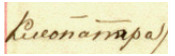
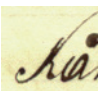
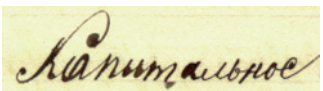

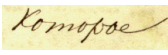

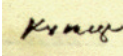

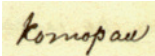

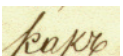

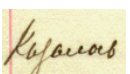
В таблице ниже приведены варианты начертаний, в том числе с примерами каллиграфического почерка и почерка с элементами каллиграфии.

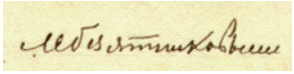

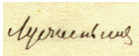

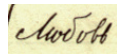

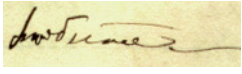

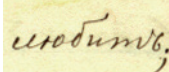

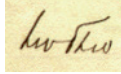

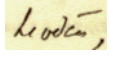
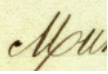
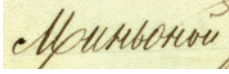

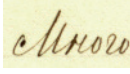

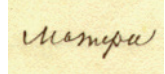

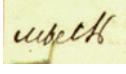

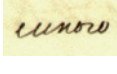

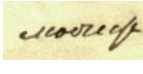
Таблица 1. Алфавит начертаний Достоевского
 Table 1. Lettering alphabet of Dostoevsky's handwriting

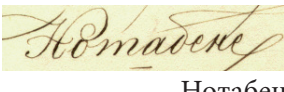
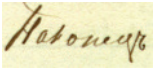

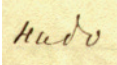

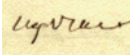
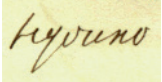

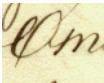

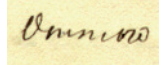

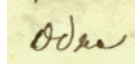
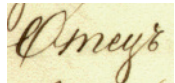
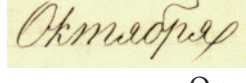

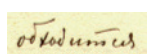
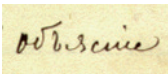
Буква алфавита	Буква в слове	Слово (графический контекст)	Комментарий (при необходимости)
А		 А потомъ (6)	В первом случае в скорописи автора слитное написание двух слов. Примеры подобного рода достаточно часто встречаются в рукописях Достоевского
		 Ахъ (100)	
а		 арестъ (19)	
Б		 Буду (6)	
б		 больна (2)	Примеры типичного написания строчной буквы «б» и видоизмененного — в почерке с элементами каллиграфии в словах «безцеремонностью» и «бродяга». В таких случаях буквы принимают более выверенные одномерные начертания, часто появляются дополнительные элементы, росчерки, виньетки
		 было (2)	
		 быть (5)	
		 безцеремонностью (15)	
		 бродяга (15)	
В		 Все (4)	
		 Влюбленъ (26)	
		 Влюбленъ (27)	
в		 вамъ (2)	
		 выдерживается (2)	
		 ведетъ (4)	

в			воротился (15)	В последнем примере (воротил-ся) написание «в» — почерком с элементами каллиграфии
Г			Героиня (15)	В первом примере (С. 15) — почерк с элементами каллиграфии
			Героиня (27)	
г			года (4)	
			гордости (4)	
Д			Деспотизмъ (4)	
			Дуни (5)	
д			духомъ (3)	Записи на с. 19 начинаются почерком с элементами каллиграфии (так написано слово «держитъ»), который постепенно трансформируется в обычную авторскую скоропись
			держитъ (19)	
			дающій (26)	
Е			Еще (5)	
			Его (19)	
е			его (2)	
			ему (4)	
			если (5)	

Ж	 	Ждалъ (19) Женева (26) Живеть (27) Жениха (27)	Вторая запись (« <i>Женева</i> ») сделана каллиграфическим почерком
ж	 	жить (2) жизненное (3) женщина (5) женщиной (5) женихъ (26)	
З	 	Занявъ (15) Заносчивыя (100)	В первом примере — почерк с элементами каллиграфии
з	 	знаніе (3) забыть (4) занять (15) залогъ (27)	

И			Идея (3)	Запись на с. 3 сделана укрупненным почерком, на с. 19 — почерком с элементами каллиграфии (как и первые записи на этой странице, включая заголовок)
			Идея (4)	
			Ивановна (4)	
			Идиотомъ (19)	
и			идея (4)	
			идеть (4)	
			исполнении (4)	
			изящна (5)	
К			Катерина (4)	Беглость почерка и тип записи влияют на форму начертаний в букве — очевидно, что в первом случае (в черновых набросках к роману «Преступление и Наказание») слово прописано более беглым почерком, чем во втором (наброски к «Идиоту») и в третьем (заголовок в наброске к «Преступлению и Наказанию»)
			Клеопатра (27)	
			Капитальное (101)	
к			какъ (2)	Во всех приведенных примерах, как в обычном почерке, так и в почерке с элементами каллиграфии (как в записи со с. 15), заметна характерная черта: буква «к» в начальной позиции в слове прописана крупнее, чем последующая буква. Это нередко затрудняет разграничение прописного и строчного начертания «К» / «к» и приводит к неточностям прочтения слов
			которое (3)	
			купца (4)	
			которая (5)	
			какъ (15)	
			казалось (19)	

Л	 Лебезятниковымъ (2) Лужинимъ (2) Любовь (101)	<p>В первом примере заглавная буква «Л» воспринимается таковой, потому что слово прочитывается как фамилия. При таком же написании буквы в имени нарицательном ее можно было бы интерпретировать как строчную, поскольку она практически не выделяется по размеру, — это еще один пример, показывающий трудность разграничения прописных и строчных написаний</p>
Л	 любите (2) любить (2) люблю (2) людей (5)	
М	 Миньонной (15) Много (19)	<p>В первом случае имя записано с росчерком в первой букве, почерком с элементами каллиграфии, как и другие записи на странице</p>
М	 матери (2) мысль (4) много (5) можетъ (5)	

Н	 	 Нотабене (15) Наконецъ (27)	«Нотабене» — каллиграфический заголовок на указанной странице. Заглавная буква «Н» в обычном почерке имеет более простое начертание, без завитков и росчерков
н	 	 надо (2) нея (2) нужна (2) нужно (3) нею (5)	В третьем примере — в слове «нужна» — обе «н» записаны как «и»; это нетипичное написание для данной буквы, именно такие варианты, когда буквы по внешним признакам похожи, приводят к исследовательским ошибкам чтения текста
О	 	 Оттого (2) Онъ (4) Одна (5) Отецъ (15) Октября (26) Онъ (103)	В почерке с элементами каллиграфии и в каллиграфических прописях (последние три примера) буква «О» прописана тем же петлеобразным движением пера, что и в обычном почерке, но форма прописи иная — не допускающая нарушения пропорций в начертаниях, уподобленная шрифтовой форме
о	 	 обходится (2) объяснение (2)	

о			онъ (2)	
п			Православное (3)	
			Пребольно (6)	
			При (19)	
п			потому (2)	
			перетащить (3)	В слове «принизился» начальная буква «п» имеет нетипичное начертание и напоминает букву «н». Возможно, предполагалось иное слово, которое не было написано
			покупается (3)	
			принизился (5)	
р			Разумихина (4)	
			Разорившееся (26)	
р			родили (2)	Из приведенных примеров в четвертом — в слове «раздавлившему» — начальная буква «р» написана так, как Достоевский писал и букву «т» в варианте с нижним выносным элементом. В определенных случаях, при неясном общем рисунке слова, это также может привести к смешению букв и ошибочным исследовательским прочтениям
			родится (3)	
			романа (3)	
			раздавлившему (4)	
			руку (19)	

С		Случай (2)	В написании слова «Смерть» — почерк с элементами каллиграфии
		Соня (2)	
		Соня (2)	
		Смерть (15)	
с		сердцемъ (2)	Во втором и третьем примере стоит обратить внимание на однотипность формы буквенных начертаний: в однокоренных словах «сказала» и «сказаль» в первом слоге практически незаметно, очень мелко, прописана гласная «а». Это указывает на вероятность появления однотипных написаний в одних и тех же словах, что можно было бы установить автоматизированными способами обработки информации
		сказала (2)	
		сказаль (2)	
		сокровищемъ (2)	
		считаетъ (2)	
Т		Тотъ (15)	В первом примере — почерк с элементами каллиграфии
		Тотъ (104)	
т		тебя (2)	Во втором примере (тогда) буква «т» записана с разрывом начертаний, что также, при неясности общего рисунка слова, может быть условием ошибочных прочтений
		тогда (2)	
У		Укушу (6)	

у		 Умираетъ (15)	Во втором примере (<i>Умираетъ</i>) — почерк с элементами каллиграфии
у		 убиль (2)	В четвертом примере (<i>укралъ</i>) — почерк с элементами каллиграфии
	 уважая (2)		
	 удаляется (2)		
	 укралъ (15)		
Ф		 Финаль (24)	Во втором случае (<i>Фантазиі</i>) в записи и на странице — почерк с элементами каллиграфии
	 Фантазиі (57)		
	 Форсь (78)		
ф		 физически (19)	
	 фамиліі (26)		
	 фортепіано (26)		
х		 Характеристики (5)	

Х	 	 Характерная (80) Характерная (86)	Въ третьем примере (С. 86) — каллиграфическая пропись
х	 	хуже (2) хочеть (4) художественномъ (4) ходять (15) ходить (26)	В четвертом примере (<i>ходятъ</i>) — почерк с элементами каллиграфии
Ц	 	 Цалуеть (28) Цалуеть (79)	
ц	 	 царя (10) цалуеть (35) царство (49)	
ч	 	 Черты (65) Чудасить (75)	

Ч		Чего (103)	
ч		что (2)	
		черта (4)	
		что (4)	
		чрезвычайно (27)	
Ш		Шутка (97)	
		Шекспир (149)	
ш		шерстяной (15)	В первом примере (<i>шерстяной</i>) — почерк с элементами каллиграфии
		шагъ (100)	
щ		щелкнулъ (58)	
ъ		ходятъ (15)	Запись почерком с элементами каллиграфии
ы		Окончательный (20)	В первом случае (<i>Окончательный</i>) каллиграфическая пропись
		забыть (4)	
		ты (6)	
ь		будешь (6)	Варианты написания «ь» на конце слов и в составе лигатуры «ль»
		теперь (6)	

ь			пить (6)	
			Пребольно (6)	
Э			Экая (6)	Вторая запись (Эта) — почерком с элементами каллиграфии
			Эта (73)	
			Это (87)	
э			этого (2)	
			это (4)	
			этому (4)	
Ю			Юли (12)	Во втором случае (Юленька) каллиграфическая пропись
			Юленька (136)	
ю			юродивый (25)	
			юго-западного (72)	
			юридическому (114)	
Я			Января (5)	Вторая запись (Является) сделана почерком с элементами каллиграфии
			Является (73)	

Я		Явился (88)
я		языкомъ (99)
		ясное (124)

От графики к семантике

Обратимся теперь к изложению результатов текстологической сверки источников. Проведенное исследование обнаружило ряд искажений рукописного текста Достоевского публикаторами. Прокомментируем некоторые примеры.

Результаты текстологического исследования разночтений (на примере «второй» записной тетради — РГАЛИ. Ф. 212.1.4) содержат предварительную классификацию ошибочных чтений, основанную на анализе причин их появления и группировке однотипных ошибок, вызванных сходными причинами.

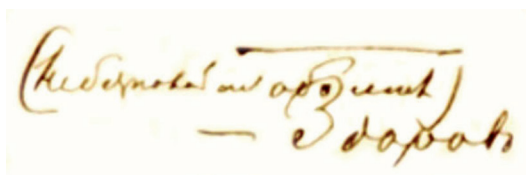
— явные ошибки

Самый простой случай — когда для исправления не требуется ни обращение к ближайшему контексту (в пределах одного предложения, абзаца, страницы), ни реконструкция писательского замысла, ни знакомство с более широким, историко-литературным, контекстом создания записи, а ошибка устанавливается единственно на основании графического рисунка самого слова (четко прописанного, не допускающего вариативных трактовок). Чаще всего (но не всегда!) подобные досадные ошибки встречаются в первых публикациях рукописных текстов, что объясняется неизученностью материала, недостаточностью знаний об особенностях почерка писателя, его манере работы, индивидуальных предпочтениях, способах оформления текста (вычеркивания, вставки, варианты, недописанные и сокращенные слова и т. под.). В ряде случаев такие ошибочные прочтения не мотивированы даже ближайшим контекстом и могут привести к искажению смысла. К числу таких явных примеров ошибочного прочтения рукописи относится следующий:

— {(Не *безпокойся* обо мнѣ)⁴} Здравѣ (С. 113)

Не бедновато ли обо мне (ЛН: 243; ДЗ0; т. 5: 188; ДЗ5; т. 5: 361)

Четко прописанное «бе-» начала слова дало повод для «угадывания» дальнейшей части — без анализа последующих графических начертаний (характерный для Достоевского зигзаг его строчной «з», отличной от его же написания «д» с нижним выносным элементом — см. примеры: [Тарасова..., 2018: 49–50]), без учета орфографии XIX в. (где «бѣдновато» писалось бы через «ѣ»), без строгой связи с контекстом (реплика Ивана Матвеевича из набросков к «Крокодилу» в разных вариациях несколько раз встречается на страницах ЗТ⁵). Ни графически, ни семантически не обоснованная ошибка первой публикации осталась незамеченной и без исправлений перешла в последующие издания.

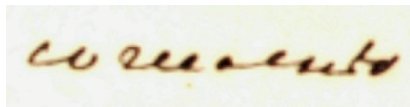

— *ошибки, вызванные «фразеологической инерцией»*

Иногда появление ошибочного прочтения, особенно если оно «мотивировано» контекстом (т. е. не противоречит ему явно), можно объяснить также т. н. «фразеологической инерцией» (термин Б. В. Томашевского): когда слово прочитывается по общему рисунку, «угадывается», и вместо авторского предлагается вариант, который чаще встречается в подобных конструкциях и, по мнению публикатора, тут уместен. В результате редко употребляемое, необычное, стилистически окрашенное (например, разговорное), авторский неологизм, устаревшая лексема или устаревшая грамматическая форма слова заменяются среднестатистическим, привычным, более частотным, современным, нейтральным. Приведем (с кратким объяснением причины) как простые случаи подобной подмены, когда ошибка явствует уже из самого графического рисунка неверно прочитанного слова, так и более сложные, когда появлению неверного чтения могла способствовать также нечеткая скоропись:

Но на Восточномъ вопрость они *согласны* противъ Россіи (С. 3; ДЗ0; т. 20: 188)

сошлись (ЛН: 243)

На место сказуемого вместо нечастотного в этой позиции краткого прилагательного подставлен более ожидаемый тут глагол в привычном сочетании «сошлись против кого-либо».

В диалоге с обсуждением, как лучше сатирически «продернуть» «Голос»:

Лучше ужъ: У волоса умъ дологъ, а у бабы умъ коротокъ

Ну, я {по правдѣ} не литераторъ, а вы знаете народность.
Какъ нибудь *обдѣлайте* только либеральнѣй, либеральнѣй (С. 134)

одолейте (ЛН: 270)
поболтайте (Д30; т. 5: 337)
оболтайте (Д35; т. 5: 378)

Вместо стилистически маркированного в современном языке глагола «обделать(ся)», «обдѣлывать(ся)» (словари сопровождают его пометами «устар.» и «прост.») со значением «ловко, с выгодой устраивать, успешно заканчивать»⁶ во всех трех случаях были выбраны другие глаголы. Ошибке могла способствовать нечеткость написания третьей буквы в слове — несколько сдвинутый и наслаивающийся на соседнюю «б» верхний элемент буквы «д».

И такъ уже об[я]{и}жають⁷ насъ въ Вѣдомост<яхъ>, [увѣря] прилагая къ намъ мужицку<ю> пословицу, что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ (С. 133)

обличают (ЛН: 270; Д30; т. 5: 337; Д35; т. 5: 377)

Привычный для журнальной полемики глагол «обличать» показался уместным в данном контексте. Ошибке способствовали сходство среднего элемента «ж» с начальным «ч», а также правка второй гласной.

— А я хочу-съ {такъ издавать Волосъ,} чтобъ всѣ говорили обратно, т. е. что у бабы умъ дологъ а волосъ коротокъ (С. 133)

не (ЛН: 270; Д30; т. 5: 337; Д35; т. 5: 377)

Не совсем четкое «такъ» во вставке (не прописан второй элемент буквы «т», точкой обозначена гласная — оба начертания букв при этом не выходят за рамки традиционных вариантов этих графем у Достоевского) поддерживается в данном случае грамматическим строем предложения (хочу издавать так, чтоб...). Замена в публикациях «так» частицей «не» нарушает синтаксис предложения: она требует либо отсутствующего в предложении противопоставления (не издавать, а...), либо перестановки слов (А я не хочу издавать «Волос»), — а фраза в целом обесмысливается.

Коли теща есть такъ чтобъ и тещя (С. 145; Д30; т. 20: 200)
Если (ЛН: 255)

Эта немаркированная и, видимо, не опознанная при первой публикации цитата, отсылающая к Гоголю (слова слесарши Пошлепкиной — «Ревизор», д. 4, явл. 11), в чуть измененном виде (с союзом «если») повторяется на той же странице ЗТ. Написания в обоих случаях не дают поводов для разночтений, что становится еще более наглядным при их сопоставлении.

враждебенъ къ идеть о вознагражденіи, о **гонораріи** (С. 23)

о гонораре (ЛН: 248; ДЗ0; т. 20: 193)

Устаревшая форма «гонорарий» здесь подменена более привычной «гонорар». Ошибочному чтению способствует и нечеткое написание «і» (нижний элемент сокращен почти до точки, верхняя точка, наоборот, сдвинута, растянута и частично перекрыта знаком вставки).

Ср. то же слово, более четко прописанное, в параллельно заполняемой Достоевским ЗТ — в черновых набросках к стихотворению «Офицер и нигилистка»:

Сльдующий мнѣ **гонорарій** (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 8; ДЗ0; т. 17: 29)

В этом же отрывке из наброска к статье «Социализм и Христианство» есть и другие ошибочные чтения, приводящие уже к искажению авторской мысли:

Христіанинъ (идеалъ) все отдавая ничего себѣ самъ не требуетъ.

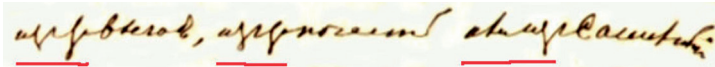
*Мало того: даже враждебенъ къ идеть о вознагражденіи, о гонораріи {не понимаетъ ее какъ бессмыслицу} и **приметъ** вознагражденіе только отъ любви къ дающему, или потому только что чувствуетъ что послѣ этого еще сильнѣе будетъ любить дающаго (С. 23)*

проситъ вознагражденія (ЛН: 248)

он понимает (ДЗ0; т. 20: 193)

Только «фразеологической инерцией», в данном случае — выстраиванием фразы по законам синтаксического параллелизма, можно объяснить замену сочетания союза и предлога «или из» на предлог «из-за» (по аналогии с двумя предыдущими — ЛН: 254; ДЗ0; т. 20: 198) в следующем наброске ответа «Современнику»:

— *Вы не выставите ни одного факта про меня, лично, про Федора Достоевского, чтобъ я вилялъ изъ за выгодъ, изъ за почестей или изъ самолюбія* (С. 143)

Ни графика, ни пунктуация (перед разделительным союзом «или» отсутствует запятая, в то время как перед повторяющимся предлогом «из-за» она была бы необходима, отделяя друг от друга однородные дополнения) не могут служить объяснением ошибочного прочтения.

Следующая ошибка первой публикации не мотивирована графически (явные лъз-, -е, -ать на месте предложенных публикаторами секр-, -ы, -ете), но обусловлена ближайшим контекстом (которому не противоречит) — в результате фраза наделяется новым (в данном случае ложным) смыслом:

выдержать не умъете, тотчасъ-же всю подноготную и лъзете высказывать (С. 144); ср.: секреты высказываете (ЛН: 254)

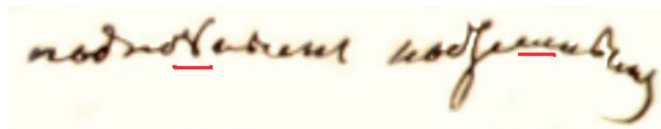

В размышлениях о католицизме читаем:

Есть тутъ нѣкоторая тонкость, которая можетъ быть постигнута только самымъ[,] подпольнымъ пост<о>яннымъ развратомъ (С. 11)

подпольным постельным развратом (ЛН: 246)

Ошибке способствует как нечеткая графика (слова «постояннымъ» — «постельнымъ» отличаются только тремя средними буквами, при этом гласная «о» в рукописи сливается с «я»), так и контекст, «подсказывая» ошибочное чтение. Однако побуквенный анализ начертаний опровергает его: сочетание «ль» в почерке Достоевского передается лигатурой — ее пример содержится в соседнем слове «подпо^{ль}нымъ». Вариантов «ль», которые бы существенно отклонялись от этого начертания, у Достоевского нет, поэтому следовало бы ожидать повторения лигатуры во втором слове, но она отсутствует, что уже само по себе — повод для сомнения в правильности предложенного публикаторами прочтения.

Особо выделим случаи, когда неточное прочтение обусловлено, помимо скорописи, употреблением редких, областных слов или окказионализмов. В конспективном плане политической статьи, сделанном в августе 1864 г. в связи с решением возобновить в журнале «Эпоха» рубрику «Политическое обозрение», читаем: «б) <...> Франция давно не первенствовала; ихъ идеаль *обшоркался*» (С. 5).

На месте выделенного слова, восходящего к диалектам⁸, в публикациях было «подставлено» опять же привычное, уместное в данной конструкции, встречающееся в набросках Достоевского, но не читающееся тут графически слово «обособление» (ЛН: 243⁹; ДЗ0; т. 20: 189). Случаев употребления слова «обшоркаться» в печатных текстах Достоевского не выявлено¹⁰. По наблюдению В. Н. Захарова, однокоренные глаголы (*шоркнуть*, *шоркать*) встречаются в окончательном варианте романа «Преступление и Наказание» (сон-кошмар Свидригайлова): «...вдруг опять что-то неприятно *шоркнуло* ему по ноге <...> что-то вскочило ему за пазуху, *шоркает* по телу...» (ДЗ5; т. 6: 437).

В публикации набросков для передовой статьи «Эпохи», представляющих собой размышления Достоевского о последствиях нововведений Петра, отрыве высшего общества от «почвы», разрушении *связей*, прочитано: «Это даже и не буржуазия, это какие-то *вполне уж личинки*» (ЛН: 258; ДЗ0; т. 20: 194). Однако при обращении к рукописи мы видим на месте выделенного слова другое: «*личинки*» (С. 115). Словари современного русского литературного языка такого слова не фиксируют. Встречается оно, но в других значениях, в словаре В. И. Даля¹¹. В данном случае мы имеем дело с построенным по продуктивной языковой модели авторским неологизмом, явно с негативной окраской, обозначающим, видимо, человека, обособившегося от общества, заключившегося в своих мелких, личных интересах. Можно привести более поздний аналог из политических терминов советской эпохи, построенный по той же языковой модели и также имеющий негативный оттенок: «единоличник». Любопытно для понимания вектора авторских размышлений, что страницей ранее в той же ЗТ записано слово с противоположным значением: «*ОБЩИТЬСЯ*» (С. 114). В записях Достоевского данное прочтение (помимо самой графики) поддерживается однокоренным окказиональным глаголом «*обличиваются*».

Приведем также для ясности и контекст обоих слов:

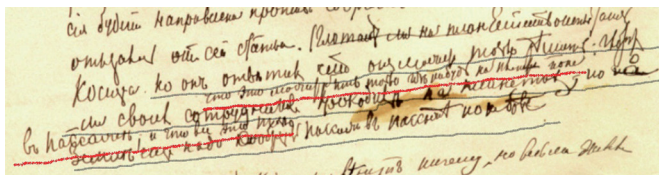
«...чтожъ представляють намъ другіе то представители высшаго общества? Ломаный французск<ій> языкъ съ акцентомъ и доживаніе доходовъ, а остальная огромная масса живетъ, перебиваясь копѣйками и ничего не видя кромѣ своихъ интересовъ. Это даже не буржуазія; это какіе-то вполнѣ ужъ *личники*. Своя связь была нарушена, новая не завелась подъ гнетомъ административнаго начала, а у буржуазіи покрайней мѣрѣ до конца концовъ было что-то, что ее связывало. Есть еще доктора, студенты; эти — или *обличиваются* какъ-нибудь и гдѣ-нибудь или идутъ въ социалисты-западники. До того нравствен<ная> связь плоха...» (С. 115).

— *ошибки, связанные с неверной трактовкой авторских помет*

В определении таких ошибок важен анализ внебуквенных элементов рукописного текста. Уже говорилось о том, что публикаторы смешивают выделение слова или группы слов (передаваемых обычно в печатном тексте курсивом) подчеркиванием; линейки, отделяющие записи; характерные авторские начертания некоторых букв, включающих в себя верхнее (*n, t, ъ*) и нижнее (*ш, щ*) подчеркивание. Не всегда контекст записи дает четкие указания для однозначного решения проблемы и разграничения начертаний.

Еще одной опасностью, подстерегающей исследователя, становится неверная трактовка правки, авторских «корректирных» помет в тексте. В таких случаях возможны исследовательские ошибки: 1) неверное отнесение вставки; 2) ошибочное дублирование фрагмента одной и той же вставки; 3) неразграничение дополняющей текст вставки и незачеркнутого варианта (частотный случай в рукописях Достоевского, когда выбор в пользу одного из вариантов еще не сделан или отброшенный, но оставшийся в основном тексте вариант подразумевается вычеркнутым). В рукописях, как в набросках, так и в связном тексте, можно найти разные виды правки: от однозначной и простой — когда знак вставки над строкой или специальная помета (знак «x», цифра и др.) в записях на полях или на другой странице однозначно указывают на место расположения текста, до сложной — вставка разбита на несколько фрагментов, написанных малоразборчивой скорописью, со множественной правкой, недописанными словами, без помет, к какому именно месту она относится. В последнем случае реконструкция слоев текста представляет большие сложности и может носить предположительный характер. Приведем примеры простой правки.

На с. 124 (наброски вступления к повести «Крокодил») вставка расположена между строк¹²: «Но онъ отвѣтилъ *что онъ можетъ только рѣшить: глотаютъ-ли своихъ сотрудниковъ крокодилы на планетахъ, но [на] {о} Земль еще надо [по] сообразить {что это можетъ быть только гдѣ нибудь на планета<хъ> но не въ пассажѣ, и что все это только} {пассажъ въ пассажѣ но не болье}*».

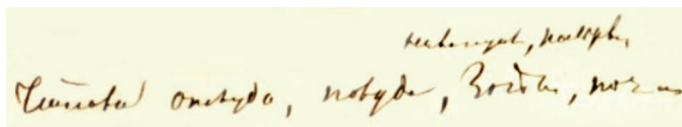
Илл. 2. Пример авторской правки рукописи (вписка между строк)

Fig. 2. Example of author's manuscript editing (text between the lines)

В Д30, в целом верно представившем данный отрывок, последние два слова из первой строки вставки (*но не*) ошибочно «прочитаны» дважды: «на планетах **пока, но не** в Пассаже» (Д30; т. 5: 334). Эта ошибка перешла и в Д35, где вдобавок были ошибочно прочитаны некоторые слова и в целом неверно выстроен порядок слов в предложении из-за смешения основного текста и вставки: «Но он ответил, что это может быть только где-нибудь на планетах **пока**, но о Земле еще надо сообразить, **но не** в Пассаже, и что всё это только пассаж в Пассаже, **но не боле**»; *вариант в сноске*: «что он может только решить: глотают ли своих сотрудников крокодилы на планетах, **что это может быть только где-нибудь на Венере пока**» (Д35; т. 5: 368).

Разграничению основного текста и вставки помогает анализ таких устойчивых характеристик оформления, как интервал между строками, высота букв в основном тексте, наклон строк. На иллюстрации, приведенной выше, основной (более крупный) текст отмечен серым подчеркиванием, текст вставки — красным. В данном случае часть основного текста стала отброшенным, но формально не зачеркнутым вариантом, а часть основного текста и вставка составили последний слой записи (см. выше расшифровку записи).

С образом нигилистки, посетившей проглоченного Ивана Матвеевича, связано пародийное перечисление выдуманных и реальных названий современных нигилистических романов: «Читали откуда, покуда, {наканунть, постъзавт<ра>}, зачѣмъ, почем<у>» (С. 118). Ср. в Д35: «"Откуда", "Покуда", "Зачем", "Накануне", "Послезавтра", "Почему"» (т. 5: 362).

Илл. 3. Вписка над строкой, без обозначения места вставки

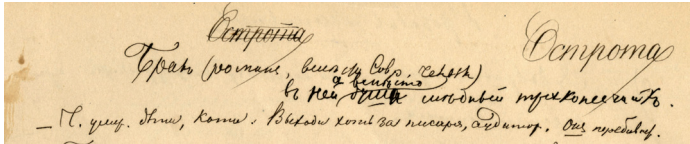
Fig. 3. Insert above the line, without marking the place of insertion

В данном случае отсутствует авторский знак, определяющий точное место вставки, однако косвенным указанием может служить само расположение начала записи во вставке (не после слова «Завтра», а между «Покуда» и «Завтра»). Внутренняя логика указывает также на парную связь семантически

близких названий: «Откуда», «Покуда» (место), «Накануне», «Послезавтра» (время), «Зачем», «Почему» (причина).

— *смешение (ошибочное объединение) соседствующих на странице каллиграфических прописей и записей к какому-либо произведению*

Как будет показано ниже, каллиграфические прописи в рукописях Достоевского часто автономны и могут быть никак не связаны с текстом, находящимся на одном с ними листе. Корректнее при публикации каллиграфии описывать ее либо в сносках, либо в примечаниях, отдельно от основных записей страницы. Так, в одной из публикаций записей к неосуществленному роману «Брак» (С. 131) включено в текст набросков прописанное на полях вверху справа каллиграфическим почерком слово «Острота»: «Острота: в ней вместо души медный трехкопеечник» (ЛН: 272; первый публикатор этих записей, Л. П. Гроссман, каллиграфию не воспроизводил — Гроссман: 342).

Илл. 4. Смешение каллиграфии (*Острота*) и авторской скорописи

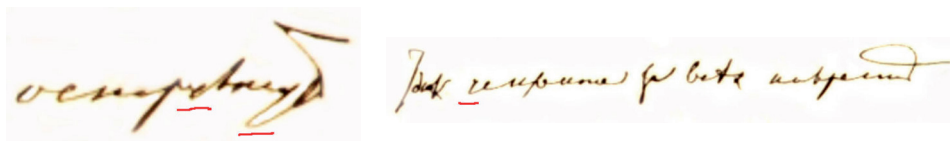
Fig. 4. A mixture of calligraphy (*Ostrota*) and cursive shorthand

— *ошибки, спровоцированные индивидуальными особенностями почерка*

В почерке Достоевского, как и в любом другом почерке, имеются варианты написания одной графемы. Очевидно, что без знакомства со всеми возможными вариантами написания букв (как кириллических, так и написанных латиницей, в диапазоне от скорописи до каллиграфии), сочетаний букв, цифр, без определенного наработанного навыка чтения конкретного почерка достигнуть результатов по точной расшифровке рукописей невозможно. Основные варианты начертаний всех букв и цифр в почерке зрелого Достоевского, вычлененные на материале записных книжек и тетрадей 1850–1860-х гг., с подробным описанием каждой графемы, были уже представлены нами ранее [Тарасова..., 2018], [Заваркина..., 2019]. Изучение основного массива рукописей Достоевского за более широкий период времени и в более полном составе (не только черновые наброски, но и связный черновой текст, беловые, наборные рукописи, авторские сводки, письма и др. — дело будущего, требующее выполнения новых задач, связанных с автоматизацией процессов обработки большего числа источников и с привлечением новейших информационных технологий для исследования всех особенностей графики в текстах писателя.

Здесь же приведем примеры из анализируемой ЗТ, когда точная расшифровка сложного места рукописи (при нечеткой скорописи, вставке) возможна только при знакомстве или с редким вариантом начертания какой-либо буквы, отличающимся от «среднестатистического» образца данной графемы, или с особенностями начертания недописанных слов.

Буква «у» в почерке Достоевского пишется чаще всего без нижней петли и при этом, в одном из вариантов, — с резко укороченным нижним вертикальным штрихом, практически не опускающимся ниже уровня строки, что затрудняет ее узнавание в слове [Тарасова..., 2018: 55]. Так написана она, например, в набросках к повести «Крокодил» (*Я пришла спросить у Вася о структуре Крокодила* — С. 135) и статье о нигилистических романах (*такъ умрите за всѣхъ на крестъ* — С. 136):

Илл. 5. Вариант написания гласной «у» с коротким нижним штрихом

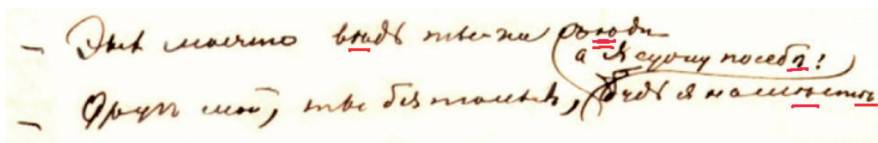
Fig. 5. A variant lettering of the vowel “y” with a short lower stroke

В первом примере наглядно видна разница между «у» укороченным и обычным, более традиционным и узнаваемым (*структурѣ*). Эта индивидуальная особенность почерка привела к появлению ошибочных чтений: «о строении <?> крокодила» (ЛН: 250; в ДЗ0 правильное чтение, но под вопросом), «так и прите за всех на крест» (ЛН: 250; ДЗ0; т. 20: 195).

Следующий случай относится к нетипичному начертанию буквы «ѣ», в скорописи автора сливающимся с «ю». В наброске диалога между проглоченным Иваном Матвеевичем и его другом читаем:

— Я боюсь чтобъ не подумали, что это что нибудь на министровъ или на какихъ нибудь лицъ.

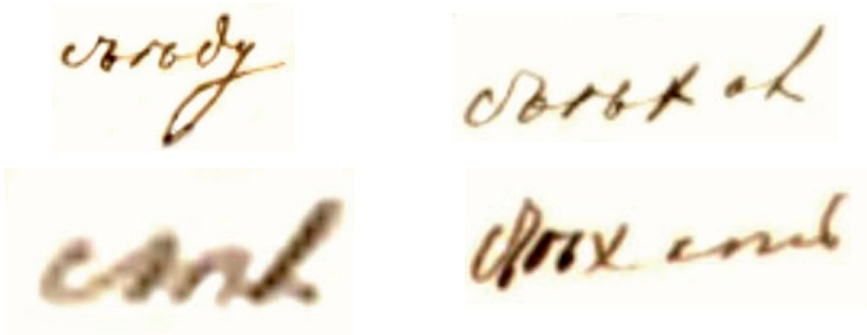
— Э какъ можно вѣдь *ты-же съѣде<нѣ>* (С. 122).

Илл. 6. Пример нетипичного написания гласной «ѣ»

Fig. 6. Example of an atypical lettering of vowel “ѣ”

Приведем примеры начертания «ѣ» в схожей позиции (*съѣ-*) из данной ЗТ (*съѣду, съѣхаль, съѣль, съѣхать* — С. 31, 32, 91, 94, наброски к «Преступлению и Наказанию»; заметим, что во всех приведенных случаях написание «ѣ» ближе к стандартному, легко узнаваемому):

Илл. 7. Варианты типичного написания гласной «ѣ» в сочетании «сѣть-»
 Fig. 7. Typical versions of vowel “ѣ” letter forms in combination “сѣть-”
 (сѣтьду, сѣтьхаль, сѣтьль, сѣтьхатъ)

В анализируемом случае стандартное написание графемы изменилось в беглом письме. Недописанное слово (*сѣтьде<нѣ>*), начало которого перекрыто знаком вставки, слишком краткий контекст делают расшифровку этого места достаточно проблематичной. В существующих на сегодня публикациях данной записи предложен вариант чтения, спорный как с графической, так и с семантической точек зрения, нарушающий смысловые связи в предложении: «ведь **они** же **люди**» (ЛН: 262; ДЗ0; т. 5: 329), «ведь **это** же **люди**» (ДЗ5; т. 5: 367). Предлагаемое нами прочтение исходит из логики грамматического строения предложения, сопоставления ближайшего контекста со сходными по смыслу набросками в данной ЗК, анализа каждой буквы (не вызывает сомнения начальное «сѣ-» в «сѣтьдень», однозначно читается и местоимение «ты» на месте предложенных публикаторами «они» или «это»). В подобных случаях опора на один какой-либо элемент (только графика, только контекст, только анализ авторского замысла) была бы недостаточна, но в совокупности они позволяют сделать достаточно убедительные выводы.

— *ошибки вследствие не раскрытых исследователями интертекстов (скрытые цитаты, библеизмы, автопародии)*

К примерам, связанным как с особенностями начертания Достоевским слов на иностранных языках, так и с проблемой неузнавания чужого текста можно отнести название «Le Droit». Один из пунктов наброска для политической статьи звучал так: «3) *Эмиль Жирарденъ le Droit (Голосъ)*». И, чуть далее, повторялось: «*Ложь Руссо. (le Droit {Эм<иль> Жирарденъ})*» (С. 3). В ЛН не прочитан французский артикль в названии — он дважды заменен русским предлогом: «в “Droit”» (ЛН: 242). Надо сказать, что расшифровка слов, написанных на других языках, в рукописях Достоевского всегда представляет достаточно сложную задачу, как из-за нечеткой скорописи, так и из-за

нечастотности подобных написаний, не дающих, в отличие от кириллической графики, обширного материала для наблюдений и обобщений. В данном случае, несмотря на достаточно большое сходство начертаний «*le*» и «*въ*», заметить отличие все-таки можно (в т. ч. — на приложенной к публикации «Литературного наследства» фотокопии данной страницы — ЛН: 245):

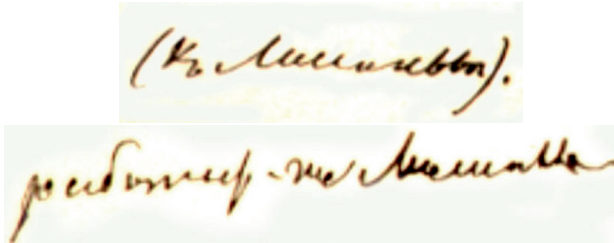
Илл. 8. Пример неразличения предлога «въ» и французского артикля «*le*»

Fig. 8. Example of a non-distinction between the preposition “въ” and the French article “*le*”

Источник этой записи был указан комментаторами первой публикации (К. Н. Полонская, С. С. Борщевский), как и позже комментаторами академического ПСС, исправившими прочтение: Достоевский откликнулся на публикацию «Голоса» (1864. № 223. 14 августа) о выходе в свет новой книги о свободе печати французского журналиста Э. Жирардена (Emile de Girardin) (ЛН: 273; Д30; т. 20: 377). Дополнительную сложность в данном случае представляет то, что точное название книги («*Les droits de la pensée*»; «Права мысли»; 1864) из-за лаконичности наброска замещено сокращенным, омонимичным названием более ранней книги того же автора («*Le droit*»; «Право»; 1854).

Среди записей публицистического характера в анализируемой ЗТ, помимо заготовок для политической статьи и набросков к ненаписанным статьям «Социализм и Христианство», «Ответ “Современнику”», есть записи, тематически объединенные разработкой замысла статьи о недавно зародившихся «нигилистических романах» (С. 138 и др.). Среди них два фрагмента, расположенные на соседних листах, навеяны публикацией в 1864 г. в журнале «Эпоха» памфлетного романа «Мудреное дело. (Очерк из летописей русской словесности)» (№ 5. С. 53–109. № 6. С. 1–99. № 7. С. 1–120), автором которого был участник редакционного кружка братьев Достоевских Н. Д. Ахшарумов (1820–1893). Несмотря на несомненную связь этих двух отрывков, и публикаторами набросков, и некоторыми исследователями, упоминающими об Ахшарумове, был «опознан» как отсылающий к роману и цитировался только второй, где эта отсылка прямо обозначена самим писателем (*Въ романъ Ахшарумова 3я часть...* — С. 138; ср.: ЛН: 251, 276 (примеч.); Д30; т. 20: 196, 387 (примеч.); [Нечаева, 1975: 140]; [Белов; т. 1: 67]; [Козлов: 233]). На связь с «Мудреным делом» первого наброска (*Записки журналиста <...> Китайск[ое]{ий} укладъ. О безмыслица!* — С. 136), намекающего на роман уже своим заглавием (центральным героем «Записок журналиста», чей дневник якобы лег в основу романа, становится начинающий издатель Бубнов),

указывает только Е. Н. Дрыжакова, в статье, посвященной специальному исследованию рецепции нигилистических романов в творчестве Достоевского [Дрыжакова: 27]. Между тем весь отрывок на с. 136, как и последующий, является кратким пересказом одной из сюжетных линий романа. Незнание этого факта приводит либо к отсутствию какого-либо комментария для данного отрывка (Д30), либо, как в первой публикации, — к неверному чтению и, как следствие, появлению комментария ошибочного. Л. М. Розенблюм прочла имя героини романа, дважды встречающееся в наброске, как «Лизанька» (причем, поскольку графически это прочтение не мотивировано, оно дано как редакторское исправление, с пометой в сноске: «В оригинале: Липыньке (вероятно, описка)» — ЛН: 251). Примечание к этому отрывку имеет предположительный характер: «Возможно, что речь здесь идет о романе Н. С. Лескова “Некуда”, печатавшемся в 1864 г. в журнале “Библиотека для чтения”, герои которого **Лиза** Бахарева и Райнер, любящие друг друга, гибнут из-за приверженности к новым идеям, так и не соединив свои судьбы» (ЛН: 276). Однако в рукописи Достоевский указал на «единственность сюжета [всех] нигилистических романовъ» (С. 138), т. е. любовной интриги, — эта шаблонная схема (любовный треугольник «муж — жена — любовник», героиня, из соображений эмансипации бросающая мужа, и т. под.) должна была стать одним из предметов пародийного разбора в задуманной статье. Стоящее же в рукописи имя «кѣ Лилинькѣ» отсылает к героине романа Ахшарумова: молодой эмансипированной переводчице Лидии Алексеевне Рулевой, Лидиньке, *Лили* (как однажды назовет ее один из героев романа Касимов):

Илл. 9. Неопознанный литературный антропоним. *Лилинька* — героиня нигилистического романа Д. Ахшарумова, опубликованного в журнале братьев Достоевских «Эпоха» (1864)

Fig. 9. Unidentified literary anthroponym. *Lilinka* (кѣ *Лилинькѣ*, *работаетъ же Лилинька*) is a heroine of a nihilistic novel by D. Akhsharumov, published in the Dostoevsky brothers' magazine “Epocha” (1864)

В другом случае немаркированная и неопознанная евангельская цитата стала причиной неверного чтения всей фразы и искажения смысла, вложенного в нее автором. В наброске к статье «Социализм и Христианство» читаем: «Соціалізмъ назвался Христомъ и идеаломъ. *Се здѣсь Христось*

или тамъ... Не вѣрьте. Апокалипс<исъ>» (С. 23). В публикациях это место расшифровано так: «Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... не вѣрьте Апокалипс<ису>» (ЛН: 250; Д30; т. 20: 193). Между тем запись представляет собой контаминацию церковнославянского и русского вариантов евангельской цитаты: «Тогда аще кто речеть вамъ: се, здѣ Христось, или ондѣ: не имите вѣры» и «Тогда ежели кто вамъ скажетъ: вотъ здѣсь Христось, или тамъ; не вѣрьте» (Мф. 24:23), — продолжающейся мотивами Апокалипсиса (Мф. 24:27–35) [Тихомиров, 2010: 172; Тарасова, 2017: 60–61]. Позже, в «Дневнике Писателя» за 1881 г., эта цитата прозвучит вновь: «Сказано: “Будут времена, скажут вам: се здесь Христос, или там, не вѣрьте”. Вот и теперъ как будто нечто похожее совершается» [Тихомиров, 2010: 172].

Дополнительную сложность опознания подобных цитат составляет отсутствие в большинстве случаев явного указания на чужой текст — кавычек. Как показывает ведущаяся в настоящее время работа над составлением аннотированного именного указателя как к печатным публицистическим, так и к рукописным текстам Достоевского, объем скрытых цитат, немаркированных отсылок к чужим текстам намного превышает явные цитаты и прямые отсылки, указанные самим автором.

Иногда интертекстом (автоинтертекстом) становится не чужое, а собственное произведение, встраиваемая в текст автоцитата, автопародия, часто не имеющая маркировки. Особенно это характерно для параллельно создававшихся и тематически созвучных произведений. Укажем на два случая, когда такие неузнанные в записях Достоевского (в одном случае — при прямом указании автором на источник) его же тексты привели к ошибочной расшифровке написанного. В насквозь пародийных набросках к повести «Крокодил» можно найти вкрапления из пародийного же незавершенного стихотворения Достоевского середины 1860-х гг. «Офицер и нигилистка» (в 1870-е гг. переросшего в тоже не завершенную драму «Борьба нигилизма с честностью»).

В зарисовках на с. 118 описывается, как проглоченного крокодилом Ивана Матвеевича посещает нигилистка, а его друг «Досталь стихишки. — Офиц<еръ> и Нигилист<ка>». И далее излагаются некоторые коллизии этого шуточного произведения:

«— Но вѣдь написано что она {проводитъ жизнь въ} несчаст[на]{щи}
— Это для соблюде<нія> нравств<енности>. Но остальное все справедли-
во и признаю поражаетъ меня своимъ остроумі<емъ>
Въ самомъ дѣлѣ для чего **ежамъ кринолины**».

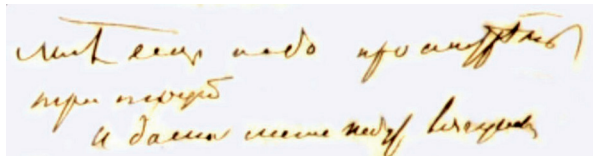

Илл. 10. Пример немаркированной автоцитаты у Достоевского

Fig. 10. Example of unmarked self-quote in Dostoevsky's text

В выделенном сочетании первое слово (*ежамъ*) написано в разрыв; нетипично написание первой «и» во втором слове (*кринолины*); мало информации содержит и ближайший контекст — всё это условия, при которых возникают неточности прочтения. В публикациях запись расшифрована как: «В самом деле, для чего служат крокодилы» (ЛН: 259; Д30; т. 5: 326; Д35; т. 5: 364). Между тем в комментарии к этой странице («Очевидно, Достоевский предполагал ввести в текст “Крокодила” сатирическое стихотворение “Офицер и нигилистка”» — Д30; т. 5: 396), в т. ч. — к расположенному на ней же другому фрагменту: «Если у гусей нѣтъ тетокъ, стало быть тетки предразсудокъ» (Д30; т. 5: 396) — содержится прямое указание на источник обеих фраз. Это иронический парафраз следующего четверостишия из первой редакции «Офицера и нигилистки» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8. С. 12 — ЗК 1864–1865 гг.): «В природе есть ли кринолины? / Иль, предрассудком дорожа, / Идет ли гусь на именины? / Ну есть ли тетки у ежа?» (Д30; т. 17: 31; т. 5: 396).

К этому же стихотворению относится и один из вариантов разработки сценки прихода нигилистки к проглоченному крокодилом чиновнику. Если в варианте на с. 118 рукописи нигилистка, перечислив реальные и спародированные названия современных нигилистических романов, заявляет, что это она написала роман «Как?»¹³, то на с. 135 она же, обратившись к Ивану Матвеевичу с несколькими самыми «насущными» вопросами: «Я пришла спросить у Васъ о структуръ Крокодила, какъ вы думаете объ эманципаци*и*, върите-ли въ Бога, Вы читали подводный камень», — продолжает: «Мнѣ еще надо просмотрѣть три трупа / И дома меня ждутъ лягушки».

Этот набросок, написанный трудночитаемой скорописью, не получил дальнейшего развития и не вошел в опубликованный текст начала повести. Отсюда неточности в исследовательских расшифровках записи, не позволяющие раскрыть смысл задуманной сценки: «Мне еще надо просмотреть три трети. / И дамы меня ждут всяческие» (ЛН: 250), «Мне надо просмотреть три труда. / И дома меня ждут в ящике» (Д30; т. 5: 338), «Мне еще надо просмотреть три труда. / И дома меня ждут в ящике» (Д35; т. 5: 378). Между тем мотив, аналогичный спародированному в данной сценке, содержится всё в том же незавершенном стихотворении «Офицер и нигилистка»: «Но я сейчас тебя пройму. / Представь сознанию своему, / Что лучше резать нам лягушек / И этим обществу служить, / Чем лишь в печении ватрушек / По-рабски время проводить» (Д30; т. 17: 30). Далее мотив получает развитие — нигилистка, приглашая офицера уехать с ней в Кострому и жить там в фиктивном

браке, рисует картины их совместной жизни: «...Начиная / И пропаганду и протест, / Мы первым делом натаскаем / Мешок лягушек со всех мест», — объясняя подобное желанием «всех костромитянок / Стащить бездействия с лежанок!» (ДЗ0; т. 17: 18–19).

— ошибки вследствие чтения записей вне контекста (связанные или дублирующиеся записи)

Мы уже высказывали мысль о том, что при определенной узкой задаче (например, изучить, систематизировать, сопоставить все записи, связанные с издательско-редакторской деятельностью Достоевского определенного периода) наиболее продуктивен будет путь, который принят при воспроизведении набросков к художественным произведениям: все записи с разных страниц одной ЗТ и даже из разных записных книжек и тетрадей анализируются и приводятся единым корпусом [Тарасова..., 2019: 112]. Часто именно так, в сопоставлении записей в разных параллельно заполняемых тетрадах, какой-то непрописанный, нечетко читающийся, непонятный фрагмент из одной тетради становится ясным.

При расшифровке набросков опора только на графический рисунок слова не всегда приводит к нужным результатам и дает однозначное прочтение: слово может быть не дописано, написано мелким нечетким почерком, зачеркнуто, закрыто другими элементами текста (особенно это касается вставок, включающих исправления), какие-то графемы в слове могут трактоваться двояко. Не всегда помогает и контекст — в отличие от связанного текста черновых автографов наброски характеризуются краткостью, разрозненностью, иногда могут ограничиваться одним-двумя ни с чем не связанными словами. Очень редко, особенно при расшифровке подготовительных материалов, можно привлечь в качестве опоры окончательный печатный текст: это касается не только нереализованных замыслов статей и художественных произведений, но и не вошедших в окончательную печатную версию вариантов развития сюжета. Несмотря на совершенно хаотичное, на первый взгляд, заполнение тетрадей, что неоднократно отмечали исследователи¹⁴ (Достоевский мог делать записи в прямом и в обратном направлениях, с пропуском страниц, на одной странице могли располагаться разновременные наброски — к художественным произведениям, к публицистике, незавершенные замыслы, записи для памяти, расчеты), следует анализировать закономерности творческого процесса, искать его устойчивые типичные характеристики, на которые можно опираться при расшифровке трудночитаемых мест рукописи.

Одна из таких особенностей Достоевского при работе над рукописями — повторяемость (чаще с вариациями) отдельных фрагментов, фраз при работе над одним, а иногда — и над несколькими параллельными замыслами. В слабой форме она сохраняется даже на стадии работы над связным текстом чернового автографа, когда на полях может появиться краткая, в сжатой

форме (часто два-три слова) фиксация только что возникшей мысли, которая получит развитие абзацем ниже или на последующих страницах. Для записных же тетрадей Достоевского, в основном содержащих отрывочные наброски, — это обычный повторяющийся прием. Этот конспект фразы может быть повторен в более развернутой форме как прямо на той же странице, чуть ниже, так и на других, часто весьма отдаленных от первоначального наброска и разрозненных страницах той же записной тетради; а может, в случае, когда несколько тетрадей и записных книжек велось писателем параллельно (что характерно как раз для анализируемого нами периода, 1860-х гг.), — обнаружиться в них. См., например, в набросках к «Крокодилу»: «Карамзин<скій> слогъ» (С. 121, 123, 132), «Крокодилъ пустой», «Совершенно пустой», «Къ удивлен<ію> моему онъ совершен<но> пустой» (С. 121), «Самое лучшее время моей жизни», «И мнѣ кажется даже, что это самое лучшее время моей жизни» (С. 121 — 2 раза, 128), «ЧИНЬ ПОЛКОВНИКА», «Полковникъ» (С. 121), «Люди дикіе любятъ независимость и т. д.», «Люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые ищутъ спокойствія...» (С. 121, 133), «Трагическ<ое> также смѣш<но> какъ и комическое» (С. 121, 134), «Ему хочется показать, что онъ Сократъ» (С. 121, 134), «Наша русск<ая> Евген<ія> Туръ», «Русская Евг<енія> Туръ» (С. 121), «Боюсь смѣшного» (С. 121, 134), «Чайникъ<, > негуманно и не мило», «Утѣснять такъ собой крокодила», «Не гуманно совсѣмъ и не мило / Эксплуатировать такъ¹⁵ {Утѣснять такъ собой} крокодила» (С. 116, 124 — строчки к задуманному стихотворению¹⁶; с. 125 — само стихотворение).

Подобное почти дословное повторение отдельных фраз, хотя и гораздо реже, можно наблюдать также в произведениях, создававшихся почти одновременно. Так, на с. 17 в верхней части страницы конспективно изложены некоторые темы задуманных публицистических статей (о нигилистах и нигилистическом романе, о Папе, статьи «Социализм и Христианство»), а также содержится одно из первых упоминаний о будущем сюжете «Крокодила» (Семена Захожева записки):

«Семинаристы

Пѣшь и босъ

Миромъ управляютъ поэты. (900 Андр<ей> Алекс<андрович>ей)

Рутин и ея качества. (Міръ заждался господина)

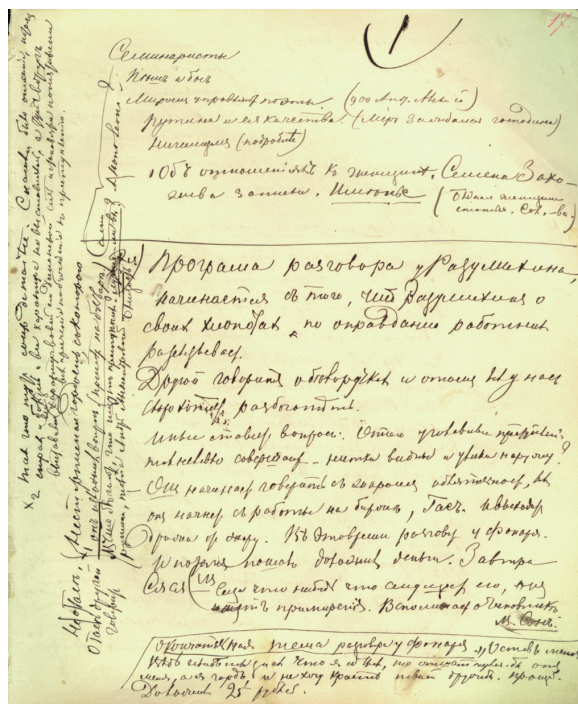
Нигилизмъ (подробнѣе)

— Объ отношеніяхъ къ женицинѣ. Семена Захожева записки. Имѣнъе {(Бѣдная женщина статья. Сол<овье>ва.)}

Фразы о «рутин» и «Краевском» потом прозвучат и в «Крокодиле»: «Ты можешь быть {служить} примѣромъ какъ какая нибудь идея отражается на челоувѣкъ рутинномъ, бездарномъ»; «Но однакожъ какъ легко принимаетъ рутин

извѣстныя убѣжденія»; «Тотъ вѣкъ видѣлъ Александра Андрѣевича Чацкаго. Нашъ вѣкъ видѣлъ Андре[й]{я} Александровича Краевскаго» (С. 117, 123, 134). Позже, отделив эти записи чертой, Достоевский вносит на эту же

страницу (в ее нижней части и на полях слева, под номером 1) наброски к роману «Преступление и Наказание». И вот в записи на полях, несомненно относящейся к роману, а не к публицистическим замыслам, мы видим почти дословное повторение выделенных фраз: «**рутина, толпа Андрей Александровичей**».

Илл. 11. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864–1865 гг. с набросками к роману «Преступление и Наказание» и будущим статьям (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 17)

Fig. 11. Page from Dostoevsky's 1864–1865 workbook with sketches for the novel *Crime and Punishment* and future articles (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.4. P. 17)

Этот же пример демонстрирует, на что можно ориентироваться при расшифровке сокращенных в рукописи слов и названий. В данном случае фраза на полях, написанная полностью, подсказывает правильную расшифровку и сокращенной: «900 Андр^{ей} Алек^{сандровичей}» (таким образом, в ЛН: 246 и ДЗ0; т. 20: 191 — ошибочно: «900 Андр^{еев} Алек^{сандровичей}). Аналогичную форму находим и в печатном тексте Достоевского того периода: «Вот, например, случилось что-нибудь с **Андрей Александровичем!**» (ДЗ0; т. 19: 68; «Петербургские сновидения в стихах и в прозе»; 1861).

В подобных случаях справедлива и обратная проверка, позволяющая исправить ошибочное чтение во всех публикациях записи к «Преступлению и Наказанию» (Гливенко: 88; ЛП: 498; ДЗ0; т. 7: 89; ДЗ5; т. 7: 118): «рутина,

толпа, Андрей Александрович» (ср. в рукописи: форма Род. падежа у отчества, с ясно прописанным окончанием *-ей*, и отсутствие запятой):

Приведем еще один пример, когда такая проверка повторяющимися фрагментами текста могла бы помочь избежать ошибки. В набросках к «Крокодилу» в качестве одной из характеристик Ивана Матвеевича дважды встречается фраза: «Ему хочется **показать**, что онъ Сократъ» (С. 121, 134):

Во всех публикациях в первом случае был приведен ошибочный вариант расшифровки, не мотивированный графикой (отсутствует «ять», отсутствует верхний полуовал у «в»): «поверить» (ЛН: 262; Д30; т. 5: 328; Д35; т. 5: 366; ср. во втором случае — правильно: ЛН: 272; Д30; т. 5: 337; Д35; т. 5: 377). Фразы полностью идентичны, хотя и находятся в записной тетради достаточно далеко друг от друга, а написание графем в слове «показать» несколько варьируется (по-другому написаны «з» и «т»), оставаясь однако в пределах описанных традиционных вариантов почерка писателя.

Эти наблюдения показывают, что для точного воспроизведения рукописи и понимания заложенного в них смысла наброски к одному произведению (на разных страницах одной ЗТ, а также в разных параллельно ведущихся записных книжках) должны анализироваться с сопоставлением повторяющихся фрагментов. Иногда только сравнение удаленных друг от друга, но связанных записей позволяет реконструировать плохо читающийся, дефектный текст, а также скорректировать его датировку. Приведем примеры.

19 августа 1864 г. в записной тетради появляются наброски для «политической статьи»¹⁷:

«2) — Ну а случай въ отдаленномъ будущемъ (*оружіе*) {(Америка *изобрѣтѣтъ*<тетѣ>)} Тогда все перемѣнится. [О Крѣпост] Границы нарушатся. (О внутренней племенной національной силѣ, которая должна замѣнить границы естественны<я>) Почва<, > духъ народный <ѣ>. 3) — Эмиль Жирарденъ *le Droit* (Голосъ) 4) *Статейка о естествен<ныхъ> границахъ. (Изъ этой статейки переходъ на почву)>. Ложь Русс[и]о. (le Droit {Эм<иль> Жирарденъ}) Историческая правда. Соціалисты: два милліона головъ. Польша и Соціалисты. Банкетъ Гарибальди <...> 5) *Наша цивилиза<ція> и Европейская. Не хотимъ Европей<ско>й Все различіе: Вѣра. Будущее. Разумѣтс<я>**

не такія гаданія какъ книга Шеддо-Ферротти. — *О книзь Шеддо-Фероти...*»
(РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 3, 5; ср.: ЛН: 243–244; Д30; т. 20: 188–189).

Конспективно эти же мысли были изложены в параллельно заполняемой записной книжке 1863–1864 гг., в основном содержащей адреса и расчеты по журналу «Эпоха»:

«Въ политич<ескую> Статью

- Обь изобрѣт<еніи> оружіи
- Эмиля Жирарден<а> въ Голось (*Le droit*).
- Статейка о естественныхъ границахъ.

Изъ этой статейки переходъ на почву и о ложныхъ идеяхъ Ж. Ж. Руссо
(оставался<ъ> <нрзб.>)

Главное развитіе».

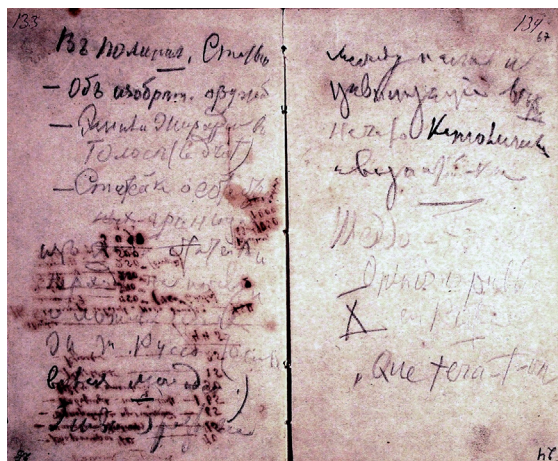
«(Между нами и цивилизаціе<й> вѣра.
Начало католическое и византійское.

Шеддо-Ferroti

Opinion publique en Russie

X

“*Que fera-t-on*”») (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 25–24 по обратной нумерации, с. 133–134 по прямой нумерации; ср., с неточностями: ЛН: 180; Д30; т. 20: 171).

Илл. 12. Наброски к политической статье в записной книжке 1863–1864 гг.
(ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 25–24)

Fig. 12. Sketches for a political article in the 1863–1864 notebook
(The Russian State Library (RSL). F. 93.1.2.7. P. 25–24)

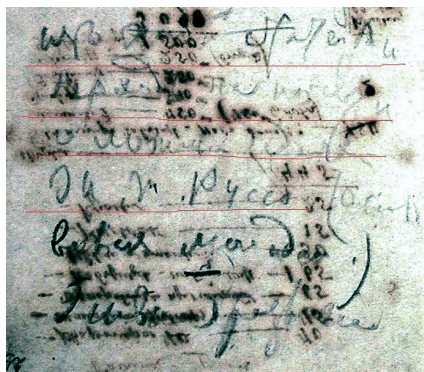
Совершенно справедливо указывая на то, что набросок этот подробнее «развит в записной тетради 1864–1865 гг.» (ДЗ0; т. 20: 361), комментаторы академического собрания сочинений в преамбуле к записной книжке датируют «замысел политической статьи» начальным периодом заполнения данной ЗК, т. е. 1863 г., а в комментарии к словам «об изобретении орудий» ссылаются на «газетные сообщения об изобретении нового вида пороха», приводя в пример статью 1863 г. в «Голосе» (ДЗ0; т. 20: 360–361). Данная датировка ошибочна — оба отрывка тесно связаны между собой и являются непосредственным откликом на прочитанное в прессе 1864 г.: сообщение «Голоса» о выходе книги Эмиля Жирандена «Права мысли» (1864) было напечатано 14 августа 1864 г. в № 223; перепечатка из «Saturday Review» статьи «Естественные границы» была опубликована в «Голосе» в день появления записи 19 августа 1864 г. (№ 218¹⁸), — ранее этой даты наброски появиться не могли. Таким образом, конспективный отрывок ЗК, несомненно, более ранний, чем его более подробная разработка в ЗТ, может быть датирован точно: 19 августа 1864 г. Помимо уточнения датировки четкие, написанные чернилами записи ЗТ позволяют скорректировать расшифровку плохо читаемых карандашных набросков из ЗК.

Все публикаторы (ЛН: 180; ДЗ0; т. 20: 171) располагают в две строки через точку, как две обособленные, не связанные друг с другом мысли, следующую фразу:

«Из этой статейки переход на почву и о ложных идеях.

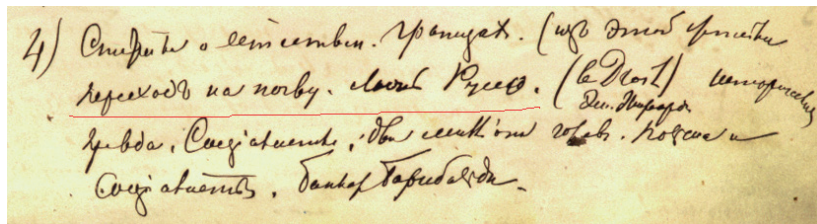
Ж. -Ж. Руссо (оставался молодым <?>».

Между тем в ЗК, имеющей малый формат, запись в продолжающемся предложении просто переходит с одной строки на другую; точки в рукописи после слова «идеяхъ» нет, и очевидно, что имелось в виду положение: «о ложных идеях Ж. -Ж. Руссо». Дополнительным аргументом такой интерпретации рукописи служит развитие этой же мысли в следующей ЗТ (*Изъ этой статейки переходъ на почву*<)>. *Ложь Русс[и]о*:

Илл. 13. Наброски к политической статье в записной книжке 1863–1864 гг. Фрагмент (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 25–24)

Fig. 13. Sketches for a political article in the 1863–1864 notebook. Fragment (The Russian State Library (RSL). F. 93.1.2.7. P. 25–24)

Илл. 14. Наброски к политической статье в записной тетради 1864–1865 гг. Фрагмент (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 3)

Fig. 14. Sketches for a political article in the 1864–1865 workbook. Fragment The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.4. P. 3)

Вызывает сомнения и предложенное публикаторами прочтение слов в скобках: «оставался молодым» — неясное по смыслу и не оправдываемое графически. На месте прочитанного «молодым» в рукописи, возможно, находятся два недописанных слова. В первом виден нижний выносной элемент во второй букве, напоминающей «у», и в третьей букве — характерное написание «ж», в целом дающее возможность предположить тут начало слова «суж~~д~~енія»: как указывают комментаторы академического ПСС по поводу слов из ЗТ «Ложь Руссо» — «по-видимому, Достоевский имеет здесь в виду размышления Руссо о возможности вечного мира между государствами Европы», — отсылая к его книге «Суждения о вечном мире» (ДЗ0; т. 20: 378). В «третьем» слове можно различить начертания уже употребленного выше понятия «идея». Однако однозначной расшифровки данного места рукописи пока что предложить нельзя, наше чтение гипотетично. Данный пример интересен также с точки зрения сопоставления авторских начертаний: одни и те же слова в одинаковых условиях (это не чистовик, не текст «для другого», а отрывочные наброски скорописью «для себя») записаны почти в одно время, но разными инструментами — мягким карандашом и пером.

Следующие несколько обобщений связаны уже не столько с расшифровкой рукописей, сколько с эдиционной практикой.

— *ошибки при расшифровке сокращенных записей*

Выше уже было показано, как сопоставление дублирующихся записей (Толпа / 900 Андрей Александровичей) помогает выбрать правильную расшифровку сокращенного имени. Приведем еще один пример: в рукописях Достоевского часто встречается сокращение «слѣд». Неясно, какое слово он имеет в виду: «слѣд<ственно>» или «слѣд<овательно>»? Не всегда в подобных случаях можно найти однозначный ответ (тогда слово, без сомнения, лучше оставить в сокращенном виде). Но конкретно по поводу этого слова решение существует: изучение текстов всех записных книжек и тетрадей показывает, что при полном, а не сокращенном написании этой лексемы писатель предпочитает вариант «слѣдственно» — он встретился 10 раз, тогда как вариант «слѣдовательно» — лишь однажды.

Сложной предстает проблема сокращенных онимов, имен героев или топонимов, имеющих реальные прототипы. Речь идет не столько об их расшифровке, сколько о точном реальном комментарии. Иногда они прозрачны, подсказываются контекстом, легко раскрываются (вспомним К<окушки>н мост, С<толярны>й переулочек и Р<язанскую> губернию из «Преступления и Наказания», критика Б<елинского> в «Униженных и Оскорбленных»). Иногда комментарий вызывает затруднения и становится предположительным. В анализируемой записной тетради одним из бесчисленных посетителей проглоченного чиновника становится некто В-в: «*Опять приходилъ В-въ. Въроятнѣе всего, что онъ и самъ не знаетъ за чѣмъ онъ приходитъ, и страшно былъ-бы благодаренъ тому, кто бы ему разрѣшилъ, зачѣмъ онъ приходитъ*» (С. 127). Комментаторы академического ПСС выдвигают версию, что тут мог подразумеваться Николай Николаевич Воскобойников, публицист, сотрудник «Библиотеки для чтения», «Московских Ведомостей», подписывавшийся криптонимом В-в (Д30; т. 5: 397; Д35; т. 5: 559). Данное предположение дополняется и подкрепляется следующими доводами. Воскобойников был сотрудником не только перечисленных выше изданий — в 1861 г. в № 7 журнала «Время» была опубликована его статья «Заметка по крестьянскому вопросу. О выгодах третейского разбирательства споров между крестьянами и помещиками». Его имя, оказавшееся в центре «литературы скандалов» и журнальной полемики после публикации им статьи «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» (Санкт-Петербургские Ведомости. 1860. № 261. 30 ноября), упоминается Достоевским в 1861 г. в «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» и в статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве» (Д30; т. 18: 72, 275, 287; т. 19: 80, 273). По свидетельству тогда еще лично не знакомого с Достоевским издателя-редактора «Библиотеки для чтения» П. Д. Боборыкина, он довольно много слышал о писателе и его жизни в Петербурге именно от Воскобойникова, который был вхож к Достоевским и «довольно-таки язвительно рассказывал о жизни братьев Достоевских». После закрытия «Времени» именно на квартире Воскобойникова произошла встреча издателей двух журналов «по поводу того соглашения, в которое “Библиотека” вошла с редакцией “Время” насчет удовлетворения подписчиков» [Нечаева, 1975: 21–22]; [Нечаева, 1972: 80]. В 1865–1866 гг. Воскобойников, как свидетельствуют три его сохранившихся письма к Достоевскому, выполнял ряд его поручений во время пребывания писателя за границей [Белов; т. 1: 160]. Не удивительно, что В-в навещает думающего «не примкнуть ли к почве?» Ивана Матвеевича. Дополнительным аргументом может также служить аналогичная запись на следующей странице, продолжающая тему посетителей: «*Приходилъ Извойниковъ*» (С. 128; о повторяющихся и дублирующихся записях см. выше).

На той же с. 127 находим еще одно сокращенное имя: «*Чиновникъ-начальникъ, разговоръ съ Ѳед. Ѳедулычемъ*». В двух публикациях имя оставлено нерасшифрованным (ЛН: 266; Д35; т. 5: 370). В Д30 имя расшифровано,

но неточно: «разговор с Фед<ором> Федоровичем» (ДЗ0; т. 5: 331). В данном случае не будет ошибочной расшифровка «Фед<уль> Федулычемъ» — на такую, восходящую к Гоголю, особенность поэтической ономастики Достоевского, как пародийное удваивание имен-отчеств у второстепенных персонажей, указывал еще М. С. Альтман [Альтман: 154, 264].

— *ошибки при воспроизведении рукописи не на языке автора*

Отдельно следует оговорить ошибки, возникающие только при воспроизведении рукописей по нормам современного русского языка. В этом случае часто появляется потребность в разграничении омонимичных форм, которые в зависимости от значения и роли в предложении могут как требовать постановки отсутствующего в оригинале знака препинания, так и нет, или писаться как слитно, так и раздельно («нормами» XIX в. такие написания не регламентировались). Приведем примеры.

Так, например, слово «наверно» («наверное») в значении сомнения («вероятно, по-видимому») выступает в предложении в роли вводного и отделяется запятой. Это наиболее частотное значение при употреблении данного слова в современном языке. В наречном значении утверждения «точно, определенно, наверняка» (маркируется в современных словарях русского литературного языка пометой «устар.») постановка знака при этом слове не требуется¹⁹. Именно в этом втором, не всегда узнаваемом публикаторами значении данное слово нередко употребляется в рукописях Достоевского: «Разногласіе будетъ тогда когда к[ого]{то} нибудь изъ нихъ обѣихъ, или Англія или Франція, приобрьтетъ слишкомъ ужъ большой перевѣсъ передъ другой державой и entente cordiale нарушится. Этого намъ должно желать. Тогда ввяжется и Россія. **Навьрно** кончится раздѣломъ Турціи между 3^{м~~я~~} державами: Франціей, Англіей и Россіей и этотъ раздѣлъ поставитъ насъ во вражду съ Австріей»; «теплое сочувствіе къ падшему Папѣ дойдетъ до энтузіазма и **навьрно** будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла Европы» (наброски к политической статье; С. 3, 7; в ЛН: 243, 244; ДЗ0; т. 20: 188, 189 — стоят запятыми).

Раздельное (относительное местоимение в роли дополнения с частицей), а не слитное (союз) написание «что бы» диктует контекст следующей фразы: «Наука нужна. Нужно **что**{-}нибудь **что** бы²⁰ онъ самъ рѣшилъ любить и уважать, а не **то что** ему навязано» (С. 14). Данное значение поддерживается и второй частью предложения с параллельным построением: «Нужно что-нибудь, что... а не то, что» (ср. в ЛН: 246; ДЗ0; т. 20: 191 — «чтобы»).

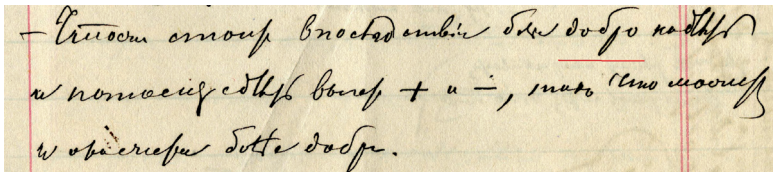
— *ошибки при реконструкции последовательности записей*

Репрезентация рукописи, связанная с задачей реконструкции хронологической последовательности появления набросков, сопровождающаяся часто сложнейшими перестановками и контаминацией записей с разных страниц ЗТ, может приводить к таким ошибкам, как дублирование одного

и того же фрагмента, либо, наоборот, утрата части текста. Так, вводная часть к повести «Крокодил»: «Неслыханное приключеніе, или върнѣе сказать: пассажъ въ нас<с>ажѣ, о томъ,}{ } {состоящій въ томъ,} какъ нѣкій почетенный господинъ [былъ] [съ] па<с>ажнымъ крокодиломъ былъ проглочень живьемъ и что изъ этого вышло. Семеномъ Захожимъ доставлено» (С. 130) — ошибочно воспроизведена дважды в академических ПСС — на своем месте и как «часть» текста со с. 113 рукописи (Д30; т. 5: 334–335, 323; Д35; т. 5: 374, 360–361; в ЛН такое дублирование отсутствует, но при этом текст со с. 113 целиком пропущен).

Дополним изложенные наблюдения текстологическими разночтениями на материале второй записной тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.5; 1864, 1866–1867 гг.). Многие неточности, допущенные в первых публикациях материалов этой рабочей тетради, исправлены в новом ПСС. Так, к примеру, в следующем наброске к роману «Преступление и Наказание» есть строки, прочитанные неточно:

«— Чтоже стоитъ внослѣдствіи болѣе **добро** надѣлать и потомъ сдѣлать вычетъ + и –, такъ что можетъ и окажется болѣе добра» (59).

Гливенко: добра (171).

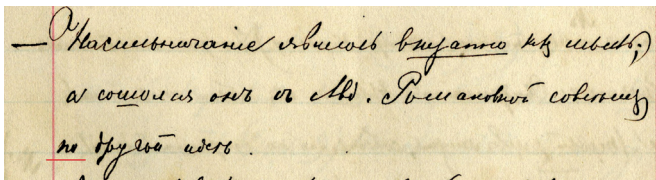
Д30: добра (7: 159).

Д35: добро (7: 203).

Написание флексии -о ясное и отчетливое, поэтому едва ли в данном случае стоит вести речь об ошибочном прочтении записи публикаторами — скорее, о редакционной правке текста в соответствии с требуемой грамматической сочетаемостью: «более добра».

Другие примеры исправлений в 7 томе Д35, восстанавливающих авторские написания:

Рукопись: «— Насильничаніе явилось **внезапно** какъ мысль; а сошолся онъ съ Авд<отъей> Романовной совсѣмъ **по** другой идее» (63).

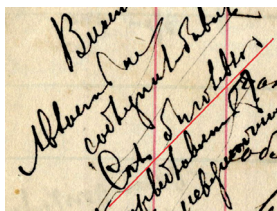

Гливенко: на (174).

Д30: на (7: 162).

Д35: по (7: 206).

Рукопись: «Власти. А власть не соблазнила-бы васъ. **Стъкъ бы головы**» (64).

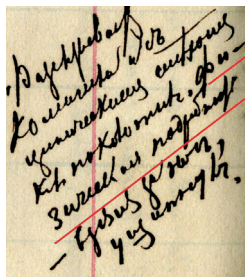

Гливенко: сѣл²¹ бы (...) (175).

Д30: Сам би<лся> (7: 163).

Д35: Сек бы головы (7: 207; сноска 2).

Рукопись: «**Физическая подробность** — взялъ за носъ, ущипнулъ» (64).

Гливенко: Физическія подробности (175).

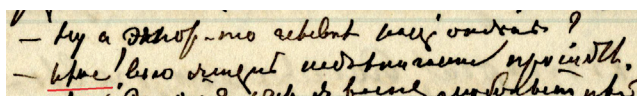
Д30: Физические подробности (7: 163).

Д35: Физическая подробность (7: 207).

Рукопись:

«— Ну а этотъ-то человекъ національнѣй?»

— **Какое!** всю жизнь надъ книгами просидѣлъ» (67).

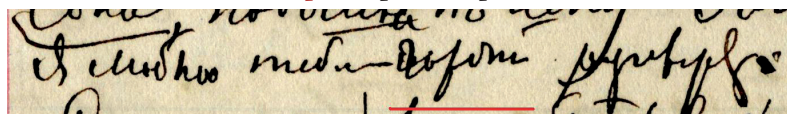

Гливенко: Какже (177).

Д30: Как же (7: 165).

Д35: — Какое (7: 210).

Рукопись: «Я люблю тебя — **гордый** разговоръ» (68).

Гливенко: горячій (178).

Д30: горячий (7: 166).

Д35: гордый (7: 211).

Рукопись: «Ужъ не заползала-ли и къ нему эта мысль не смотря на то что онъ Заметова {изъ за меня} за волосенки выдралъ. Чего добраго! **Гмъ**. — (И обратился къ Сонѣ. вышли)» (103).

объ токъ-то, да объ токъ-то въ видъ брѣди. Ужъ
не въ аналѣге — и въ концѣ Дуни увѣдъ
не съотрѣ, на тогъ-то въ ^{архивѣ} ~~архивѣ~~ ^{за}
въ ~~свѣтъ~~ ^{въ} ~~дрѣ~~. ^{Сонѣ} добрый! Гмъ.
(И обратился къ Сонѣ. вышли)

Гливенко: Чего добраго! 1-ой (и обратился къ Сонѣ, вышли) (188).

Д30: Чего доброго! Господи».

(И обратился к Соне. Вышли.) (7: 176).

Д35: Чего доброго!

Гм».

(И обратился к Соне. Вышли.) (7: 224).

Рукопись: «Въ тоскѣ онъ пришолъ какъ-то къ матери, когда Дуни не было, цаловаль ей ноги, плакаль, рыдалъ и ушолъ ничего не объяснивши» (106).

Въ тоскѣ онъ пришолъ къ-то къ матери, когда
Дуни не было, цѣловалъ ей ноги, плакалъ, рыдалъ
и ушолъ ничего не объяснивши.

Гливенко: умоляль (190).

Д30: умолял (7: 178).

Д35: ушел (7: 226).

Рукопись: «— Стало быть я во всемъ виноватъ — обижался Лужинъ» (106).

Сколько обижался Лужинъ.

Гливенко: обидѣлся (190).

Д30: обиделся (7: 178).

Д35: обижался (7: 227).

Рукопись: «Мы ни о чемъ не переговорили Род<я>» (107).

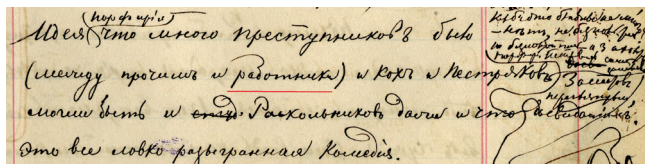
Мы ни о чемъ не переговорили Род.

Гливенко: поговорили (191).

Д30: поговорили (7: 179).

Д35: переговорили (7: 227).

Рукопись: «Идея {Порфирия} что много преступниковъ было (между прочимъ и **работники**) и Кохъ и Пестряковъ могли быть и [студ] Раскольниковъ даже и что это все ловко разыгранная комедія» (113).

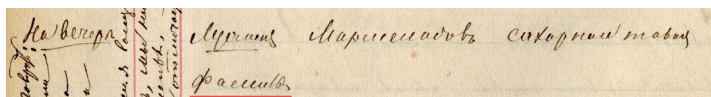

Гливенко: работникъ (196).

Д30: работник (7: 184).

Д35: работники (7: 234).

Рукопись: «На вечеръ Лужинъ Мармеладовъ сахарная такая **фамилья**» (116).

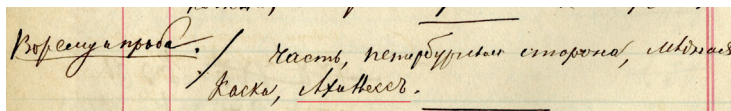

Гливенко: фамилия (198).

Д30: фамилия (7: 186).

Д35: фамилья (7: 236).

Рукопись: «Вотъ ему и проба. / Часть, Петербургская сторона, мѣдная каска, **Ахиллессъ**» (122).

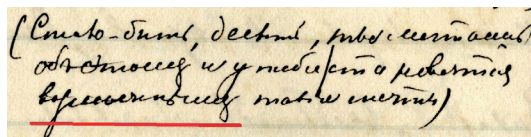

Гливенко — пропуск: [Вот ему и проба] (201).

Д30: Ахеллес (7: 189).

Д35: Ахиллесс (7: 241).

Рукопись: «(Стало-быть, дескать, ты мечтаешь объ этомъ и у тебя становятся **возможнымъ** такія мечты)» (130).

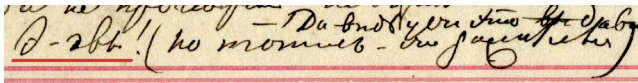

Гливенко: возможнымъ (205).

Д30: возможными (7: 193).

Д35: возможным (7: 245).

Рукопись: «Э-эвы! (Но тотчас-же засмѣлся)» (137).

Гливенко: Э-х вы! (208).

Д30: Эх вы! (7: 198).

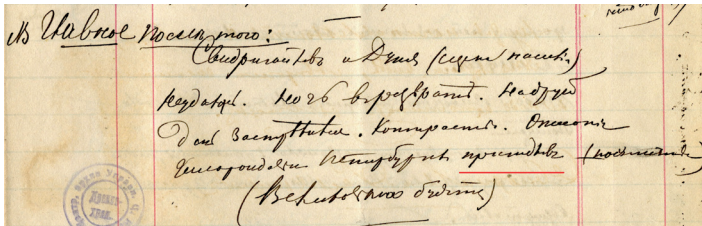
Д35: Э-эвы! (7: 252).

Рукопись:

«{NB Главное} Послѣ того:

Свидригайлѣвъ и Дуня (сцена насилія). Не удал{o}{a}сь.
Ночь въ развратѣ. На другой день застрѣлился. Контра-
сты. Описание гемороидальн<ых> петербургск<их>
припадковъ — (поэтичнѣе).

(Великолѣпно будетъ)» (143).

Гливенко: притоновъ (?) (211).

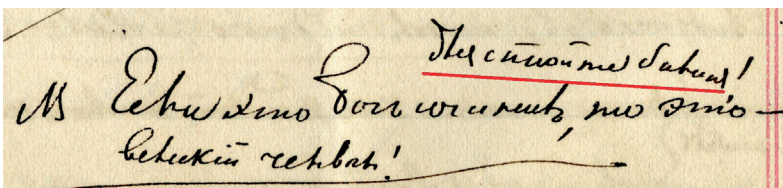
Д30: притонов (7: 202).

Д35: припадков (7: 256).

Рукопись:

«{**длястѣйте балинъ!**}

NB Если это Богъ сочинилъ, то это — великій человекъ!» (144).

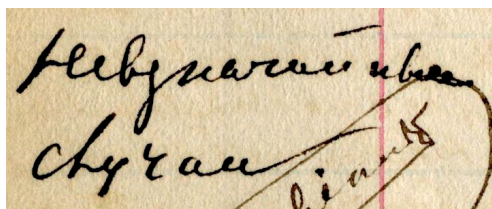
Гливенко: NB Если это Богъ сочинилъ, (... ..!) то это — великій человекъ! (212).

Д30: NB. Если это Бог сочинил для спокойствия божия <В сноске: для спокойствия божия — вписано>, то это — великий человек! (7: 202).

Д35: NB. Если это Бог сочинил, то это — великий человек! <В сноске: Над строкой фраза, имитирующая детскую речь: длястѣйте балин! <здравствуйте, барин!> (7: 257).

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что ошибочное прочтение рукописи чаще всего возникает в первой публикации текста, а затем воспроизводится в последующих изданиях. В издании И. И. Гливенко, кроме того, значительное число пропусков текста в тех случаях, когда публикатор не смог прочесть написанного в рукописи (пропуски обозначены знаком «(...)»). В последующих изданиях эти пропуски восполнены.

Иногда, как в двух примерах ниже, ошибки прочтения рукописи объясняются неразборчивостью самой записи или опiskeй в авторском тексте:

Рукопись: «**Невзначайное** случаи» (112).

Гливенко: Невзначай и все случаи (195).

Д30: Невзначай, и всё случаи (7: 183).

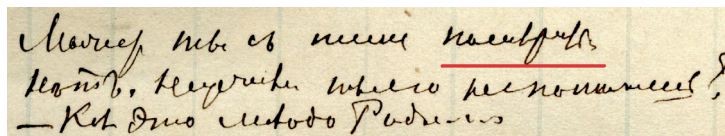
Д35: Невзначайные случаи (7: 232).

Рукопись:

«<—> **Может** ты съ нимъ **помириться**

<—> Нить. Неужели ты его не понимаешь?

— Какъ это молодо Родя...» (109).

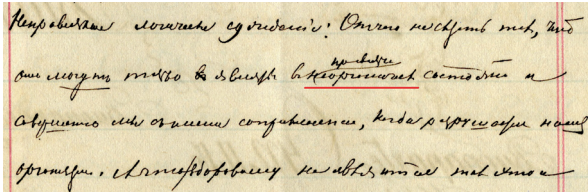
Гливенко: Можетъ ты съ ними (...) (193).

Д30: помирисься (7: 180).

Д35: <—> Може<шь> ты с ним помирить<ся?> <В сноске: В рукописи: Может ты с ним померить<ся>>(7: 229).

Приведем также примеры, в которых записи Достоевского прочитаны неточно всеми публикаторами.

Рукопись: «**NB** Сужденіе его о явленіи призраковъ. Говорятъ что призраки являются только въ нездоровомъ состояніи, стало быть нелѣпность. Неправильное логическое сужденіе: Отчего не сказать такъ, что они могутъ только [въ] являться **въ неорганическ<омъ>** {**Вариант над строкой: <не>правильн<ом><ъ>**} состояніи и совершенно мы съ ними соприкасаемся, когда разрушается нашъ организмъ» (61).

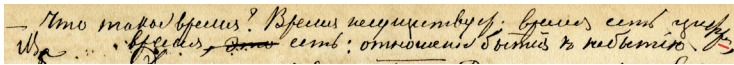
Гливенко: являться в²² (...) неорганически состояніи (172).

Д30: в привычном неорганическом (7: 165).

Д35: в правильн<ом> неорганическом (7: 209–210).

В рукописном тексте приводится рассуждение Свидригайлова о явлении призраков, которое герой определяет как свидетельство нездоровья человека. В записи появляются варианты: «въ нездоровомъ состояніи», «въ неорганическ<омъ> состояніи», «разрушается нашъ организмъ», «разстроены организмъ», «явленіе призраковъ есть признакъ нездороваго организма». Вставку «правильн<омъ>» над словом «неорганическ<омъ>» не следует рассматривать как самостоятельное слово — это вариант к написанному без частицы «не», которую автор не повторил над строкой. Таких случаев частичного надписывания лексических вариантов в рукописях Достоевского достаточно много.

Рукопись: «— Что такое время? Время несуществует; время есть **цифра**, время[, это] есть: отношеніе бытія къ небытію» (63).

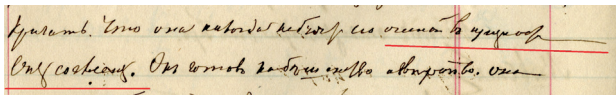

Гливенко: цифры (173).

Д30: цифры (7: 161).

Д35: цифры (7: 205).

Рукопись: «Что она никогда не будетъ его **женой въ сущности**.> Онъ согласенъ» (82).

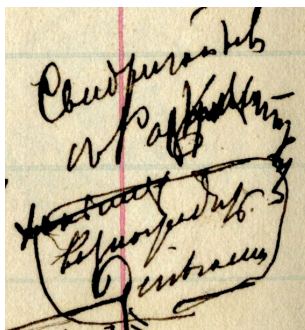
Сакулин, Бельчиков: Что она никогда не будетъ его женой въ сущности онъ согласенъ (27).

Д30: Что она никогда не будет его женой, — в сущности, он согласен (9: 156).

Рукопись:

«Свидригайловъ съ **Ра[зумихинымъ]{скольниковы<мъ>}**

вознаградить деньгами» (88).

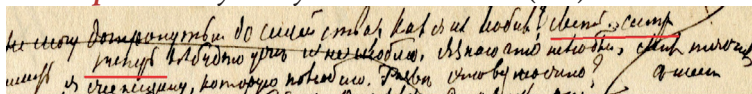
Гливенко: Свидригайловъ съ Раскольн. (...) вознаградить деньгами (181).

Д30: Свидригайлов с Раскольниковым. Хочет вознаградить деньгами (7: 169).

Д35: Свидригайлов с Раскольниковым. Хочет вознаградить деньгами (7: 215).

В данном случае публикаторы приняли за слово «Хочет» часть вычеркнутой Достоевским фамилии «Разумихинымъ», поверх которой вписан вариант «Раскольников<ымъ>». Первая фамилия записана в две строки, вторую автор уместил на одной, изменив наклон записи (вниз) и не дописав слово до конца.

Рукопись: «Не могу дотронуться до семейства; какъ я ихъ любилъ! **Мать и сестр<у>** теперь какъ будто ужъ и не люблю» (112).

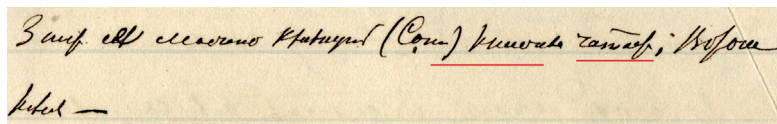
Гливенко: Мать и сестр теперь какъ будто ужъ и не люблю (194).

Д30: Мать, сестру теперь как будто уж и не люблю (7: 181).

Д35: Мать, сестру теперь как будто уж и не люблю (7: 231).

Здесь только в первом издании замечен союз «и» между словами «Мать» и «сестр<у>», записанный с отрывом конечного элемента от основной части. В последующих изданиях вместо союза появляется запятая, которой в авторском тексте нет.

Рукопись: «Знаете [есл<и>]{ее} можно кликнуть (Соню) Книжки **читаетъ**. Вотъ она какая —» (119).

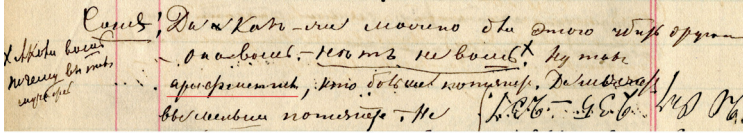
Гливенко: книжки читать (199).

Д30: книжки читать (7: 187).

Д35: книжки читать (7: 238).

Рукопись:

«Соня: Да [и] какъ-же можно для этого убить другого
— Она вошь. — Ньтъ не вошь. {А коли вошь почему вы такъ мучаетесь<?>}
<—> Ну такъ **арифметически**, кто больше потянетъ» (120).

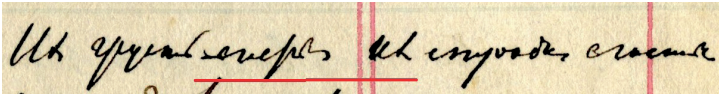

Гливенко: арифметика (200).

Д30: арифметика (7: 188).

Д35: арифмети<че>ски (7: 239).

Рукопись: «Ихъ грусть **счастье**, ихъ **страдан<ия>** **счастье**» (121).

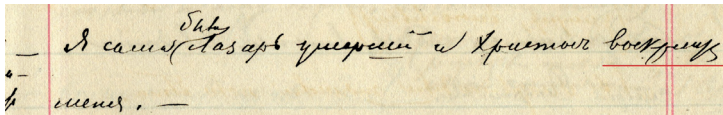

Гливенко: Их²³ грусть ихъ страданья счастье (201).

Д30: Их грусть, переживанья, их страданья — счастье (7: 189).

Д35: Их грусть — счастье <?>, их страд<анья> <—> счастье (7: 240).

Рукопись: «— Я сама {была} Лазарь умершій **и** Христось **воскреситъ** меня. —» (127).

Гливенко: — Я сама [была] Лазарь умершій, а Христось воскресилъ меня. — (204).

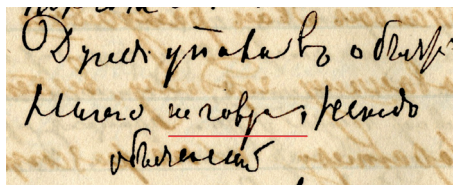
Д30: «Я сама была Лазарь умершій, и Христос воскресил меня» (7: 192).

Д35: — Я сама была Лазарь умершій, и Христос воскресил меня (7: 243).

В этом случае на ошибку прочтения указывает длинный нижний штрих в букве «т» в слове «воскреситъ», выходящий за пределы строки. Буква «л» в графически сходном варианте начертания не имеет нижнего выносного элемента.

Рукопись: «Дуня упала въ объятія.

Ничего **не говори**. Не надо объясненій» (136).

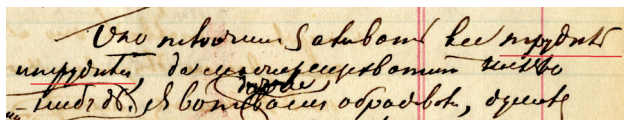
Гливенко: Дуня упала въ объятія ничего не говоря. Не надо объясненій (208).

Д30: Дуня упала в объятия. Ничего не говоря. Не надо объяснений (7: 198).

Д35: Дуня упала в объятия. Ничего не говоря. Не надо объяснений (7: 252).

В рукописи редко появляются кавычки в прямой речи, что иногда вызывает затруднения в интерпретации записи. Перед нами как раз подобный пример, когда публикаторы не распознали в тексте прямую речь. На нее указывает именно начертание флексии в глаголе «говори» — признак повелительного наклонения, а стало быть, — речи персонажа, а не авторского повествования.

Рукопись: «Оно положимъ заливать все **труднѣй** и **труднѣй**, да можетъ еще хватить на сколько-нибудь» (139).

Гливенко: труднѣе и труднѣе (210).

Д30: труднее и труднее (7: 200).

Д35: труднее и труднее (7: 255).

Рукопись:

«NB Свидрига<й>ловъ и Дуня — {Донесете на него. (Это отъ васъ зависить)}

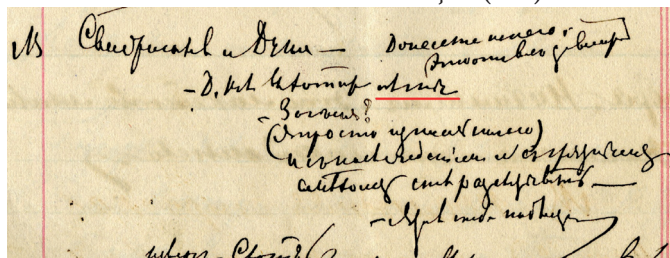
— Д<уня>. Как<ія> вы хотите **платы**<?><?>

— Зачѣмъ?

(Я просто изнасилъничаю)

и съ наслажденіемъ и съ грязнымъ смѣхомъ сталъ разсказывать —

— Я знала тебя подлеца» (144).

Гливенко: Д. Какъ вы хотите (...) (212).

Д30: пленить (7: 202).

Д35: Д<уня>. — Как<ие> вы хотите планы<?> (7: 257).

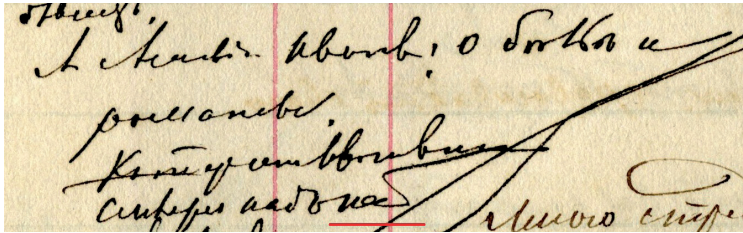
Здесь перед нами пример неразборчиво написанного Достоевским слова, которое публикаторы интерпретировали по-разному — в первом издании

оно осталось неразобранным, в последующих прочитано в вариантах «пленить» и «планы». Для первого варианта в слове недостаточно букв, и их графические начертания иные, чем в глаголе «плѣнить». Во втором варианте сомнение вызывает написание предполагаемой буквы «а» — в записи нет ее графических признаков. Еще один вариант подсказывает смысловой контекст записи: Дуня опасается того, что Свидригайлов может донести на ее брата, и спрашивает, как заплатить, чтобы этого не произошло. Свидригайлов в ответ бросает ей насмешливое «Зачем?». Слово «платы» во мн. ч. (оставим это чтение предположительным), к тому же с непрописанной «а» (вместо нее в записи удлинненный переход от «л» к «т»), не является примером типичного словоупотребления, хотя в этом контексте данный вариант прочтения наиболее логически обоснован.

Рукопись:

«А Амаля Иванова: О бѣтъ и романсы.

Катерина Ивановна смѣется надъ **ней**» (145).

Гливенко: надъ нами (213).

Д30: над нами (7: 203).

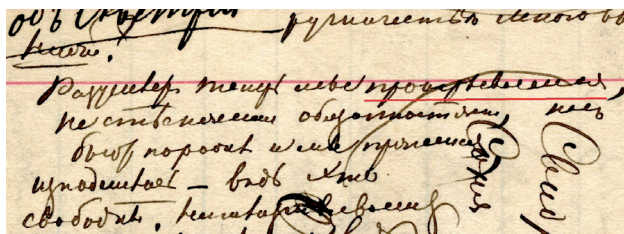
Д35: над нами (7: 258).

На предложенное нами чтение («ней») указывают графические особенности записи: длинный надстрочный штрих над «й».

Рукопись:

«<—> **Ниже?**

<—> **Разумѣется** теперь мы проигрываемся, не стѣсняемся обязанностями, насъ бьютъ по рожъ и мы прѣчемся, исподлились — вѣдь это свободныѣ» (150).

Гливенко: ниже:

Разумѣется теперь мы проистлѣваемся... (217).

Д30: — Ниже?

— Разумеется. Теперь мы проистлеваемся... (7: 204).

Д35: <—> Ниже?

<—> Разумеет<ся>. Теперь мы проистлеваемся... (7: 260).

В варианте «проистлеваемся», предложенном публикаторами, в записи должен присутствовать «Ѣ» после «л». То, что было принято за «Ѣ», — на самом деле первый штрих от буквы «ы» в слове «проигрываемся». Предыдущей букве — «р» — не хватает верхнего выносного элемента, чтобы соответствовать по своему начертанию предполагаемой букве «т». Таким образом, в этом случае, как и в большинстве других, имеет значение комплексный анализ графических и орфографических характеристик текста.

Каллиграфические прописи

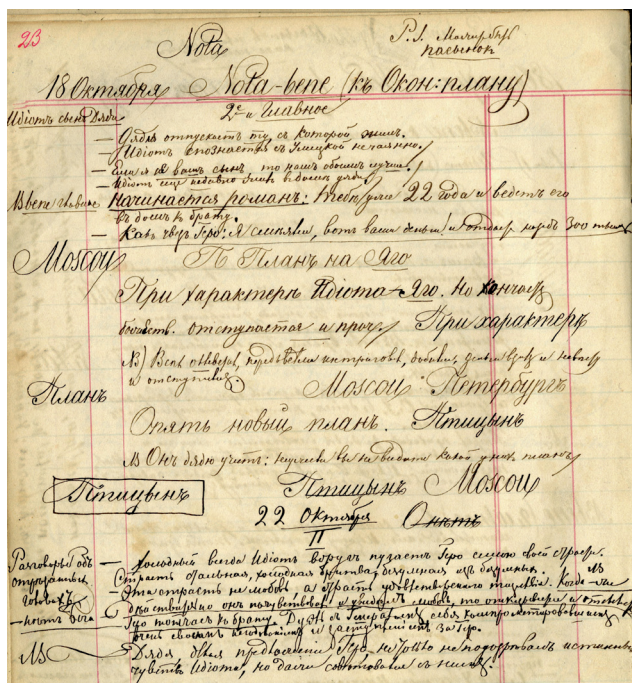
Третье направление, по которому велась работа на материале указанных записных тетрадей, — исследование собственно графики и каллиграфии. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

В первой исследуемой тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.4) имеются каллиграфические прописи: на с. 1, 5, 14 (запись с элементами каллиграфии), 52, 68–69, 75, 81, 92, 95, 116, 121 (запись с элементами каллиграфии), 123, 130–131, 142, 150; рисунки — на с. 5, 14, 20, 39, 41, 86–87, 94–95, 117, 123, 131, 142 (портретные зарисовки), 129, 142, 150 (архитектурные детали готического стиля, их начальные элементы), 26–27, 30, 43, 66, 68, 116–117, 150–151 (листья, частично со штриховкой), 11, 45, 52–54, 68, 81, 95, 100, 117, 131, 136, 142 (пробы пера, виньетки, буквицы).

Во второй тетради (РГАЛИ. Ф. 212.1.5) каллиграфические прописи содержатся на с. 1, 2, 6, 10–15, 18–26, 35, 42, 44–49, 51, 53, 55–57, 67–69, 72, 73, 76–79, 86, 88, 89, 91, 95, 99, 100, 103–109, 112–113, 115, 118–119, 130–131, 134–136, 138, 140, 143, 146–147, 154; рисунки — на с. 7, 9, 12, 13, 27, 34, 62 (портретные зарисовки), 1, 130, 150 (архитектурные детали готического стиля), 62, 68, 99, 101 (листья, частично со штриховкой), 3, 11, 19, 71, 81, 89, 114, 131, 139 (геометрические фигуры, буквицы, росчерки), 59, 114 (православные кресты).

Уже из этого описания следует, что во второй тетради каллиграфических прописей больше. Это объясняется обращением писателя к разработке замысла романа «Идиот», главный герой которого, князь Мышкин, как известно, владел каллиграфическим письмом. Каллиграфия в разных ее формах (отдельные прописи, заголовки каллиграфическим почерком, записи почерком с элементами каллиграфии, росчерки) появляется на страницах многих рабочих тетрадей Достоевского и на отдельных листах, содержащих записи к тем или иным замыслам.

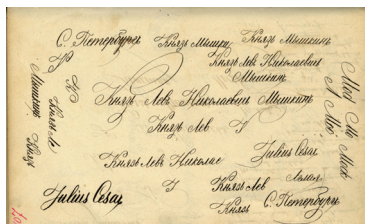
Черновики романа «Идиот» являются наиболее показательным примером каллиграфии, представленной здесь во всем своем многообразии (поэтому включаем в анализ несколько примеров из более поздних тетрадей: РГАЛИ. Ф. 212.1.6, 212.1.7). Это как собственно каллиграфические прописи, так и написанные каллиграфическим почерком заголовки к черновым наброскам:

Илл. 15. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг. с каллиграфическими записями (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 23)

Fig. 15. Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook with calligraphic inscriptions (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 23)

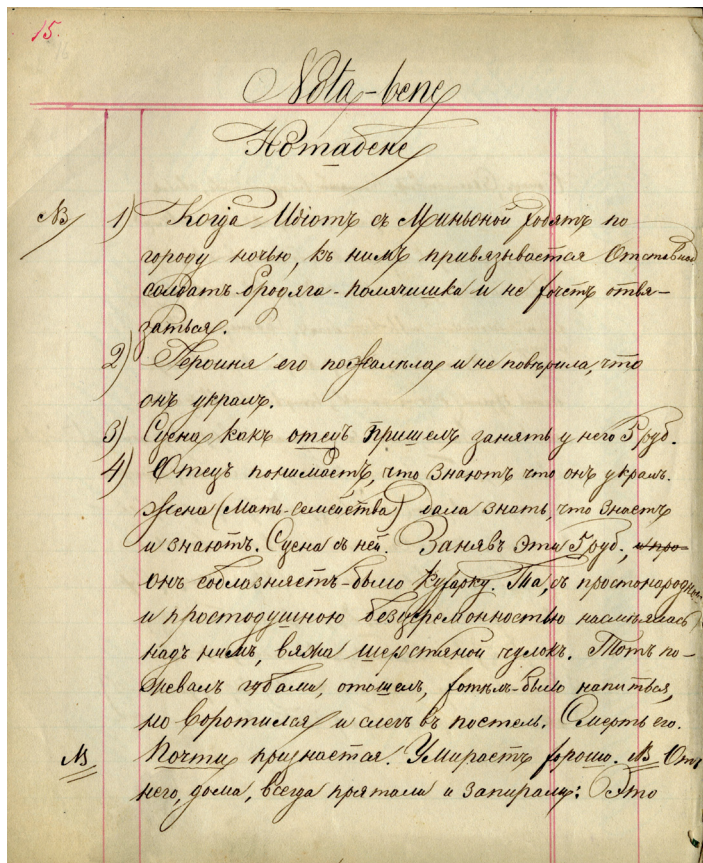
Стоит отметить, что единственный случай, когда Достоевский записывает полное имя своего главного героя — князя Льва Николаевича Мышкина, — это каллиграфическая пропись в последней тетради, содержащей подготовительные материалы к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.7). Во всех остальных случаях в записных тетрадях это имя не упоминается, а герой именуется Идиотом и, в более поздних записях, Князем (при этом сохраняются варианты «идиот» и «Идиот»).

Илл. 16. Каллиграфическая пропись: «Князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ». Страница из рабочей тетради Достоевского 1868–1869 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 107)

Fig. 16. Calligraphic inscription: Prince Lev Nikolayevich Myshkin. Page from Dostoevsky's 1868–1869 workbook (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.7. P. 107)

Кроме того, в рукописи встречаются авторские попытки записывать замысел романа почерком с элементами каллиграфии:

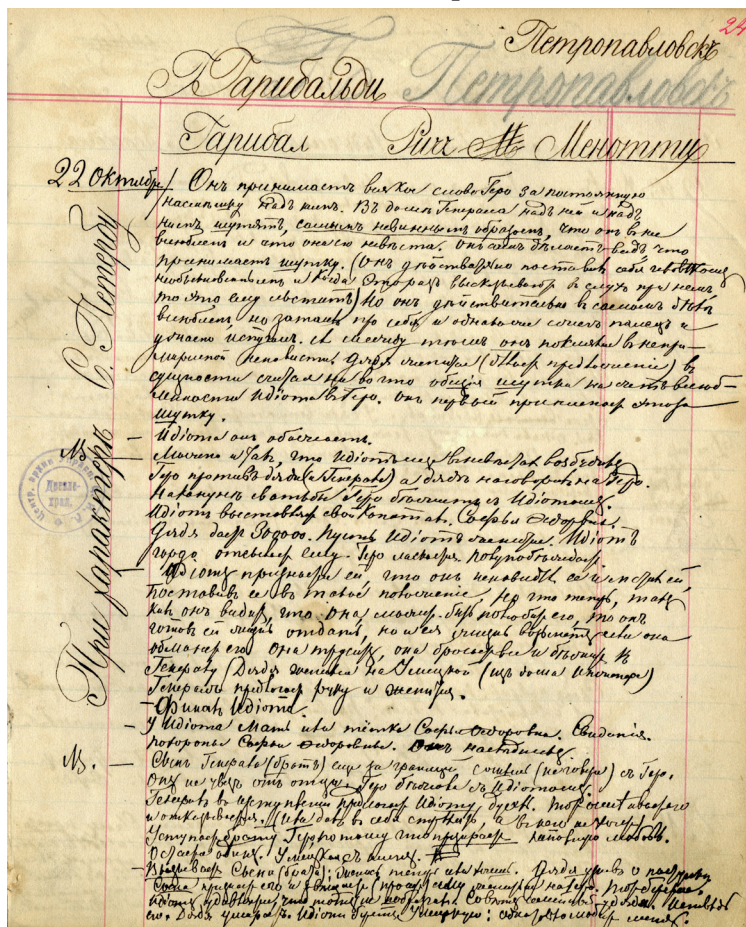

Илл. 17. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг. с каллиграфическими прописями (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 15)

Fig. 17. Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook with calligraphic inscriptions
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 15)

Расхожее мнение о том, что каллиграфические прописи так или иначе соотносятся с текстом на странице, где они находятся, не всегда оправданно. Во-первых, каллиграфия могла появляться на странице раньше основного текста — и поэтому в каждом конкретном случае нужно анализировать расположение записей, их графическую форму. Во-вторых, как показывает последовательное рассмотрение этих каллиграфических прописей, они в гораздо большей степени связаны с каждодневными событиями в жизни писателя и с теми или иными его впечатлениями.

Таково, например, упоминание в каллиграфии имен Гарибальди и его сыновей Ричотти и Менотти на с. 24 тетради:

Илл. 18. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг. с каллиграфическими прописями имен Гарибальди и его сыновей (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 24)

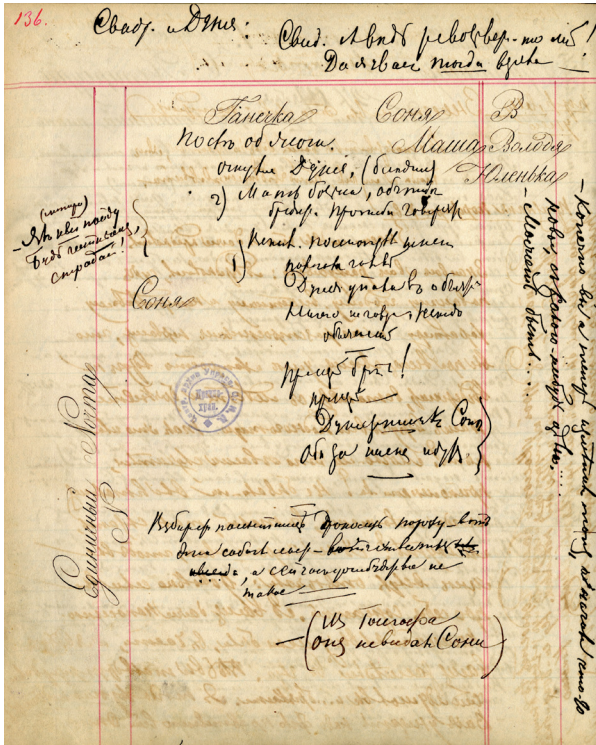
Fig. 18. Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook with calligraphic inscriptions of the names of Garibaldi and his sons (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 24)

Джузеппе Гарибальди (1807–1882) — итальянский политический деятель и полководец, один из лидеров Рисорджименто — национально-освободительного движения за объединение Италии. Именно в 1860-е гг., в том числе когда Достоевский находился за границей, внимание европейского общества было приковано к этой личности. В сентябре 1867 г. Гарибальди приехал в Женеву для участия в Конгрессе Лиги мира и свободы. О впечатлениях, связанных с торжественной встречей Гарибальди горожанами,

сообщала А. Г. Достоевская: «Наконец шествие кое-как пошло, и за депутациями ехал в открытой коляске в 4 лошади и с жокеем впереди Гарибальди. Издали, когда я увидела его лоб, мне показалось, что это Федя, так у него лоб похож на лоб Гарибальди. Наконец, показался и он, одетый в красный камзол и в полосатом плаще, с серой шляпой, которою он махал во все стороны. Какое у него доброе, прекрасное лицо...» [Дневник: 243]²⁴. Имя Гарибальди неоднократно встречается в произведениях Достоевского: «Петербургских сновидениях в стихах и в прозе» (см.: Д30; т. 19: 72, 270), «Зимних заметках о летних впечатлениях» (Д35; т. 5: 94–95, 473–474), а также в черновиках «Двойника» (Д35; т. 1: 612–614), подготовительных материалах к роману «Подросток» (Д30; т. 16: 69–70). В набросках к «Дневнику Писателя» за 1876 г. Достоевский сравнил с Гарибальди генерала М. Г. Черняева, участника освободительного движения на Балканах (Д30; т. 24: 282). Меноцци (1840–1903) и Риччотти (1847–1924) Гарибальди — сыновья Дж. Гарибальди, политические и военные деятели, сражавшиеся под предводительством отца за объединение Италии.

Каллиграфические прописи с названием города Петропавловска, вероятно, отражают авторские воспоминания о сибирской ссылке. В Петропавловске жила М. Д. Исаева, первая жена писателя, в то время (1851) бывшая замужем за чиновником А. И. Исаевым; позднее семейство переехало в Семипалатинск, где в 1854 г. Исаевы познакомились с Достоевским. К этой же категории относится неоднократное упоминание в каллиграфических прописях Женевы (напр.: РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 127), где Достоевский с женой Анной Григорьевной жили некоторое время и где родилась и похоронена их дочь Соня. Каллиграфические прописи «*Florence, Флоренция*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 127) — также отсылка к реальности. Достоевский посетил Флоренцию в 1862 г., а позднее приехал сюда с женой через полгода после смерти Сони в Женеве в 1868 г. Здесь писатель заканчивал роман «Идиот».

Интересен пример своеобразной каллиграфической сводки, соединяющей разнородные записи на одной странице: «*Ганечка, Соня <2 раза>, В, Маша, Володя, Юленька, Единичный, Norma, N*» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 136).

Илл. 19. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг. с каллиграфическими прописями (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 136)

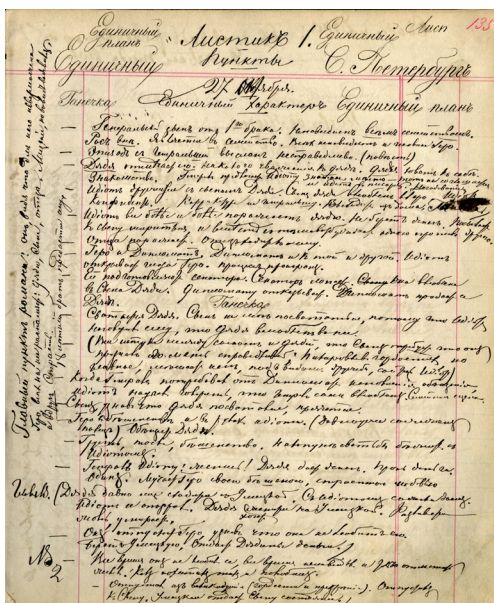
Fig. 19. Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook with calligraphic inscriptions

(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 136)

Эти каллиграфические прописи содержат имена персонажей и реальных лиц. Маша упоминается в ранних записях к роману «Идиот»: «Сестра (Маша) сыскала сама себя жениха, дает уроки на фортепиано, что жених сносит» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 26); «Бунт Маши. Мать молчит. Ганечка заступает. Фортепьянные уроки. Машенька говорит: “Я и сама выйду”» (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 17). В ДЗ0 высказано предположение о том, что, возможно, этот образ отсылает к племяннице Достоевского М. А. Ивановой (1848–1929), которая была пианисткой (ДЗ0; т. 9: 464). В письме к ее сестре С. А. Ивановой от 29 марта (10 апреля) 1868 г. Достоевский замечал: «Ради Бога, чтоб Масенька музыки не бросала! Да поймите же, что ведь для нее это слишком серьезно. Ведь у нее ярко объявившийся талант. Музыкальное образование для нее необходимо, на всю жизнь!» (ДЗ0; т. 28: 295). Как отмечал еще Л. П. Гроссман, при создании художественных образов Достоевский «никогда не стеснял себя данными действительности и подлинными признаками прототипа» [Гроссман, 1959: 363], для писателя было характерно, скорее, соединение в одном персонаже различных

черт, которые могут восходить к разным прототипам (см. также: [Назиров, 1970, 1974]). В данном случае прообразом Маши из черновиков к роману «Идиот» могла быть и дочь старшего брата писателя — М. М. Достоевская (Владиславлева) (1844–1888), тоже пианистка, которая вышла замуж летом 1866 г. Сохранилось письмо ее матери Э. Ф. Достоевской к А. П. Иванову (август–сентябрь 1865 г.), где говорится, что дочь дает уроки, помогая тем самым семье, находящейся в бедственном положении после смерти отца (см. [Панюкова: 171]).

Соня — вероятно, дочь Достоевского. Возможно, впрочем, что под Соней подразумевается Соня Мармеладова, так как на этой же странице есть наброски к роману «Преступление и Наказание» (см.: Д35; т. 7: 252). Однако две прописи «Соня» сделаны не одновременно с данными набросками, а, судя по почерку и цвету чернил, — позже, вместе с другими прописями, уже в период работы над романом «Идиот». *Нормой* в окончательном тексте «Идиота» названа собака, которую упоминает в своей «исповеди» Ипполит Терентьев. Аргументом в пользу того, что каллиграфия относится к периоду разработки замысла «Идиота», является также каллиграфическая пропись «Единичный» — она имеется на приведенной выше с. 136 и на предшествующей, где является повторением части заголовка «Единичный планъ», предваряющего заметки к роману:

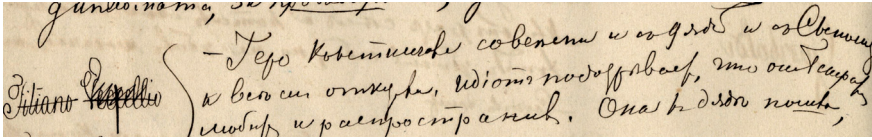

Илл. 20. Страница из рабочей тетради Достоевского 1864, 1866–1867 гг.20 с каллиграфическими прописями (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 135)

Fig. 20. Page from Dostoevsky's 1864, 1866–1867 workbook with calligraphic inscriptions
(The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.5. P. 135)

Таким образом, нередко каллиграфия содержит воспоминания Достоевского или отклики на реальные события.

Несколько иначе дело обстоит с упоминанием имени Тициана: «[*Titiano Vecellio*]» (ит. «Тициан Вечеллио») (см. также: [Тарасова, 2020]).

Илл. 21. Каллиграфическая пропись: «*Titiano Vecellio*».

Страница из рабочей тетради Достоевского с набросками к роману «Идиот» (РГАЛИ. Ф. 212.1.6. С. 26)

Fig. 21. Calligraphic inscription: *Titiano Vecellio*.

Page from Dostoevsky's workbook with sketches for the novel *The Idiot* (The Russian State Archive of Literature and Arts. F. 212.1.6. P. 26)

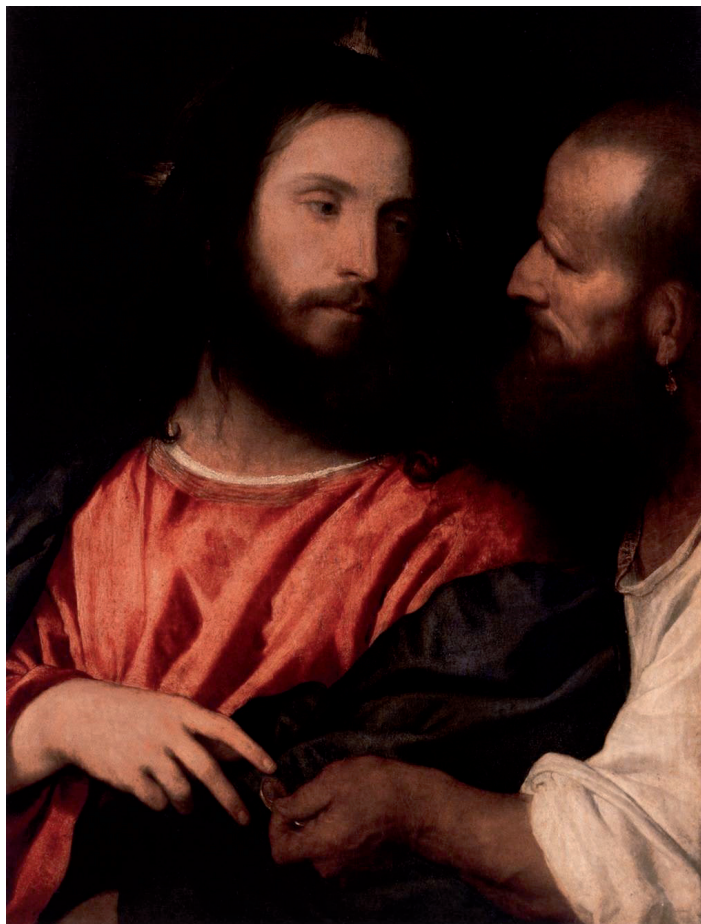
Запись с элементами каллиграфии сделана возле набросков к роману, с которыми она не соотносится, и Достоевский ее заштриховывает. Но что интересно, эта запись соотносится с тем спектром авторских размышлений, с теми идеями, в контексте которых формировался романский замысел, а для него, как известно, имеет значение и экфрасис.

По свидетельству А. Г. Достоевской, писатель «чрезвычайно высоко ценил талант Тициана, в особенности его знаменитую картину “Динарий Кесаря” (1516): “Der Zinsgroschen”, “Христос с монетой”, и подолгу стоял, не отводя глаз от этого гениального изображения Спасителя» [Достоевская А. Г.: 204]. Ср.: «Эта великолепная картина, по выражению Феди, может стоять наравне с Мадонною Рафаэля. Это лицо выражает удивительную кротость, величие, страдание...» [Дневник: 12].

На этой картине Тициана, как известно, изображен евангельский сюжет, повествующий о том, как фарисеи искушали Христа вопросом «следует ли платить подать кесарю или нет?» (имущественный налог римскому императору, который не одобрял народ). Как бы ни ответил Христос, он бы выглядел оскорбителем народа или возмутителем против римской власти. Но Христос попросил показать ему монету, которой платится подать (динарий) и на которой изображались римские императоры, и указал на изображение кесаря со словами: «...и так отдавайте Кесарево Кесарю, и Божие Богу» (Мф. 22:21; Мк. 12:17; Лк. 20:25 [Евангелие Достоевского; т. 1: 57–58, 115, 198]), имея в виду, что служение кесарю не препятствует истинному служению Богу.

По мысли современного исследователя, «эту идею Тициан выражает в картине предельной антитезой Христа и фарисея (Бога и кесаря, святости и греха, добра и зла), строя композицию на контрасте света и тьмы, верха и низа.

Духовная победа Христа у Тициана явлена красотой всего Его образа. Фигура Христа, пространственно занимающая центральную часть картины, дана выше фарисея и почти анфас. Фигура же последнего “срезана” рамой, лицо дано в профиль. Сияющий образ Христа еще более усиливает падающий на Него свет, фарисей же находится в тени» [Медведев: 82–83].

Илл. 22. Тициан Вечеллио. Динарий Кесаря (Христос с монетой) (1516)
Fig. 22. Titian (Tiziano Vecellio). *The Tribute Money* (1516)

Л. П. Гроссман писал: «Контраст двух тициановых образов Достоевский выразит со всей силой в своем последнем романе, куда отчасти вошла задуманная им “Книга о Христе”. Пророк рядом с инквизитором в поэме Ивана Карамазова как бы выдержан в манере знаменитой картины венецианского мастера, которую Достоевский в 1873 году противопоставил как высший образец “Тайной вечере” передвижника Ге...» [Гроссман, 1965: 395–396]. Исследователь указал на строки из статьи Достоевского «По поводу выставки», напечатанной в журнале «Гражданин» в 1873 г.: «Тициан,

по крайней мере, придал бы этому Учителю хоть то лицо, с которым изобразил его в известной картине своей “Кесарево кесареви”; тогда многое бы стало тотчас понятно. В картине же г-на Ге просто перессорились какие-то добрые люди; вышла фальшь и предвзятая идея, а всякая фальшь есть ложь и уже вовсе не реализм» (Д30; т. 21: 77).

Илл. 23. Н. Ге. Тайная вечеря (1863)
Fig. 23. Nikolai Ge. *The Last Supper* (1863)

Судя по приведенным выше оценкам, Достоевский воспринимал Тициана как художника, в полотнах которого отражена «высшая реальность». И здесь мы возвращаемся к проблеме соотношения идеала и действительности, о которой Достоевский размышлял в пору создания романа «Идиот». Писатель «критикует “Тайную вечерю” Ге за отсутствие историко-культурной перспективы в изображении Христа, за сведение Евангелия к “жанру” (бытовой живописи) — “текущей” действительности» [Медведев: 85], или, говоря словами самого Достоевского, — за неспособность довериться «скорее своей идее (идеалу)» («Дневник Писателя» за 1873 г. — Д30; т. 21: 75). Кроме того, сама проблематика картины Тициана заставляет вспомнить, что в черновых записях к «Идиоту» присутствует мотив искушений Христа, его другая вариация — искушение дьяволом. Подобно Христу в библейской истории, и князь Мышкин в романе подвергается искушениям — вспомним мотив «искушения» «возмущающими нашептываниями» демона, вселившегося в сердце героя. И этот мотив, и знаменитое романное описание

картины Гольбейна связаны с проблемой сохранения веры в мире хаотическом, дисгармоничном, полном разочарований и зла.

Таким образом, текстологическое исследование семантики и идеографии почерка и других графических характеристик в записных тетрадях Достоевского предоставляет достаточно обширный материал, позволяющий уточнить как особенности творческой работы автора над различными замыслами, так и текст записей, неверно прочитанных публикаторами. Благодаря этой работе проясняется смысл написанного Достоевским, устанавливаются новые историко-литературные, биографические факты, датировки. Вместе с тем следует заметить, что только графический анализ и навыки работы с почерком писателя — не всегда достаточное условие для адекватного прочтения и воспроизведения рукописного источника. Текстологическое исследование предполагает применение комплексного анализа, в котором учитывались бы все возможные условия создания текста, как творческие, так и нетворческие.

В целом проведенное системное исследование графики писателя на материале семи ранних сохранившихся записных книжек и тетрадей (кон. 1850-х — сер. 1860-х гг.; ОР РГБ. Ф. 93.1.2.5, 6, 7, 8; РГАЛИ. Ф. 212.1.3, 4, 5), содержащих преимущественно черновые наброски, показывает, что почерк зрелого Достоевского, отличающийся большим количеством вариантов начертаний, тем не менее имеет ярко выраженные индивидуальные устойчивые характеристики, поддающиеся описанию и систематизации. На изменение почерка оказывают влияние как временные характеристики, так и другие факторы: вид рукописи, характеризующий стадию работы над ней или ее содержание (набросок, связный текст чернового автографа, белой автограф; записи для памяти, бытовые, расчеты; записи, связанные с редакционно-издательской деятельностью; эпистолярный; инскрипт; официальный документ), тип почерка (скорось, каллиграфическая пропись), предполагаемый адресат — записи «для себя» и «для другого», характер бумаги (например формат: небольшой — в записных книжках, увеличенный — в записных тетрадях) и инструмента (перо, мягкий карандаш), состояние здоровья пишущего. С этой точки зрения перспективной будет дальнейшая разработка и углубление данной темы на материале всех видов сохранившегося рукописного наследия писателя. Обработка таких объемов информации уже едва ли может быть проведена только методом выборочного исследовательского анализа текстов — она требует использования математических методов и автоматизации процесса обработки данных по графике писателя. Это та научная перспектива, которая в настоящее время открывается перед текстологами, изучающими рукописное наследие Достоевского.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00129 а («Подготовка материалов для информационной базы данных “Графические особенности рукописей Достоевского (конец 1850-х — первая половина 1860-х годов): почерк — язык — смысл»»).
- ** В сборе материала для данной статьи принимала участие также М. В. Заваркина.
- 1 См.: [Тарасова..., 2018], [Заваркина..., 2019].
 - 2 Опубликовано:
 - 1) черновые записи к повести «Крокодил» — ЛН: 258–272; Д30; т. 5: 323–338; Д35; т. 5: 360–378;
 - 2) отдельная редакция чернового замысла романа «Преступление и Наказание» — Гливенко: 91–142, 144–160; ЛП: 431–485; Д30; т. 7: 5–76; Д35; т. 7: 9–101;
 - 3) черновые записи к роману «Преступление и Наказание» — Гливенко: 78–91, 98–99, 142–144, 162–165; ЛП: 485–504; Д30; т. 7: 76–95; Д35; т. 7: 101–121, 192–195;
 - 4) запись к неосуществленному роману «Брак» — Гроссман: 342; ЛН: 272; Д30; т. 5: 319; Д35; т. 5: 357–358;
 - 5) художественно-публицистические записи — Борщевский (частично): 65, 90, 133–137 (записи со с. 136, 140, 141, 143, 144, 146); Описание: 136 (записи со с. 96, 135), 139 (слово «Обицтсья» со с. 114); ЛН: 243–258; Д30; т. 20: 18–203;
 - 6) черновик письма Достоевского М. Н. Каткову: Письма; т. 1: 417–421; Гливенко: 160–162; ЛП: 683–685; Д30; т. 28₂: 136–139;
 - 7) записи для памяти — Описание: 276, 292; ЛН: 272; Д30; т. 27: 98;
 - 8) каллиграфия, рисунки — Д18; т. 17: 53–88.
 - 3 Опубликовано:
 - 1) Подготовительные материалы к роману «Преступление и Наказание» — Гливенко; ЛП: 547–596; Д30; т. 7: 153–205; Запись на с. 3 («Идея романа...») в ином прочтении напечатана в составе статьи: [Тихомиров, 2000 а: 235];
 - 2) подготовительные материалы к роману «Идиот» — Сакулин, Бельчиков; Д30; т. 9: 140–167; т. 5: 320–321 (фрагмент на с. 10 («— Ростовщик...») впервые с неверной атрибуцией);
 - 3) набросок «<Статья об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое>» — [Тихомиров, 2000 б: 334], [Статьи о Достоевском: 19];
 - 4) наброски к стихотворению «Рассакавшуюся деву...» — Д30; т. 17: 15 (публикация И. А. Битюговой);
 - 5) наброски к неосуществленному замыслу, получившему у некоторых исследователей условное название «Пра-Атеизм» — а) Раскольников и Достоевский: 156–157 («Страстные и бурные порывы, клокотание и вверх и вниз...»); б) [Записные тетради Ф. М. Достоевского: 391, 449–450] («Страстные и бурные порывы. Никакой холодности и разочарованности...»; «Отец Севастополец, всё промотал...»); ЛП: 551–552; Д30; т. 7: 156, 158 (в составе подгот. материалов к роману «Преступление и Наказание»); с иной атрибуцией — в составе статьи [Тихомиров, 2011: 141–152];
 - 6) отметки припадков — Д30; т. 27: 99 (публикация Т. И. Орнатской);
 - 7) адреса — Описание: 289; [Орнатская: 22–23]; [Тихомиров, 2018: 88–89];
 - 8) каллиграфия, рисунки — Д18; т. 17: 89–178.
 - 4 Здесь и далее в фигурных скобках приводится вписанный Достоевским текст, в квадратных — вычеркнутый.

- 5 Здесь и далее при сокращении *ЗК* подразумевается записная книжка, *ЗТ* — записная тетрадь.
- 6 См.: Большой академический словарь русского литературного языка (М.; СПб.: Наука, 2009. Т. 13: О — Опор. С. 44–45), где в качестве одной из иллюстраций этого значения приводится цитата из «Дядюшкиного сна» Достоевского: «Ведь бывали же свадьбы, которые в два часа **обделывались**».
- 7 См. примеры употребления данной лексики в аналогичных контекстах в статьях и в «Дневнике Писателя»: «Иные думали, что нападки идут от людей безнравственных, беспокойных, даже негодяев <...> господ сочинителей, которые все народ самый смиренный и **обижать** никого не желают» (*ДЗ0*; т. 18: 27); «Чернышевский никогда не **обижал** меня своими убеждениями» (*ДЗ0*; т. 21: 29); «Но Порта тотчас <...> примет благородно обиженный вид <...>: “Вот, дескать, господа представители Европы, сами видите, как меня **обижает** и как придирается ко мне Россия!”» (*ДЗ0*; т. 23: 149) [Словарь...; т. 1: 258].
- 8 Ср.: «**Обшоркать**. Очистить, вычистить; обтереть, вытереть» (Словарь русских народных говоров. Л., 1987. Вып. 22. С. 272; с пометой: Ишим., Тобол.); «**ОБШОРКАТЬ**. *Вычистить что-либо трением. <...> ОБШОРКАТЬСЯ*. Перен. *Освоиться, привыкнуть*» (Словарь вологодских говоров. Вологда: Русь, 1993. Вып.: О — П. С. 14).
- 9 Первые публикаторы неточно разобрали и начало фразы: «Французы давно не первенствовали...».
- 10 См.: [Словарь языка Достоевского] [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?p=3068>; Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Статистический словарь языка Достоевского / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://cfl.ruslang.ru/dost_cd0/dostoevski.htm
- 11 «**Личникъ** — наличник у шлема или забрало. *Твр.* Чистый утиральник, для лица» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Русский язык, 2000. С. 259).
- 12 Записи на странице — одновременные. Фрагмент текста, содержащий вставку, написан измененным, более плотным, по сравнению с остальными записями на странице, почерком.
- 13 Ироничная отсылка, скорее всего, сразу к двум нашумевшим тогда произведениям: роману «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (Современник. 1863. № 3–5) и беллетризованным заметкам М. Е. Салтыкова-Щедрина «Как кому угодно» (Современник. 1863. № 8), содержащим «некое “полемическое звучание” по отношению к роману “Что делать?”» и вызвавшим, в т. ч., полемический ответ Достоевского в статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (Эпоха. 1864. № 5) [Дрыжакова: 17].
- 14 См., например: [Сакулин, Бельчиков: 5], [Гливенко: 6–7], [ЛН: 5–6].
- 15 Незачеркнутый вариант.
- 16 В издании рукописей по правилам современного русского языка подобные автоцитаты, в случае их обнаружения, должны заключаться в кавычки.
- 17 Эти же идеи о естественных границах развиваются в набросках для «Политического обозрения» в третьей записной книжке (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8. С. 2; записи сделаны полустертым, с трудом поддающимся чтению, карандашом). В целом замыслы «политической статьи» были связаны с возвращением после пятимесячного отсутствия в августовском и сентябрьском номерах «Эпохи» за 1864 г. рубрики «Политическое обозрение» (*ДЗ0*; т. 20: 377); сопоставление этих записей в *ЗТ* данного периода с декабрьским выпуском «Политического обозрения» 1864 г. позволило В. С. Нечаевой выдвинуть гипотезу «о принадлежности этого обозрения Достоевскому» [Нечаева, 1975: 85–86].

- 18 Позже, 20 августа, перепечатана в «Санкт-Петербургских Ведомостях» — № 183. С. 739.
- 19 Большой академический словарь русского литературного языка. М.; СПб.: Наука, 2008. Т. 11: Н — Недряться. С. 49–50.
- 20 В скорописи автора слитное написание.
- 21 Так (без «ъ» на конце слова) в цитируемом источнике.
- 22 Так (без «ъ» на конце слова) в цитируемом источнике.
- 23 Так (без «ъ» на конце слова) в цитируемом источнике.
- 24 См. также: [Дневник: 435–437]; ср.: [Достоевская А. Г.: 220–221].

Архивные источники

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Фонд 212. Опись 1. Единицы хранения 3, 4, 5, 6, 7.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Фонд 93. Раздел I. Картон 2. Единицы хранения 7, 8.

Список литературы

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1975. — 280 с.
2. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001.
3. Борщевский З. С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. — М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. — 392 с.
4. Вторая записная книжка // Из архива Ф. М. Достоевского. «Преступление и наказание»: неизданные материалы / подгот. к печати И. И. Гливенко. — М.; Л.: Гослитиздат, 1931. — С. 78–165. [Гливенко]
5. Гливенко И. И. Раскольников и Достоевский. (По неизданным материалам) // Печать и революция. — 1926. — № 4. — С. 156–157. [Раскольников и Достоевский]
6. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382 с. [Гроссман]
7. Гроссман Л. П. Достоевский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 605 с. (Сер.: «Жизнь замечательных людей»; вып. 4 (357))
8. Гроссман Л. П. Достоевский-художник // Творчество Ф. М. Достоевского. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — С. 330–416.
9. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, коммент. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
10. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / изд. подгот. С. В. Житомирская. — М.: Наука, 1993. — 454 с. (Сер. «Литературные памятники») [Дневник]
11. Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. А. С. Долинина. — М.; Л.: Гос. издательство, 1928–1959. [Письма]
12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
13. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; под ред. В. Е. Багно. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 2013–2019-. [Д35]
14. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. — М.: Воскресенье, 2003–2007. [Д18]

15. Дрыжакова Е. Н. Достоевский и нигилистический роман // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2005. — Вып. 17. — С. 3–29.
16. Евангелие Достоевского: [Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года]: [в 3 т.]. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2017. — Т. 1: Новый Завет. Факсимиле издания 1823 года. Описание маргиналий и владельческих помет. Сибирская тетрадь. Факсимиле. — 620 с.
17. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 4. — С. 84–138 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (01.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301
18. Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печати Е. Н. Коншиной; коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. — М.; Л.: Academia, 1935. — 474 с.
19. Из архива Ф. М. Достоевского. «Преступление и наказание»: неизданные материалы / предисл. [и подгот. текста] И. И. Гливенко. — М.; Л.: ГИХЛ, 1931. — 219 с. [Гливенко]
20. Из архива Ф. М. Достоевского. «Идиот»: неизданные материалы / под ред. П. Н. Сакулина и Н. Ф. Бельчикова и со статьями П. Сакулина и Г. Нерадова. — М.; Л.: ГИХЛ, 1931. — 320 с. [Сакулин, Бельчиков]
21. Козлов А. Е. «Очерк из летописей русской словесности»: рефлексия и нарратив в романе Н. Д. Ахшарумова «Мудреное дело» // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 65. — С. 222–242 [Электронный ресурс]. — URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1971&article_id=44621 (01.09.2020). DOI: 10.17223/19986645/65/14
22. Медведев А. А. «Динарий кесаря» Тициана и «Великий инквизитор» Ф. М. Достоевского: проблема христианского искусства // Соловьёвские исследования. — 2011. — Вып. 3 (31). — С. 79–90 [Электронный ресурс]. — URL: http://ispu.ru/files/331-2011_polnaya.pdf (01.09.2020).
23. Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. — 1970. — № 2. — С. 114–123.
24. Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Вып. 1. — С. 202–219.
25. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — 727 с. (Литературное наследство; т. 83) [ЛН]
26. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861–1863). — М.: Наука, 1972. — 318 с.
27. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). — М.: Наука, 1975. — 303 с.
28. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 589 с. [Описание]
29. [Опульская Л. Д., Коган Г. Ф.] Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание / подгот. изд. Л. Д. Опульская, Г. Ф. Коган. — М.: Наука, 1970. — 808 с. (Сер. «Литературные памятники») [ЛП]

30. [Орнатская Т. И.] Рукою Достоевского / публ. Т. И. Орнатской // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1985. — Вып. 6. — С. 3–31.
31. Панюкова Т. В. Уточнения к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича (по материалам петербургского архива) // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 3. — С. 129–179 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (1.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3787
32. Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001–2003. — Вып. 1–3.
33. Тарасова Н. А. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864–1865 годов) // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 51–61.
34. Тарасова Н. А. Проблемы текстологического изучения романа Ф. М. Достоевского «Идиот»: от графики и каллиграфии — к семантике и поэтике текста [=From Graphics to Calligraphy: Textological Study of the Semantics and Poetics of F. M. Dostoevsky's *The Idiot*] // *The Dostoevsky Journal. A Comparative Literature Review*. — 2020. — Vol. 21. — Pp. 24–45. DOI: 10.1163/23752122-02101002
35. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 17–69 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (01.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
36. Тихомиров Б. Н. Заметки на полях академического полного собрания сочинений Достоевского (уточнения и дополнения): 1. Религиозные признания Достоевского с текстологической точки зрения // Достоевский и мировая культура. Альманах. — СПб.: Серебряный век, 2000. — № 15. — С. 231–237. (а)
37. Тихомиров Б. Н. Неизвестный набросок Достоевского к неосуществленному замыслу («Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое») // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 2000. — Т. 15. — С. 334–339. (б)
38. Тихомиров Б. Н. Неизвестный набросок Ф. М. Достоевского к неосуществленному публицистическому замыслу «Статьи об отношениях России к Европе и об русском верхнем слое» // Статьи о Достоевском. 1971–2001 / Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге; сост. и отв. ред. Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Серебряный век, 2001. — С. 19–23.
39. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского: [в 2 т.]. — М.: Русский Миръ, 2010. — [Т. 2]: Исследования. Материалы к комментарию. — С. 63–469.
40. Тихомиров Б. Н. *Другой Свидригайлов*: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (Факты и гипотезы) // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения. — СПб.; М.; Иркутск, 2011. — Вып. 25: Ф. М. Достоевский о творчестве и судьбе. К 190-летию со дня рождения. — С. 141–152.
41. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя). Статья вторая // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 3. — С. 56–105 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (01.09.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701

Natalia A. Tarasova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences,
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

nsova74@mail.ru

Tatiana V. Panyukova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

aurinko75@mail.ru

Semantics and Ideography of Dostoevsky's Handwritten Text: from Handwriting to Meaning

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-012-00129 a.

Abstract. The paper analyzes the material from two workbooks (1864–1867) that belonged to Fedor Dostoevsky (Russian State Archive of Literature and Art. Collection 212, inventory 1, storage units 4 and 5). The research was conducted in three main areas: selection of information for the letter style alphabet; comparative analysis of sources (manuscripts and publications of handwritten text) for the purpose of identifying and correcting errors in its reading; a review of calligraphy and graphics of Fedor Dostoevsky. The alphabet of letter styles allows to establish typical and atypical letter styles in the handwriting of Fedor Dostoevsky. This made it possible to compile a classification of letters, describe their features, and use this information in the study of difficult-to-read and previously undecipherable records. The latter may contain valuable information that allows to clarify the facts in the creative history of the works of Fedor Dostoevsky, biographical information, chronology of the creative process, and so on. The second area of research includes the comparative analysis of manuscript sources and their published versions — is of particular value for ascertaining the original author's text and eliminating the inaccuracies of research interpretations that often appear in the process of manuscript publishing. There is a direct connection between these areas of analysis — the letter style alphabet is a tool that allows to read the handwritten text more accurately and correct the mistakes of the publishers. The third direction, dedicated to the study of calligraphy, expands the range of tasks related to the study of graphics in the writer's texts and allows to draw preliminary conclusions about the nature of its function in the handwritten text. The scientific novelty of the work consists in the systematization of data on the writer's handwriting in manuscripts of the specified period, on the features of his creative work, and in correcting the errors made by publishers of handwritten materials and restoring the true meaning of the author's notes. The practical value of the work consists in collecting information about the writer's handwriting, which is relevant for the textual analysis of his works, publication of his texts, and use of the collected information for subsequent scientific work.

Keywords: Fedor Dostoevsky, workbooks, manuscripts drafts, textual criticism, handwriting, calligraphy

About the authors: *Natalia A. Tarasova* — Doctor of Philology, Leading Researcher of the Dostoevsky Group, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) Russian Academy of Sciences, (nab. Makarova, 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation); *Panyukova Tatiana V.* — Leading Editor of the Publishing House, Petrozavodsk State University (pr. Lenina, 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: September 3, 2020

Date of publication: December 7, 2020

For citation: Tarasova N. A., Panyukova T. V. Semantics and Ideography of Dostoevsky's Handwritten Text: from Handwriting to Meaning. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 4, pp. 222–292. DOI: 10.15393/j10.art.2020.5081 (In Russ.)

References

1. Altman M. S. *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. Milestones for Names]. Saratov, Saratov State University Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. Borshchevskiy S. *Shchedrin i Dostoevskiy: istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky: The History of Their Ideological Struggle]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1956. 392 p. (In Russ.)
4. The Second Notebook. In: *Iz arkhiva F. M. Dostoevskogo. «Prestuplenie i nakazanie»: neizdанные materialy* [Fedor Dostoevsky's Archive. "Crime and Punishment": Unpublished Materials]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1931, pp. 78–165 (In Russ.)
5. Glivenko I. I. Raskolnikov and Dostoevsky. (Based on Unpublished Materials). In: *Pechat' i revolyutsiya*, 1926, no. 4, pp. 156–157. (In Russ.)
6. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
7. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 605 p. (Ser. "Zhizn' zamechatel'nykh lyudey"; issue 4 (357)). (In Russ.)
8. Grossman L. P. Dostoevsky the Artist. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo* [Dostoevsky's Creative Work]. Moscow, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 330–416. (In Russ.)
9. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
10. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda* [Diary for the Year 1867]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 454 p. (Ser. "Literary Monuments"). (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma: v 4 tomakh* [Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928–1959. (In Russ.)
12. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
13. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2019. (Edition Continues). (In Russ.)
14. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2007. (In Russ.)
15. Dryzhakova E. N. Dostoevsky and Nihilistic Novel. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, issue 17, pp. 3–29. (In Russ.)
16. *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2017, vol. 1. 620 p. (In Russ.)

17. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym arkhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publchnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks № 1 and № 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks № 2 and № 3)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 474 p. (In Russ.)
18. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10. art.2019.4301 (In Russ.)
19. *Iz arkhiva F. M. Dostoevskogo. «Prestuplenie i nakazanie»: neizdannyye materialy [From the Archive of F. M. Dostoevsky. "Crime and Punishment": Unpublished Materials]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1931. 219 p. (In Russ.)
20. *Iz Arkhiva F. M. Dostoevskogo. «Idiot»: neizdannyye materialy [From the Archive of F. M. Dostoevsky. "The Idiot": Unpublished Materials]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1931. 320 p. (In Russ.)
21. Kozlov. A. E. Reflection and Narration in Nikolay Akhsharumov's A Tricky Business as a Chronicle of the Russian Literature of the 19th Century. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2020, no. 65, pp. 222–242. Available at: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1971&article_id=44621 (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.17223/19986645/65/14 (In Russ.)
22. Medvedev A. A. Tiziano's «Denarius of Caesar» and F. M. Dostoevsky's «The Grand Inquisitor»: on the Problem of Christian Art. In: *Solov'evskie issledovaniya [Solovyov Studies]*, 2011, issue 3 (31), pp. 79–90. Available at: http://ispu.ru/files/331-2011_polnaya.pdf (accessed on September 1, 2020). (In Russ.)
23. Nazirov R. G. The Heroes of the Novel «The Idiot» and Their Prototypes. In: *Russkaya literatura*, 1970, no. 2, pp. 114–123. (In Russ.)
24. Nazirov R. G. About the Prototypes of Some Characters of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, issue 1, pp. 202–219. (In Russ.)
25. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov [The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. «The Literary Heritage»; vol. 83). (In Russ.)
26. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Vremya» (1861–1863) [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky "Vremya" (1861–1863)]*. Moscow, Nauka Publ., 1972. 318 p. (In Russ.)
27. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865) [The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky "Epokha" (1864–1865)]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 303 p. (In Russ.)
28. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
29. Opul'skaya L. D., Kogan G. F. *F. M. Dostoevskiy. Prestuplenie i nakazanie [F. M. Dostoevsky. Crime and Punishment]*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 808 p. (Ser. «Literaturnyye pamyatniki») (In Russ.)

30. Ornatskaya T. I. Dostoevsky's Handwriting. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, issue 6, pp. 3–31. (In Russ.)
31. Panyukova T. V. Revision of the Dostoevsky Genealogy: Family of Mikhail Mikhailovich (Based on the Materials of St. Petersburg Archive). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 3, pp. 129–179. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3787 (In Russ.)
32. *Slovar' yazyka Dostoevskogo: leksicheskiy stroy idiolekta* [*Dictionary of the Dostoevsky's Language: the Lexical Structure of Idiolect*]. Moscow, Azbukovnik Publ., issue 1–3, 2001–2003. (In Russ.)
33. Tarasova N. A. Text Criticism and the Problem of “Difficult Readings” (Based on the Material of Draft Records of 1864–1865). In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 51–61. (In Russ.)
34. Tarasova N. A. From Graphics to Calligraphy: Textological Study of the Semantics and Poetics of F. M. Dostoevsky's *The Idiot*. In: *The Dostoevsky Journal. A Comparative Literature Review*, 2020, vol. 21, pp. 24–45. DOI: 10.1163/23752122-02101002 (In Russ.)
35. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. The Graphic Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788 (In Russ.)
36. Tikhomirov B. N. Notes on the Margins of the Academic Complete Works of Dostoevsky (Clarifications and Additions): 1. Dostoevsky's Religious Confessions from a Textual Point of View. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture. Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2000, no. 15, pp. 231–237. (In Russ.)
37. Tikhomirov B. N. An Unknown Sketch for an Unrealized Publicistic Intention by Dostoevsky <“Articles on Russia's Relations with Europe and About the Russian Upper Stratum”>. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 15, pp. 334–339. (In Russ.)
38. Tikhomirov B. N. An Unknown Sketch for an Unrealized Publicistic Intention by Dostoevsky <“Articles on Russia's Relations with Europe and About the Russian Upper Stratum”>. In: *Stat'i o Dostoevskom. 1971–2001* [*Articles About Dostoevsky. 1971–2001*]. Saint Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, pp. 19–23. (In Russ.)
39. Tikhomirov B. N. Reflections of the Gospel Word in Dostoevsky's Texts. Materials for the Comment. In: *Evangeliye Dostoevskogo: v 2 tomakh* [*The Gospel by Dostoevsky: in 2 Vols*]. Moscow, Russkiy mir Publ., 2010, vol. 2, pp. 63–469. (In Russ.)
40. Tikhomirov B. N. Another Svidrigailov: An Unrealized Intention of Dostoevsky at the Beginning of 1867 (Remarks and Suppositions). In: *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya* [*Three Centuries of Russian Literature. Essential Aspects of Studying*]. Moscow, Irkutsk, FGBOU VPO “Vostochno-Sibirskaya Gosudarstvennaya Akademiya Obrazovaniya” Publ., 2011, issue 25, pp. 141–152. (In Russ.)
41. Tikhomirov B. N. Dostoevsky's Addresses and Addressees in St. Petersburg (More on the Problem of Regional Comments on the Address Records of the Writer). Article Two. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 3, pp. 56–105. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541001296.pdf (accessed on September 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3701 (In Russ.)

В оформлении обложки использован портрет М. Д. Достоевской.
Конец 1850-х — начало 1860-х годов

For the design of the cover page there was used a portrait of Maria
Dmitrievna Dostoevskaya. Late 1850s — early 1860s

Редакторы: И. С. Андрианова, Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>